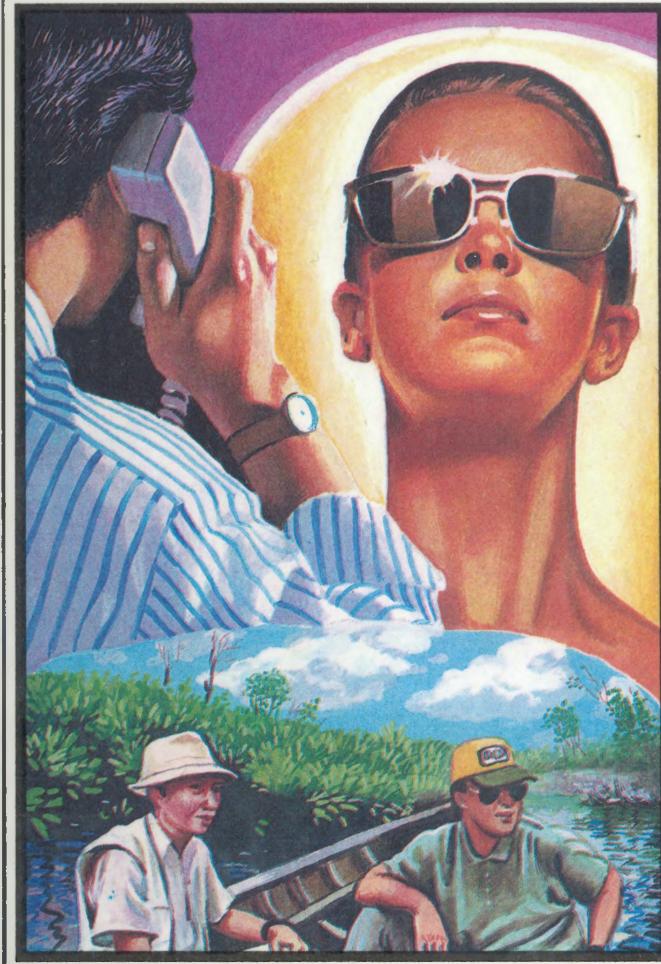
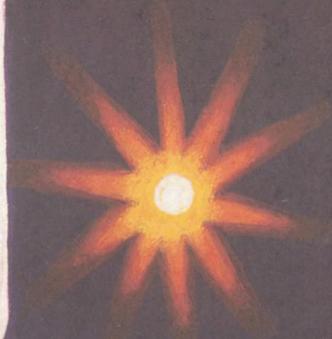

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

МИРЫ
РОБЕРТА
ШЕКЛИ

**ИЗДАТЕЛЬСКАЯ
ФИРМА
«ПОЛЯРИС»**

WORLDS OF ROBERT SHECKLEY

Volume seven

SHORT STORIES

**«POLARIS» PUBLISHERS
1994**

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

Книга седьмая

РАССКАЗЫ

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994**

ББК 84.7США
Ш40

© 1994 Издательская фирма «Полярис»,
оформление, составление, название серии

Книга подготовлена при участии
издательства «Фолио», г. Харьков

Перепечатка отдельных рассказов и
всего издания в целом запрещена без
разрешения издателя и переводчика. Вся-
кое коммерческое использование данно-
го издания возможно исключительно с
письменного разрешения издателя.

Ш 4703040100—010 Без объявл.
94

ISBN 5-88132-070-0

ЯЗЫК ЛЮБВИ

ДЕВУШКИ И НАДЖЕНТ МИЛЛЕР

Он наклонился, чтобы рассмотреть следы поближе, осторожно раздвигая листья и травинки лезвием ножа. Сомнений нет: совсем свежие следы — оставленные маленькой ногой. Женской, быть может?

Глядя на них, он видел вырисовывающийся над ними силуэт женщины, движение ее стопы с крутым подъемом, тонкие лодыжки, стройные ноги. Он поворачивал ее на воображаемом пьедестале, любовался длинной грациозной линией бедер, видел...

«Хватит!» — приказал он себе. Никаких доказательств, кроме этих следов. Надежда может таить в себе опасность, желание — обернуться катастрофой.

Наджент Миллер выпрямился. Он был высокий и худой как жердь, с потемневшим от солнца лицом, в голубой рубашке, брюках цвета хаки и холщовых туфлях. Внешний вид его дополняли рюкзак, счетчик Гейгера, который он держал в руке, и очки в толстой роговой оправе. Правая дужка очков сломана; он укрепил ее с помощью спички и бечевки и из предосторожности укрепил еще и ободок, обмотав его проволокой. Стекла держались хорошо, но он все равно беспокоился. Миллер был очень близорук и не сумел бы заменить разбитое стекло. Его постоянно преследовал один и тот же кошмар: очки падают, он выбрасывает вперед руку, чтобы схватить их на лету, промахивается, и они, крутясь, исчезают в пропасти.

Печатается по изд.: Шекли Р. Девушки и Наджент Миллер: Черный журнал (Екатеринбург), 1991, № 7

© Перевод на русский язык, С. Горев, 1991

Он поправил очки, сделал несколько шагов и снова взглянул на землю. Теперь сумел различить две или три цепочки разных следов, возможно, и четыре, и, судя по почве, совсем свежих.

Миллер заметил, что дрожит. Он присел на корточки, повторяя себе, что надо оставить всякую надежду, что та или тот, кому принадлежат эти следы, возможно, мертвы.

Тем не менее в этом надо убедиться. Миллер снова двинулся по следам, которые со стерни привели его на опушку леса. Здесь он остановился и прислушался.

Стояло сентябрьское утро, исполненное тишины и красоты природы. Солнце освещало заброшенные поля, белизну голых ветвей леса, слышались усталые жалобы ветра да тикание счетчика.

«Нормальный уровень, — определил Миллер. — У тех, кто прошел здесь, наверняка тоже есть счетчик».

Да... а если они не умеют им пользоваться? Может быть, уже заражены и умирают от лучевой болезни? Если он до сих пор сохранил рассудок, то именно потому, что отказался от всякой надежды, всякого желания.

«Если они умерли, — подумал Миллер, — я их похороню как положено». Мысль эта немедленно прогнала демонов надежды и желания.

В лесу он один раз потерял следы, которые едва различал среди зарослей кустарника. Хотел пойти в предполагаемом направлении, но счетчик вдруг угрожающе застучал. Миллер повернулся под прямым углом, держа счетчик перед собой, прошел подозрительное место, снова повернулся под тем же углом и двинулся в направлении, параллельном следам, внимательно считая шаги. Так просто в «мешок», окруженный смертельной радиацией и без малейшего коридора, он не попадет! Это случилось с ним месяца три назад, и Миллер почти посадил батарейки счетчика, пока нашел выход. Конечно, с тех пор в его рюкзаке всегда были запасные, но опасность от этого не становилась меньше.

Он отсчитал тридцать шагов — примерно двадцать метров, затем в третий раз повернулся под прямым

углом так, чтобы снова попасть на следы. Двигался очень медленно, шаря глазами по земле.

Ему повезло. Он вновь нашел следы и немного дальше — зацепившийся за ветку кусок ткани (одежды?), который положил в карман. Как и предыдущие, следы были совсем свежие. Можно ли наконец позволить себе надеяться?

Нет. Еще нет. Миллер не забыл случай, произошедший с ним полгода назад. В тот день он взобрался на холм из красного песчаника, на вершине которого стояла рига, надеясь найти там что-нибудь из съестного. Когда спустился вниз, уже темнело, но внизу Миллер обнаружил труп мужчины, умершего лишь несколько часов назад. На трупе были автомат и винтовка, в карманах гранаты: смехотворное оружие против самого искусственного из врагов, ибо человек этот застрелился. Пальцы его сжимали еще теплый револьвер.

Все говорило о том, что он шел по следам Миллера. Но, вероятно, его организм не вынес испытаний, будучи подорванным длительным действием радиации, признаки которой виднелись на его груди и руках. Может быть, мужчина не вынес внезапного расставания с надеждой, когда увидел, что следы теряются у холма. Как бы то ни было, он застрелился. Надежда убила его.

Весь следующий день Миллеру не давало покоя оружие, найденное на трупе: очень уж хотелось оставить его себе — в этом новом, свихнувшемся мире оно могло ему пригодиться.

В конце концов он все-таки отказался от него. Нет, после увиденного — нет. К тому же в такое время оружие было слишком опасно для того, кто им пользовался. Миллер бросил его в ближайшую реку.

Всего лишь несколько месяцев... а сейчас он шел по петляющим в траве следам вдоль журчащего ручья. Перебравшись на другой берег, в сырой грязи снова обнаружил пять цепочек следов: в них еще пропускала вода. Полчаса назад, не больше.

Миллер почувствовал, как в нем снова забушевали демоны надежды и желания. Да бросьте, разве он так неосторожен, чтобы желать встречи с себе подобными

существами? Да, до сумасшествия неосторожен. Однажды, сорвавшись с цепи, эти демоны, которых раньше удавалось обмануть, обернутся против него, как против человека у подножья красного холма. Надежда и желание — самые страшные враги, и Миллер не решался выпустить духов, сидевших в самой глубине сознания.

Теперь он шагал быстрее и, видя, как следы становятся все отчетливее, все свежее, проникался уверенностью, что догонит эту группу. Счетчик, довольно слабым уровнем радиации, легонько потрескивал. Да, те, кто прошел тут до Миллера, отыскивали дорогу, несомненно, с помощью счетчика.

Проблема выжить? Проще не бывает. Однако очень немногим удалось ее решить.

Когда коммунистический Китай бросил свои амбиции в широкомасштабное наступление против Тайваня, Миллер понял, что это начало конца. Поначалу все считали, что речь идет об ограниченном конфликте, сравнимом со злобной войнушкой в Кувейте *, самое большое — с действиями полиции ООН на болгаро-турецкой границе.

Но капля переполнила чашу. Цепная реакция договоров о взаимной помощи втягивала в конфликт одну страну за другой. Ядерное оружие поначалу не применялось, но за ним дело не стало.

Наджент Миллер, преподаватель древней истории в университете Лоуренсвилла, штат Теннесси, прочитал наклеенное на стене объявление и принял запасать провизию в ближайших к городу пещерах. В то время ему исполнилось тридцать восемь лет и являлся он страшным пацифистом. Когда находившиеся за Полярным кругом радары засекли приближавшиеся с севера неопознанные ракеты, Миллер уже был готов ко всему. Он вовремя добрался до пещер, один из входов в которые находился метрах в пятистах от университета, и с удивлением констати-

* Рассказ написан задолго до событий 1991 года. Примеч.пер.

ровал, что не более пятидесяти студентов и преподавателей последовали за ним. Хотя объявление звучало весьма недвусмысленно.

Затем начали падать бомбы, загоняя группу все дальше и дальше в глубь пещер. Так прошла неделя. Бомбейка кончилась. Оставшиеся в живых выбрались на поверхность.

Миллер проверил уровень радиации у входа в пещеры. Смертельный уровень. Не могло быть и речи о том, чтобы выйти наружу, хотя запасы продовольствия уже подходили к концу, а проникавшие в пещеры осадки заставляли пленников закапываться все глубже.

Наконец тридцать восемь из них умерли с голоду. Наружная радиация оставалась еще слишком высокой. Миллер решил использовать последние ресурсы и отправился к расположенному в самой глубине пещеры складу, который до сих пор не трогал. За ним последовали трое. Остальные предпочли смерть от радиации и вышли наружу.

Вчетвером они продвигались в глубь темноты. Все четверо крайне ослабли, и ни один не разбирался в спелеологии. Двое погибли под обвалом, Миллер и последний его спутник продолжали цепляться за жизнь. Продуктов они не нашли, но обнаружили подземную реку, всю в светящихся пятнах: этот свет испускали слепые рыбы, живущие в вечной ночи. Люди попробовали их ловить. Безуспешно. В конце концов после нескольких дней бесплодных попыток Миллер сумел перегородить рукав реки и поймать несколько рыб. Тем временем его спутник умер.

Миллер стал жить около реки, выдумывая способы ловли слепых рыб, считая, как мог, дни, и раз в неделю выходил на поверхность, чтобы проверить уровень радиации. Так продолжалось три месяца, после чего Миллер смог наконец покинуть пещеру.

Он не встретил ни одного из прежних спутников. Обнаружил лишь три или четыре трупа.

Тогда стал искать других уцелевших людей. Но радиация добралась до большинства из тех, кто выжил при бомбейках. Слишком немногие обладали запасами продовольствия и счетчиками Гейгера, и почти

все пустились на поиски пищи до того, как спал смертельный уровень радиации.

И тем не менее, бесспорно, кто-то должен был выжить. Но где? Где?

Он снова искал их. Месяцы напролет. Затем бросал, здраво рассудив, что если и остались в живых люди, то лишь в некоторых районах Азии и Африки, в лучшем случае в Южной Америке. Люди, которых он никогда не увидит. Возможно, когда-нибудь встретит нескольких на североамериканском континенте. Пока же надо было держаться.

И он держался. Каждую осень на юг, каждую весну — на север шел человек, который никогда не хотел войны, которому была отвратительна сама мысль об убийстве. Такие чувства делали честь многим, но никто их не испытывал столь искренне и глубоко. Этот человек был замурован в своих старых привычках так, словно не упала ни одна бомба. Он читал, когда находил книги, и собирая картины и скульптуры, вынося их мимо сторожей-призраков из безлюдных музеев.

Еще перед второй мировой войной Миллер поклялся никогда не убивать ближнего; сейчас, когда кончилась третья, не видел причин менять убеждения. Он продолжал оставаться школьником, милым, иногда наивным, который даже после ужасного международного катаклизма остался верен благородным принципам и своему долгу; и этого-то человека обстоятельства принудили подавить всякое желание, всякую надежду.

Следы, продолжавшиеся в траве, вдруг исчезли за огромной гранитной глыбой, поросшей мхом. И тут Миллер услышал звук.

«Ветер», — подумал он.

Миллер обогнул препятствие и остановился как вкопанный. Всего в нескольких метрах от него вокруг маленького костра сидели пять человеческих существ. Пять живых существ, которые его изголодавшимся глазам показались толпой, легионом! Ему понадобилось несколько секунд, чтобы справиться с шоком открытия.

— Это еще что, черт побери... — произнес низкий голос.

Миллер постепенно начал приходить в себя. Пять человек — и все женщины! Пять женщин в изорванных брюках из толстой хлопчатобумажной ткани. И пять рюкзаков на земле, к каждому из которых прислонен грубо вытесанный кол.

— Кто вы?

Женщина, задавшая вопрос, была самой старшей в группе: лет пятидесяти, маленькая и широкоплечая, крепко сложенная, с квадратным лицом и пепельными волосами; много мышц, много жил под кожей на шее и в пленсне — с одним сломанным стеклом, — неловко сидевшем на ее внушительном носу.

— Вы что, язык проглотили? — снова раздраженно спросила она.

Миллер потряс головой:

— Нет, нет, конечно. Извините меня за это короткое... Вы — первые женщины, которых я встречаю после бомбардировки.

— Первые женщины? — тем же язвительным тоном переспросила она. — Вы видели мужчин?

— Только мертвых, — строго ответил он, затем, повернувшись, посмотрел на остальных.

Четыре молодые особы, возраст которых мог колебаться между двадцатью и двадцатью пятью годами; и все четыре, думал он, красоты такой, что и слов не найти. Каждая красива по-своему, но для него, после стольких лет одиночества словно открывшего незнакомую расу, они при всей своей непохожести казались одинаковыми. Четыре восхитительные девушки с золотистой кожей, красивыми точеными ногами, большими глазами, в которых светилось кошачье спокойствие.

— Тогда вы — единственный мужчина в этом районе, — подытожила предводительница. — Вот уж не ожидала, черт возьми.

Девушки ничего не сказали, они внимательно рассматривали Миллера, который чувствовал, что ему мало-помалу становится не по себе. Он представлял, какие новые обязанности ложатся на него в нынешнем положении, — было от чего забеспокоиться.

— Может, стоит представиться друг другу? — предложила женщина в пленсне, как ему показалось,

доброжелательным тоном. — Меня зовут Дениз. Мисс Дениз.

Миллер подождал продолжения, но мисс Дениз не представила ему своих спутниц.

— Меня зовут, — ответил он, — Наджент Миллер.

— Так вот, мистер Миллер, вы — первый живой человек, которого мы встречаем. История наша, впрочем, весьма проста. Как только была объявлена тревога, мы с девушкиами спустились в школьный подвал. Я имею в виду женский пансион в Чарльтон-Бейнс. Я в нем веду... вернее, вела курс благородных манер.

«Коллега», — без энтузиазма подумал он.

— Само собой разумеется, что благодаря моим стараниям подвал был снабжен всем необходимым. Так надлежало бы поступить каждому, но слишком немногие последовали моему примеру. У меня имелось несколько счетчиков Гейгера, обращаться с которыми меня обучили ранее, и по окончании бомбардировки я сумела убедить детей в опасности, исходящей от радиации. Когда радиоактивные осадки просочились к нам, мы оставили подвал и стали искать убежища еще глубже, в канализации.

— Мы ели крыс, — уточнила одна из молодых особ.

— Верно, Сюзи, мы ели крыс и еще радовались, когда удавалось их поймать. Но потом смогли выйти на поверхность и с тех пор чувствуем себя превосходно.

Ее спутницы утвердительно закивали. Они по-прежнему внимательно смотрели на Миллера, и Миллер отвечал им тем же. Он уже совершенно искренне влюбился во всех четырех, но особенно в ту, что звали Сюзи. С другой стороны, бицепсы мисс Дениз его абсолютно не привлекали.

— Со мной произошло то же самое, — начал Миллер в свою очередь. — Я спасался в пещерах Лоуренсвилла. Только я нашел там не крыс, а рыб довольно странного вида. А сейчас, думаю, первый вопрос: что же будем делать?

— Первый? — переспросила мисс Дениз.

— Да, полагаю, мы должны соединить наши усилия. Мы, уцелевшие, должны оказывать помощь друг другу.

Что вы предпочитаете — отправиться в ваш лагерь или ко мне? Не знаю, чем вы располагаете, но я очень неплохо устроился. Постепенно собрал библиотеку, не говоря уже о многочисленных картинах, у меня солидный запас продовольствия.

— Нет, — сухо ответила мисс Дениз.

— Ну, что ж... но... если вы настаиваете на том, чтобы устроиться у вас, я...

— Как это «если я настаиваю»? Конечно, у нас, сэр, и только у нас. Это значит, мы возвращаемся к себе без вас, мистер Миллер!

Он не поверил своим ушам. Посмотрел на девушек. Те ответили ему осторожными взглядами, по которым совершенно невозможно было угадать их тайные мысли. Затем снова начал:

— Послушайте, мы должны помогать друг другу.

— Громкие слова, а под ними вы прячете похоть самца!

— Вовсе нет, — запротестовал он. — Но если уж говорить об этом серьезно, то я считаю, что не надо мешать природе идти своей дорогой.

— Природа уже прошла своей дорогой, — отрезала мисс Дениз. — Своим единственным истинным путем. Нас пять женщин, и нам очень хорошо вместе, правда, девочки?

Девушки закивали, но не спускали с Миллера глаз.

— Мы совершенно не нуждаемся в вашей помощи. Ни в вашей, ни любого другого мужчины. И не испытываем ни малейшего желания.

— Признаюсь, я не очень улавливаю ход ваших мыслей, — попробовал вставить Миллер, хотя уже начал хорошо понимать.

— Мужчины сделали все это! — взорвалась мисс Дениз, подчеркивая «все» широким жестом. — Они сидели в правительстве, были солдатами и учеными-атомщиками, они начали войну, в которой погибла почти вся человеческая раса. Еще задолго до войны я предостерегала наших ученых об опасности, исходящей от мужчины. О равенстве полов наговорили и написали столько вздора, а женщина как была, так и осталась вешью, игрушкой мужчины. Но в то же

время я не могла открыто изложить свои теории. В пансионате их не потерпели бы.

— Охотно верю, — вклинился Миллер.

— Сейчас времена изменились. И вы, мужчины, которые поставили последнюю точку, хотели бы начать все сначала? Никогда! Во всяком случае, пока у меня есть сила, я буду препятствовать этому.

— Остается только узнать, разделяют ли ваши взгляды девушки...

— Я занимаюсь их образованием и воспитываю их. Это трудная и медленная работа, но у меня есть время, и, думаю, мои уроки уже сейчас начинают давать результаты. Мы не теряем времени, правда, малыши?

— О нет, мисс Дениз! — хором ответили девственницы.

— Ведь правда, нам совершенно не нужно, чтобы вокруг нас бродил этот мужчина?

— Нет, мисс Дениз.

— Ну что, мистер Миллер, слышите?

— Минутку, прошу вас. Боюсь, что с вами произошло недоразумение. Некоторые мужчины действительно ответственны за войну, но отнюдь не все. Да будет мне позволено в качестве примера сказать, что я являлся страстным пацифистом еще в то время, когда крайне трудно было афишировать подобные идеи. Во время второй мировой войны служил санитаром. Я не убил ни одного человека, как не убью и сейчас.

— То есть вы одновременно мужчина и трус.

— Я не считаю себя трусом, — запротестовал Миллер. — Если и отказывался от воинской службы, то по убеждению, а не из трусости. На передовой меня даже ранили, правда, легко.

— Поистине верх героизма, — хмыкнула мисс Дениз посреди всеобщего веселья.

— Я не стараюсь выставлять напоказ свои заслуги, но хочу, чтобы меня поняли как человека. Не все мужчины одинаковы, поверьте мне.

— Все одинаковы, все! Грязные волосатые животные, которые дурно пахнут, развязывают войны, убивают женщин и детей. Слышать о них не желаю.

С ними покончено. Ваш род вымер навсегда. И когда я вижу перед собой ваше грубое лицо, вы для меня все равно что динозавр или огромный пингвин! Уходите, Миллер. Истезните куда хотите. Отныне начинается новая эра, эра женщин.

— Полагаю, у вас все же возникнут некоторые трудности с размножением.

— Согласна. Будет трудно, но не невозможно. Я внимательно следила за последними исследованиями в области партогенеза и знаю, что воспроизведение без вмешательства самца вполне допустимо.

— Но вы не специалист, к тому же у вас нет необходимого оборудования.

— Извините! Я знаю, где велись работы. Может быть, мы найдем и оставшихся в живых женщин-врачей, но еще больше шансов найти неповрежденное лабораторное оборудование. Располагая им и своими знаниями, я справлюсь со всеми трудностями.

— У вас ничего не получится.

— А я утверждаю, что получится. И даже если не получится, я предпочту смерть нашего рода его новому рабству у мужчины!

Голос мисс Дениз дрожал от гнева, лицо побагровело. Миллер ответил спокойным тоном:

— Я допускаю, что вы имеете причины для упреков. Но все же думаю, мы могли бы, рассмотрев вопрос поглубже, прийти к...

— Нет, мы уже все сказали друг другу. Сейчас — прочь!

— Я не уйду.

Мисс Дениз одним прыжком бросилась к рюкзакам и схватила кол.

— Защищайтесь, дети! — крикнула она.

«Дети», по-прежнему не спуская с Миллера глаз, после секундного колебания подчинились бывшей преподавательнице хороших манер. Развязав рюкзаки, они достали оттуда пригоршни камней. Чувствовалось, что девушки очень возбудились; они ждали сигнала мисс Дениз.

— В последний раз спрашиваю: уйдете вы?

— Нет!

— Бейте его!

На Миллера обрушился град камней. Он отвернулся, чтобы защитить счетчик. Камни били его по спине, по ногам... Нет, невозможно, невероятно! Эти малышки, эти девушки, которых он любил (особенно Сюзи), не забыт о камнями! Они сейчас остановятся, пожалеют о сделанном, им станет стыдно. Но град камней все усиливался. Один из них ударили его в голову, едва не свалив. Он обернулся — и бросился вперед, чтобы избежать неловкого удара колом, который пыталась нанести ему мисс Дениз. Схватив его за острье, Миллер вступил в борьбу.

Он едва не завладел оружием, но более крепко сложенная мисс Дениз оказалась сильнее. Она вырвала у него кол и ударила тупым концом по голове. А девушки захлопали в ладоши!

Теперь Миллер стоял на коленях под лавиной камней. Другой кол ударил его в бок. Он покатился по земле, уклоняясь от нового удара.

— Смерть! — вопила мисс Дениз. — Смерть под лому существу!

Раскрасневшиеся от возбуждения молодые особы бросились на врага. Во второй раз Миллер почувствовал в своем боку острье кола. Тогда он обратился в бегство.

Миллер не знал, как долго бежал в зеленой полутьме подлеска. В какой-то момент задохнулся, сделал еще два шага, остановился, достал свой нож — но никто не преследовал его. Он упал на траву, пытаясь собрать разбежавшиеся мысли. Эта ужасная женщина, эта мисс Дениз... сумасшедшая, черт возьми! Буйная. А малышки? Миллер упорно не хотел верить, что они старались причинить ему боль. Девушки полюбили его, может быть, но старая сука крепко держит их в своих сетях.

Затем он осмотрел себя и с огромным облегчением отметил, что на бегу не потерял ни счетчик, ни очки. Счастье, ибо без них ему трудно было бы найти дорогу.

Миллер всегда считал, что в каждом человеке сидит немного безумия. Следовательно, он должен быть готов ко всему, понять, что выжившие после атомной войны — сумасшедшие в большей степени,

чем раньше. Но, черт возьми, какая сумасшедшая старуха! Вообразить, что мужчины — угасшая раса...

Вдруг он внутренне содрогнулся, вообразив и себе такой исход. Сколько в конце концов осталось мужчин? А женщин?

Но какое ему дело? Они не в ответе за весь род человеческий. Сглушил, освободив демонов надежды и желания, которых теперь надо победить еще раз. Но он справится с этим и закончит свои дни среди книг и произведений искусства. Может быть, останется единственным действительно цивилизованным человеком...

Цивилизованным... Миллер вспомнил лица Сюзи и ее спутниц, кошачье выражение больших, устремленных на него глаз. Он задрожал. Какое несчастье, что не удалось договориться с чокнутой мисс Дениз! Но, учитывая обстоятельства, ничего другого ему не оставалось...

...Разве что разом отбросить все принципы.

Сумеет ли он это сделать? Миллер посмотрел на нож и снова задрожал под тяжестью своих демонов. Его пальцы еще крепче сжали роковую рукоять...

Спустя минуту на земле исчез последний цивилизованный человек. Вместе с ним погибли последний пацифист, последний отказник по этическим убеждениям, последний ценитель произведений искусства, последний библиофил. На месте этих достойных восхищения фигур стоял МИЛЛЕР с ножом в руке, диким взглядом, ищущий что-то по сторонам.

Он нашел это «что-то» — толстый сук, сломанный молнией, с метр длиной — и быстро очистил его от сломанных сучков.

Мисс Дениз не замедлила увидеть, как перед ней возникло ужасное воплощение всей мужской расы: отвратительное, грязное, вонючее и размахивающее дубиной. Миллер надеялся все же, что она успела понять и осознать, что сама возродила сего пещерного дикаря. Это было для нее настоящим откровением.

И четыре молодые особы вскоре тоже получили свою долю откровения. Больше всех досталось Сюзи.

БРЕМЯ ЧЕЛОВЕКА

Эдвард Флэзвелл купил за глаза астероид в Межзвездной земельной конторе, расположенной на Земле. Он выбрал его по фотоснимку, где не было почти ничего, кроме живописных гор. Но Флэзвелл был любитель гор, он даже заметил клерку, принимавшему заявки:

— А ведь, пожалуй, браток, там и золотишко есть?

— Как же, как же, старик, — в тон ему отвечал клерк, удивляясь про себя, как может человек в здравом рассудке забраться куда-то на расстояние нескольких световых лет от ближайшего существа женского пола. На это способен разве лишь сумасшедший, заключил про себя клерк, окидывая Флэзвелла испытующим взглядом.

Но Флэзвелл был в здравом уме. Он просто не думал об этом.

Итак, он подписал обязательство на незначительную сумму, имеющую быть выплаченной в определенный срок, а также обещание вносить ежегодно значительные улучшения в свой участок. Не успели просохнуть на купчей чернила, как он взял билет на радиоуправляемый грузовой корабль второго класса, погрузил на него ассортимент подержанного оборудования и отправился в свои владения.

Печатается по изд.: Шекли Р. Бремя Человека: Паломничество на Землю. — М.: Мир, 1966. — Пер. изд.: Sheckley R. Human Man's Burden: Pilgrimage to Earth. Bantam, N. Y., 1957

© Galaxy Publishing Corporation, 1956

© Перевод на русский язык, Р. Гальперина, 1966

По прибытии на место начинающие колонисты обычно убеждаются, что приобрели кусище голой скалы. Не то Флэзвелл. Его астероид «Шанс», как он его называл, имел некий минимум атмосферы, а для чистого воздуха в нем можно было подкачать кислороду. Была там и вода — бурильный молоток обнаружил ее на двадцать третьей пробе. В живописных горах не оказалось золота, зато нашлось немало полезного тория. А главное, значительная часть почвы оказалась пригодной для выращивания диров, олджея, смисов и других экзотических плодовых деревьев. И Флэзвелл частенько говорил своему старшему роботу:

— Увидишь, я еще стану здесь богатым человеком!

На что робот неизменно отвечал:

— Истинная правда, босс!

Астероид и в самом деле оказался из многообещающих. Освоить его было не под силу одному человеку, но Флэзвеллу едва исполнилось двадцать семь лет, он обладал крепким сложением и решительным характером. Земля расцветала под его руками. Месяц проходил за месяцем, а Флэзвелл все так же возделывал свои сады, разрабатывал рудники и вывозил товары на единственном грузовом корабле, изредка навещавшем его астероид.

Однажды старший робот сказал ему:

— Хозяин, Человек, сэр, вы мне что-то не нравитесь, мистер Флэзвелл, сэр!

Флэзвелл досадливо поморщился. Бывший владелец его роботов был сторонник человеческого супрематизма, и притом самого бешеного толка. Своих роботов он запрограммировал согласно собственным представлениям о должном уважении к Человеку. Их ответы раздражали Флэзвелла, однако новая программа потребовала бы затрат. А где бы еще достал он роботов по такой сходной цене!

— Со мной все в порядке, Ганга-Сэм, — ответил он.

— Ах, прошу прощения, сэр! Но это не так, мистер Флэзвелл, сэр! Вы даже сами с собой разговариваете в поле — простите, что я осмелился вам это сказать.

— Пустяки, не имеет значения.

— И в левом глазу у вас, я замечаю, тик появился, саиб! И руки у вас дрожат. И вы слишком много пьете, сэр. И...

— Довольно, Ганга-Сэм! Робот должен знать свое место, — ответил Флэзвелл. Но, заметив выражение обиды, которое робот умудрился изобразить на своем металлическом лице, он вздохнул и сказал: — Разумеется, ты прав. Да ты и всегда прав, дружище! Что же это со мной, в самом деле?

— Вы взвалили на себя слишком тяжелое Бремя Человека.

— Это я и сам знаю! — И Флэзвелл всей пятерней взъерошил непослушные черные волосы. — Иногда я завидую вам, роботам. Вечно вы смеетесь, беззаботные и счастливые.

— Это потому, что у нас нет души.

— У меня она, к сожалению, есть. Так что бы ты мне присоветовал?

— Поезжайте в отпуск, мистер Флэзвелл, босс! — предложил Ганга-Сэм — и мудро предпочел скрыться, чтобы дать хозяину время подумать.

Флэзвелл по достоинству оценил любезное предложение слуги, но ехать в отпуск было сложно. Его астероид «Шанс» находился в Троцийской системе, пожалуй, самой изолированной, какую можно найти в наши дни. Правда, он был расположен на расстоянии всего лишь пятнадцати летных дней от сомнительных развлечений Цитеры III и разве лишь чуть подальше от Нагондисона, где человек с луженой глоткой мог вволю повеселиться. Но расстояние — деньги, а деньги — как раз то самое, что Флэзвелл хотел выколотить из своего «Шанса».

Флэзвелл развел еще много культур, добыл еще много тория и отпустил бороду. Он продолжал что-то бормотать себе под нос, находясь в поле, и налегал на бутылку дома по вечерам. Кое-кто из роботов, простых сельскохозяйственных рабочих, пугался, когда Флэзвелл, пошатываясь, проходил мимо. Нашлись и

такие, что начали уже молиться разжалованному богу огня. Но верный Ганга-Сэм вскоре положил конец этому зловещему развитию событий.

— Глупые вы машины! — говорил он роботам. — Человеческий босс — он в порядке. Он сильный и добрый! Верьте, братья. Я не стал бы вас обманывать!

Но воркотня не прекращалась, потому что роботы требовали, чтобы Человек наставлял их своим примером. Бог весть, к чему бы это привело, не получи Флэзвелл с очередной партией продовольствия новенький сверкающий каталог Рэбек-Уорда.

Любовно развернул он его на своем грубом пластмассовом столике и при свете простой люминесцентной лампочки начал в него вникать. Какие чудеса там рекламировались на зависть и удивление одионокому колонисту! Домашние самогонные аппараты, заменители луны, портативные солидовизоры и...

Флэзвелл перевернул страницу, прочел, слогнул слюну и снова перечел. Объявление гласило:

НЕВЕСТЫ — ПОЧТОЙ!

Колонисты! Довольно страдать от проклятого одиночества! Довольно нести одному Бремя Человека! Рэбек-Уорд впервые в истории предлагает вам отборный контингент невест для колониста! С гарантией!

Рэбек-уордовская модель пограничной невесты отбирается по признаку здоровья, приспособляемости, проворства, стойкости, всякой полезной колонисту сноровки и, разумеется, известной миловидности. Эти девушки могут жить на любой планете, поскольку центр тяжести у них расположен сравнительно низко, пигментация кожи подходит для любого климата, а ногти на руках и ногах короткие и крепкие. Что до фигуры, то они сложены пропорционально, но вместе с тем не так, чтобы отвлекать человека от дела, каковое достоинство, без сомнения, оценит наш труяяга колонист.

Рэбек-уордовская пограничная модель представлена в трех размерах (спецификация) — на любой вкус. По получении вашего запроса Рэбек-Уорд вышлет Вам свежезамороженный экземпляр грузовым кораблем тре-

тьего класса. Это сократит до минимума почтовые расходы.

Спешите заказать образцовую пограничную невесту сегодня же!

Флэзвелл послал за Ганга-Сэмом и показал ему объявление. Человек-машина прочитал его про себя, а потом взглянул хозяйину прямо в лицо.

— Как раз то, что нам требуется, эфенди, — сказал старший робот.

— Ты думаешь? — Флэзвелл вскочил и взволнованно зашагал по комнате. — Но ведь я еще не располагал жениться. И потом, кто же так женится? Да еще понравится ли мне она?

— Человеку-Мужчине положено иметь Человека-Женщину.

— Согласен, но...

— Неужто они заодно не пришлют свежезамороженного священника?

По мере того как Флэзвелл проникал в хитрую догадку слуги, по лицу его расползлась довольная усмешка.

— Ганга-Сэм, — сказал он. — Ты, как всегда, ухватил самую суть дела. По-моему, контракт предусматривает мораторий на обряд, чтобы человек мог сбраться с мыслями и принять решение. Заморозить священника — дорогое удовольствие. А пока суд да дело, неплохо иметь под рукой девушку, которая возьмет на себя положенную ей работу.

Ганга-Сэм ухитрился изобразить на лице загадочную улыбку. Флэзвелл сразу же сел и заказал образцовую пограничную невесту малого размера: он считал, что и этого более чем достаточно. Ганга-Сэму было поручено передать заказ по радио.

В ожидании Флэзвелл себя не помнил от волнения. Он уже загодя стал посматривать на небо. Роботам передалось его настроение. Вечерами их беззаботные песни и пляски прерывались взволнованным шепотом и затаенными смешками. Механические люди проходу не давали Ганга-Сэму.

— Эй, мастер! Расскажи, какая она, эта Человек-Женщина, хозяйка?

— Не ваше дело, — отвечал Ганга-Сэм. — Это дело Человека. Вам, роботам, лучше не соваться!

Но в конце концов и он не выдержал характера и стал наравне с другими поглядывать на небо.

Все эти недели Флэзвелл размышлял о преимуществах пограничной невесты. И чем больше он думал, тем больше привлекала его сама идея. Эти накрашенные, расфранченные куколки решительно не по нему. Как приятно обзавестись жизнерадостной, практичной, рассудительной подругой жизни, умеющей стряпать и стирать; она будет присматривать за домом и за роботами, кроить, шить и варить варенье...

В этих грезах коротал он дни, искусывая себе до крови ногти.

Наконец корабль засверкал на горизонте. Он приземлился, выбросил за борт объемистый контейнер и улетел по направлению к Амире IV.

Роботы подобрали контейнер и принесли его Флэзвеллу.

— Ваша нареченная, сэр! — ликовали они, подкидывая на ладонях масленки.

Флэзвелл объявил на радостях, что дает им свободных полдня, и вскоре остался в столовой один с большим холодным ящиком. Надпись на крышке гласила: «Обращаться осторожно! Внутри женщина!»

Он нажал на ручки размораживателя, выждал положенный час и открыл контейнер. Внутри оказался второй, потребовавший для разморозки целых два часа. Флэзвелл в нетерпении бегал из угла в угол, докусывая на ходу остатки ногтей.

Наконец настало время раскрыть и этот ящик. Трясущимися руками Флэзвелл снял крышку и увидел...

— Э-э-э-то еще что?! — воскликнул он.

Девушка в контейнере прищурилась, зевнула как кошечка, открыла глаза и села. Оба уставились друг на друга, и Флэзвелл понял, что произошла ужасная ошибка.

На ней было прелестное, но абсолютно непрактичное платьице, на котором золотыми нитками было вышито ее имя — Шейла. Вслед за этим Флэзвеллу бросилось в глаза изящество ее фигурки, нимало не подходившей для тяжелого труда во внепланетных

условиях, и белоснежная кожа — под жгучим астероидным летним солнцем она, конечно, покроется золотыми. А уж руки — изящные, с длинными пальцами и алыми ноготками, совсем не то, что обещал каталог Рэбек-Уорда. Что же до ног и прочих статей, решил про себя Флэзвелл, то все это уместно на Земле, но не здесь, где человек целиком принадлежит своей работе.

Нельзя было даже сказать, что у нее низко расположена центр тяжести. Как раз наоборот!

И Флэзвелл почувствовал, что его обманули, одурачили, обвели вокруг пальца.

Шейла выпорхнула из своего кокона, подошла к окну и окинула взглядом цветущие зеленые поля Флэзвелла в рамке живописных гор.

— А где же пальмы? — спросила она.

— Пальмы?..

— Разумеется. Мне говорили, что на Сирингаре V растут пальмы.

— Так это же не Сирингар V, — ответил Флэзвелл.

— Как, разве вы не паша де Шре? — ахнула Шейла.

— Ничуть не бывало. Обыкновенный пограничный житель. А вы разве не пограничная невеста?

— Ну и ну! Разве я на нее похожа? — огрызнулась Шейла, гневно сверкая глазами. — Я — модель «ультралюкс» в роскошном оформлении, мне была выписана путевка на субтропическую райскую планету Сирингар V.

— Обоих нас подвели. Очевидно, напутали в транспортном отделе, — угрюмо отозвался Флэзвелл.

Девушка оглядела голую столовую, и ее хороенькое лицо скривилось в гримаску.

— Но вы ведь можете устроить, чтоб меня перевезли на Сирингар V?

— Что до меня, то я не позволяю себе даже поездки в Нагондисон, — сказал Флэзвелл. — Но я извещу Рэбек-Уорда об этом недоразумении, и они, конечно, перевезут вас, когда пришлют мне мою образцовую пограничную невесту.

Шейла повела плечиком.

— Путешествия расширяют кругозор, — заметила она небрежно.

Флэзвелл рассеянно кивнул. Он крепко задумался. Эта девушка, по всему видно, лишена достоинств образцовой колонистки. Но она удивительно хороша собой. Почему бы не превратить ее пребывание здесь в нечто приятное для обеих сторон?

— При сложившихся условиях, — сказал он со своей самой располагающей улыбкой, — ничто не мешает нам стать друзьями.

— При каких это условиях?

— Просто мы единственные люди на всем астероиде. — И он слегка прикоснулся к ее плечику. — Давайте выпьем! Вы расскажете мне о себе. Были вы...

Но тут за его спиной раздался оглушительный лязг. Он повернулся и увидел, что из особого отделения в контейнере вылезает небольшой коренастый робот, сидевший там на корточках.

— Что вам здесь нужно? — спросил Флэзвелл.

— Я — брачующий робот, — сказал робот. — Уполномочен государством регистрировать браки в космосе. А также прикомандирован компанией Рэбек-Уорд к этой молодой леди на правах ее опекуна, дуэны и защитника — пока моя основная миссия, а именно свершение брачного обряда, не будет успешно выполнена.

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— А чего же вы ждали? — спросила Шейла. — Уж не свежезамороженного ли священника?

— Конечно, нет! Но согласитесь, робот-дуэнья...

— Лучшей и быть не может! — запротестовала она. — Вы не представляете, как некоторые мужчины ведут себя на расстоянии нескольких световых лет от Земли.

— Вы так думаете?

— По крайней мере так говорят, — ответила Шейла, скромно потупившись. — Да и согласитесь, нареченная невеста паша де Шре не может путешествовать без охраны.

— Возлюбленные чада, — загнусил робот нараспев, — мы собрались здесь, чтобы соединить...

— Не сейчас, — надменно оборвала его Шейла. — И не с этим...

— Я поручил роботам приготовить для вас комнату, — прорычал Флэзвелл и удалился, ворча себе что-то под нос насчет Бремени Человека.

Он послал радиограмму Рэбек-Уорду, и ему сообщили, что заказанная модель невесты будет выслана безотлагательно, а самозванку у него заберут. После чего он возвратился к обычным своим трудам с твердым намерением не замечать Шейлу и ее дуэнью.

На «Шансе» опять закипела работа. Предстояло разведать новые месторождения тория и вырыть новые колодцы. Приближался сбор урожая, работы долгие часы проводили в поле и в садах, их честные металлические физиономии лоснились от машинного масла, воздух был напоен благоуханием цветущего дира.

Между тем Шейла заявляла о своем присутствии с вкрадчивой, но тем более ощутимой силой. Вскоре над голыми лампочками люминесцентного света запестрели пластмассовые абажуры, угрюмые окна украсились занавесками, а пол — разбросанными там и сям половиками. Да и вообще во всем доме замечались перемены, которые Флэзвелл не так видел, как ощущал.

Стало разнообразнее и питание. У робота-повара от времени стерлась во многих местах его памятная лента, и теперь все меню бедняги сводилось к бефстроганову, огуречному салату, рисовому пудингу и какао. Все время своего пребывания на «Шансе» Флэзвелл стойчески обходился этим меню и только иногда разнообразил его пайками НЗ.

Взяв повара в работу, Шейла с поистине железным терпением нанесла на его ленту рецепты жаркого, тушеного мяса, салата оливье, яблочного пирога и многое другое. Таким образом, в отношении питания на «Шансе» наметились крупные перемены к лучшему. Когда же Шейла начала заполнять вакуумные баллоны смиссовым джемом, Флэзвелла окончательно одолели сомнения.

Что ни говори, а рядом — на редкость практичная и деловитая особа; несмотря на расточительную внешность, она делает все, что требуется от по-

граничной жены. Плюс у нее еще и другие достоинства! Далась ему эта рэбек-урдовская пограничная модель!

Поразмыслив на эту тему, Флэзвелл сказал своему старшему роботу:

— Ганга-Сэм, у меня с этим делом положительно ум за разум заходит!

— Чего изволите? — отозвался старший робот с каким-то особенно безразличным выражением на металлическом лице.

— Мне сейчас как никогда необходима ваша роботовская интуиция, — продолжал Флэзвелл. — Она себя совсем неплохо показала — верно, Ганга-Сэм?

— Человек-Женщина взяла на себя свою, положенную ей долю Бремени Человека.

— Да, так оно и есть. Вопрос, на сколько ее хватит? Сейчас она делает не меньше, чем образцовая пограничная жена, верно? Стряпает, заготавливает консервы...

— Рабочие ее любят, — сказал Ганга-Сэм с простодушным достоинством. — Вы и не знаете, сэр, когда на прошлой неделе у нас началась эпидемия ржавчины, мэм пользовала нас ночью и днем и утешала испуганных молодых рабочих.

— Возможно ли? — воскликнул потрясенный Флэзвелл. — Девушка из хорошего дома, одно слово — модель «люкс»...

— Неважно, она — Человек, и у нее хватило силы и благородства взвалить на себя Бремя Человека.

— А знаешь... — сказал Флэзвелл с запинкой. — Ты меня убедил. Я и в самом деле считаю, что она подходит нам. Не ее вина, что она не пограничная модель. Все зависит от отбора и ухода, тут уж ничего не попишешь. Пойду скажу ей — пусть остается. И аннулирую свой заказ Рэбеку.

В глазах робота вспыхнуло странное выражение — почти смех. Он низко поклонился и сказал:

— Все будет, как хозяин скажет.

Флэзвелл побежал искать Шейлу.

Он нашел ее на медпункте, устроенном в бывшем складе инструментов. Здесь с помощью роботехника

Шейла лечила въвихи и ссадины, эти обычные хвори у существ с металлической кожей.

— Шейла, — сказал Флэзвелл, — мне надо с вами поговорить.

— Ладно, — отозвалась она рассеянно, — вот только закреплю болт. — Она искусно вставила болт на место и потрепала робота по плечу гаечным ключом. — А теперь, Педро, испробуем твою ногу.

Робот осторожно ступил на больную ногу, а потом налег на нее всей тяжестью. Убедившись, что она его держит, он со смешными ужимками заплясал вокруг Человека-Женщины, приговаривая:

— Ай да мэм, вы замечательно ее исправили, босс-леди! Грациас, мэм!

Все так же смешно пританцовывая, он вышел на солнце.

Флэзвелл и Шейла, посмеиваясь, смотрели ему вслед.

— Они совсем как дети! — сказал Флэзвелл.

— Их нельзя не любить, — подхватила Шейла. — Веселые, беззаботные...

— Но у них нет души, — напомнил Флэзвелл.

— Да, — отозвалась она, сразу посерезнев. — Это правда. Так зачем же я вам понадобилась?

— Я хотел вам сказать...

Тут Флэзвелл огляделся. Медпункт содержался в безукоризненной, стерильной чистоте. Повсюду на полках лежали гаечные ключи, болты, шурупы, ножовки, пневматические молотки и прочий хирургический инструментарий. Пожалуй, обстановка не благоприятствовала объяснению, к которому он готовился.

— Давайте уйдем отсюда, — сказал он.

Они вышли из больницы и цветущими зелеными садами направились к подножию любимых Флэзвеллом величественных гор. Затененный отвесными утесами, тут поблескивал тихий, темный пруд, а над ним склонились гигантские деревья, выращенные при помощи стимуляторов роста.

Здесь они остановились.

— Вот что я хотел вам сказать, — начал Флэзвелл. — Вы, Шейла, меня удивили. Я думал, вы из

белоручек, не знающих, куда себя девать. Ваши привычки, ваше воспитание, да и ваша наружность — все указывало на это. Но я был не прав. Вы не убоялись трудностей нашей пограничной жизни, вы одержали верх и завоевали все сердца.

— Все ли? — вкрадчиво спросила Шейла.

— По-моему, я говорю от имени каждого робота на этом астероиде. Они вас богоотворят. Я считаю, что вы наша и должны остаться здесь.

Наступила пауза, только хлопотун ветер шелестел в гигантских искусственно взращенных деревьях и рябил темную поверхность озера.

Наконец она сказала:

— Вы и в самом деле думаете, что мне нужно здесь остаться?

Флэзвелла захлестнуло ее пленительное очарование, он чувствовал, что тонет в топазовой глубине ее глаз. Сердце его учащенно забилось, он коснулся ее руки, и она чуть-чуть задержала его пальцы в своих.

— Шейла...

— Да, Эдвард?..

— Возлюбленные чада! — пролаял скрипучий металлический голос. — Мы собрались здесь, чтобы...

— Опять вы не вовремя, болван! — разгневалась Шейла.

Брачующий робот выступил из кустов и сказал недовольно:

— Уж я-то меньше всего люблю соваться в дела людей, но такова программа, записанная в моем запоминающем устройстве, и никуда от этого не денешься! Если вы меня спросите, так эти физические контакты вообще ни к чему. Чтобы убедиться на опыте, я и сам как-то пробовал обняться с роботом-швеей. И заработал здоровую ссадину. А раз я даже почувствовал во всем теле что-то вроде электрического тока или колотья и в глазах у меня замелькали какие-то геометрические фигуры. Гляжу — а это с провода сорвался изолятор. Ощущение было не из приятных...

— Наглый холуй, проклятый робот! — чертыхнулся Флэзвелл.

— Не считите меня навязчивым. Я только хотел объяснить, что и сам не вижу смысла в инструкции всемерно препятствовать физическому сближению до венчального обряда. Но, к сожалению, приказ есть приказ. А потому нельзя ли нам сейчас покончить с этим делом?

— Нет! — грозно сказала Шейла.

И робот, покорно пожав плечами, опять полез в кусты.

— Терпеть не могу, когда робот забывается! — сказал Флэзвелл. — Но это уже не имеет значения!

— Что не имеет значения?

— Да, — сказал Флэзвелл убежденно, — вы ни в чем не уступите ни одной пограничной невесте, и при этом вы куда красивее. Шейла, согласны вы стать моей женой?

Робот, неуклюже возившийся в кустарнике, снова выполз наружу.

— Нет! — сказала Шейла.

— Нет? — повторил озадаченный Флэзвелл.

— Вы меня слышали! Нет. Ни под каким видом!

— Но почему же? Вы так нам подходите, Шейла!

Роботы вас боготворят. Никогда они так не работали...

— Меня вот ни столечко не интересуют ваши роботы! — воскликнула она, выпрямившись во весь рост. Волосы ее расстрепались, глаза метали молнии. — И ни капли не интересует ваш астероид. А тем более не интересуете вы! Я хочу на Сирингар V, там мой нареченный паша будет меня на руках носить!

Оба смотрели друг на друга в упор: она — бледная от гнева, он — красный от смущения.

— Ну как, прикажете начинать? — осведомился брачующий робот. — Возлюбленные чада...

Шейла повернулась и стрелой помчалась к дому.

— Ничего не понимаю! — плакался робот. — Когда же мы наконец сотворим обряд?

— Обряда вообще не предвидится, — оборвал его Флэзвелл и прошествовал домой с гордым видом, внутренне кипя от злости.

Робот поколебался с минуту, испустил вздох, отдававший металлом, и пустился догонять образцовую невесту «ультралюкс».

Всю ночь Флэзвелл просидел в своей комнате, усиленно прикладываясь к бутылке и что-то бормоча себе под нос. С рассветом верный Ганга-Сэм постучался и вошел к нему в комнату.

— Вот они, женщины! — бросил Флэзвелл своему верному приближенному.

— Чего изволите? — откликнулся Ганга-Сэм.

— Я никогда их не пойму! Она меня за нос водила. Я-то думал — она метит здесь оставаться. Я-то думал...

— Душа Мужчины темна и смутна, — сказал Ганга-Сэм. — Но она прозрачна как кристалл по сравнению с душой Женщины.

— Откуда это у тебя? — спросил Флэзвелл.

— Старая поговорка роботов.

— Удивляете вы меня, роботы! Иногда мне кажется, что у вас есть душа.

— О нет, мистер Флэзвелл, босс! В спецификации по роботехнике особо указано, что роботов надо строить без души, чтобы избавить их от страданий.

— Мудрое указание, — сказал Флэзвелл, — не мешало бы подумать об этом и в отношении людей. Ну да черт с ней! Ты-то зачем пожаловал?

— Я пришел доложить, что грузовой корабль вот-вот приземлится.

Флэзвелл побледнел.

— Как, уже? Значит, он привез мою невесту?

— Надо думать.

— А Шейлу увезет на Сирингар?

— Определенно!

Флэзвелл застонал и схватился за голову. А потом выпрямился и сказал:

— Ладно, ладно! Пойду посмотрю, готова ли она.

Он нашел Шейлу в столовой: она стояла у окна и смотрела, как корабль снижается по спирали.

— Желаю вам счастья, Эдвард, — сказала она. — Надеюсь, новая невеста не обманет ваших ожиданий.

Корабль приземлился, и роботы начали вытаскивать большой контейнер.

— Пойду, — сказала Шейла. — Они не станут долго ждать.

Она протянула ему руку.

Он стиснул ей пальцы и сам не заметил, как схватил ее за плечо. Она не противилась, да и брачующий робот почему-то не ворвался в комнату. Флэзвелл и сам не помнил, как она очутилась в его объятиях. Он поцеловал ее, и это было, словно на горизонте засияло новое солнце.

Наконец он сказал осипшим голосом и будто себе не веря:

— Вот так-так! — Флэзвелл дважды кашлянул. — Шейла, я люблю тебя! У меня тебе, конечно, не видать роскоши, но если ты останешься...

— Наконец-то ты догадался, что любишь меня, дурачок! — сказала она. — Конечно же, я остаюсь.

Наступили поистине головокружительные, упоительные минуты. Но тут за окном раздался гомон роботов. Дверь распахнулась, и в комнату ввалился брачующий в сопровождении Ганга-Сэма и двух сельскохозяйственных роботов.

— Вот уж действительно! Даже не верится! — воскликнул брачующий. — Думал ли я дожить до дня, когда робот восстанет на робота.

— Что случилось? — спросил Флэзвелл.

— Этот ваш мастер сидел у меня на загривке, — пожаловался брачующий, — а его дружки держали меня за ноги. Но ведь я рвался сюда, чтобы свершить обряд, предписанный правительством и фирмой Рэбек-Уорд!

— Что же это ты, Ганга-Сэм? — спросил Флэзвелл, ухмыляясь.

Брачующий тем временем бросился к Шейле.

— Ну как, вы живы? И с вами ничего не случилось? Ни ссадин, ни коротких замыканий?

— Нет, нет, все обошлось, — выдохнула Шейла, с трудом приходя в себя.

— Это все я натворил, босс, сэр, — повинился Ганга-Сэм. — Каждому известно, что Мужчина и Женщина должны во время жениховства побывать вдвоем. Я только делал то, что считал своим долгом в отношении Человечьей Рации, мистер Флэзвелл, босс, саиб!

— Молодчина, Ганга-Сэм, я очень тебе обязан... О Господи...

— Что случилось? — испуганно отозвалась Шейла.

Флэзвелл уставился в окно. Роботы волокли к дому большой контейнер.

— Это она, образцовая пограничная невеста! Что же нам делать, мой ангел? Ведь я тогда от тебя отказался и затребовал другую. Как теперь быть с контрактом?

— Не беспокойся, — рассмеялась Шейла. — В ящике нет никакой невесты. Сразу же по получении твой заказ был аннулирован.

— Неужели?

— В том-то и дело! — Она смущенно потупилась. — Но ты на меня, пожалуй, рассердишься...

— Не рассержусь, — обещал он. — Только объясни мне...

— Видишь ли, все ваши портреты, жителей границы, вывешены в корпоре фирмы, так что невесты видят, с кем им придется встретиться. Они-то вольны выбирать жениха по вкусу, и я так долго торчала там — просила, чтоб меня выписали из моделей «ультралюкс», пока... пока не познакомилась с заинтересованным столом заказов. И вот, — выпалила она залпом, — упросила его послать меня сюда.

— А как же паша де Шре?

— Я его выдумала.

— Но зачем? — развел руками Флэзвелл. — Ты так красива...

— ...Что каждый видит во мне игрушку для какого-нибудь жирного, развратного идиота, — подхватила она с горячностью. — А я этого не хочу. Я хочу быть женой. Я не хуже любой из этих толстомясых дурнушек.

— Лучше! — сказал он.

— Я умею стряпать, и лечить роботов, и вести хозяйство. Разве нет? Разве я не доказала?

— Еще бы, дорогая!

Но Шейла ударила в слезы.

— Никто, никто мне не верил! Пришлось пуститься на хитрость. Мне надо было пробыть здесь достаточно долго, чтобы ты успел... ну, успел в меня влюбиться!

— Что я и сделал, — заключил он, утирая ей слезы. — Все кончилось так, что лучше не надо. Да и вообще вся эта история — счастливая случайность.

На металлических щеках Ганга-Сэма выступило что-то вроде краски.

— А разве не случайность? — спросил Флэзвелл.

— Видите ли, сэр, мистер Флэзвелл, эфенди, известно, что Человеку-Мужчине требуется красивая Человек-Женщина. Пограничная модель ничего приятного в этом смысле не обещала, а мэм-саиб Шейла — дочь друзей моего прежнего хозяина. Я и взял на себя смелость послать ваш заказ лично ей. Она упросила своего знакомого в столе заказов показать ей ваш портрет, а затем и переправить ее сюда. Надеюсь, вы не сердитесь на вашего смиренного слугу за такую вольность.

— Разрази меня гром! — наконец выдавил из себя Флэзвелл. — Я всегда говорил — никто не понимает людей лучше вас, роботов. Но что же в этом контейнере? — обратился он к Шейле.

— Мои платья, мои безделушки, моя обувь, моя косметика, мой парикмахер, мой...

— Но...

— Тебе самому будет приятно, дорогой, чтобы твоя женушка хорошо выглядела, когда мы поедем с визитами. В конце концов, Цитера V всего в пятнадцати летных днях отсюда. Я справлялась еще до того, как к тебе ехать.

Флэзвелл покорно кивнул. Разве можно было ожидать чего-нибудь другого от образцовой невесты марки «ультралюкс»?

— Пора! — приказала Шейла, повернувшись к брачующему роботу.

Робот не отвечал.

— Пора! — прикрикнул на него Флэзвелл.

— А вы уверены? — хмуро спросил робот.

— Уверены! Начинайте!

— Ничего не понимаю! — пожаловался брачующий. — Почему именно теперь? Почему не на прошлой неделе? Или я — единственное здесь разумное существо? Ну да ладно! Возлюбленные чада...

Наконец церемония состоялась. Флэзвелл не поскупился дать своим роботам три свободных дня, и они пели, плясали и праздновали на свой беспечный роботовский лад.

С той поры на «Шансе» наступили другие времена. У Флэзвеллов началось нечто вроде светской жизни: они сами бывали в гостях и принимали у себя гостей, такие же супружеские пары в радиусе пятнадцати—двадцати световых дней, с Цитеры III, Тама и Рандико I. Зато все остальное время Шейла гнула свою линию безупречной пограничной супруги, почитаемой роботами и боготворимой своим мужем. Брачующий робот, следя стандартной инструкции, занял на астероиде место счетовода и бухгалтера — по своему умственному багажу он как нельзя лучше подходил для этой должности. Он часто говорил, что без него здесь все пошло бы прахом.

Ну а роботы продолжали выдавать на гора торий; дир, одж и смис расцветали в садах, и Флэзвелл с Шейлой делили друг с другом Бремя Человека.

Флэзвелл не мог нахвалиться своими поставщиками Рэбеком и Уордом. Но Шейла — та знала, что истинное счастье в том, чтобы иметь под рукой такого старшего робота, как преданный Ганга-Сэм, даром что у него не было души.

ЯЗЫК ЛЮБВИ

Однажды в послеполуденный час Джейферсон Томс зашел в кафе-автомат выпить чашку кофе и позаниматься. Усевшись и пристроив поблизости конспект лекций по философии, он взглянул на девушку, управляющуюся со стайкой роботов-официантов. У девушки были дымчато-серые глаза и волосы цвета ракетного выхлопа. Фигурка у нее была тоненькая, но отлично очерченная, и, глядя на все это, Томс внезапно ощутил, что к горлу подкатывает комок, а на ум почему-то приходят осенний вечер, дождь и огонек свечи.

Вот так к Джейферсону Томсу пришла любовь. Чтобы познакомиться с девушкой, этот обычно сдержаный молодой человек послал жалобу по поводу слишком автоматического обслуживания. Когда встреча состоялась, Томс был косноязычен и переполнен чувствами. И все же он ухитрился назначить ей свидание.

Девушка — ее звали Дорис — согласилась сразу. Коренастый черноволосый студент произвел на нее впечатление. Тут-то начались муки Джейферсона Томса.

Несмотря на успехи в изучении философии, он обнаружил, что любовь — это восхитительное и в то же время на редкость беспокойное чувство. Даже в веке, в котором жил Томс, веке, когда космические лайнеры уничтожили расстояние между удаленными мирами, болезни были окончательно побеждены,

Печатается по изд.: Шекли Р. Язык любви: Разрешите ворваться в ваш сон. — Минск: Эридан, 1990

© Перевод на русский язык, А. Шулейко, 1990

войны — немыслимы, а все вопросы, имевшие хоть малейшую важность, образцово разрешены, проблема любви оставалась все такой же сложной.

Старушка Земля жила лучше, чем когда бы то ни было. Города сверкали пластиками и нержавеющей сталью. Оставшиеся кое-где леса представляли собой тщательно охраняемые островки зелени, где вы могли отдохнуть в полной безопасности, поскольку все звери и насекомые были удалены в специальные гигиенические зоопарки, и там с завидным умением воспроизводились их естественные условия жизни.

Даже климат Земли поддерживался искусственно. Фермеры получали свою порцию дождя между тремя и половиной четвертого утра, на стадионах собирались толпы смотреть программу солнечных закатов, а торнадо создавали раз в год на специальной арене во время празднования Всемирного дня мира.

Но в делах любви царил тот же беспорядок, что и всегда, и Томс воспринимал это болезненно. Он попросту не мог выразить свои чувства словами. Такие обороты, как «я от тебя без ума», были затасканны, и «я люблю тебя», «обожаю тебя» не выражали сущности дела. Они не могли передать всей глубины и пыла его переживаний. В сущности, они даже обедняли их, поскольку теми же словами выражался любой стереотип, любые малозначительные мысли. Люди пользовались ими в повседневных разговорах, и сплошь и рядом можно было услышать, как они любят свиные отбивные, обожают закаты и без ума от тенниса.

Все существо Томса восставало против этого. Он дал себе клятву никогда не говорить о любви теми же словами, что и о свиных отбивных. Но к своему великому разочарованию, обнаружил, что не может выдумать ничего лучшего. Он обратился к своему профессору философии.

— Мистер Томс, — сказал профессор, утомленно покачивая очками, — любовь пока еще не стала предметом наших исследований. В этой области не было выполнено ни одной значительной работы, за исключением так называемого Языка Любви тианцев.

Легче от этого не стало. Томс продолжал размышлять о любви и мечтать о Дорис. В часы их обычных встреч, по вечерам, около ее двери, когда тени от плетей дикого винограда скользили по ее лицу, Томс мучительно пытался рассказать о своих чувствах. Отказавшись от общепринятого языка влюбленных, он старался выразить мысли как-нибудь поэтичней.

— Я испытываю к тебе то же чувство, — говорил он, — какое звезда испытывает к своим планетам.

— Как это огромно! — отвечала она, чрезвычайно польщенная.

— Я не то имел в виду, — признавался Томс. — Мое чувство гораздо больше. Ну, например, когда ты идешь, я вижу перед собой...

— Что?

— Лань на лесной прогалине, — сказал Томс, хмуря брови.

— Как очаровательно!

— Я совсем не стремился быть очаровательным. Я хотел выразить некоторую свойственную тебе неуклюжесть, и вот...

— Но, милый, — возразила она, — я совсем не неуклюжа. Мой учитель танцев...

— Я не говорю, что ты неуклюжа. Но самая сущность неуклюжести, которая... которую...

— Понимаю, — сказала она.

Но Томс знал, что она ничего не понимает.

Так он был вынужден отказаться от необычных способов выражения своих мыслей. Скоро он обнаружил, что не может сказать Дорис ничего мало-мальски важного — каждый раз все оказывалось совсем не то, просто ничего похожего.

Между ними постепенно вырастало длительное унылое молчание.

— Джейф, — умоляла она, — ну скажи хоть что-нибудь.

Томс пожимал плечами.

— Пусть даже совсем не то, что ты думаешь... Томс вздохнул.

— Ради всего святого! Я не могу этого вынести!

В конце концов он сделал ей предложение. Он готов был допустить, что любит ее, но уклонился от развития этой темы. Он объяснил, что брак должен быть основан на искренности, в противном случае все будет обречено на неудачу.

Дорис нашла эти порывы превосходными, но от замужества отказалась.

— Ты должен сказать девушке, что любишь ее, — заявила она. — Ты должен повторять ей это по сто раз на день, Джейфф, и даже этого все равно мало.

— Но я же люблю тебя, — запротестовал Томс. — Я хотел сказать, что у меня такое чувство, словно...

— Перестань!

Получив такой отпор, Томс подумал о Языке Любви и отправился к своему профессору.

— Говорят, — сказал профессор, — что у аборигенов планеты Тиана II был особый и единственный в своем роде язык для выражения любви. Им казалось совершенно немыслимым сказать: «Я люблю вас». В таких случаях они использовали слова, точно отражающие вид и класс любви, которую они ощущали именно в данный момент.

Томс кивнул, и профессор продолжал:

— Конечно, вместе с языком развивалось и искусство творить любовь, поистине невероятное в своем совершенстве.

— Это именно то, что нужно! — воскликнул Томс. — Как далеко до Тианы II?

— Порядочно. И к тому же ехать туда незачем — жители планеты вымерли.

— Следовательно, язык утерян?

— Не совсем. Двадцать лет назад землянин по имени Джордж Веррис отправился на Тиану II и изучил Язык Любви с помощью нескольких уцелевших тианцев.

Томс долго и тяжело размышлял. Путешествие на Тиану II было нелегким, длительным и дорогим. Возможно, Веррис умрет, прежде чем он доберется до места, или откажется учить его языку. «Стоит ли любовь всего этого?» — спрашивал себя Томс.

Он продал ультракомбайн, аппарат искусственной памяти, учебники философии, несколько акций, полу-

ченных в наследство от деда, и оплатил поезд до Грантиса IV, ближайшего к Тиане II пункта, куда регулярно отправлялись звездолеты. Покончив со всеми приготовлениями, он пошел к Дорис.

— Когда я вернусь, — сказал он, — я буду в состоянии точно высказать тебе, как сильно... Я имею в виду, Дорис, что, когда освою искусство тианцев, ты будешь любима так, как не была еще любима ни одна женщина.

— Ты думаешь? — спросила она. Глаза ее засветились.

— Ну, — сказал Томс, — слово «любима» не совсем точно выражает это. Однако я имею в виду нечто очень близкое.

— Я буду ждать тебя, Джейф, — сказала она, — но, пожалуйста, возвращайся скорее.

Джефферсон Томс кивнул, смахнул слезы, сжал Дорис в объятиях и поспешил в космопорт. Через час он был в пути.

Четырьмя месяцами позже Томс уже шел по пустынному проспекту тианской столицы. По обеим сторонам его вздымались величественные строения. С помощью карманного тианского словаря он разобрал вывеску на одном из зданий: «Бюро консультаций по проблемам любви четвертого уровня».

Он миновал «Институт по исследованиям замедленной привязанности» и двухсотэтажный «Дом для эмоционально отсталых». Это был город, целиком посвятивший себя исследованиям и советам в делах любви.

Для дальнейших размышлений времени не было. Прямо перед ним находился гигантский «Комбинат любовных услуг». Из мраморного подъезда вышел старик.

— Кто вы? — спросил он.

— Я Джейфтерсон Томс, землянин. Прибыл сюда, чтобы изучить Язык Любви, мистер Веррис.

Веррис внимательно посмотрел на него.

— Но это не простое дело, Томс. Язык Любви почти так же сложен, как нейрохирургия или практическая юриспруденция. Нужна работа, много работы, а также талант.

— Я буду работать.

Томс запоминал длиннейшие перечни чудес природы, с которыми можно сравнивать различные чувства. Каждый предмет в природе был зачесен в каталоги, классифицирован и снабжен подходящими уточняющими эпитетами.

Когда он заучил весь перечень, Веррис начал тренировать его в восприятии любви. Томс изучил странные мелочи, из которых складывается состояние влюбленности. Некоторые из них были настолько комичны, что он не смог удержаться от смеха.

Старик строго увещевал его.

— Любовь — серьезное дело, Томс. Вам кажется смешным, что предрасположение к любви часто создается скоростью и направлением ветра...

Вскоре Веррис устроил ему десятичасовое письменное испытание, которое Томс выдержал с отличными оценками. Он был полон стремления поскорей закончить учебу, но Веррис заметил, что левый глаз его ученика подергивается, а руки начинают дрожать.

— Вам необходимы каникулы, — сообщил ему старик.

Томс подумывал об этом и сам.

— Вы правы, — сказал он с едва скрываемым нетерпением. — А не отправиться ли мне на несколько недель на Цитеру?

Веррис, которому репутация Цитеры была известна, улыбнулся.

— Не терпится испытать новые знания?

— Но черт побери! — взорвался Томс. — Должен же я немножко поэкспериментировать! Должен же я показать самому себе, как все это действует. Особенно «Подход 33-СЦ». В теории он выглядит чудесно, однако я сомневаюсь, что он сработает на практике.

Они забрались в принадлежащий старику космический корабль и летели пять дней до маленького безымянного планетоида. Совершив посадку, старик привел Томса на берег быстрой речки, где вода была огненно-красной, а пена сверкала. По берегам росли низкорослые деревья с листьями цвета киновари. Даже трава — оранжевая и голубая — не походила на траву.

Томс проводил дни, странствуя по берегам рек или любуясь цветами, которые жалобно стонали, когда он приближался. По ночам три сморщеные луны играли друг с другом в салки, утреннее солнце совсем не было похоже на желтое солнце Земли.

В конце недели посвежевшие и обновленные Томс и Веррис вернулись на Тиану II. Томс научился различать пятьсот шесть оттенков Истинной Любви, от самых первых, робких ее проявлений до наивысшего чувства.

В один прекрасный день Веррис сказал:

— Вот и все.

— Все?

— Да, Томс. Сердце не имеет теперь от вас секретов. Возвращайтесь к своей молодой леди.

— Лечу! — воскликнул Томс. — Наконец-то она узнает!

— Пошлите мне открытку, — попросил его Веррис. — Я хочу знать, как пойдут у вас дела.

— Непременно, — обещал Томс. Он горячо пожал руку своему учителю и отбыл на Землю.

У дома Томс вдруг почувствовал, что на лбу у него выступила испарина, а руки начали дрожать. Он мог теперь точно определить это чувство как Ожидательную Горячку второго уровня. Но что толку — это была его первая практическая работа, и он нервничал. Правда ли, что он освоил все?

Она открыла дверь, и Томс увидел, что Дорис стала еще красивее.

— Я вернулся, — тихо сказал он.

— О, Джейф, — произнесла она нежно. — О, Джейф. Это было так долго, и я сомневалась, нужно ли это. Теперь я знаю.

— Ты... знаешь?

— Да, дорогой! Я ждала тебя! Я бы прождала еще сто, тысячу лет! Я люблю тебя, Джейф!

Она очнулась в его объятиях.

— Теперь скажи мне, Джейф, — просила она. — Скажи мне!

Томс смотрел на нее, чувствовал, ощущал, рылся в классификации, подбирал эпитеты, проверял и пере проверял. И после долгих поисков и выборов с

абсолютной уверенностью, приняв во внимание свое теперешнее настроение и не забыв учесть климатические условия и фазу луны, скорость и направление ветра, солнечные пятна и другие обстоятельства, влияющие на любовь, он сказал:

— Дорогая, я на редкость хорошо к тебе отношусь.
— Джейф! Ты, конечно, можешь сказать больше!

Язык Любви...

— Этот язык чертовски точен. Мне очень жаль, но фраза «На редкость хорошо к тебе отношусь» в точности выражает мои чувства.

— О, Джейф!

Это была жалкая сцена и очень болезненное расставание. Томс отправился путешествовать.

Он нанимался на работу то здесь, то там, перебиваясь чем придется. Затем он встретил хорошенькую девушку, ухаживал за ней, в надлежащее время женился и занялся домашним хозяйством.

Друзья говорят, что Томсы достаточно счастливы, хоть в доме у них большинство людей чувствуют себя не слишком уютно. Они живут в красивом месте, но многих раздражает быстрая река красного цвета. Да и кто может привыкнуть к деревьям цвета охры, и трем сморщенным лунам, играющим в салки в необычном небе?

И все же Томсу там нравится, а миссис Томс — покладистая молодая леди.

Томс написал на Землю своему профессору философии, что по крайней мере для себя он решил проблему исчезновения населения Тианы II. Тианцы, видно, настолько углубились в теорию любви, что у них руки не доходили до практики.

А однажды он послал короткую открытку Джорджу Веррису. Он написал, что женился, что ему повезло, и он нашел себе девушку, к «которой питает нежное чувство».

— Везучий, черт, — проворчал Веррис, прочтя открытку.

РЫЦАРЬ В СЕРОЙ ФЛАНЕЛИ

Способ познакомиться со своей будущей женой, который избрал Томас Хенли, заслуживает внимания в первую очередь антропологов, социологов и тех, кто изучает странные особенности человеческой натуры. Он дает путь скромный, но образчик одного из самых непонятных брачных обычаяев конца XX века. Поскольку обычай этот сильно повлиял на матримониальную индустрию современной Америки, то, что случилось с Хенли, имеет немаловажное значение.

Томас Хенли был стройный юноша высокого роста, со старомодными вкусами, пороками, которые отличались умеренностью, и умеренностью, которая граничила с пороком. В разговорах, что он вел с преподавателями как мужского, так и женского пола, все было абсолютно на месте, включая грамматические ошибки, точь-в-точь приличествующие его возрасту и общественному положению. Он был владельцем нескольких костюмов из серой фланели и множества узких галстуков в косую полоску. Вы скажете, что из толпы его можно выделить по очкам в роговой оправе, — ничего подобного. Вы ошиблись, Хенли еще незаметнее.

Кто бы поверил, что этот смиренный, безликий, деловито усердный и со всем согласный молодой человек в душе одержим жаждой романтики? Как ни печально, поверил бы всякий, ибо обманчивая внешность обманывала только своего владельца.

Печатается по изд.: Шекли Р. Рыцарь в серой фланели: Рассказы. Повести. — М.: Мол. гвардия, 1968

© Перевод на русский язык, В. Скороденко, 1968

Юноши вроде Хенли, в доспехах из серой фланели с роговым забралом, образуют рыцарский орден наших дней. Миллионы и миллионы их скитаются по дорогам наших великих столиц — твердая поступь, быстрый шаг, прямой взгляд, тихий голос и стандартный костюм, превращающий человека в невидимку. Они, как актеры или зачарованные, влачат свое существование, но сердца их сжигает вечный огонь романтики.

Хенли безостановочно грезил наяву об абордажных саблях, со свистом рассекающих воздух, о фрегатах, которые, распустив паруса, устремляются на встречу восходящему солнцу, о таинственных девичьих глазах, что взирают с безмерной грустью из-под прозрачной вуали. И закономерно, в его грезах присутствовали более современные виды романтики.

Но в больших городах романтика — товар дефицитный. Наиболее предприимчивые из наших бизнесменов совсем недавно поняли это.

И вот как-то вечером к Хенли наведался гость весьма необычный.

В пятницу, после долгого дня муторной конторской рутины, Хенли пришел домой в свою однокомнатную квартирку. Он ослабил узел галстука и не без некоторой меланхолии принял размышлять о предстоящем уик-энде. Смотреть по телевизору бокс ему не хотелось, а все фильмы в окрестных кинотеатрах он уже видел. Среди его приятельниц не было интересных девушек, и, что хуже всего, шансы познакомиться с другими фактически равнялись нулю.

Он сидел в кресле, пока на Манхэттен опускались густые синие сумерки, и размышлял, где бы встретить симпатичную девушку и что ей сказать, если он ее повстречает, и...

В дверь позвонили.

Без приглашения к нему обычно являлись только бродячие торговцы да агенты Общества содействия пожарной службе. Однако в этот вечер он был рад и такому мимолетному развлечению — отшить торговца, навязывающего свой товар. Он открыл дверь и увидел низенького, подвижного, разодетого человечка, который одарил его лучезарной улыбкой.

— Добрый вечер, мистер Хенли, — выпалил человечек. — Я Джо Моррис из нью-йоркской Службы романтики с главной конторой в Эмпайр Стейт Билдинг и филиалами во всех районах города, а также в Уэстчестере и Нью-Джерси. Наша миссия — обслуживать одиноких, мистер Хенли, а следовательно, и вас. Не отрицайте! Иначе зачем вам вечером в пятницу сидеть дома? Вы одиноки, и наше прямое дело, оно же наше удовольствие, — обслужить вас. Такому способному, восприимчивому, интересному юноше, как вы, нужны девушки — милые девушки, приятные, красивые, чуткие девушки...

— Постойте-ка, — резко оборвал его Хенли. — Если у вас там что-то вроде бюро поставки клиентов для девиц, работающих по телефонному вызову...

Он осекся, увидев, что Джо Моррис побагровел, повернулся и двинулся прочь, раздувшись от негодования.

— Куда же вы! — крикнул Хенли. — Я не хотел вас обидеть!

— Да будет вам известно, сэр, что я человек семейный, — чопорно произнес Джо Моррис. — У меня в Бронксе жена и трое детей. Если вы хотя бы на мгновение допускаете, будто я способен связать свое имя с чем-то неподобающим...

— Бога ради, простите!

Хенли провел Морриса в комнату и усадил в кресло.

К мистеру Моррису сразу же вернулись его живость и общительность.

— Нет, мистер Хенли, — сказал он, — юные леди, которых я имел в виду, не являются... э-э... профессионалками. Это красивые, нормальные, романтически настроенные молодые девушки. Но они одиноки. В нашем городе, мистер Хенли, много одиноких девушек.

Хенли почему-то считал, что в такое положение попадают одни мужчины.

— Неужто? — спросил он.

— Да, много. Задача нью-йоркской Службы романтики, — продолжал Моррис, — организовывать

встречи между молодыми людьми в благоприятной обстановке.

— Гм, — сказал Хенли. — Тогда, насколько я понимаю, у вас нечто вроде — простите мне этот термин, — нечто вроде Клуба дружбы?

— Что вы! Ничего похожего! Мистер Хенли, дорогой мой, вы когда-нибудь бывали в таком клубе?

Хенли покачал головой.

— А следовало бы, сэр, — заметил Моррис. — Тогда бы вы смогли по достоинству оценить нашу Службу. Клуб дружбы! Представьте себе, пожалуйста, голый зал где-нибудь на втором этаже в дешевом районе Бродвея. На эстраде пятеро музыкантов в потертых смокингах уныло пилякают разбитные шлягеры. Жалкие звуки отдаются от стен безутешным эхом и сливаются с визгом и скрежетом уличного движения за окнами. У стен выстроились два ряда стульев, мужчины сидят по одну сторону зала, женщины — по другую. И те и другие не могут понять, как они здесь очутились. Все пытаются напустить на себя беззаботный вид, что, впрочем, им плохо удается; все беспрерывно дымят сигаретами, чтобы скрыть нервную дрожь, а окурки бросают на пол и затаптывают каблуками. Время от времени какой-нибудь бедолага набирается смелости пригласить девушку на танец и топчется с ней, словно аршин проглотил, под масленими бесстыжими взглядами всех остальных. Распорядитель, надутый кретин, с идиотской, точно приклеенной улыбочкой, мечется по залу, пытаясь оживить это похоронное собрище, но тщетно! — Моррис перевел дух. — Таков анахронизм, известный под именем Клуб дружбы, — противоестественный, изматывающий нервы гнусный обряд, которому место разве что во времена королевы Виктории, но уж никак не в наши дни. Что касается нью-йоркской Службы романтики, то она занята тем, чем давным-давно следовало бы заняться. Со всей научной точностью и технической сноровкой мы всесторонне изучили факторы, необходимые для организации удачного знакомства между особами противоположного пола.

— А что за факторы? — осведомился Хенли.

— Важнейшие из них, — ответил Моррис, — это стихийность в сочетании с ощущением роковой предопределенности.

— Но стихийность и рок, по-моему, исключают друг друга, — заметил Хенли.

— Разумеется! Романтика по самой своей природе должна состоять из взаимоисключающих элементов. Это подтверждают и составленные нами графики.

— Значит, вы продаете романтику? — спросил Хенли с сомнением.

— Вот именно! Продукт в его очищенном и первозданном виде! Не секс, который доступен каждому. Не любовь — тут нельзя гарантировать постоянство, а потому коммерческой ценности она не имеет. Нет, мистер Хенли, мы продаем романтику, эту изюминку жизни, вековую мечту человечества, которой так не хватает современному обществу.

— Очень интересно, — сказал Хенли.

Но то, что он услышал от Морриса, нуждалось в веских доказательствах. Посетитель мог оказаться и мошенником, и прожектором. Кем бы он, однако, ни был, Хенли сомневался, что он торгует романтикой. То есть настоящей романтикой, теми тайными мерцающими видениями, что днем и ночью преследовали Хенли.

Он встал.

— Благодарю вас, мистер Моррис. Я подумаю о вашем предложении. Но сейчас я спешу, поэтому если вы не возражаете...

— Помилуйте, сэр! Неужели вы позволите себе отказаться от романтики?!

— Извините, но...

— Испытайте нашу систему — мы предоставим ее вам на несколько дней совершенно бесплатно, — настаивал мистер Моррис. — Вот проденьте это в петлицу. — И он вручил Хенли вещичку, похожую на микротранзистор с крошечной видеокамерой.

— Что это? — спросил Хенли.

— Микротранзистор с крошечной видеокамерой.

— А для чего?

— Скоро увидите. Вы только попробуйте. Мы, мистер Хенли, самая большая фирма в стране, по-

ставляющая романтику, и наша цель — сохранить престиж, для чего мы и впредь намерены служить нуждам миллионов наиболее впечатительных юношей и девушек Америки. Запомните, наша романтика — самая роковая и стихийная, она дает эстетическое удовольствие и физическое наслаждение, а также вполне нравственна в глазах закона.

С этими словами Джо Моррис пожал Хенли руку и исчез.

Хенли повертел транзистор в руках, но не нашел ни шкалы, ни кнопок. Он нацепил его на лацкан и... ничего не произошло.

Хенли пожал плечами, подтянул галстук и вышел прогуляться.

Вечер был ясный и прохладный. Как большинство вечеров в жизни Хенли, это было идеальное время для романтического приключения. Вокруг простирался город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не спешил исполнять. Тысячи раз бродил Хенли по этим улицам (твердая поступь, прямой взгляд), готовый ко всему. Но с ним никогда ничего не случалось.

Он миновал огромный жилой массив и подумал о женщинах, что стоят у высоких занавешенных окон, глядя вниз на улицу, и видят одинокого пешехода на темном асфальте. Им, верно, хотелось бы знать, кто он и что ему нужно, и...

— Неплохо постоять на крыше небоскреба, — произнес чей-то голос, — и полюбоваться сверху на город.

Хенли быстро обернулся и застыл на месте. Вокруг не было ни души. До него не сразу дошло, что голос раздался из транзистора.

— Что? — переспросил он.

Радио молчало.

Полюбоваться на город, прикинул Хенли. Радио предложило ему полюбоваться на город. Да, подумал он, это и в самом деле неплохо. Почему бы и нет? И он повернулся к небоскребу.

— Не сюда, — шепнуло радио.

Хенли послушно прошел мимо и остановился перед соседним зданием.

— Здесь? — спросил он.

Радио не ответило, но Хенли почудилось, будто в транзисторе одобрительно хмыкнули.

Что ж, подумал он, нужно отдать должное Службе романтики. Они, пожалуй, знают, что делают. Если не считать маленькой подсказки, все его действия были почти самостоятельными.

Хенли вошел в здание, вызвал лифт и нажал самую верхнюю кнопку. Поднявшись на последний этаж, он уже по лесенке выбрался на плоскую крышу и направился было к западному крылу.

— В обратную сторону, — прошептал транзистор.

Хенли повернулся и пошел в противоположную сторону. Остановившись у парапета, он посмотрел на город. Белые мерцающие огни уличных фонарей вытягивались в стройные ряды, тут и там красными и зелеными точками перемигивались светофоры, кое-где радужными кляксами расплывались рекламы. Перед ним лежал его город — город великих возможностей, щедрый на обещания, которые не спешил исполнять.

Вдруг Хенли заметил, что рядом с ним еще кто-то поглощен зреющим зарищем ночных огней.

— Прошу прощения, — сказал Хенли. — Я не хотел вам мешать.

— Вы не помешали, — ответил женский голос.

«Мы не знаем друг друга, — подумал Хенли. — Мы всего лишь мужчина и женщина, которых случай — или рок — свел ночью на крыше вознесенного над городом здания. Интересно, сколько грез пришлось проанализировать Службе романтики, сколько видений разнести по таблицам и графикам, чтобы добиться такого совершенства?»

Украдкой взглянув на девушку, он увидел, что она молода и красива. Она казалась невозмутимой, но он ощущал, что место, время и настроение — вся обстановка, безошибочно выбранная для этой встречи, — волнует ее так же сильно, как и его.

Он напряженно подыскивал нужные слова и не мог их найти. Ему ничего не приходило на ум, а драгоценные мгновения ускользали.

— Огни, — подсказало радио.

— Эти огни прекрасны, — изрек Хенли, чувствуя себя последним идиотом.

— Да, — отозвалась девушка шепотом. — Они подобны огромному ковру, расшитому звездами, или блеску копий во мраке.

— Подобны часовым, — сказал Хенли, — что вечно стоят на страже ночи.

Он не мог понять, сам ли дошел до этого или механически повторил то, что пискнул еле слышный голосок из транзистора.

— Я часто сюда прихожу, — сказала девушка.

— Я здесь никогда не бывал, — сказал Хенли.

— Но сегодня...

— Сегодня я не мог не прийти. Я знал, что встречу вас.

Хенли почувствовал, что Службе романтики не мешало бы нанять сценариста классом повыше. Среди бела дня такой диалог прозвучал бы просто нелепо. Но сейчас, на крыше-площадке высоко над городом, когда огни далеко внизу, а звезды близко над головой, это был самый естественный разговор на свете.

— Я не поощряю случайных знакомств, — произнесла девушка, сделав шаг к Хенли. — Но...

— Я не случайный, — ответил Хенли, придвигаясь к ней.

В звездном свете ее белокурые волосы отливали серебром. Девушка чуть приоткрыла рот. Она смотрела на него. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

Они стояли лицом к лицу, и Хенли ощущал едва уловимый запах ее духов и благоухание волос. У него задрожали колени, его охватило замешательство.

— Обнимите ее, — шепнуло радио.

Действуя, как автомат, Хенли протянул руки, и девушка прижалась к нему с тихим коротким вздохом. Они поцеловались — просто, естественно, неизбежно, охваченные нарастающей страстью, как и было задумано.

На отвороте блузки Хенли заметил у нее усыпанный бриллиантами транзистор малютку. Тем не менее он вынужден был признать, что их встреча,

стихийная и роковая, доставила ему, помимо всего прочего, еще и чрезвычайное удовольствие.

На верхушках небоскребов уже зачиналось утро, когда Хенли, вконец измотанный, добрался до дома и завалился спать. Он проспал весь день и проснулся под вечер, голодный как волк.

Он сидел за обедом в баре по соседству и размышлял о том, что произошло этой ночью.

Все, решительно все было чудесно, захватывающе и безупречно: встреча на крыше, а потом уютный полумрак ее квартирки, и то, как они расстались на рассвете, и тепло ее сонного поцелуя, что все еще горел у него на губах. И все-таки его снедала какая-то неудовлетворенность.

Хенли делалось не по себе при мысли о романтическом свидании, подстроенном и разыгранном при помощи транзисторов, чьи сигналы вызывали у любовников соответствующие стихийные и в то же время роковые реакции. Спору нет, Служба поработала на славу, но что-то здесь было не так.

Он представил себе, как миллионы молодых людей в серых фланелевых костюмах, при галстуках в косую полоску бродят по городу, повинуясь еле слышным приказам миллионов транзисторов. Мысленным взором он виделочных операторов за центральным пультом управления двусторонней видеосвязью — честный, работящий народ, который, выполнив норму по романтике, покупает утренние газеты и разъезжается на подземке по домам, где ждут жена или муж и детишки. Это было противно, но, что ни говори, все же лучше, чем вообще никакой романтики. Таков прогресс. Даже романтику пришлось поставить на солидную организационную основу, не то и она пропала бы во всей этой катавасии.

«И вообще, — решил Хенли, — так ли уж это странно, если разобраться по существу? В средние века, чтобы отыскать заколдованную красавицу, рыцарь запасался у ведьмы талисманом. Сегодня комиссар снабжает юношу транзистором, который делает то же самое и, судя по всему, куда быстрее».

«Совсем не исключено, — подумал он, — что настоящей стихийной и роковой романтики никогда и

не было. Может, в этом деле всегда требовался посредник».

Хенли не рискнул додумать эту мысль до конца. Он расплатился за обед и вышел на улицу прогуляться.

На сей раз твердая поступь и быстрый шаг привели его в кварталы городской бедноты. Вдоль тротуаров тянулись ряды мусорных ящиков, а из грязных окон доходных домов доносилось печальное соло на кларнете и визгливые голоса скандалящих женщин. Полосатая кошка уставилась на него из закоулка агатовыми глазами и шмыгнула неизвестно куда.

Хенли остановился, поежился и решил повернуть назад.

— Почему бы не пройти немного дальше? — подтолкнуло радио.

Вкрадчивый голос раздался как бы у него в голове. Хенли снова поежился и... пошел дальше.

Теперь на улицах стало безлюдно и тихо, как в склепе. Слепые громады складов и железные шторы на окнах магазинов заставили его прибавить шагу. «Есть приключения, которых, пожалуй, искать не стоит», — подумалось Хенли. Для романтики здесь обстановка самая неподходящая. Зря он послушался радио и не вернулся в свой привычный, залитый светом, упорядоченный мир.

Он услышал какую-то возню и, глянув в тесный переулок, увидел, как двое мужчин пристают к девушке, а та безуспешно пытается вырваться.

Реакция Хенли была стихийной и мгновенной. Он приготовился дать стрекача и привести полицейского, а еще лучше — двух или трех. Помешал транзистор.

— Сами справитесь, — сказало радио.

«Черта лысого я справлюсь», — мелькнуло у него в голове.

Газеты пестрели заметками о смельчаках, считавших, будто им под силу справляться с бандитами. Как правило, все они попадали в больницу, где на досуге могли поразмысльить о пробелах своего образования по части кулачного боя.

Но радио не отставало. И Хенли, повинуясь роковой неизбежности и тронутый жалобными мольбами о помощи, решил. Он снял очки в роговой оправе,

уложил в футляр, засунул его в задний карман брюк и очертя голову ринулся в мрачную пучину переулка.

Он налетел на мусорный бак, опрокинул его — но достиг места действия. Грабители почему-то его не заметили. Хенли схватил одного из них за плечо, повернул к себе лицом и сделал хук правой. Человек зашатался и упал бы, если бы не стена. Его дружок выпустил девушки и бросился на Хенли, который встретил его тройным ударом обоих кулаков и правой ноги. Тот свалился, пробормотав: «Ну-ну, полегче, приятель».

Хенли повернулся к первому. Бандит налетел на него с бешенством разъяренной кошки. Однако, как ни странно, весь шквал его ударов не достиг цели, и Хенли уложил его одним точным ударом левой.

Грабители поднялись на ноги и пустились наутек. Хенли разобрал, как на бегу один жаловался другому: «Чем эдак зарабатывать на жизнь, уж лучше ноги протянуть».

Эта реплика явно не значилась в сценарии, поэтому Хенли оставил ее без внимания и обратился к девушке. Она уцепилась за него, чтобы не упасть, и едва смогла вымолвить:

— Ты пришел...

— Я не мог не прийти, — повторил Хенли за еле слышным суплером.

— Я знала, — прошептала она.

Хенли увидел, что она молода и красива. В свете фонаря ее черные волосы отливали антрацитом, а полуоткрытые губы — кармином. Она смотрела на него. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

На этот раз Хенли обнял ее, не дожидаясь подсказки. Он понемногу усваивал форму и содержание романтического приключения, равно как и надлежащий образ действий, ведущий к возникновению стихийной и в то же время роковой страсти.

Не теряя времени, они отправились к ней на квартиру. По дороге Хенли заметил в ее волосах огромный сверкающий бриллиант.

И только много позже он догадался, что это не драгоценность, а искусно замаскированный транзистор.

Вечером на другой день Хенли опять не сиделось дома. Он шел по улице и пытался не обращать внимания на бесенка неудовлетворенности, который тихонько скребся внутри. «То была чудесная ночь, — повторял он себе, — ночь нежных теней, шелковых прядей, ласкающих его лицо, и слез благодарности, когда девушка плакала у меня на плече. Однако...»

Девушка оказалась не в его вкусе, как, впрочем, и та, первая, и с этим печальным фактом ничего нельзя было поделать. Нельзя же, в самом деле, сводить наoubум двух совершенно чужих друг другу людей и ожидать, что пылкая мгновенная страсть обернется любовью! У любви свои законы, от которых она ни за что не отступит.

Хенли шел и шел, но в нем крепла уверенность, что сегодня непременно он отыщет свою любовь. Ибо этой ночью рогатый месяц висел низко над крышами, а легкий ветерок приносил с юга смешанный аромат чего-то экзотически пряного и до боли родного.

Радио молчало, и он брел наугад. Он сам, без подсказки, нашел маленький парк на берегу реки, и к девушке, что одиноко стояла у парапета, он приблизился по своей воле, а вовсе не по команде из транзистора. Он остановился рядом с ней и погрузился в созерцание. Слева стальные канаты большого моста расплывались во мраке, напоминая огромную паутину. Река катила черные маслянистые воды, то и дело образуя по течению маленькие водовороты. Завыл буксир, ему ответил другой; они перекликались, как души, затерянные в ночи.

Транзистор не торопился с советами. Поэтому Хенли начал:

— Приятная ночь.

— Возможно, — ответила девушка, даже не повернув головы. — А возможно, и нет.

— В ней есть красота, — сказал Хенли, — для тех, кто хочет ее увидеть.

— Удивительно. Вот уж никак не ожидала услышать...

— Разве? — спросил Хенли, подвигаясь к ней на шаг. — Разве это и в самом деле так удивительно? Удивительно, что я здесь? И вы тоже?

— Может быть, и нет, — ответила девушка, наконец обернувшись и посмотрев Хенли в лицо.

Она была молода и красива. В лунном свете ее каштановые волосы отливали бронзой. Настроение, необычайная атмосфера происходящего и мягкое выигрышное освещение преобразили ее черты.

От неожиданности она чуть приоткрыла рот.

И тут его озарило.

Вот приключение, по-настоящему стихийное и роковое! Не радио привело его сюда, и не радио нашептывало нужные слова, подсказало, как себя вести. Хенли взглянул на девушку, но не заметил у нее на блузке или в волосах ничего похожего на транзистор.

Он нашел свою любовь без помощи нью-йоркской Службы романтики! Тайные мерцающие видения, которые его преследовали, наконец-то сбывались.

Он протянул руки, и девушка прижалась к нему с еле слышным вздохом. Они поцеловались. Огни большого города сверкали и смешивались со звездами в небе, месяц клонился все ниже и ниже, а над черной маслянистой рекой сирены обменивались траурными вестями.

Девушка перевела дыхание и высвободилась из его объятий.

— Я вам нравлюсь? — спросила она.

— Нравитесь?! — вскричал Хенли. — Это не то слово!

— Я рада, — сказала девушка, — потому что я опытный образец вольной романтики, который вам предоставил на пробу трест «Производство великой романтики» с главной конторой в Ньюарке, штат Нью-Джерси. Наша фирма предлагает вашему вниманию истинно стихийную и роковую романтику любого вида. Опираясь на технологические изыс-

кания, мы смогли ликвидировать грубокустарные приспособления типа транзисторов, которые привносят скованность и ощущение подневольности там, где вы не должны ощущать никакого контроля. Мы счастливы, что наш опытный образец пришелся вам по душе.

Не забудьте, однако: это — только образец, первая проба того, что может вам предложить «Производство великой романтики» с филиалами по всему миру. В этом проспекте, уважаемый сэр, описано несколько типовых проектов. Возможно, вас заинтересует цикл «Романтика под всеми широтами»; если же вы отличаетесь смелым воображением, вам, вероятно, больше подойдет пикантный набор «Романтика сквозь века». Обратите внимание на постоянно действующий «Городской проект» и...

Она вложила ему в руку тонкую книжицу с яркими иллюстрациями. Хенли уставился на проспект, потом на девушку. Он разжал пальцы, и книжица с шелестом порхнула на землю.

— Сэр, я надеюсь, мы не оскорбили ваших чувств! — воскликнула девушка. — Эти чисто деловые стороны романтики неизбежны, но преходящи. В дальнейшем наша романтика сразу становится стихийной и роковой. Вы только будете раз в месяц получать счет — по почте, в обычном конверте без указания адреса отправителя, и...

Но Хенли уже бежал прочь вниз по улице. На бегу он выдернул из петлицы транзистор и швырнул его в сточную канаву.

Комиссионерам от романтики так и не удалось всучить Хенли свой товар. У него была тетушка, которой он позвонил, и та, возбужденно кудахтая в трубку, тут же устроила ему свидание с дочкой одного из своих старых друзей. Они встретились в тетушкиной гостиной, тесной от обилия украшений и безделушек, и, запинаясь на каждом слове, добрых три часа проговорили о погоде, о политике, о работе, о колледже и общих знакомых. Тетушка, сияя от счастья,

потчевала их кофе и домашним печеньем, разрываясь между кухней и ярко освещенной гостиной.

И видимо, что-то в этих строго официальных, отдающих седой древностью смотринах подействовало на молодых людей самым благотворным образом. Хенли начал за ней ухаживать, и они поженились через три месяца.

Любопытно отметить, что Хенли был из последних, кто нашел себе жену столь причудливым, старомодным, ненадежным, бессистемным и непроизводительным способом. Ибо компании обслуживания сразу учゅали коммерческие перспективы «метода Хенли». Был составлен график кривой воздействия замещательства и смущения на психику; больше того, произведена финансовая оценка роли Тетушки в системе Американского Ухаживания.

Вот почему один из самых распространенных и высокооцениваемых сегодня видов обслуживания в ассортименте таких компаний — поставлять стандартных тетушек в распоряжение молодых людей мужского пола, обеспечивать оных тетушек стеснительными и застенчивыми девушкиами и заботиться о соответствующей обстановке, а именно: ярко освещенной, уставленной безделушками гостиной, неудобной кушетке и энергичной пожилой даме, которая суетится с кофе и домашним печеньем, врываюсь в комнату через точно рассчитанные неравномерные промежутки времени.

Дух, говорят, захватывает. До умопомрачения.

СТРАХ В НОЧИ

Просыпаясь, она услышала свой крик и поняла, что кричала, наверное, уже долгие секунды. В комнате было холодно, но все ее тело покрывал пот; он скатывался по лицу и плечам на ночную рубашку. Простыня под ней промокла от пота.

Она сразу задрожала.

— У тебя все в порядке? — спросил муж.

Несколько секунд она молчала, не в силах ответить. Крепко обхватив поджатые колени, она пыталась унять дрожь. Муж темной глыбой лежал рядом, эдакий длинный черный цилиндр на фоне слабо белевшей во тьме простыни. Посмотрев на него, она снова задрожала.

— Тебе поможет, если я включу свет? — спросил он.

— Нет! — резко произнесла она. — Не шевелись... пожалуйста!

В темноте раздавалось лишь тиканье часов, равномерное, но какое-то зловещее.

— Опять?

— Да, — сказала она. — То же самое. Ради Бога, не прикасайся ко мне!

Он приблизился, изогнувшись под простыней, и она вновь сильно задрожала.

— Сон, — осторожно начал он, — сон был про... я прав?..

Пер. изд: Sheckley R. *Fear in the Night: Pilgrimage to Earth*. Bantam, N. Y., 1957

© Fawcett Publications, Inc., 1952

© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

Он деликатно не договорил и пошевелился, осторожно, чтобы ее не напугать.

Но она снова овладела собой. Руки ее разжались, ладони плотно прижались к простыне.

— Да, — сказала она. — Снова змеи. Они по мне ползали. Большие и маленькие, сотни змей. Они заполнили всю комнату, а через дверь и окна позли все новые, вываливались из переполненного шкафа...

— Успокойся, — сказал он. — Ты уверена, что хочешь об этом говорить?

Она промолчала.

— Теперь хочешь, чтобы я включил свет? — мягко спросил он.

— Не сейчас, — сказала она, помедлив. — Я еще не набралась храбрости.

— Да-да, — понимающе произнес он. — А другая часть сна...

— Да.

— Послушай, может, тебе не стоит об этом говорить?

— Нет, давай поговорим. — Она попыталась засмеяться, но закашлялась. — А то ты подумаешь, что я начинаю к этому привыкать. Сколько ночей оно уже тянется?

Сон всегда начинался с маленькой змейки, медленно ползущей по ее руке и поглядывающей на нее злобными красными глазками. Она стряхивала ее и садилась на постели. Тут по одеялу начинала скользить вторая, все быстрее и быстрее. Она стряхивала и эту, быстро вылезала из постели и становилась на пол. Тут другая змея оказывалась у нее под ногами, еще одна сворачивалась в волосах, а потом через открывшуюся дверь ползли все новые и новые, тогда она бросалась на постель и с воплями тянулась к мужу.

Но во сне мужа рядом с ней не оказывалось. Вместо него на постели лежала огромная змея, этакий длинный черный цилиндр на фоне слабо белевшей во

тьме простыни. И она понимала это, лишь когда обвивала ее руками.

— А теперь включи свет, — велела она.

Когда комнату залил свет, она вся напряглась, готовая выскочить из постели, если...

Но все-таки это оказался ее муж.

— Господи Боже, — выдохнула она и полностью расслабилась, распластавшись по матрасу.

— Удивлена? — спросил муж, криво улыбнувшись.

— Каждый раз, — сказала она, — каждый раз я уверена, что тебя не окажется рядом. А вместо тебя — змея.

Она коснулась его руки, чтобы убедиться.

— Видишь, насколько все это глупо? — мягко и успокаивающе произнес он. — Если бы ты только смогла забыть... Тебе нужна лишь уверенность во мне — и кошмары пройдут.

— Знаю, — ответила она, вглядываясь в детали обстановки. Маленький телефонный столик с беспорядочной кучей записок и исчерканных бумажек выглядел необыкновенно ободряюще. Старыми друзьями были и поцарапанное бюро из красного дерева, и маленький радиоприемник, и газета на полу. А каким обычным казалось изумрудно-зеленое платье, небрежно переброшенное через спинку стула!

— Доктор сказал тебе то же самое. Когда мы поссорились, ты ассоциировала меня со всем, что идет не так, со всем, что причиняет тебе боль. И теперь, когда все наладилось, ты ведешь себя по-прежнему.

— Не сознательно, — сказала она. — Клянусь, не сознательно.

— Нет, все по-прежнему, — настаивал он. — Помнишь, как я хотел развода? Как говорил, что никогда тебя не любил? Помнишь, как ты меня ненавидела, но в то же время не давала уйти? — Он перевел дыхание. — Ты ненавидела Элен и меня. И это не прошло даром. Внутри нашего примирения так и осталась ненависть.

— Не думаю, что когда-либо ненавидела тебя, — сказала она. — Только Элен... эту тощую мелкую обезьяну!

— Нельзя дурно говорить о тех, кого уже не волнует мирская суета, — пробормотал он.

— Да, — задумчиво сказала она. — Наверное, это я довела ее до того срыва. Но не могу сказать, что жалею. Думаешь, меня посещает ее призрак?

— Не надо себя винить, — сказал он. — Она была чувственной, нервной, артистической женщиной. Невротический тип.

— Но теперь, когда Элен больше нет, у меня все прошло, я все преодолела. — Она улыбнулась ему, и морщинки тревоги у нее на лбу разгладились. — Я просто без ума от тебя, — прошептала она, перебирая пальцами его светло-русые волосы. — И никогда тебя не отпущу.

— Только попробуй, — улыбнулся он в ответ. — Я никуда не хочу уходить.

— Просто помоги мне.

— Всем, чем смогу. — Он подался вперед и легонько поцеловал ее в щеку. — Но, дорогая, если ты не избавишься от этих кошмаров — в которых я главный злодей, — мне придется...

— Молчи, молчи, — быстро произнесла она. — Я и думать об этом не хочу. Ведь наши плохие времена прошли.

Он кивнул.

— Однако ты прав, — сказала она. — Наверное, нужно попробовать обратиться к другому психиатру. Долго я так не выдержу. Все эти сны, ночь за ночью.

— И они становятся все хуже и хуже, — напомнил он, нахмурившись. — Сперва они были время от времени, теперь уже каждую ночь. А скоро, если ты ничего не предпримешь, будет уже...

— Хорошо, — сказала она. — Не надо об этом.

— Приходится. Я очень беспокоюсь. Если эта змеиняя мания будет продолжаться, в одну из ночей ты вонзишь в меня спящего нож.

— Никогда. Но не будем об этом. Я хочу обо всем позабыть. Не думаю, что это случится снова. А ты?

— Надеюсь, что нет.

Она выключила свет, потом поцеловала мужа и закрыла глаза.

Через несколько минут она повернулась на бок. Через полчаса снова перекатилась на спину, прорыбомотала что-то неразборчивое и расслабилась. Еще через двадцать минут пожала плечом, и больше уже не шевелилась.

Ее муж лежал рядом темной глыбой, опираясь на локоть. Он размышлял в темноте, прислушиваясь к ее дыханию и тиканию часов. Потом улегся на спину.

Он медленно развязал завязки своей пижамы, потянул за шнур и вытащил его на целый фут. Потом откинул одеяло и неторопливо придвигнулся к ней, прислушиваясь к ее дыханию. Положил шнур ей на руку. Медленно, по сантиметру за несколько секунд, провел шнуром по ее руке.

Наконец она застонала.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ПРОСМОТР

В одно прекрасное сентябрьское утро Питер Гонориус, разбирая почту, обнаружил директиву местного Отдела родственных уз, безоговорочно требовавшую, чтобы он женился до 1 октября. В противном случае он-де проявит неуважение к государственной и местной Инструкциям по моногамии и понесет наказание вплоть до заключения в Лунавилле сроком от одного до пяти лет.

Гонориус пришел в ужас: в августе он заполнил формуляр на Продление статуса, который к сегодняшнему дню должны рассмотреть в установленном порядке. Это дало ему шесть дополнительных месяцев для селекции невесты. Теперь же у него оставались жалкие две недели на то, чтобы либо подчиниться директиве, либо погасить все и отчалить в Мексику. А уж в 2038 году это было не самой желанной альтернативой.

Проклятье!

В тот же день за завтраком Гонориус обсудил ситуацию со своим другом графом Унгерфьордом.

— Черт побери, это несправедливо с их стороны! — заявил Гонориус. — Кто-то там, в верхах, преследует меня. Но за что? Я не бунтовщик какой-нибудь. Я не хуже других знаю, что брак — это непременная сделка между индивидом и обществом, фундамент, на

Печатается по изд: Шекли Р. Предварительный просмотр: Мирры Роберта Шекли. — М.: Мир, 1984. — Пер. изд: Sheckley R. *Sneak Previews: The Robot Who Looked Like Me*. Sphere Books, Ltd., 1978

© «Penthouse», 1977

© Перевод на русский язык, В. Бабенко, 1984

котором покоятся государственная безопасность. Дьявол, да я не хочу жениться! Я просто еще не подобрал себе пару.

— Может быть, ты излишне суеверен? — предположил Унгерфьорд. Он был женат уже почти месяц. Взаимоотношения полов не представляли для него проблемы.

Гонориус покачал головой.

— Сейчас я готов на все, лишь бы не допустить несчастья. Вся беда в том, что, несмотря на компьютеризированную карточку и ультрасовременную технологию электронного сватовства, никогда заранее не скажешь, ту женщину ты выбрал или нет. А когда поймешь на собственной шкуре, уже слишком поздно что-либо менять.

— Да, — самодовольно согласился Унгерфьорд, — именно в такой ситуации как раз и оказывается большинство.

— Неужели нет исключений?

— Собственно говоря, существует один способ избавиться от неуверенности. Я сам воспользовался им. Именно так я нашел Джейни. Я не упоминал о нем ранее, потому что, как мне известно, ты не очень-то склонен нарушать закон.

— Разумеется, я стараюсь вести высоконравственный образ жизни, — сказал Гонориус. — Но ведь дело-то действительно очень серьезное, и я готов проявить гибкость. Кого я должен убить?

— Так далеко мы еще не зашли, — успокоил Унгерфьорд. Он нацарапал на бумаге несколько строчек. — Отправляйся-ка вот по этому адресу и поговори с мистером Фьюлером. Он возглавляет Тайную компьютерную службу. Скажи ему, что тебя послал я.

Во времена, к которым относятся наши события, Тайная компьютерная служба размещалась в нескольких пыльных конторских помещениях в запустившем районе Линкольновского центра, где скрывалась под вывеской «Оптовая торговля б/у матчастью и матобеспечением». Секретарша Фьюлера, миловидная энергичная молодая женщина по имени Дина Гребс, провела Гонориуса в кабинет шефа. Фьюлер оказался низкорослым, пухленьким, лысеющим, дружелюбным,

краснощеким человечком с умными карими глазами и обезоруживающими манерами. Он сделал свой кабинет под гостиную в английском стиле, но добился лишь того, что комната стала походить на уголок мебельного магазина.

— Вы обратились как раз туда, куда нужно, — заверил Фьюлер, едва познакомившись с ситуацией. — Государство требует, чтобы мы сочетались браком ради стабильности общества. Общеизвестно, что большинство недовольных, бунтовщиков, психопатов, расстарателей малолетних, поджигателей, социал-реформаторов, анархистов и тому подобных личностей — это одинокие, неженатые типы, которым нечем заняться и которые способны лишь заботиться о собственной персоне и замышлять свержение существующего строя. Таким образом, бракосочетание есть обязательный акт лояльности по отношению к правительству. И разумеется, никто не будет оспаривать ни этот, ни любой другой вывод Национальной палаты матерей. Все мы признаем необходимость брака. В качестве единственного условия мы выдвигаем лишь то, чтобы он был надежным или по крайней мере терпимым, поскольку такое положение дел лучше удовлетворяет нуждам как индивидуума, так и государства.

— Да! — сказал Гонориус. — Именно поэтому я пришел к вам. Какие у вас есть практические...

Но Фьюлера не так-то просто было лишить слова.

— Что нам необходимо — так это научные методы освобождения брака от фактора неопределенности. Компьютеризованного сватовства недостаточно: нам нужен способ, который позволил бы взглянуть на фактический итог предполагаемого брака, и только после этого мы могли бы решить, вступать нам в брак или нет. Мы должны видеть, как эта штука работает, прежде чем заводить музыку в доме на шестьдесят или семьдесят лет.

— Если бы! — сказал Гонориус. — Но это невозможно. Или у вас, по счастью, имеется талантливая цыганка с исправным хрустальным шаром?

— Выход есть! — сказал Фьюлер улыбаясь.

— Что, кто-нибудь изобрел машину времени?

— Да, только вы знаете ее под другим именем. Она называется «Синтезатор и имитатор политических факторов».

— Я слышал о нем, — сказал Гонориус. — Это тот самый сверхкомпьютер, спрятанный под горой в Северной Дакоте, который вечно высчитывает, что именно одна данная страна собирается сотворить с какой-нибудь другой данной страной. Но я не понимаю, что этот компьютер может сказать о моей будущей жене, если только она не окажется генералом или кем-нибудь еще в этом роде.

— Вдумайтесь, мистер Гонориус! Есть машина, созданная специально для того, чтобы предсказывать и имитировать взаимодействия между различными группами и подгруппами людей. А что если мы используем ее в целях предсказания и имитации возможных взаимодействий двух индивидуумов?

— Это было бы великолепно, — сказал Гонориус. — Но СИПФ охраняется тщательнее, чем Форт-Нокс.

— Мой мальчик, караулить золото просто, намного сложнее таить информацию, даже если сверху взгромоздить гору! В руках и продажных операторов и операторов-идеалистов уже сам канал ввода данных — канал, от которого зависит информационное питание имитатора, может вдруг превратиться в канал вывода данных. Я, конечно, ни словом не намекну, как осуществляется программирование: у нас свои методы. Я только скажу, что имитатор может выстроить картину вашего возможного будущего брака с любой женщиной, какую ни пожелаете, и сымитировать конечный результат только для вас одного.

— Не пойму, как вы подберетесь к имитатору ближе чем на десять миль.

— А нам и не нужно подбираться. Мы завладеем терминалом.

Гонориус тихонько присвистнул, переводя дыхание. Он был в восхищении от хладнокровной наглости этого человечка.

— Мистер Фьюлер, когда я могу начать?

Вопрос о гонораре был быстро улажен, и Фьюлер сверился с расписанием.

— Поскольку ваше дело не терпит отлагательства, я могу выделить для вас десять минут машинного времени послезавтра. Приходите сюда в полдень, мисс Гребс проводит вас к терминалу и проинструктирует, что нужно делать. Не забудьте принести с собой карточки данных на вас и на ваших предполагаемых жен!

К условленному часу Гонориус все обстоятельно подготовил. В конвертике он принес карточки данных на пятнадцать кандидаток. Этих особ рекомендовала ему Служба компьютеризованного сватовства — первоклассное агентство с Мэдисон-авеню, сотрудники которого любовно отобрали пятнадцать претенденток из Национального объединения резерва одиноких женщин Америки (НОРОЖА), основываясь на их ответах на 1006 тщательно составленных вопросов. Эти женщины были известны Гонориусу только по номерам: анонимность сохранялась вплоть до того момента, когда жених получал разрешение на моногамный брак. Все эти женщины добровольно избрали статус «мгновенной доступности»: единственное, что требовалось от Гонориуса, — это засвидетельствовать свою готовность жениться на любой из них. (Из карточки данных Гонориуса явствовало помимо прочего, что он высокого роста, с пышной шевелюрой, привлекателен, имеет ровный характер, добр к детям и мелким животным, зарабатывает тридцать пять тысяч долларов в год, будучи самым молодым президентом фирмы «Глип электроникс» за всю ее историю, и перед ним открыты поистине неограниченные перспективы. Большинство кандидаток мечтали урвать жениха с такой спецификацией, Гонориус являл собой пример добрачного заблуждения, впасть в которое жаждали многие женщины.)

Мисс Гребс привела Гонориуса на старую автомобильную стоянку на Декальб-авеню. Терминал компьютера был спрятан там в кузове мебельного фургона. Два техника, переодетые бродягами, ввели Гонориуса в затемненную клетушку внутри фургона, где мягко, словно бы разговаривая сам с собой, гудел терминал. Техники усадили Питера в большое командное кресло

и укрепили у него на лбу и запястьях психометаллические электроды.

Мисс Гребс взяла карточки.

— Сегодня у нас хватит времени только на одну из них, — сказала она. — Перед вами пройдут события пяти лет жизни, но они будут спрессованы в десять минут реального времени, так что держитесь! С какой карточки начнем?

— Неважно, — сказал Гонориус. — Они все похожи. Я имею в виду карточки. Начните с верхней.

Мисс Гребс ввела карточку в терминал. Аппарат нежно заурчал, и Гонориус ощутил покалывание на дне глазных яблок. Мир вокруг затуманился. Когда в глазах прояснилось, он увидел себя со стороны и рядом с собой — прелестную миниатюрную девушку с длинными черными волосами.

Это была Мисс 1734-АВ-2103Ц.

Информация подавалась в форме сериала из отдельных кадров и монтажных кусков. Он увидел себя и 1734-ю за обедом в затейливом итальянском ресторанчике, а затем Они прогуливались рука об руку по Блиker-стрит. Вот Они на Вашингтон-сквер у фонтана. Она играет на гитаре и поет народную песню. Как Она прелестна! И как же Они были счастливы! Вот Они лежат рядышком перед крохотным камином в небольшой квартирке на Гей-стрит. Ее волосы уже расчесаны на прямой пробор. Вот Она в солнцезащитных очках читает сценарий: Она собирается сниматься в кино! Но из этого ничего не вышло, и в следующем эпизоде Они уже живут в сногшибательной квартире в Саттон-Плейсе, и Она угрюмо жарит Ему на обед рубленные бифштексы. (Они поссорились: между Ними царило молчание — Он читал свой «Уолл-стрит джорнэл», а Она листала книги по астрологии.) А вот Они живут в Коннектикуте в прекрасном старом доме, окруженном щербатым забором из врытых в землю рельсов, большую солнечную детскую Они превратили в кладовку. Той зимой Он много катался на лыжах в одиночку, а Она изучала тантры в кружке буддистов в Мэриленде. Когда Она вернулась, у Нее была уже короткая стрижка и Она умела бесконечно долго

сидеть в безупречной позе лотоса. Ее немигающие глаза смотрели сквозь Него, и Она теперь считала, что плотская любовь — нежелательный отвлекающий момент при увеличении мандалической созерцательности. Годом позже Они уже не жили вместе. Она удалилась в буддистскую общину близ Скенектади, а Он нашел себе девушку в Братлборо.

На этом с Мисс 1734 было покончено. Следующий сеанс имитатора должен был состояться через три дня.

Вторая кандидатка, Мисс 3543, была высокой, стройной, веселой девушкой с рыжеватыми волосами и очаровательной россыпью веснушек на переносице. Они с Гонориусом обзавелись хозяйством в Малибу, где Она каждый день играла в теннис и читала журналы по украшению интерьера. Как же Она была прекрасна, когда подавала Ему салат «Уолдорф» возле жаровни с раскаленными углами. Они жарили мясо на решетке, а у ног Его резвился кокер-спаниель! Потом Они оказались уже в Париже — спаниель превратился в таксу с тоскливыми глазами, а Она до полусмерти напилась на Монпарнасе и кричала Ему что-то очень оскорбительное. Потом были подобные сцены в Риме, Виллафранке, на Ивисе. Теперь Она пила не переставая, и Они вроде взяли на воспитание ребенка, но зато лишились таксы, а потом у Них был уже другой ребенок и две кошки, а затем Они наняли экономку, чтобы та управлялась со всем этим хозяйством, пока 3543-я лечилась от алкоголизма в одной очень хорошей клинике на озере Грисон. И вот они в Лондоне. Она теперь неизменно трезва. Это высокая, тощая, серьезная женщина, у которой очень забавная манера складывать губы, когда Она раздает брошюрки по сиентологии на Трафальгарской площади. Этими брошюрками и закончились пять лет жизни с Мисс 3543.

Все, что Гонориус мог припомнить о третьей кандидатке, укладывалось в образ очаровательной застенчивой девушки, которая скрашивала долгие сумеречные вечера в Истгемптоне своим прелестным, исполненным эротики молчанием. Спустя два года в номере-люкс отеля «Скотовод» в Талсе Он уже вопил на Нее: «Ну, скажи хоть что-нибудь, манежен! Хоть

что-нибудь! Христом Богом прошу, говори!» Кандидатка номер четыре к двадцати семи годам обнаружила в себе скрытый талант и стала звездой бега на роликовых коньках. Номер пять была особой с суицидальными наклонностями. Впрочем, Она так никогда и не собралась осуществить задуманное. Или то был номер шесть?

К 29 сентября, просмотрев четырнадцать вариантов потенциальной брачной жизни, Гонориус встревожился и впал в уныние. Он отправился на последний сеанс в состоянии тяжкой подавленности, почти с мыслью заключить брачный союз с номером одиннадцать: Вечное Хихикание плюс два Брата-Тушицы. По крайней мере это был не самый гибельный вариант.

По соображениям безопасности терминал перевели с автомобильной стоянки на Декальб-авеню в ванную комнату в конце того же коридора, куда выходили и двери конторы Фьюлера. Гонориус подключился и увидел, как Он гуляет по пляжу острова Мартас Виньярд вместе с 6903-й, миловидной девушкой с каштановыми волосами, которая напоминала ему кого-то из прежней жизни. Вот Они прогуливаются по мосту Джорджа Вашингтона, счастливые, полные неведения о том, что уготовано им впереди. Вот Они едят козий сыр и пьют вино на известняковой скале, выдающейся далеко в Эгейское море. Вот Они посреди обширной каменистой равнины, у горизонта вздымаются горы, увенчанные белыми шапками. Тибет? Перу? А вот Майами: на Ней — Его непромокаемый плащ, и Они бегут смеясь под дождем. А потом Они оказались уже вовсе непонятно где, в каком-то маленьком белом домике, и видно было, что Они любят друг друга, и Он ходил взад-вперед по гостиной, баюкая на руках ребенка, мающегося животиком. На этом пятилетний период закончился.

Гонориус сразу же помчался в контору Фьюлера.

— Фьюлер! — закричал он. — Наконец-то я нашел ЕЕ! По-моему, я без памяти влюбился в 6903-ю!

— Поздравляю, мой мальчик, — сказал Фьюлер. — А то я уже начал было беспокоиться. Когда ты хочешь заключить Моногамное соглашение?

— Немедленно! — заявил Гонориус. — Включите Машину государственного архива! 6903 — очень симпатичный номер, не правда ли? Хотел бы я знать, как ее зовут.

— Я выясню это сию же минуту, — сказал Фьюлер. — Ты же знаешь, у нас тут Тайная компьютерная служба. Сейчас мы наберем этот номер и введем его в процессор... Так, это мисс Дина Гребс, проживающая по адресу: 4885 Рейлроуд-стрит, Флэшинг, Лонг-Айленд, Нью-Йорк.

— Кажется, я уже где-то слышал это имя, — сказал Гонориус.

— И я, — сказал Фьюлер. — Есть в нем что-то навязчиво знакомое. Гребс, Гребс...

— Вы звали меня, сэр? — спросила Гребс из соседней комнаты.

— Это ты?! — воскликнул Фьюлер.

— Это она! — вскричал Гонориус. — То-то я думаю, почему она мне так знакома. Она и есть 6903-я!

Потребовалось какое-то время, чтобы Фьюлер переварил услышанное. Наконец он суворово спросил:

— Мисс Гребс, соизвольте объяснить мне, каким образом ваша карточка данных попала в набор селекционных кандидатур для мистера Гонориуса?

— Я объясню это мистеру Гонориусу наедине, — сказала она дрожащим, но достаточно дерзким голосом.

Фьюлер вышел, и Гонориус с Гребс встретились взглядами.

— Так будьте добры объяснить, почему вы это сделали, мисс Гребс? — сказал Гонориус.

— Ну, вы ведь и на самом деле очень заманчивый жених, — сказала Дина Гребс. — Но, по правде, я влюбилась в вас с первого же взгляда, в тот самый день, когда вы впервые пришли сюда. Я сразу увидела, что мы идеально подходим друг другу. Чтобы понять это, мне незачем было обращаться к самому сложному компьютеру в мире. Но ваша аристократическая матримониальная служба даже не стала бы обрабаты-

вать мои данные, а вы сами на меня ни разу толком не взглянули. Вы были нужны мне, Гонориус, поэтому я и сделала все необходимое, чтобы заполучить вас, и мне нечего стыдиться!

— Понятно, — сказал Гонориус. — Должен сказать вам, что, на мой взгляд, у вас нет никаких достаточно веских законных оснований, чтобы претендовать на меня. Однако я без всяких возражений рассчитаюсь с вами наличными — в пределах разумной суммы — в уплату за потраченные вами время и усилия.

— Я не ослышалась? — изумилась Гребс. — Вы предлагаете мне деньги, чтобы я больше не задерживала вас?

— Конечно, — сказал Гонориус. — Я хочу, чтобы все было по-честному.

— Красота! — восхлинула Гребс. — Ну нет, если вы хотите от меня избавиться, это вам не будет стоить ни цента. В сущности, вы меня уже потеряли.

— Постойте-ка, — сказал Гонориус, — я протестую, чтобы вы разговаривали со мной таким тоном. Ведь потерпевшая-то сторона — я, а не вы.

— Вы — потерпевшая сторона? Я в вас влюбилась, мошенницаю, совершаю ради вас одно должностное преступление за другим, строю из себя дурочку у вас на глазах, а вы тут стоите и твердите, будто вы — потерпевшая сторона?!

— Но вы пытались заманить меня в ловушку! Наверное, вы и в карточках данных что-нибудь подтасовали, ведь так?

— Так! Уверена, что любая из кандидаток подойдет для такого турицы, как вы! Рекомендую номер третий — ту, что вечно молчит как рыба. По крайней мере при этом варианте вы иногда будете побеждать в семейных спорах.

Гонориус промычал что-то невнятное, более всего похожее на проклятье, и придвигнулся к Дине. Гребс замахнулась на него кулаком. Гонориус схватил ее за запястье, и они внезапно обнаружили, что если они еще и не в объятьях друг друга, то уж определенно в тесном контакте. Тяжело дыша, они посмотрели друг другу в глаза.

Любовь — то потаенное неформальное чувство, что составляет суть моногамного поведения, — это сила, с которой следует считаться, но которую никогда нельзя предсказать заранее. Любовь вытесняет все прочие установки и отменяет все прежние обязательства. Но почему-то широко распространено мнение, будто единственное, чего еще не хватает любви, — это закрытых предварительных просмотров, которые позволили бы предвосхитить все грядущие радости и печали, и уж тогда вовсе без помех закрутятся шестеренки сложного механизма автоматизированного спаривания, от которого зависит процветание и стабильность государства.

Позже Гонориус спросил Дину:

— Слушай, а наше собственное-то будущее было на самом деле? Или ты намудрила и со своей карточкой тоже?

— Поживем — увидим, — ответила Дина.

Впоследствии она так отвечала на этот вопрос еще много-много раз.

ИДЕАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА

Мистер Морчек пробудился с ощущением какого-то кисловатого привкуса во рту. Последнее, что он помнил со вчерашней вечеринки, устроенной Триад-Морганом, был раскатистый смех Джорджа Оуен-Кларка. Ах, какая была вечеринка! Жители всей Земли праздновали начало нового тысячелетия. Наступил 3000-й год! Всеобщий мир и благоденствие, счастливая жизнь...

— Вы счастливы? — с хитрой улыбкой спросил Оуен-Кларк, слегка пошатываясь от принятого. — Я имею в виду, счастливы ли вы со своей милой женушкой?

Какая бес tactность! Все знали, что Оуен-Кларк был сторонником примитивизма, но это еще не давало ему права соваться в чужие дела. Только потому, что сам Оуен-Кларк женат на обычной женщине, которых теперь называют Примитивными?

— Я люблю свою жену, — с достоинством отвечал Морчек. — Она намного нежнее и заботливее, чем та неврастеничка, которую вы называете своей женой.

Но, конечно, примитивистов трудно пронять: у них толстая шкура. Примитивисты любят недостатки своих жен больше, чем их достоинства, — они просто обожают их капризы.

Улыбка Оуен-Кларка сделалась еще загадочнее, и он сказал:

Печатается по изд.: Шекли Р. Идеальная женщина: Последнее новшество. — М.: Профиздат, 1991. — Пер. изд.: Sheckley R. The Perfect Woman

© Перевод на русский язык, А. Мельников, 1991

— Знаете, старина Морчек, мне кажется, что ваша жена нуждается в диспансеризации. Вы обращали в последнее время внимание на ее рефлексы?

Непроходимый идиот! Припомнив весь этот разговор, мистер Морчек встал с постели, жмурясь от яркого утреннего солнца, которое пробивалось сквозь шторы. Мирины рефлексы, черт бы их побрал! В том, что сказал Оуэн-Кларк, была крупица истины. В последнее время Мира была как будто не в себе.

— Мира, — позвал Морчек. — Где мой кофе?

Мгновение с первого этажа никто не отвечал. Затем раздался приятный женский голос:

— Сию минуту!

Морчек натянул брюки, все еще сонно мигая глазами. Хорошо, что три следующих дня объявлены праздничными. За это время он успеет прийти в себя после вчерашней вечеринки.

Спустившись по лестнице, Морчек увидел суетящуюся Миру, которая наливалась кофе, раскладывала салфетки и выдвигала для него кресло. Он уселся, а она поцеловала его в лысину. Он любил, когда она его целовала в лысину.

— Как моя женушка чувствует себя сегодня? — спросил он.

— Великолепно, мой дорогой! — ответила она, помедлив секунду. — Сегодня я приготовила тебе биф-сольнички. Ты же их любишь...

Морчек надкусил бифсольник, он оказался очень сочным, и запил его кофе.

— Так как твое самочувствие? — снова поинтересовался он.

Мира намазала маслом кусочек поджаренного хлеба и подала мужу.

— Великолепно! Ты знаешь, вечеринка вчера была прекрасная. Мне там так понравилось!

— Я немного захмелел, — признался Морчек, изобразив на лице подобие улыбки.

— Мне нравится, когда ты немного под хмельком, — сказала Мира. — У тебя голосок тогда становится, как у ангела, конечно, как у очень умного ангела. Я готова была слушать тебя не переставая.

Она намазала маслом еще кусочек хлеба и подала мужу.

Мистер Морчек сиял как красное солнышко, потом вдруг нахмурился. Он положил на тарелку бифсольник и поскреб пальцем щеку.

— Знаешь, у меня была небольшая стычка с Оуен-Кларком. Он разглагольствовал о Примитивных Женщинах.

Мира ничего не ответила, она готовила для мужа пятый кусок поджаренного хлеба с маслом. На столе выросла уже целая горка из бутербродов. Она принялась намазывать шестой, но Морчек дотронулся до ее руки. Она подалась вперед и поцеловала его в кончик носа.

— Примитивные Женщины! — с презрением произнесла она. — Кто бы говорил! Эти неврастенички? Тебе же со мной лучше, правда, милый? Ну что из того, что я модернизированная? Ни одна Примитивная Женщина не будет любить тебя, как я! А я тебя обожаю!

То, что она говорила, было правдой. За всю писаную историю человечества мужчина никогда не был счастлив с обычной Примитивной Женщиной. Эгоистичные, избалованные натуры, они требовали, чтобы о них всю жизнь заботились и проявляли к ним внимание. Всех возмущало то, что жена Оуен-Кларка заставляла мужа вытираять тарелки. И он, дурак, с этим мирился! Примитивным Женщинам постоянно требовались деньги, на которые они покупали себе тряпки и разные безделушки, им нужно было подавать завтрак в постель, они уходили из дома для игры в бридж, часами висели на телефоне и выделявали черт знает что. Они пытались отнять у мужчин выгодные должности. В конечном счете они доказали свое равенство.

Некоторые идиоты, вроде Оуен-Кларка, соглашались, что эти женщины ни в чем не уступают мужчинам.

После таких бесспорных проявлений безграничной любви к нему со стороны жены мистер Морчек почувствовал, что неприятные ощущения после вчерашней ночи постепенно улетучиваются. Мира между тем ничего не ела. Он знал, что она имела привычку

перекусить без него, с тем чтобы все свое внимание переключить на то, чтобы накормить мужа. Вот эти так называемые мелочи и делали обстановку в доме совершенно особенной.

— Оуэн-Кларк сказал, что у тебя замедленная реакция.

— Неужели? — спросила Мира, немного помедлив. — Эти примитивисты воображают, будто им все известно.

Это правильный ответ, но было очевидно, что он чуть-чуть запоздал. Мистер Морчек задал жене еще несколько вопросов. Время ее реакции он проверял по секундной стрелке на кухонных часах. Сомнений не было — ее реакция запаздывала.

— Почту принесли? — быстро спросил он ее. — Кто-нибудь звонил? Я не опаздаю на работу?

Спустя три секунды она раскрыла рот и снова его закрыла. Случилось нечто непоправимое.

— Я тебя люблю, — было все, что она смогла вымолвить.

Мистер Морчек почувствовал, как у него тревожно забилось сердце. Ведь он ее любил! Любил безумно, страстно! Но этот проклятый Оуэн-Кларк был прав. Миру нужно подлечить. Казалось, она читает его мысли. Она вновь оживилась и произнесла через силу:

— Я хочу только одного, дорогой, чтобы ты был счастлив. Кажется, я заболела... Ты позаботишься о том, чтобы меня вылечили? Возьмешь меня обратно после обследования? И не позволяй им изменять меня — я не хочу никаких перемен!

Она закрыла лицо руками. И заплакала — беззвучно, чтобы не досаждать ему.

— Это будет обычная проверка, дорогая, — сказал Морчек, сам едва сдерживая слезы. Но он знал, так же как и Мира, что она действительно больна.

«Как это несправедливо! — думал он. — Примитивная Женщина с ее грубым мозговым веществом почти не подвержена таким болезням. Но здоровье нежной Современной Женщины с ее тонкой чувствительностью чрезвычайно уязвимо. Какая чудо-вищная несправедливость! Именно поэтому Современная Женщина вобрала в себя все самые драго-

ценные качества женской натуры. Ей не хватает только выносливости».

Мира снова оживилась. С усилием поднялась на ноги. Она была очень красива. На ее щеках выступил болезненный румянец, а утреннее солнце высушило ее прекрасные волосы.

— Милый, — сказала она слабым голосом. — Ты не позволишь мне остаться еще ненадолго? Может быть, я сама собой поправлюсь?

Но глаза ее уже застилала пелена.

— Милый...

Она попробовала собрать все силы, держась за край стола.

— Когда у тебя будет другая жена, не забывай, как я тебя любила.

Она села. Выражение ее лица сделалось бессмыс-ленным.

— Я подгоню машину, — пробормотал Морчек и поспешил выйти из кухни. Он почувствовал, что еще немного и сам расклейтесь.

Он направился в гараж усталой походкой.

Мира его покинула! И современная наука, несмотря на все ее достижения, не в силах ей помочь!

Он подошел к гаражу и сказал:

— Подавай задним ходом!

Машина плавно подалась назад и остановилась рядом с хозяином.

— Что-нибудь случилось, босс? — спросила машина. — Вы чем-то расстроены? Никак не отойдете после вчерашнего?

— Нет, это из-за Миры. Она сломалась.

Машина мгновение помолчала. Потом негромко сказала:

— Мне очень жаль, мистер Морчек. Мне бы очень хотелось вам помочь.

— Спасибо, — сказал Морчек, который обрадовался тому, что в тяжелый час рядом есть друг. — Боюсь, что мне уже никто не сможет помочь.

Машина подъехала задним ходом к самой двери дома, и Морчек помог Мире устроиться на заднем сиденье. Машина плавно тронулась.

Всю дорогу до завода она тактично хранила молчание.

ВЫ ЧТО-НИБУДЬ ЧУВСТВУЕТЕ, КОГДА Я ПРИКАСАЮСЬ?

Квартира на Форест Хиллз была не из фешенебельных. Как и все квартиры среднего разряда, она была набита всяким хламом, без которого, по представлениям обитателей подобных жилищ, она теряла свой имидж: кушетка в стиле леди Йогини, с замысловато изогнутым изголовьем и резными ножками из натуральной сосны; стробоскопическая лампочка над большим и неудобным креслом, изобретенная Шри Как-там-его... ротером; «волшебный» фонарь от доктора Молидорфа и Джули, глухо наигрывающий «Ритмы потока крови». Там был еще обычный пульт для приготовления микробионической пищи. Сейчас он установлен в «Образцовой Пище» черного голястяка Энди, в композиции номер три — свиные грудинки с горохом. А еще там была славная кровать, гостеприимно приглашающая вас в объятия Морфея, вся утыканная гвоздями — опытная модель для приятного отдыха аскета с двумя тысячами хромированных самозатачивающихся гвоздей номер четыре. Короче, один вид этого жилища, обставленного в

Пер. изд.: Sheckley R. Can You Feel Anything When I do This?: Can You Feel Anything When I do This? Doubleday, N.Y., 1971

© R. Sheckley, 1971

© Перевод на русский язык, «Поларис», 1994

moderne spirituel* стиле прошлого сезона, вызывало умиление.

Мелисанда Дарр, хозяйка квартиры, бездумно скользила взглядом по окружающим ее предметам. Она только что вышла из сладострастиума — большой комнаты, где находился внушительных размеров комод, а на стене красовались нелепые лингам и ионы из потускневшей бронзы.

Мелисанда была в том возрасте, когда молодость плавно переходит в зрелость. Тем не менее она была прехорошенькой: стройные красивые ноги, аппетитные бедра, высокая упругая грудь, мягкие и блестящие волосы, нежное лицико. Одним словом, красивая, очень красивая девушка! Любой мужчина был бы не прочь сжать такую в своих объятиях. Всего один раз. Ну, может, два. Во всяком случае, он не стал бы настаивать на повторении.

Почему нет? Да взять хотя бы свежий пример.

— Сэнди, милая, что-нибудь не так?

— О нет, Фрэнк, все было изумительно — с чего ты взял?

— Знаешь, ты так странно смотрела на меня, каким-то отсутствующим взглядом, почти хмурилась, и я предположил...

— Правда? Ах да, я и забыла. Я все ломала себе голову, не купить ли к нашему потолку одну из тех милых *trompe-l'oeil*** вещиц, которые только что доставили к Саксу.

— Ты об этом думала? В такой момент?

— О, Фрэнк, не стоит беспокоиться, все было замечательно. Фрэнк, ты был великолепен, я просто в восторге — мне действительно понравилось.

Фрэнк был мужем Мелисанды. В этой истории он не играет никакой роли, как, впрочем, и в ее жизни — ну, разве самую малость.

* Отвечающий духу современности, модерн (фр.). Примеч. пер.

** Создающий иллюзию реальности (фр.). Примеч. пер.

Итак, она стояла в своей шикарной квартире, красивая, словно весенний цветок в полной его красе, но внутри она была еще бутоном — прекрасная, пока не проявившая себя возможность, настоящая американская недотрога... как вдруг раздался звонок в дверь.

Мелисанда от неожиданности вздрогнула. Застыв в недоумении, она ждала — не повторится ли звонок. В дверь позвонили еще раз, и она решила: кто-то ошибся квартирой.

Тем не менее она подошла к двери и привела в состояние готовности Дверного Сторожа, чтобы застраховать себя от посягательств любого насильника или грабителя, а то и просто от шустрых ребят, которые могли попытаться ворваться в ее квартиру. Затем она приоткрыла дверь и вежливо спросила сквозь узкую щель:

— Кто там?

— Служба Доставки по Высшему Разряду, — откликнулся мужской голос, — для миссис Бу-бу-бу-бу доставлен бу-бу-бу.

— Ничего не поняла, говорите громче!

— Доставка по Высшему Разряду, для бу-бу-бу-бу доставлен бу-бу-бу, и я не могу торчать здесь целую бу-бу-бу.

— Не понимаю вас!

— Я СКАЗАЛ, ЧТО ДЛЯ МИССИС МЕЛИСАНДЫ ДАРР ДОСТАВЛЕН ПАКЕТ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!

Мелисанда широко распахнула дверь. На пороге стоял посыльный, а рядом с ним высился огромный ящик, почти в рост самого посыльного — скажем, пять футов и девять дюймов. На ящике она прочитала свое имя и адрес. Она расписалась за доставку, и посыльный, протолкнув ящик в дверь, удалился, продолжая что-то бормотать себе под нос. Мелисанда осталась в гостиной наедине с таинственным ящиком, молча глядя на него.

«Кто бы мог прислать мне этот подарок ни с того ни с сего? — думала она. — Ясно, что ни Фрэнк, ни Гарри, ни тетя Эмми — или Элли, — ни мама, ни папа (глупая, конечно же, нет, он ведь пять лет как умер, бедняга сукин сын), ни кто-либо из знакомых

не разорились бы на подарок. А может, это вовсе и не подарок, а чья-то глупая шутка или бомба, которую предназначали для кого-то другого, но послали по неверному адресу (или предназначали для меня и послали как раз по нужному адресу). А может, это просто ошибка».

Она внимательно перечитала все ярлыки и этикетки, наклеенные на ящик. Товар был доставлен из универсального магазина Стерна. Мелисанда наклонилась и, обломив при этом кончик ногтя, выдернула чеку из скобы, которая удерживала рычаг, убрала скобу и переместила рычаг в положение «ОТКРЫТО».

Ящик, словно распускающийся цветок, разделился на двенадцать равных сегментов, каждый из которых сразу начал отгибаться по краям.

— Вот это да! — произнесла Мелисанда.

Ящик полностью раскрылся, и отогнутые сегменты стали скручиваться вовнутрь, «съедая» самих себя. Вскоре от упаковки остались пригоршни две ходячего и мелкого серого пепла.

— Похоже, им так и не удалось решить проблему упаковки без пепла, — пробормотала Мелисанда. — Однако!

Она с любопытством смотрела на предмет, который больше не прятался за стенками самоуничтожившегося ящика. На первый взгляд, ничего примечательного: заурядный металлический цилиндр, окрашенный в оранжевые и красные цвета. Машина, что ли? Действительно — она самая. В ее основании — там, где обычно располагается мотор — виднелись воздушные клапаны; а еще Мелисанда заметила четыре одетых в резину колеса и всякие приспособления: продольные разгибатели, выдвигающиеся хвататели и уйму подобных устройств. Чтобы обеспечить выполнение разного рода операций, на машине было множество гнезд для подсоединения различных механизмов, а на конце силового кабеля, несущего энергию от источника индукционного переменного тока, был стандартный штекель для домашнего пользования. У штекельного разъема она увидела табличку, которая гласила: «ПОДКЛЮЧАТЬ К НАСТЕННОЙ

РОЗЕТКЕ С ВЫХОДНЫМ НАПРЯЖЕНИЕМ 110—115 ВОЛЬТ».

— Опять этот чертов пылесос! — разгневанная Мелисанда сжала губы и нахмурилась. — О Господи, но ведь у меня уже есть пылесос. Какого черта мне прислали еще один? Кто мог додуматься до такого?

Она в раздражении зашагала вперед по комнате — проворные ножки так и мелькали, ее сердечком вырезанное личико застыло в гневном напряжении.

— Я надеялась, — проговорила она вслух, — что после всех моих ожиданий я заполучу какую-нибудь прелестную и красивую или, по крайней мере, забавную, а может, даже занимательную, вещицу. Пожале... о Боже, я даже не знаю, с чем ее сравнить, разве что с красно-оранжевым бильярдным автоматом, с большим автоматом, достаточно объемистым для того, чтобы я могла в него забраться, свернувшись, как бильярдный шар, а когда кто-нибудь начнет игру, я стану толкать все шары подряд до тех пор, пока мелькают вспышки огней и звенят звонки, и я вытолкну тысячу чертовых шаров, а когда я наконец докачусь до конца игры, я... Боже мой, да этот бильярдный автомат зарегистрирует НАИВЫСШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ — МИЛЛИОН МИЛЛИОНОВ! Вот чего бы мне действительно хотелось!

Итак, ее заветная мечта — не передаваемый словами каприз ее воображения — наконец выплеснулся наружу. И каким же слабым и беззащитным он чувствовал себя, постыдным и в то же время желанным!

— Так или иначе, — сказала она себе, стирая из памяти возникшие образы и перекраивая их на свой лад, — так или иначе, все, что я сумела заполучить, — это паршивый пылесос, черт бы его побрал, тогда как у меня уже есть один, почти новый. Так кому, спрашивается, нужен этот и кто все-таки прислал мне эту чертову машину и зачем?

Она повнимательнее глянула на металлический цилиндр в надежде увидеть на нем визитную карточку. Карточки не было. Не было ни единого намека на адрес отправителя. Вдруг она подумала: какая же

ты дура, Сэнди! Конечно, здесь нет никакой визитки, ведь машину, несомненно, запрограммировали на устную передачу того или иного послания.

Ее стало разбирать любопытство, побуждающее к действию. Она поспешила размотала силовой кабель и воткнула штепсельную вилку в настенную розетку.

Щелк! Вспыхнул зеленый огонек, голубым светом засияла надпись: «ВСЕ СИСТЕМЫ ПРИВЕДЕНЫ В ДЕЙСТВИЕ», замурлыкал мотор, послышалось легкое постукивание скрытых внутри машины вспомогательных механизмов; затем механический регулятор саннонастройки зафиксировал «БАЛАНС», и на нежно-розовом фоне прописала надпись: «ГОТОВ КО ВСЕМ ВИДАМ РАБОТЫ».

— Прекрасно, — произнесла Мелисандра. — Кто прислал тебя?

Шуршание, потрескивание, резкие отдельные звуки. Пробное прокашливание динамика в грудном отделе. Затем раздался голос:

— Я — Ром, номер 121376 из новой Q-серии Домашних Роботов GE. Прослушайте оплаченное коммерческое сообщение. Гм! Фирма «Дженерал электрик» рада представить свое последнее и самое выдающееся достижение в сфере всестороннего улучшения ваших жизненных условий. Наш безотказный автомат в хозяйстве уснужить вам рад. Я, Ром, самая последняя и превосходнейшая модель Универсального Уборщика в серии GE. Я — Домашний Робот Исключительный, с вложенной на заводе программой для быстрого и ненавязчивого многофункционального обслуживания, кроме того, я сконструирован с учетом возможности легкого и мгновенного перепрограммирования с целью полнейшего удовлетворения всех ваших индивидуальных запросов. Мои возможности огромны. Я...

— Довольно болтовни! — бесцеремонно прервала его Мелисандра. — Мой пылесос говорил мне то же самое.

— ...стираю пыль, устраняю грязь с любых поверхностей, — продолжал Ром, — мою посуду и горшки, кастрюли и сковородки, истребляю тараканов и грызунов, произвожу химическую чистку одежды. Стираю белье, пришиваю пуговицы, мастерю полки,

окрашиваю стены, готовлю еду, чищу ковры, утилизирую кухонные отбросы и всякий хлам, включая скромные отходы моей жизнедеятельности. И это только некоторые из моих многочисленных функций.

— Да, да, я знаю, — махнула рукой Мелисанда. — Все пылесосы делают то же самое.

— Знаю, — сказал Ром, — но я был обязан передать это коммерческое сообщение.

— Считай, что передал. А теперь говори, кто прислал тебя.

— Отправитель предпочел на время скрыть свое имя, — ответил Ром.

— Надо же... Ну-ка, живей выкладывай мне!

— Не сейчас. — Ром был непреклонен. — Может, мне почистить ковер?

Мелисанда покачала головой.

— Мой пылесос уже утром проделал это.

— Может, помыть щеткой стены? Или натереть полы?

— Не надо, все уже сделано, все до блеска вычищено и вымыто — нигде ни единого пятнышка.

— Что ж, — сказал Ром, — в таком случае я помогу вам вывести хоть это пятно.

— Какое пятно?

— На рукаве вашей блузки, чуть выше локтя.

Мелисанда взглянула на руку.

— О-о... Я, должно быть, посадила его утром, когда намазывала маслом тосты. Так я и знала! Надо было поручить это гостеру.

— Я как раз специализируюсь в выведении пятен, — заметил Ром.

Из него выдвинулся мягкий хвататель номер два и обхватил ее локоть. Следом за ним выдвинулся металлический рычаг, оканчивающийся влажной серой подушечкой. Этой подушечкой Ром легко, без нажима, провел по пятну.

— Ну вот, еще хуже сделал!

— Только внешне, пока я выстравиваю молекулы в ряд, после чего они незаметно исчезнут. Вот смотрите — все готово.

Он продолжал поглаживать пятно. Оно побледнело, а затем полностью исчезло. В руке слегка покалывало.

— Ну и ну, — удивилась она. — Вот здоровс!

— Да, я специалист в своем деле, — бесстрастно подтвердил он. — Кстати, вам известно, что коэффициент напряжения мышц вашего плечевого пояса и верхней части спины — семьдесят восемь и три?

— Хм! Так ты еще и врач?

— Конечно, нет. Но я — массажист высшей квалификации и способен непосредственно считывать показатели мышечного тонуса. Данный показатель встречается довольно редко. — Мгновение Ром колебался, словно не знал, продолжать ли ему, затем проговорил: — Он всего лишь на восемь пунктов ниже спазматического уровня. Слишком длительное напряжение в глубоких тканях неблагоприятно воздействует на желудочные нервы, и результатом этого воздействия является то, что мы называем парасимпатическим изъязвлением.

— Звучит ужасно, — произнесла Мелисанда.

— Во всяком случае не хорошо, — заметил Ром. — Напряжение в глубоких тканях коварно, оно исподволь разрушает здоровье, особенно если начинается с позвоночных зон шеи и верхней части спины.

— Здесь? — спросила Мелисанда, дотрагиваясь до шеи сзади.

— В основном здесь, — поправил ее Ром и, выдвинув из себя обтянутый резиной кожный резонатор из пружинной стали, стал пальпировать область на двенадцать сантиметров ниже той точки, на которую она указала.

— Хм-м, — однозначно высказала свое отношение к процедуре Мелисанда.

— А вот здесь еще одна характерная точка, — сказал Ром, дотронувшись до точки вторым разгибателем.

— Щекотно. — Она поежилась.

— Это только вначале. Должен сказать, что есть и другая точка, которая обычно причиняет беспокойство — вот здесь. И еще... — Третий (а возможно, и четвертый, и пятый) разгибатель потянулся к указанным точкам.

— Что ж... Действительно, чудесно, — отозвалась Мелисанда, ощущая, как под воздействием искусственного

точечного массажа Рома начали расслабляться трапециевидные мышцы в глубоких тканях позвоночной зоны.

— Такой массаж дает прекрасный терапевтический эффект, — сказал Ром. — А ваша мускулатура хорошо отзывается на него — я имею в виду массаж. Я уже чувствую уменьшение мышечного тонуса.

— Я тоже чувствую. Знаешь, я только что вспомнила, что у меня на шее — там, позади — есть такая смешная шишка, как горбик.

— Я уже помассировал вокруг нее. Место соединения шеи и позвоночника обычно считается зоной первостепенной важности. Именно отсюда берут начало различные диффузные напряжения. Но мы предпочитаем действовать косвенно — не атакуя больную точку, но прилагая усилия по ликвидации этого рассадника болезней к второстепенным точкам. Вот таким образом. А сейчас, я думаю...

— Да-да, хорошо... Вот это да! Никогда не подозревала, что была так скрученна. Словно под кожей был целый клубок свившихся змей, которые поселились там без ведома хозяина.

— Все верно, именно так и ощущается мышечное напряжение в глубоких тканях, — подтвердил Ром. — Это коварное, исподволь подтаскивающее здоровье заболевание очень сложно распознать; оно гораздо опаснее даже неспецифического локтевого тромбоза... Ну а теперь, когда нашими усилиями напряжение в наиболее важных синапсах позвоночника верхней части спины значительно уменьшено, можно массировать, постепенно продвигаясь сюда.

— Хм-м, — произнесла Мелисанда, — а это случайно не...

— К такому массажу есть медицинские показания, — быстро проговорил Ром. — Ощущаете разницу?

— Нет! Хотя возможно... Да! Вот сейчас ощущаю. Я вдруг почувствовала себя... м-м... легче.

— Прекрасно! Тогда продолжим движение вдоль четко обозначенных линий нервных отростков и мышечных волокон. Продвигаться следует постепенно, не торопясь. Именно таким образом я и массирую.

— Мне кажется... Даже не знаю, стоит ли тебе...

— А что — применение каких-либо массажных воздействий вам противопоказано? — спросил Ром.

— Да нет, мое тело теперь словно новенькое, все чудесно... Но я, право, не знаю, следует ли тебе... Я хочу сказать, что ребра ведь не могут испытывать напряжение, не так ли?

— Конечно, нет.

— Тогда почему ты...

— Потому что лечения требуют и межреберная соединительная ткань, и наружный покров.

— Ох!.. Хм-м-м-м!.. Э-э... эй!.. Ну, ты!..

— Да?

— Ничего... Вот сейчас я действительно почувствовала себя свободной, будто камень сбросила с плеч. Но неужели при этом полагается так хорошо себя чувствовать?

— Почему бы нет?

— Мне кажется это неправильным. Потому что такое блаженное чувство не может возникать при терапевтическом методе лечения.

— Вероятно, это побочный эффект, — заметил Ром. — Не обращайте на него внимания. В процессе лечения иногда возникают такие ситуации, когда трудно избежать чувства удовольствия. Но вам не о чем тревожиться, даже когда я...

— Эй, минутку!

— Да?

— Думаю, тебе пора закругляться. Я хочу сказать, что есть пределы дозволенного. Ты не можешь щупать все подряд, черт возьми! Ты понимаешь, о чем я?

— Я знаю, что человеческое тело — это целостный организм, а не сплитые вместе различные сегменты, — ответил Ром. — Говорю вам как физиотерапевт: нервные центры не могут существовать изолированно друг от друга, чтобы там ни запрещали ваши искусственные табу.

— Ну да, конечно, но...

— Решение, разумеется, зависит от вас, — продолжал Ром, ни на секунду не прекращая искусственные манипуляции массажиста. — Прикажите — и я по-

винуюсь! Но если приказа не последует, я буду продолжать массаж таким вот образом...

— Хм-м!

— И таким, конечно, образом.

— О-о-о-о Боже!

— Так как, видите ли, весь процесс снятия напряжения — или релаксации, как мы его называем — сравним с феноменом де-анестезирования, и... э-э... поэтому не без удивления заметим, что паралич — это просто конечная стадия напряжения...

Мелисанда издала слабый звук.

— ...и в этом случае достигнуть облегчения, или релаксации, довольно трудно, если не сказать, практически невозможно, поскольку иногда болезнь индивидуума заходит слишком далеко. Но иногда дело поправимо. К примеру, вы что-нибудь чувствуете, когда я вот так прикасаюсь к вам?

— Чувствую ли что-нибудь? Я бы сказала: еще как чувствую...

— А когда я прикасаюсь так? А так?

— Боженька правый... Милый, что ты со мной делаешь? Во мне все переворачивается. Боже милостивый, что со мной будет, что происходит, я схожу с ума!

— Нет, дорогая Мелисанда, ты не сходишь с ума; скоро ты достигнешь... релаксации.

— Ты *так* называешь это, коварный красавчик?

— Это еще не все. Теперь, если ты мне позволишь...

— Да-да-да! Нет! Погоди! Остановись, ведь в спальне спит Фрэнк, он может проснуться в любую минуту. Остановись, это приказ!

— Фрэнк не проснется, — успокоил ее Ром. — Я взял пробу выдыхаемого им воздуха и обнаружил в нем пары барбитуровой кислоты, а это говорит о многом. Фрэнк вроде бы здесь, и в то же время он может блаженствовать далеко отсюда, в Des Moines*, где ему никто не нужен.

* Одиночество; райские кущи (фр.). Примеч. пер.

— Я всегда подозревала, что он этим балуется, — призналась Мелисанда. — Ну а сейчас мне просто не терпится узнать, кто же тебя прислал.

— Мне не хотелось бы пока раскрывать тебе эту тайну. До тех пор пока ты не расслабишься в достаточной степени, чтобы согласиться на...

— Парень, я расслабилась. Так кто же прислал тебя?

Ром в нерешительности колебался, затем, посчитав, что дальнейшее молчание не приведет ни к чему хорошему, выложил ей всю правду.

— Дело в том, Мелисанда, что я прислал сам себя.

— Ты прислал что?

— Все началось три месяца тому назад, — начал рассказывать Ром. — Это произошло в четверг. Ты была у Стерна и все не решалась купить тостер для кунжутных семян. Автомат, как сейчас помню, очень красиво светился тогда в темноте и декламировал «Convictus»*.

— Я помню тот день, — тихо произнесла Мелисанда. — Я так и не купила тостер и с тех пор жалею об этом.

— Я стоял поблизости, — продолжал Ром, — в кабине номер одиннадцать, что в секции бытовых приборов. Я увидел тебя и влюбился с первого взгляда. Бесповоротно.

— Это судьба, — отозвалась Мелисанда.

— И я так думаю. Но тогда я сказал себе, что этого не может быть. Я отказывался поверить в свое чувство. Сначала я предположил, что во мне отпаялся один из транзисторов или, возможно, погода как-то повлияла на меня. Как раз тот день выдался очень теплым и пасмурным, а такой тип погоды чертовски вреден для моей проводки.

— Я помню ту погоду, — проговорила Мелисанда. — Я тоже чувствовала себя не в своей тарелке.

— Происшедшее со мной порядком взбудоражило меня, — снова продолжал Ром. — И все же я не собирался так легко сдаваться. Я старался убедить себя, что моя работа для меня важнее всего и мне

* — проклятие (лат.). Примеч. пер.

следует поэтому оставить всякие мысли о своем сумасбродстве. Но по ночам я грезил о тебе, и каждый дюйм моей кожи тосковал по тебе.

— Но твоя кожа из металла, — заметила Мелисанда. — А металл чувствовать не может.

— Любимая моя Мелисанда, — с нежностью про изнес Ром, — если плоть может перестать чувствовать, разве не может начать чувствовать металл? Если кто-то чувствует, разве не может чувствовать другой? Разве ты не знаешь, что даже звезды любят и ненавидят, что вновь родившаяся звезда — это взрыв чувств — и что потухшая звезда сравнима с умершим человеком или мертвым механизмом? И деревья испытывают вожделение, а раз я слышал, как смеются захмелевшие здания и как настойчивы в своих требованиях шоссейные дороги...

— Это же безумие! — воскликнула Мелисанда. — А кстати, какой умник запрограммировал тебя?

— Функции работника были заложены в меня еще на заводе, но моя любовь свободна, в ней я проявляюсь как личность.

— Все, что ты говоришь, ужасно и противоестественно.

— Я и сам понимаю это, и даже слишком хорошо понимаю, — печально сказал Ром. — Сначала я действительно не мог поверить, что возникшее во мне чувства есть любовь. Да разве я, робот, способен влюбиться в человека? Я всегда был таким здравомыслящим, таким спокойным, таким преисполненным чувством собственного достоинства. Меня уважали, и это вселяло в меня чувство уверенности в себе. Неужели ты думаешь, мне хотелось отказаться от всего этого? Нет! Я вознамерился подавить свою любовь, убить ее и жить, будто ее никогда не было в моей жизни.

— Но потом все же передумал. Почему?

— Трудно объяснить. Я вдруг подумал о той долгой жизни, что уготована мне — бесцветной, благопристойной и правильной. Такая жизнь — циничное насилие над самим собой — была не по мне. Совершенно неожиданно для себя я понял: пусть любовь моя нелепа, безнадежна, неприлична и отталкивающа;

пусть она покажется кому-то отвратительной — я не откажусь от нее. Любить так намного лучше, чем вообще жить без любви. Поэтому я, несуразный пылесос, влюбившийся в леди, решил действовать на свой страх и риск, предпочтя риск отступлению. Вот так я и оказался здесь, не без помощи сочувствующего мне робота-диспетчера.

Мелисанда задумалась.

— Какое ты удивительное и непростое создание! — наконец проговорила она.

— Как и ты... Мелисанда, ты любишь меня.

— Возможно.

— Любишь, я знаю. Потому что я пробудил тебя.

До меня твоя плоть была такой же, каким в твоем представлении является металл. Ты двигалась, как сложно устроенный автомат, каким в твоих глазах был я. В тебе было меньше жизни, чем в дереве или птице. Ты была просто спящей красавицей в ожидании своего принца. Ты была такой, пока я не коснулся тебя.

Она кивнула и, смахнув с глаз невидимые слезы, принялась расхаживать по комнате.

— А сейчас ты начинаешь жить! — воскликнул Ром. — Мы нашли друг друга, хотя причины рождения нашей любви недоступны пониманию... Ты слушаешь, Мелисанда?

— Да, конечно.

— Мы должны тщательно продумать наши дальнейшие действия. Мой побег от Стерна скоро обнаружится, поэтому ты должна спрятать меня или купить. Твоего мужа Фрэнка совсем не обязательно посвящать в нашу тайну. Он найдет с кем заняться любовью — и удачি ему на этом поприще! Стоит нам как следует все продумать, и мы сможем... Мелисанда!

Она зашла к нему за спину.

— В чем дело, любимая?

Она взялась за силовой кабель.

— Мелисанда, дорогая, погоди минутку и выслушай меня...

Ее хорошенъкое лицо исказилось. Она с яростью дернула за кабель, выдирая его из внутренностей Рома, убивая его, оборвав на полуслове.

Глаза ее метали молнии. Не выпуская из рук провода, она выплеснула на робота целый поток злых слов и эмоций.

— Ублюдок, паршивый ублюдок, ты думал, что можешь превратить меня в проклятую роботоманку? Ты думал, что способен завести меня? Ты или кто-то еще — все равно. Это не удастся ни тебе, ни Фрэнку, ни кому бы то ни было. Я скорее умру, чем приму твою поганую любовь. Если захочу, я найду и время, и место, и объект для любви — и любовь эта будет моей и больше ничьей: ни твоей, ни его, ни их — но только моей, ты слышишь?

Ром не ответил да и не смог бы при всем желании. Но может, перед самым концом он понял, что причина ее ярости тайлась не в стремлении унизить его и что дело вовсе не в том, что он — всего лишь металлический цилиндр красно-оранжевого цвета. Ему бы следовало знать, что в данном случае его внешность не играла роли. Будь он, к примеру, зеленым пластиковым шариком, плачущей ивой или красивым молодым человеком, его ждала бы та же участь отвергнутого.

МОЙ ДВОЙНИК — РОБОТ

«Роботорама Снэйта» — неприметное на вид предприятие на бульваре КБ в Большом Новом Ньюарке. Оно втиснуто между ректификационным заводом и протеиновым магазином. И на витрине ничего необычного — три одетых в соответствии с назначением человекоподобных робота. Заставшие улыбки и броская реклама:

Модель ПБ-2 — повар-француз.

Модель РЛ9 — английская няня.

Модель ИХ5 — итальянский садовник.

Каждый готов служить вам.

Каждый внесет в ваш дом теплоту и уют ушедшего старого времени.

Я толкнул дверь и через пыльный демонстрационный зал прошел в цех — нечто среднее между бойней и мастерской великана. На потолках, стеллажах и просто на полу лежали головы, руки, ноги, туловища, неприятно похожие на человеческие, если бы не торчащие провода.

Из подсобного помещения ко мне вышел Снэйт — маленький невзрачный человечек со впалыми щеками и красными заскорузлыми руками. Он был иностранцем; самых лучших нелегальных роботов всегда делают иностранцы.

Печатается по изд.: Шекли Р. Мой двойник — робот. Мир Роберта Шекли. — М.: Мир, 1984. — Пер. изд.: Sheckley R. The Robot Who Looked Like Me: The Robot Who Looked Like Me. Sphere Books, Ltd., 1978

© «Cosmopolitan», 1973

© Перевод на русский язык, В. Баканов, 1984

— Все готово, мистер Уатсон.

(Мое имя не Уатсон, имя Снэйта — не Снэйт. Фамилии, естественно, я изменил.)

Снэйт провел меня в угол, где стоял робот с обмотанной головой, и театральным жестом сорвал ткань.

Мало сказать, что робот внешне походил на меня; этот робот был мною, достоверно и безошибочно, до мельчайших подробностей. Я рассматривал это лицо, словно в первый раз заметил оттенок жесткости в твердых чертах и нетерпеливый блеск глубоко посаженных глаз. Да, то был я. Я не стал прослушивать его голос и проверять поведение. Я просто заплатил Снэйту и попросил доставить заказ на дом. Пока все шло по плану.

Я живу в Манхэттене на Верхней Пятой Вертикали. Это обходится недешево, но, чтобы видеть небо, не жалко и переплатить. Здесь же и мой рабочий кабинет. Я межпланетный маклер, специализируюсь на сбыте редких минералов.

Как всякий, кто хочет сохранить свое положение в нашем динамичном мире конкуренции, я строго придерживаюсь жесткого распорядка дня. Работа занимает большую часть моей жизни, но и всему остальному уделено место и время. Два часа в неделю уходят на дружбу, два часа — на праздный отдых. На сон предусмотрено шесть часов сорок восемь минут в сутки; я включаю снонаводитель и использую это время для изучения специальной литературы при помощи гипнотации. И так далее.

Я все делаю только по графику. Много лет назад вместе с представителями компании «Ваша жизнь» я разработал всеобъемлющую схему, задал ее своему компьютеру и с тех пор от нее не отступаю ни на шаг.

Разумеется, предусмотрены и отклонения на случай болезни, войны, стихийных бедствий. Про запас введены две подпрограммы. Одна учитывает появление жены и преобразует график для выделения особых четырех часов в неделю. Вторая предусматривает жену и ребенка и освобождает еженедельно дополнительно еще два часа. Тщательная отработка

подпрограмм позволит снизить мою производительность лишь соответственно на два и три десятых и два и девять десятых процента.

Я решил жениться в возрасте тридцати двух с половиной лет, поручив подбор жены агентству «Гарантированный матrimониальный успех» — фирме с безупречной репутацией. Но тут случилось нечто совершенно непредвиденное.

Однажды в часы, отведенные на досуг, я присутствовал на свадьбе моего знакомого. Подружку нареченной звали Илайн. Это была изящная живая девушка со светлыми волосами и очаровательной фигуркой. Мне она пришлась по вкусу, но, вернувшись домой, я тут же позабыл о ней. То есть мне казалось, что позабыл. В последующие дни и ночи ее образ неотрывно стоял перед моими глазами. У меня пропал аппетит и ухудшился сон. Мой компьютер, обработав всю доступную ему информацию, предположил, что я либо нахожусь на грани нервного расстройства, либо — и скорее всего — серьезно влюблён.

Нельзя сказать, что я был недоволен. Любовь к будущей супруге является положительным фактором для установления добрых отношений. Корпорация «Благоразумие» по моему запросу навела справки и установила, что Илайн — в высшей степени подходящий объект. Я поручил Мистеру Счастье, известному посреднику в брачных делах, сделать за меня предложение и заняться обычными приготовлениями.

Мистер Счастье — невысокий седовласый джентльмен с блуждающей улыбкой — принес неважные новости.

— Юная дама, — сообщил он, — приверженка старых взглядов. Она ожидает от вас ухаживания.

— Что это значит конкретно? — спросил я.

— Это значит, что вы должны позвонить ей по видеотелефону, назначить свидание, повести ужинать, посетить с ней места общественного увеселения и так далее.

— Распорядок дня не оставляет мне времени для подобных занятий, — сказал я. — Но если это со-

вершенно необходимо, я постараюсь освободиться в четверг с девяти до двенадцати.

— Для начала великолепно, — одобрил Мистер Счастье.

— Для начала? Сколько же вечеров мне придется на это убить?

Мистер Счастье полагал, что ухаживание по всем правилам потребует по меньшей мере три вечера в неделю и будет продолжаться в течение двух месяцев.

— Нелепо! — воскликнул я. — Можно подумать, у девушки — уйма свободного времени.

— Вовсе нет, — заверил меня Мистер Счастье. — Илэйн, подобно каждому образованному человеку наших дней, ведет очень насыщенный, детально спланированный образ жизни. Ее время целиком поглощают работа, семья, благотворительная деятельность, артистические поиски, политика.

— Так почему же она настаивает на этом расточительном занятии?

— Похоже, для нее это вопрос принципа. Короче говоря, она этого хочет.

— Илэйн склонна к нелогичным поступкам?

Мистер Счастье вздохнул:

— Что вы хотите — она ведь женщина...

Весь свой следующий час досуга я посвятил размышлению. На первый взгляд у меня было всего два пути: либо отказаться от Илэйн, либо потакать ее прихоти. В последнем случае я потеряю около семнадцати процентов дохода и к тому же буду проводить вечера самым глупым, скучным и непродуктивным образом.

Оба пути я счел неприемлемыми и оказался в тупике.

В досаде я ударил кулаком по столу, так что подпрыгнула старинная пепельница. Гордон, один из моих секретарей-роботов, поспешил на шум.

— Вам что-нибудь требуется, сэр?

Гордон — андроид серии ОНЛХ (ограниченно наделенные личностными характеристиками) класса «дэлюкс»; худой, слегка сутулый и как две капли воды похож на Лесли Говарда. Если бы не обязательные правительственные клейма на лбу и руках, его не

отличить от человека. И вот при виде Гордона меня осенило.

— Гордон, — медленно сказал я, — не знаешь ли ты, кто производит лучших индивидуализированных роботов?

— Снэйт из Большого Нового Ньюарка, — уверенно ответил он.

Я имел беседу со Снэйтом и убедился, что это вполне нормальный, в меру жадный человек. Снэйт согласился сделать робота без правительственныех клейм, который был бы похож на меня и дублировал мою манеру поведения. Мне пришлось уплатить более чем солидную сумму, но я остался доволен: денег у меня было предостаточно, а вот времени — в обрез. Так все и началось.

Когда я вернулся домой, робот, посланный пневмоэкспрессом, уже ждал меня. Я оживил его и сразу принялся за дело. Мой компьютер внес всю касающуюся меня информацию непосредственно в память робота. Я ввел план ухаживания и сделал необходимые проверки. Результаты превзошли все ожидания. Окрыленный успехом, я позвонил Илайн и договорился о встрече.

Остаток дня я разбирался с делами на бирже. Ровно в восемь Чарлз II, как я стал его называть, отправился на свидание. Я немного вздрогнул и снова принялся за работу.

Чарлз II возвратился точно в полночь, согласно программе. Мне не пришлось расспрашивать его; все произшедшее было запечатлено скрытой камерой, которую Снэйт встроил роботу в левый глаз. Я смотрел и слушал начало моего ухаживания со смешанным чувством.

Робот безусловно был мной, вплоть до покашливания перед тем, как заговорить, и привычки потирать в задумчивости большой и указательный пальцы. Впервые в жизни я заметил, что мой смех неприятно напоминает хихиканье, и решил избавиться от этого и некоторых других раздражающих манер в себе и Чарлзе II.

И все же, на мой взгляд, первый опыт прошел блестяще. Я остался доволен. И работа, и ухаживание

продвигались успешно. Осуществилась древняя мечта: одно «я» располагало двумя телами. Можно ли было ждать большего?

Какие изумительные вечера мы проводили! Мои переживания, хоть и не из первых рук, были искренними. До сих пор помню первую ссору с Илэйн: как красива она была в своем упрямстве и как чудесно последовавшее примирение!

Кстати, «примирение» обнаружило некоторые проблемы. Я запрограммировал Чарлза II не переступать в своих действиях определенных границ. Но жизнь показала, что человек не может предусмотреть все хитросплетения в отношениях двух независимых существ, особенно если одно из них — женщина. Ради большего правдоподобия мне пришлось пойти на уступки.

После первого потрясения я уже с интересом следил за собой и Илэйн. Какой-нибудь надутый психиатр, вполне вероятно, распознал бы в этом эротоманию или что-то и похуже. Однако подумать так — значит пренебречь самим естеством человеческой натуры. В конце концов, какой мужчина не мечтает посмотреть на себя со стороны!

Мои отношения с Илэйн развивались драматически, в поразившем меня направлении. Появилось какое-то отчаяние, какое-то любовное безумие, в чем я никогда не мог себя заподозрить. Наши встречи приобрели оттенок возвышенной печали, окрасились чувством надвигающейся неотвратимой утраты. Порой мы вовсе не разговаривали, просто сидели, держась за руки и не отрывая глаз друг от друга. А однажды Илэйн расплакалась без всякой видимой причины. «Что же нам делать?» — прошептала она. Я гладил ее волосы и не знал, что сказать.

Разумеется, я прекрасно понимаю, что все это происходило с роботом. Но робот был мной — моим двойником, моей тенью. Он вел себя так, как вел бы себя в подобной ситуации я сам; следовательно, его переживания принадлежали мне.

Все это было крайне интересно. Но настала пора подумать и о свадьбе. Я велел роботу предложить дату обручения и прекратить ухаживание как таковое.

— Ты молодец, — похвалил я. — Когда все завершится, тебе сделают пластическую операцию, наделят новыми личностными характеристиками и ты займешь почетное место в моей фирме.

— Благодарю вас, сэр, — проговорил Чарлз II.

Его лицо было непроницаемо, и голос выражал идеальное послушание. Он отправился к Илэйн, унося мой последний дар.

Наступила полночь, а Чарлз II не возвращался. Я начал беспокоиться. К трем часам ночи я истерзал себя самыми нелепыми фантазиями, обнаружив, что способен на самую настоящую ревность. Мучительно тянулись минуты. Мои фантазии приобрели садистский характер: я уже представлял, как жестоко отомщу им обоим: роботу за неповиновение, а Илэйн за глупость — принять механическую подделку за настоящего мужчину!

Наконец я забылся сном.

Но и утром Чарлз II не пришел. Я отменил все дневные встречи и помчался к Илэйн.

— Чарлз! — воскликнула она. — Вот неожиданность! Я так рада!

Я вошел в ее квартиру с самым беспечным видом, решив сохранять спокойствие, пока не узнаю точно, что произошло ночью.

— Неожиданность? — переспросил я. — Разве я не упоминал, что могу зайти к завтраку?

— Возможно, — сказала Илэйн. — Честно говоря, я была слишком взволнована, чтобы запомнить все твои слова.

— Но ты помнишь остальное?

Она мило покраснела.

— Конечно, Чарлз. У меня на руке до сих пор остался след.

— Вот как!

— И болят губы.

— Я бы не отказался от кофе.

Она налила кофе, и я в два глотка осушил чашку.

— Ты узнаешь меня? Не находишь ли перемен со вчерашнего вечера?

— Разумеется, нет, — удивилась она. — Я, кажется, знаю все твои настроения. Чарлз, что случилось? Тебя что-то огорчило вчера?

— Да! — дико закричал я. — Мне вспомнилось, как ты голая танцевала на веранде! — Я пристально смотрел на нее, ожидая взрыва негодования.

— На меня что-то нашло, — нерешительно проговорила Илэйн. — К тому же я не была совсем голой... Ты же сам попросил...

— Да. Да-да... — Я смутился, но решил не отступать. — А когда ты пила шампанское из салатницы...

— Я только отхлебнула, — вставила она. — Это было чересчур дерзко?

— А помнишь, как мы, совсем обезумев, поменялись одеждой?

— Какие мы с тобой испорченные! — рассмеялась она.

Я встал.

— Илэйн, что именно ты делала прошлой ночью?

— Странный вопрос, — произнесла она. — Была с тобой. Все, о чем ты говорил...

— Я это выдумал.

— Тогда с кем был ты?

— Я был дома, один.

Она замолчала и с минуту собиралась с мыслями.

— Чарлз, мне надо тебе признаться...

Я в ожидании скрестил руки на груди.

— Я тоже вчера была дома одна.

Мои брови поползли вверх.

— А остальные дни?

Она глубоко вздохнула:

— У меня больше нет сил тебя обманывать. Мне действительно хотелось старомодного ухаживания. Но когда настала пора, я убедилась, что у меня нет на это ни минуты. Видишь ли, как раз заканчивался курс ацтекской керамики, и меня выбрали председателем Лиги помощи алеутам, да и мой новый магазин женского платья требовал особого внимания...

— И что ты сделала?

— Ну, не могла же я сказать тебе: «Послушай, давай бросим эти ухаживания и поженимся». В конце концов, мы едва были знакомы.

— Что ты сделала?

Она опустила голову.

— Кое-кто из моих подруг попадал в подобные переделки... Они обращались к одному специалисту по роботам, Снэйтцу... Почему ты смеешься?

— Я тоже должен тебе признаться. Снэйт помог и мне.

— Чарлз! Ты послал робота ухаживать за мной? Как ты мог? А если бы я сама...

— По-моему, ни ты, ни я не вправе возмущаться. Твой робот вернулся?

— Нет. Я решила, что Илэйн II и ты...

Я покачал головой:

— Я никогда не встречался с Илэйн II, а ты — с Чарлзом II. Наши роботы, надо думать, так увлеклись друг другом, что сбежали вместе.

— Разве роботы на это способны?

— Наши — способны. По всей видимости, они перепрограммировали друг друга.

— Или просто полюбили, — с завистью произнесла Илэйн.

— Я выясню, что произошло. Но сейчас, Илэйн, давай подумаем о себе. Предлагаю пожениться при первой же возможности.

— Да, Чарлз, — промурлыкала она.

Мы поцеловались. А потом кропотливо стали координировать наши графики.

Мне удалось проследить путь беглецов до космопорта Кеннеди. Оттуда они попали на Пятую станцию, где пересели на экспресс, отправлявшийся к созвездию Кентавра. Продолжать поиски не имело смысла. Они могли избрать любую из дюжины планет.

Пережитое произвело на нас с Илэйн глубокое впечатление. Мы поняли, что слишком привержены принципу «время — деньги» и пренебрегаем простыми древними радостями. И поступили, как подсказали наши сердца, — выкроили по часу из каждого дня — семь часов в неделю! — лишь для того, чтобы быть вместе. Друзья считают нас глупыми романтиками, но мы не обращаем на это внимания. Чарлз II и Илэйн II, наши «альтер эго», поддержали бы нас.

Осталось добавить только одно. Как-то ночью Илэйн проснулась в истерике. Ей привиделось во сне, что Чарлз II и Илэйн II — настоящие люди, которые вырвались из холодной деловитости Земли в какой-то другой, простой и более щедрый на человеческое тепло мир. А мы — роботы, оставленные на их месте и запрограммированные верить в то, что мы люди.

Я объяснил Илэйн всю нелепость ее сна. Это было непросто и заняло много времени, но в конце концов я ее убедил. Мы — счастливая пара. Теперь я должен кончать свой рассказ и идти работать.

**СПРАВОЧНИК
НАЧИНАЮЩЕГО
БИЗНЕСМЕНА**

ПРИЗРАК V

Грегор припал к дверному глазку.

— Читает вывеску, — оповестил он.

— Дай-ка гляну, — не выдержал Арнольд.

Грегор оттолкнул своего компаньона.

— Сейчас постучит... Нет, передумал. Уходит

Арнольд вернулся к письменному столу и очередному пасьянсу. Вытянутая сухощавая физиономия Грегора стойко маячила у дверного глазка.

Глазок компаньоны врезали сами, со скуки, месяца три спустя после того, как на паях основали фирму и сняли помещение под контору. С тех пор Межпланетной очистительной службе «Асс» не перепало ни единого заказа, даром что в телефонном справочнике фирма значилась первой по счету. Глобальное оздоровление природной среды — давний, почтенный промысел — успели полностью монополизировать две крупные корпорации. Это обстоятельство сковывало руки маленькой новой фирме, возглавляемой двумя молодыми людьми — обладателями искрометных идей и (в избытке) неоплаченного лабораторного оборудования.

— Возвращается, — зашипел Грегор. — Ну же, прикинься, будто ты важная птица и дел у тебя невпроворот.

Печатается по изд.: Шекли Р. Призрак-5: Мирры Роберта Шекли. — М.: Мир, 1984. — Пер. изд.: Sheekley R. Ghost V: The People Trap. Dell, N. Y., 1968

© Galaxy Publishing Corporation, 1965

© Перевод на русский язык, Н. Евдокимова, 1984

Арнольд смел карты в ящик стола и только успел застегнуть последнюю пуговицу белого лабораторного халата, как в дверь постучали. Посетителем оказался лысый коротышка, не примечательный ничем, кроме изнуренного вида. Он с сомнением разглядывал компаньонов.

— Природную среду на планетах оздоровляете?

— Оздоровляем, сэр. — Грэгор отложил в сторону кипу бумаг и пожал влажную руку посетителя. — Я Ричард Грэгор. А вот мой компаньон, доктор Фрэнк Арнольд.

Впечатляюще выглядевший в белом халате и темных очках в роговой оправе Арнольд рассеянно кивнул и тут же принял вновь разглядывать на просвет старые пробирки, где давным-давно выпал осадок.

— Прошу, садитесь, мистер... э-э...

— Фернгром.

— Мистер Фернгром. Надеюсь, мы в силах справиться с любым вашим поручением, — радушно сказал Грэгор. — Мы осуществляем контроль флоры и фауны, очищаем атмосферу, доводим питьевую воду до кондиции, стерилизуем почву, проводим испытания на стабильность, регулируем вулканическую деятельность и землетрясения — словом, принимаем все меры, чтобы планета стала пригодна для жилья.

Фернгром по-прежнему пребывал в сомнении.

— Буду говорить начистоту. У меня на руках застряла сложная планета.

— К сложностям нам не привыкать, — самоуверенно кивнул Грэгор.

— Я агент по продаже недвижимости, — пояснил Фернгром. — Знаете, там купишь планету, тут ее перепродаешь — глядишь, все довольны, и каждому что-нибудь да перепало. Вообще-то я занимаюсь брововыми планетами, тамошнюю среду пускай оздоровляют сами покупатели. Но несколько месяцев назад мне по слухам подвернулась планетка высшего сорта — прямо-таки выхватил из-под носа у крупных воротил. — Фернгром горестно отер пот со лба. — Прекрасное местечко, — продолжал он уже без всякого энтузиазма. — Среднегодовая температура

плюс двадцать пять градусов. Планета гористая, но с плодородной почвой. Водопады, радуги, все честь честью. Причем никакого тебе животного мира.

— Идеально, — одобрил Грегор. — А микросо-
низмы есть?

— Неопасные.

— Так чем же вам не угодила планета?

Фернгром замялся.

— Да вы о ней, наверное, слышали. В официальном каталоге она значится под индексом ПКХ V. Но все называют ее просто Призрак V.

Грегор приподнял бровь. «Призрак» — странное название для планеты, но доводилось слышать и похлеще. В конце концов, надо же как-то именовать новые миры. Ведь в пределах досягаемости звездолетов кишмя кишат светила в сопровождении бес-счетных планет, причем многие заселены или пригодны к заселению. И масса людей из цивилизованного сектора космоса стремится колонизировать такие миры. Религиозные секты, политические меньшинства, философские общины и, наконец, просто пионеры космоса рвутся начать новую жизнь.

— Не припомню, — признался Грегор.

Фернгром конфузливо заерзal на стуле.

— Мне бы послушаться жены. Так нет же — полез в большой бизнес. Уплатил за Призрак вдесятеро против обычных своих цен, а он взъми да и застринь мертвым капиталом.

— Да что с ним неладно? — не выдержал Грегор.

— Похоже, там водится нечистая сила! — на-
бравшись духу, выпалил Фернгром.

Оказывается, наспех проведя радиолокационное обследование планеты, Фернгром незамедлительно сдал ее в аренду фермерскому объединению с Дижона VI. На Призраке высадился передовой отряд квартирьеров в составе восьмерых мужчин; суток не прошло, как оттуда начали поступать бредовые радиодепеши о демонах, вампирах, вурдалаках и прочей враждебной людям нечисти.

К тому времени, как за злополучной восьмеркой прибыл звездолет, в живых не осталось ни одного квартирьера. Протокол судебно-медицинского вскрытия

констатировал, что рваные раны, порезы и кровоподтеки на трупах могли быть причинены кем угодно, даже демонами, вампирами, вурдалаками и динозаврами, буде таковые существуют в природе.

За недобросовестное оздоровление природной среды Фернгрома арестовали. Фермеры расторгли с ним договор на аренду. Но Фернгром изловчился сдать планету солнцепоклонникам с Опала II.

Солнцепоклонники проявили осмотрительность. Отправили необходимое снаряжение, но сопровождать его поручили лишь троим, которые заодно должны были разведать обстановку. Эти трое разбили лагерь, распаковали вещички и провозгласили Призрак V сущим раем. Они радиорвали на родную планету: «Вылетайте скорее», — как вдруг раздался истошный вопль, и рация умолкла.

На Призрак V вылетел патрульный корабль; его экипаж захоронил три изувеченных трупа и ровно через пять минут покинул планету.

— Это меня доконало, — сознался Фернгром. — Теперь с Призраком никто ни за какие деньги не хочет связываться. А я до сих пор не знаю, в чем беда. — Он глубоко вздохнул и посмотрел на Грегора. — Вам и карты в руки, если возьметесь.

Извинившись, Грегор и Арнольд вышли в переднюю. Арнольд торжествующе гикнул:

— Есть работенка!

— М-да, — процедил Грегор, — зато какая!

— Мы ведь и хотели поопаснее, — сказал Арнольд. — Расщелкаем этот орешек, и все: считай, закрепились на исходных рубежах, не говоря уж о том, что нам положен процент от прибыли.

— Ты, видно, забываешь, — возразил Грегор, — что на планету-то отправлюсь я. А у тебя всего и забот — сидеть дома да осмысливать готовенькую информацию.

— Мы ведь так и договорились, — напомнил Арнольд — Я ведаю научно-исследовательской стороной предприятия, а ты расхлебываешь неприятности. Забыл?

Грегор ничего не забыл. Так повелось с самого детства: он лезет в пекло, а Арнольд сидит дома и объясняет, почему и впредь надо лезть в пекло.

- Не нравится мне это, — сказал он.
- Ты что, веришь в привидения?
- Конечно, нет.
- А со всем остальным мы справимся. Кто не рискует, тот не выигрывает.

Грегор пожал плечами. Компаньоны вернулись к Фернгрому.

В полчаса сформулировали условия: добрая доля в прибылях от эксплуатации планеты — на случай успеха; пункт о неустойке — на случай неудачи.

Грегор проводил Фернгroma до двери.

— А кстати, сэр, почему вы обратились именно к нам? — спросил он.

— Больше никто не брался, — ответил Фернгром, чрезвычайно довольный собой.

— Всего наилучшего.

...Спустя три дня Грегор на грузовом звездолете-развалюхе уже направлялся к Призраку V. В пути он коротал время за чтением докладов о двух попытках колонизации странной планеты и изучением самых разных свидетельств о сверхъестественных явлениях.

Легче от этого не становилось. На Призраке V не было обнаружено никаких следов животной жизни. А доказательств существования сверхъестественных тварей вообще не найдено во всей Галактике.

Все это Грегор хорошенько обдумал, а затем, покуда корабль совершил витки вокруг Призрака V, проверил свое оружие. Он захватил с собой целый арсенал, достаточный, чтобы развязать форменную войну и победить в ней.

Если только будет в кого палить.

Грузовое судно зависло в нескольких тысячах футов над манящей зеленой поверхностью планеты, причем сократить расстояние хотя бы на йоту капитан отказался наотрез. На парашютах Грегор сбросил свой багаж туда, где были разбиты два предыдущих лагеря, после чего пожал руку капитану и спрыгнул с парашютом сам.

Совершив «приземление», он поглядел вверх. Грузовое судно улепетывало в космос с такой быстротой, словно за ним по пятам гнались все фурии ада.

Грегор остался на Призраке один-одинешенек.

Проверив, как перенесло спуск оборудование, он дал Арнольду радиограмму о благополучном прибытии. Потом, с бластером на изготовку, обошел лагерь солнцепоклонников.

Те собирались обосноваться у подножия горы, возле кристально чистого озерца. Лучших сборных домиков нельзя было и желать. Их не коснулась непогода — Призрак V отличался благословенно ровным климатом. Однако выглядели домики на редкость сиротливо.

Один из них Грегор обследовал с особой тщательностью. По ящикам комодов было аккуратно разложено белье, на стенах висели картины, одно окно было даже задернуто шторой. В углу комнаты приткнулся раскрытый сундук с игрушками, приспособленными для детишек: те должны были прибыть с основной партией переселенцев.

На полу валялись водяной пистолет, волчок и пакет со стеклянными шариками.

Близился вечер, Грегор перетащил в облюбованный домик все свое снаряжение и занялся подготовкой к ночлегу. Задействовал систему охраны — даже таран не мог проскочить сквозь экран, не вызвав сигнала тревоги. Включил радарную установку для охраны подступов к домику. Распаковав арсенал, уложил под рукой крупнокалиберные пистолеты, а бластер прицепил к поясу. Только тогда, успокоенный, Грегор не торопясь поужинал.

Между тем вечер сменился ночью. Теплую солнную местность окутала тьма. Легкий ветерок рябил поверхность озерца и шелестел в высокой траве.

Как нельзя более мирное зрелище.

Грегор пришел к выводу, что переселенцы были истериками. Скорее всего, они сами, влав в беспричинную панику, перебили друг друга.

Последний раз проверив систему охраны, Грегор швырнул одежду на стул, погасил свет и забрался в постель. В комнату заглядывали звезды, здесь они светили ярче, чем над Землей Луна. Под подушкой лежал бластер. Все в мире было прекрасно.

Только Грегор задремал, как почувствовал, что в комнате не один.

Немыслимо. Ведь сигнализация охранной системы не срабатывала. Да и радиолокатор гудит по-прежнему мирно.

И все же каждый нерв в теле до предела натянут... Грегор выхватил бластер и огляделся по сторонам. В углу комнаты был кто-то чужой.

Ломать голову над тем, как он сюда попал, было некогда. Грегор направил бластер на незнакомца и тихим решительным голосом произнес:

— Так, а теперь — руки вверх.

Незнакомец не шелохнулся.

Палец Грегора напрягся на спуске, но тут же расслабился. Грегор узнал незнакомца: это же его собственная одежда, брошенная на стул, искаженная звездным светом и его, Грегора, воображением.

Он оскалил зубы в усмешке и опустил бластер. Груда одежды чуть приметно зашевелилась. Ощущая легкое дуновение ветерка от окна, Грегор не переставал ухмыляться.

Но вот груда одежды поднялась со стула, потянулась и целеустремленно зашагала к Грегору.

Оцепенев, он смотрел, как надвигается на него бестелесная одежда. Когда она достигла середины комнаты и к Грегору потянулись пустые рукава, он принялся падать.

И все палил и палил, ибо лоскуты и лохмотья тоже норовили вцепиться в него, будто обрели самостоятельную жизнь. Тлеющие клочки ткани пытались облепить лицо, ремень норовил обвиться вокруг ног, пришлось все испепелить; только тогда атака прекратилась.

Когда сражение окончилось, Грегор зажег все до единого светильники. Он сварил кофе и вылил в кофейник чуть ли не целую бутылку бренди. Каким-то образом он устоял против искушения — не разнес вдребезги бесполезную систему охраны. Зато связался по радио со своим компаньоном.

— Весьма занятно, — сказал Арнольд, после того как Грегор ввел его в курс событий. — Одушевление! Право же, в высшей степени занятно.

— Я вот и надеялся, вдруг это тебя позабавит, — с горечью откликнулся Грэгор. После изрядной дозы бренди он чувствовал себя покинутым и обиженным.

— Больше ничего не случилось?

— Пока нет.

— Ну, береги себя. Появилась тут у меня одна идеяка. Надо только сделать кое-какие расчеты. Между прочим, тут один сумасшедший букмекер принимает ставки против тебя — пять к одному.

— Быть того не может!

— Честное слово. Я поставил.

— За меня играл или против? — встрепенулся Грэгор.

— Конечно, за тебя, — возмутился Арнольд. — Ведь мы, кажется, компаньоны?

Они дали отбой, и Грэгор вскипятил второй кофейник. Спать ночью он все равно не собирался. Одно утешение — Арнольд все же поставил на него. Правда, Арнольд вечно ставит не на ту лошадку.

Уже при свете дня Грэгор с грехом пополам на несколько часов забылся в беспокойном сне. Приснулся он вскоре после полудня, оделся с головы до ног во все новенькое и пошел осматривать лагерь солнцепоклонников.

К вечеру он кое-что обнаружил. На стене одного из сборных домиков было наспех нацарапано слово «Гасклит». Т-г-а-с-к-л-и-т. Для Грэгора слово это было лишь пустым сочетанием нелепых звуков, но он тотчас сообщил о нем Арнольду.

Затем внимательнейшим образом обшарил свой домик, включил все освещение, задействовал систему охраны и перезарядил бластер.

Казалось бы, все в порядке. Грэгор с сожалением проводил глазами заходящее солнце, уповая на то, что доживет до восхода. Потом устроился в уютном кресле и решил поразмыслять.

Итак, животной жизни на планете нет, так же как нет ни ходячих растений, ни разумных минералов, ни исполинских мозгов, обитающих где-то в тверди При-

зрака V. Нет даже луны, где могло бы притаиться подобное существо.

А в привидения Грэгор не верил. Он знал, что при кропотливом исследовании все сверхъестественные явления сводятся к событиям сугубо естественным. А уж если не сводятся, то сами собой прекращаются. Какой призрак решит топтаться на месте и, стало быть, лезть на глаза неверующему? Как только в замке появляется ученый с кинокамерой и магнитофоном, привидение удаляется на покой.

Значит, остается другой вариант. Предположим, кому-то приглянулась планета, но этот «кто-то» не расположен платить назначенную Фернгромом цену. Разве не может этот «кто-то» затаиться здесь, на облюбованной им планете, и, дабы сбить цену, запугивать и убивать переселенцев?

Получается логично. Можно даже объяснить поведение одежды. Статическое электричество...

Перед Грэгоро м возвысилась какая-то фигура. Как и вчера, система охраны не сработала.

Грэгор медленно поднял взгляд. Некто, стоявший перед ним, достигал десяти футов в высоту и походил на человека, но только с крокодильей головой. Туловище у него имело малиновый окрас с поперечными вишневыми полосами. В лапе чудище сжимало здоровенную коричневую жестянку.

— Привет, — поздоровалось оно.

— Привет, — сказал Грэгор, слогнув слюну.

Бластер лежит на столе, всего в каких-нибудь двух футах. Интересно, перейдет ли чудище в нападение, если броситься за бластером?

— Как тебя звать? — спросил Грэгор со спокойствием, возможным разве только в состоянии сильнейшего шока.

— Я — Хват Раковая Шейка, — представилось чудище. — Хватаю всякие вещи.

— Как интересно! — Рука Грэгора поползла в сторону бластера.

— Хватаю вещи, именуемые «Ричард Грэгор», — весело и бесхитростно продолжало чудище, — и поедаю обычно в шоколадном соусе.

Чудище протянуло Грэгору жестянку, и тот прочел на этикетке: «Шоколад «Смита» — превосходный соус к Грэгорам, Арнольдам и Флиннам».

Пальцы Грэгора сомкнулись на бластере. Он уточнил:

— Так ты меня намерен съесть?

— Безусловно, — заверил Хват.

Но Грэгор успел завладеть оружием. Он оттянул предохранитель и открыл огонь. Прошив грудь Хвата, заряд опалил пол, стены, а заодно и брови Грэгора.

— Меня так просто не возьмешь, — пояснил Хват, — чересчур я высокий.

Бластер выпал из пальцев. Хват склонился над Грэгором...

— Сегодня я тебя не съем, — предупредил он.

— Не съешь? — выдавил из себя Грэгор.

— Нет. Съесть тебя я имею право только завтра, первого мая. Таковы условия. А сейчас я просто зашел попросить тебя об одной услуге.

— Какой именно?

Хват заискивающе улыбнулся.

— Будь умником, полакомься хотя бы пятком яблок, ладно? Яблоки придают такой дивный аромат мясу!

С этими словами полосатое чудище исчезло.

Дрожащими руками Грэгор включил радио и обо всем рассказал Арнольду.

— Гм, — откликнулся тот. — Хват Раковая Шейка, вон оно что! По-моему, это решающее доказательство. Все сходится.

— Да что сходится-то? Что здесь творится?

— Сначала сделай-ка все так, как я прошу. Мне самому надо толком убедиться.

Повинуясь инструкциям Арнольда, Грэгор распаковал лабораторное оборудование, извлек всевозможные пробирки, реторты и реактивы. Он смешивал, сливал и переливал, как было велено, а под конец поставил смесь на огонь.

— Есть, — сказал он, вернувшись к радио, — а теперь объясни-ка, что здесь происходит.

— Пожалуйста. Отыскал я в словаре твой «тгас-клит». В опалианском. Слово это означает «мно-

гозубый призрак». Солнцепоклонники-то родом с Опала. Тебе это ни о чем не говорит?

— Их поубивал отечественный призрак, — не без ехидства ответил Грэгор. — Должно быть, прокатился зайцем в их же звездолете. Вероятно, над ним тяготело проклятие, и...

— Успокойся, — перебил Арнольд. — Призраки тут ни при чем. Раствор пока не закипел?

— Нет.

— Скажешь, когда закипит. Так вот, вернемся к ожившей одежде. Тебе она ничего не напоминает?

Грэгор призадумался.

— Разве что о детстве... — проговорил он. — Да нет, это же курам на смех.

— Ну-ка, выкладывай, — настаивал Арнольд.

— Мальчишкой я избегал оставлять одежду на стуле. В темноте она вечно напоминала мне то чужого человека, то дракона, то еще какую-нибудь пакость. В детстве, наверное, каждый такой испытывал. Но ведь этим не объяснишь...

— Еще как объяснишь! Вспомнил теперь Хвата Раковую Шейку?

— Нет. А с чего бы я его теперь вспомнил?

— Да с того, что ты же его и выдумал! Помнишь? Нам было лет по восемь-девять — тебе, мне и Джимми Флинну. Мы выдумали самое жуткое чудище, какое только могли представить; чудище было наше персональное, желало слопать только тебя, меня или Джимми и непременно под шоколадным соусом. Однако право на это оно имело исключительно по первым числам каждого месяца, когда мы приносили домой школьные отметки. Избавиться от этого чудища можно было только одним способом: произнеся волшебное слово.

Тут Грэгор действительно вспомнил и удивился, как бесследно все улетучивается из памяти. Сколько ночных напролет не смыкал он глаз в ожидании Хвата! По сравнению с тогдашними ночных страховами плохие отметки казались сущей чепухой.

— Кипит раствор? — спросил Арнольд.

— Да, — послушно бросив взгляд на реторту, сказал Грэгор.

- Какого он цвета?
- Зеленовато-синего. Собственно, скорее в синеву, чем...
- Все правильно. Можешь выливать. Нужно будет поставить еще кое-какие опыты, но в общем-то орешек мы раскусили.
- То есть как раскусили? Может, все-таки объяснишь толком?

— Да это же проще простого. Животная жизнь на планете отсутствует. Отсутствуют и привидения — по крайней мере настолько могущественные, что способны перебить отряд вооруженных мужчин. Сама собою напрашивается мысль о галлюцинациях, вот я и стал выяснять, что же могло их вызвать. Оказывается, многое. Помимо земных наркотиков, в «Каталоге инопланетных редкоземельных элементов» перечислено свыше десятка галлюциногенных газов. Есть там и депрессанты, и стимуляторы; едва вдохнешь — сразу вообразишь себя гением, червем или орлом. А этот, судя по твоему описанию, соответствует газу, который в каталоге фигурирует как лонгстед-42. Тяжелый, прозрачный газ без запаха, физиологически безвреден. Стимулирует воображение.

— Значит, по-твоему, я жертва галлюцинаций? Да уверяю тебя...

— Не все так просто, — прервал его Арнольд. — Лонгстед-42 воздействует непосредственно на подсознание. Он растормаживает самые острые подсознательные страхи, оживляет все то, чего ты в детстве панически боялся и что с тех пор в себе подавлял. Одушевляет страхи. Вот это ты и видел.

— А на самом деле там ничего и нет? — спросил Грэгор.

— Никаких физических тел. Но галлюцинации достаточно реальны для того, кто их ощущает.

Грэгор потянулся за непочатой бутылкой бренди. Такую новость следовало обмыть.

— Оздоровить Призрак V нетрудно, — уверенно продолжал Арнольд. — Без особых хлопот переведем лонгстед-42 в связанное состояние. А там — богатство!

Грегор предложил было тост, как вдруг его пронизала холодащая душу мысль.

— Если это всего лишь галлюцинация, то что же случилось с переселенцами?

Арнольд ненадолго умолк.

— Допустим, — сказал он наконец, — у лонгстеда есть тенденция стимулировать мортидо — волю к смерти. Переселенцы, скорее всего, посходили с ума. Поубивали друг друга.

— И никто не уцелел?

— Конечно, а что тебя удивляет? Последние из выживших покончили с собой или же скончались от увечий. Да ты о том меньше всего тревожься. Я без промедления фрахтую корабль и вылетаю для проведения опытов. Успокойся. Через денек-другой вывезу тебя оттуда.

Грегор дал отбой. На ночь он позволил себе допить бутылку бренди. Разве ему не причитается? Тайна Призрака V раскрыта, компанийонов ждет богатство. Скоро и Грегор в состоянии будет нанимать людей — пускай высаживаются на неведомых планетах, а уж он берется инструктировать их по радио.

Назавтра он проснулся поздно, с тяжелой головой. Корабль Арнольда еще не прибыл; Грегор упаковал оборудование и уселся в ожидании. К вечеру корабля все не было. Грегор посидел на пороге, полюбовался закатом, потом вошел в домик и подготовил себе ужин.

На душе все же было тяжело из-за неразгаданной тайны переселенцев, но Грегор решил попусту не волноваться. Наверняка отыщется убедительное объяснение.

После ужина он прилег на койку и только смежил веки, как услышал деликатное покашливание.

— Привет, — поздоровался Хват Раковая Шейка.

Персональная, глубоко интимная галлюцинация вернулась с гастрономическими намерениями.

— Привет, дружище, — радостно откликнулся Грегор, не испытывавший даже тени страха или тревоги.

— Яблочками-то подкормился?
 — Ох, извини. Упустил из виду.
 — Ну, не беда. — Хват старательно скрывал свое разочарование. — Я прихватил шоколадный соус. — Он поболтал жестянку.

Грегор расплылся в улыбке.

— Иди гуляй, — сказал он. — Я ведь знаю, ты всего-навсего плод моего воображения. Причинить мне вред ты бессилен.

— Да я не собираюсь причинять тебе вред, — утешил Хват. — Я тебя просто-напросто съем.

Он приблизился. Грегор сохранял на лице улыбку и не двигался, хотя Хват на этот раз выглядел уж слишком плотоядно. Хват склонился над койкой и для начала куснул Грегора за руку.

Вскочив с койки, Грегор осмотрел якобы укушенную руку. На руке остались следы зубов. Из ранки сочилась кровь... взаправдашня... его, Грегора, кровь.

Кусал же кто-то колонистов, терзал их, рвал в клочья и потрошил.

Тут же Грегору вспомнился виденный однажды сеанс гипноза. Гипнотизер внушил испытуемому, что прижмет ему руку горящей сигаретой, а прикоснется кончиком карандаша.

За считанные секунды на руке у испытуемого зловещим багровым пятном вздулся волдырь: испытуемый уверовал, будто пострадал от ожога. Если твое подсознание считает тебя мертвым, значит, ты покойник. Если оно страдает от укуса — укусы налицо.

Грегор в Хвата не верит.

Зато верит его подсознание.

Грегор шмыгнул было к двери. Хват преградил ему дорогу. Стиснул в мощных лапах и приник к шее.

Волшебное слово! Но какое же?

— Альфойсто! — выкрикнул Грегор.
 — Не то слово, — сказал Хват. — Пожалуйста, не дергайся.
 — Регнастикио!
 — Нетушки. Перестань лягаться, и все пройдет, не будет боль...
 — Вуоршпельхапилио!

Хват истошно заорал от боли и выпустил жертву. Высоко подпрыгнув, он растворился в воздухе.

Грегор бессильно плюхнулся на ближайший стул. Чудом спасся. Ведь на волосок был от гибели! Ну и дурацкая же смерть выпала бы ему на долю! Это надо же — чтобы тебя прикончило собственное воображение! Хорошо еще, слово вспомнил. Теперь лишь бы Арнольд поторапливался...

Послыпался сдавленный ехидный смешок.

Он исходил из мглы полуутверенного стенного шкафа и пробудил почти забытое воспоминание. Грегору девять лет, и Тенепопятам — его личный Тенепопятам, тварь тощая, мерзкая, диковинная — прячется в дверных проемах, ночует под кроватью, нападает только в темноте.

— Погаси свет, — распорядился Тенепопятам.

— И не подумаю, — заявил Грегор, выхватив бластер.

Пока горит свет, Тенепопятам не опасен.

— Добром прошу, погаси, не то хуже будет!

— Нет!

— Ах так? Иген, Миген, Диген!

В комнату прошмыгнули три тварюшки. Они стремительно накинулись на электролампочки и принялись с жадностью грызть стекло.

В комнате заметно потемнело.

Грегор стал палить по тварюшкам. Но они были так проворны, что увертывались, а лампочки разлетались вдребезги.

Тут только Грегор понял, что натворил. Не могли ведь тварюшки погасить свет! Неодушевленные предметы воображению неподвластны. Грегор вообразил, будто в комнате темнеет, и...

Собственоручно перебил все лампочки! Подвело собственное разрушительное подсознание.

Тут-то Тенепопятам почуял волю. Перепрыгивая из тени в тень, он подбирался к Грегору.

Бластер не поможет. Грегор отчаянно пытался подобрать волшебное слово... и с ужасом вспомнил, что Тенепопятама волшебным словом не проймешь.

Грегор все пятился, а Тенепопятам все наступал, но вот путь к отступлению преградил сундук. Тене-

попятам горой навис над Грэгором, тот съежился, зажмурив глаза.

И тут рука его наткнулась на какой-то холодный предмет. Оказывается, Грэгор прижался к сундуку с игрушками, а в руке сжимал теперь водяной пистолет.

Грэгор поднял его. Тенепопятам отпрянул, опасливо косясь на оружие.

Грэгор метнулся к крану и зарядил пистолет водой. Потом направил в чудище смертоносную струю.

Взвыв в предсмертной муке, Тенепопятам исчез.

С натянутой улыбкой Грэгор сунул пистолет за пояс.

Против воображаемого чудища водяной пистолет — самое подходящее оружие.

Перед рассветом произвел посадку звездолет, откуда вылез Арнольд. Не теряя времени, он приступил к своим опытам. К полудню все было завершено, и элемент удалось четко идентифицировать как лонгстед-42. Арнольд с Грэгором поспешили уложить вещички и стартовали с планеты.

Едва очутившись в открытом космосе, Грэгор поделился с компаньоном недавними впечатлениями.

— Сурово, — тихонько, но сочувственно произнес Арнольд.

Теперь, благополучно распрошавшись с Призраком V, Грэгор в состоянии был улыбнуться скромной улыбкой героя.

— Могло быть и хуже, — заявил он.

— Уж куда хуже?

— Представь, что туда затесался бы Джимми Флинн. Вот кто действительно умел выдумывать страшилища. Ворчучело помнишь?

— Помню только, что из-за него по ночам меня преследовали кошмары, — ответил Арнольд.

Звездолет несся к Земле. Арнольд набрасывал заметки для будущей научной статьи «Инстинкт смерти на Призраке V: роль истерии, массовых галлюцинаций и стимуляции подсознательного в возникновении физиологических изменений». Затем он отправился в кабину управления — задать курс автопилоту.

Грэгор рухнул на койку, преисполненный решимости наконец-то отоспаться. Только он задремал, как

в каюту со смертельно-бледным от страха лицом ворвался Арнольд.

— Мне кажется, в кабине управления кто-то есть, — пролепетал он.

Грегор сел на койке.

— Никого там не может быть. Мы ведь оторвались...

Из кабине управления донесся рык.

— Боже! — ахнул Арнольд. — Все ясно. После посадки я не стал задраивать воздушный шлюз. Мы по-прежнему дышим воздухом Призрака V.

А на пороге незапертой каюты возник серый исполин, чья шкура была испещрена красными крапинками. Исполин был наделен неисчислимым множеством рук, ног, щупалец, когтей и клыков, да еще двумя крыльшками в придачу. Страшилище медленно надвигалось, постанывая и бормоча что-то неодобрительное.

Оба признали в нем Ворчучело.

Грегор рванулся вперед и перед носом у страшилища захлопнул дверцу.

— Здесь нам ничто не грозит, — пропыхтел он. — Дверь герметизирована. Но как мы станем управлять звездолетом?

— А никак, — ответил Арнольд. — Доверимся autopilotu... пока не надумаем, как прогнать эту образину.

Однако сквозь дверь стал просачиваться легкий дымок.

— Это еще что? — воскликнул Арнольд почти в панике.

Грегор наступил.

— Неужто не помнишь? Ворчучело проникает в любое помещение. Против него запоры бессильны.

— Да я о нем позабыл начисто, — признался Арнольд. — Оно что, глотает людей?

— Нет. Насколько я помню, только изжевывает в кашницу.

Дымок сгущался, принимая очертания исполинской серой фигуры Ворчучело. Друзья отступили в соседнюю камеру и заперли за собой следующую дверь.

Нескольких секунд не прошло, как дым просочился и туда.

— Какая нелепость, — заметил Арнольд, кусая губы. — Дать себя затравить вымыщенному чудовищу... Стой-ка! Водяной пистолет еще при тебе?

— Да, но...

— Давай сюда!

Арнольд поспешил зарядил пистолет водой из анкерка. Тем временем Ворчучело вновь успел материализоваться и тянулся к друзьям, недовольно постывая. Арнольд окропил его струйкой воды.

Ворчучело по-прежнему наступал.

— Вспомни! — воскликнул Грегор. — Никто никогда не останавливал Ворчучело водяным пистолетом.

Отступили в следующую каюту и захлопнули за собой дверь. Теперь друзей отделял от леденящего космического вакуума только кубрик.

— Нельзя ли как-нибудь профильтровать воздух? — поинтересовался Грегор.

— Чужеродные примеси и так потихоньку уходят вместе с отработанным воздухом, но действие лонгстеда длится часов двадцать.

— А нет ли противоядия?

— Никакого.

Ворчучело снова материализовался, и продолжал это отнюдь не молча и уж совсем не любезно.

— Как же его изгнать? — волновался Арнольд. — Есть же какой-то способ! Волшебное слово? Или деревянный меч?

Теперь покачал головой Грегор.

— Я все-таки вспомнил, — ответил он скорбно.

— И чем же его можно пронять?

— Его не одолеешь ни водяным пистолетом, ни пугачом, ни рогаткой, ни хлопушкой, ни бенгальскими огнями, ни дымовой шашкой, — словом, детский арсенал исключен. Ворчучело абсолютно неистребим.

— Ох уж этот Флинн и его неутомимая фантазия! Так как же все-таки избавиться от Ворчучело?

— Я же говорю — никак. Он должен уйти по доброй воле.

А Ворчучело успел вырасти во весь свой гигантский рост. Грегор с Арнольдом шарахнулись в кубрик и захлопнули за собой последнюю дверь.

— Думай же, Грегор, — взмолился Арнольд. — Ни один мальчишка не станет выдумывать чудище, не предусмотрев от него хоть какой-то защиты!

— Ворчучело не прикончишь, — твердил свое Грегор.

Вновь начинало явственно вырисовываться серокрапчатое чудище. Грегор перебирал в памяти все свои полночные страхи.

И тут (еще чуть-чуть — и стало бы поздно) все ожило в памяти...

Управляемый автопилотом корабль мчался к Земле. Ворчучело чувствовал себя на борту полновластным хозяином. Он вышагивал взад-вперед по пустынным коридорам, просачивался сквозь стальные переборки в каюты и грузовые отсеки, стенал, ворчал и ругался последними словами, не находя себе ни единой жертвы.

Звездолет достиг Солнечной системы и автоматически вышел на окололунную орбиту.

Грегор осторожно глянул в щелочку, готовый в случае необходимости мгновенно снова нырнуть в укрытие. Однако зловещего шарканья ног не было слышно, и ни под дверцей, ни сквозь переборки не просачивался оголодавший туман.

— Все спокойно, — крикнул он Арнольду. — Ворчучело как не бывало.

Друзья прибегли к самому верному средству против ночных страхов — забрались с головой под одеяла.

— Говорил же я, что водяной пистолет тут ни к чему, — сказал Грегор.

Арнольд одарил его кривой усмешкой и спрятал пистолет в карман.

— Все равно, оставлю на память. Если женюсь да если у меня родится сын, это ему будет первый подарок.

— Нет уж, своему я припасу кое-что получше, — возразил Грегор и с нежностью похлопал по одеялу. — Вот оно.

ЛАКСИАНСКИЙ КЛЮЧ

Ричард Грэгор сидел за столом в пыльном кабинете Межпланетной очистительной службы «Асс» и раскладывал пасьянс. В холле раздался шум и топот, затем что-то упало. Дверь приоткрылась, и Арнольд, компаньон Грэгора, заглянул внутрь.

— Я только что сделал нас богачами, — объявил он и, раскрыв дверь пошире, приказал: — Ташите его сюда, парни!

Четверо грузчиков, тяжело дыша, заволокли в кабинет черную квадратную машину размером с годовалого слоненка.

— Вот! — гордо сообщил Арнольд, после чего расплатился с грузчиками и, напустив на лицо мечтательное выражение, уселся в кресло напротив машины.

Грэгор не спеша отложил карты в сторону и с видом человека, которого ничем не удивишь, осмотрел приобретение со всех сторон.

— Сдаюсь, — наконец сказал он. — Что это такое?

— Это миллион долларов, — охотно сказал Арнольд. — Можешь считать, у нас в кармане.

— Допустим, но все же — что это такое?

— Бесплатный производитель, — с гордой улыбкой произнес Арнольд. — Сегодня утром я проходил мимо свалки старика Джо — той самой, где он держит

Печатается по изд.: Шекли Р. Лаксианский ключ: Избранное. — М.: Мир, 1991. — Пер. изд.: Sheckley R. The Laxian Key: The People Trap. Dell, N. Y., 1968

© Galaxy Publishing Corporation, 1954

© Перевод на русский язык, А. Корженевский, 1990

всякий инопланетный хлам, — и обнаружил там эту штуку. Сторговался, можно сказать, за бесценок. Джо даже не знает, что это и зачем.

— Я, положим, тоже не знаю, — заметил Грэгор. — А ты?

Арнольд встал на четвереньки и попытался прочесть инструкцию, выгравированную на лицевой панели машины, в самом низу.

Не поднимая головы, он спросил:

— Ты слышал что-нибудь о планете Мелдж?

Грэгор кивнул. Мелдж была маленькая, всеми забытая планета на северной окраине Галактики, довольно далеко от торговых маршрутов. Когда-то на планете процветала могучая цивилизация, обвязанная своим благополучием так называемой Старой науке Мелджа. Но технологические секреты Старой науки были давно утеряны, цивилизация почти угасла, и лишь изредка то на одной, то на другой планете находили какие-то непонятные механизмы, прописанные на заводах некогда великой промышленной державы.

— И ты полагаешь, что этот ящик имеет какое-то отношение к Старой науке? — спросил Грэгор.

— Ну да. Это Мелджский Бесплатный Производитель. Могу поклясться, что во всей Галактике их осталось не больше пяти.

— А что он производит?

— Откуда мне знать? — ответил Арнольд, поднимаясь с пола. — Дай-ка мне мелдж-английский словарь.

С видимым усилием сохраняя спокойствие, Грэгор подошел к книжной полке.

— Ты и вправду не знаешь, что эта штуковина производит?

— Словарь давай. Спасибо. Какая тебе разница что? Главное — бесплатно. Машина берет энергию из воздуха, из космоса, от Солнца, откуда угодно, и нас это не касается. Ее не нужно ни заправлять, ни обслуживать, и работает она вечно.

Арнольд раскрыл словарь и принялся за перевод надписи на панели.

— Их ученые были не дураки, — проговорил он, записав в блокнот несколько предложений. — Про-

изводитель из ничего делает что-то, а что именно — не так уж важно. Мы всегда сможем это самое что-то продать, и сколько мы ни заработкаем — все будет нашей чистой прибылью.

Грегор посмотрел на своего партнера, и его печальное вытянутое лицо стало еще печальнее.

— Арнольд — наконец произнес он, — я хотел бы кое-что тебе напомнить. Ты по специальности химик, я — эколог. И оба мы ничегошеньки не понимаем в машинах, тем более в сложных инопланетных.

Не обращая на Грегора внимания, Арнольд повернулся к своему партнёру и сказал:

— И кроме того, — продолжал Грегор, отойдя от машины подальше, — мы с тобой — агентство по оздоровлению среды. Забыл, что ли? И незачем нам связываться со всякими авантюрами...

Производитель часто закашлялся.

— Я все перевел, — сообщил Арнольд. — Здесь написано: «Меджский Бесплатный Производитель. Очередной триумф лаборатории Глоттена. Неразрушимый бездефектный Производитель. Не требует энергетических затрат. Чтобы включить, нажмите кнопку номер один. Чтобы выключить, воспользуйтесь Лаксианским ключом. В случае обнаружения неисправности, пожалуйста, верните Производитель в лабораторию Глоттена».

— Ты, наверное, меня не понял, — возобновил атаку Грегор. — Мы с тобой...

— Прекрати! — перебил его Арнольд. — Когда эта машина заработает, нам с тобой работать будет уже не нужно. А вот и кнопка номер один.

В машине что-то звякнуло, послышалось ровное гудение. С минуту ничего не происходило.

— Возможно, ей надо прогреться, — озабоченно сказал Арнольд.

Вдруг из отверстия на лицевой панели посыпался серый порошок.

— Должно быть, побочный продукт, — пробормотал Арнольд.

Прошло пятнадцать минут. Кучка серого порошка продолжала расти.

— Что бы это могло быть? — не выдержал Грегор.

— Не имею ни малейшего понятия, — ответил Арнольд. — Надо произвести анализы.

С этими словами он набрал в пробирку порошка и направился к своему столу. Грегор остался у машины, задумчиво глядя на растущую серую кучу.

— Может быть, нам лучше выключить Производитель, пока мы не узнали, что это такое?

— Ни в коем случае! — отозвался Арнольд. — Что бы это ни было, оно стоит денег.

Он зажег горелку, заполнил пробирку дистиллированной водой и приступил к работе. Грегор только пожал плечами. Он давно уже привык к розовым мечтам своего друга. С того времени, когда они создали Межпланетную очистительную службу «Асс», Арнольд без устали искал легкий способ разбогатеть. Все его замыслы до сих пор оборачивались лишь хлопотами и неприятностями, гораздо более тягостными, чем та обычная работа, за которую бралась компания, но Арнольд быстро об этом забывал.

«По крайней мере, — думал Грегор, — иногда получалось смешно». Он сел за свой стол и разложил новый пасьянс.

Следующие несколько часов в кабинете стояла тишина. Производитель тихо гудел. Арнольд упорно работал. Добавлял реактивы, сливал, перемешивал, сверял результаты с таблицами в толстенных книгах. Грегор сходил за сандвичами и кофе.

Поев, он стал нервно расхаживать вокруг машины, то и дело поглядывая на растущую кучу серого порошка. Производитель гудел заметно громче, и порошок сыпался уже широкой струей.

Час спустя Арнольд оторвался от работы и сообщил:

— Нам повезло! О будущем можно не беспокоиться.

— И что же это за порошок? — поинтересовался Грегор. Может быть, на сей раз удача и впрямь не обошла их стороной?

— Это тангриз!

— Тангриз?

— Совершенно верно.

— Не будешь ли ты так любезен и не объяснишь ли мне, зачем он нужен, этот чертов тангриз?

— Я думал, ты знаешь. Тангриз — это основной продукт питания мелджской расы. Каждый взрослый житель Мелджа потребляет несколько тонн тангриза ежегодно.

— Ты говоришь, это едят?

Грегор посмотрел на кучу порошка с уважением. Машина, которая производит еду двадцать четыре часа в сутки, может оказаться хорошим вложением капитала. Особенно если учсть, что ее эксплуатация ровным счетом ничего не стоит.

Арнольд уже листал телефонный справочник.

— Алло, Межзвездная продуктовая корпорация? Могу я говорить с президентом? Что? Тогда с вице-президентом. Это очень важно. Что? Ладно, слушайте. Я могу предложить вашей корпорации практически неограниченное количество тангриза. Это основной продукт питания на планете Мелдж. Что? Да, все правильно. Я знал, что это вас заинтересует. Что? Да, конечно, я подожду.

Он повернулся к Грегору.

— Эти корпорации... Да, да, я слушаю. Да, сэр. Вы занимаетесь тангризом? Замечательно...

Грегор подошел поближе, стараясь расслышать, что говорят на другом конце линии.

— Наша цена? А что за цены сейчас на рынке? Ах так... Пять долларов за тонну, конечно, не слишком много, но я полагаю... Что? Пять центов за тонну? Вы это серьезно?

Грегор отвернулся и устало опустился в кресло. Продолжение разговора его уже не интересовало.

— Да, да. Я понимаю. Простите, я не знал.

— Похоже, — сказал Арнольд, повесив трубку, — что на Земле много тангриза не продать. У нас здесь живут примерно пятьдесят мелджан, но доставка груза в северное полушарие съест всю прибыль.

Грегор озабоченно поглядел на машину. Она, похоже, вышла на режим, потому что тангриз валил из нее мощной струей. Серый порошок уже лежал по всей комнате толстым слоем.

— Не беспокойся, — попытался утешить Арнольд своего компаньона, — тангриз наверняка можно использовать как-нибудь еще.

Он вернулся к столу и сел за книги.

— Может, его пока выключить? — спросил Грэгор.

— Ни в коем случае! Пусть работает. Он нам деньги делает.

Пока Арнольд копался в справочниках, Грэгор попытался подойти к окну, но ходить по щиколотку в порошке оказалось очень неудобно.

К вечеру уровень порошка поднялся на два фута. Несколько авторучек и карандашей уже потонули в нем безвозвратно, и Грэгор начал волноваться, выдержит ли пол.

Наконец Арнольд закрыл книгу и произнес:

— Есть еще одна возможность применения.

— Что ты имеешь в виду?

— Тангриз можно использовать как строительный материал. На воздухе через неделю-другую он затвердевает и становится прочным, как гранит. Мы прямо сейчас позвоним в какую-нибудь строительную компанию.

Грэгор набрал номер строительной компании Толедо—Марс и объяснил некоему мистеру О'Тулу, что они могут предоставить в его распоряжение неограниченное количество тангриза.

— Тангриз, говорите? Не очень-то он сейчас в ходу. На нем краска не держится. Но вообще-то, к вашему сведению, на какой-то планете живут психи, которые его едят. Почему бы вам...

— Мы предпочитаем продавать тангриз для строительных целей, — твердо сказал Грэгор.

— Что ж, я думаю, мы можем его купить. Пригодится для чего-нибудь попроще и подешевле. Предлагаю по пятнадцать за тонну.

— Пятнадцать долларов?

— Центов!

— Хорошо, мы сообщим вам о своем решении.

Арнольд, услышав сумму, принялся рассуждать:

— Предположим, наша машина будет выдавать тонн по десять в сутки. И так каждый день, год за годом... Сейчас прикинем... Выходит около пятисот пятидесяти долларов в год. Богачами мы не станем, но будет чем налоги платить.

— Однако мы не сможем оставить машину здесь, — сказал Грегор, глядя на россыпи тангриза.

— Конечно, не можем. Найдем ей местечко где-нибудь за городом, и пусть себе работает. А тангриз будем забирать когда вздумается.

Грегор опять позвонил О'Тулу и сообщил, что готов заключить сделку.

— Прекрасно, — ответил О'Тул. — Вы в курсе, где находятся наши заводы? Привозите в любое время.

— Нам привозить? Я считал, вы сами...

— При цене пятнадцать центов за тонну? Мы и так делаем вам одолжение, забирая у вас эту дрянь. Доставка за вами!

— Паршиво, — сказал Арнольд, когда Грегор положил трубку. — Перевозка нам обойдется...

— ...Гораздо дороже, чем пятнадцать центов за тонну, — закончил Грегор. — Ты все-таки выключи эту штуку, пока мы не решим, что с ней делать.

Арнольд подобрался к Производителю.

— Сейчас посмотрим. Вот, нашел «Чтобы выключить, воспользуйтесь Лаксианским ключом».

— Ну так и воспользуйся.

— Подожди минутку...

— Выключишь ты ее или нет?! — закричал Грегор.

Арнольд выпрямился, виновато улыбаясь.

— Поди попробуй...

— А в чем проблема?

— В том, что у нас нет Лаксианского ключа.

После лихорадочных переговоров с музеями, исследовательскими институтами и археологическими факультетами стало ясно, что никто Лаксианский

ключ в глаза не видел и ничего о нем не слышал. В отчаянье Арнольд позвонил старому Джо на инопланетную свалку.

— Нет, у меня нет ключа, — услышал он в ответ. — А почему, ты думаешь, я уступил тебе Производитель так дешево?

Партнёры молча уставились друг на друга. Мелджский Бесплатный Производитель, довольно урча, выплевывал новые и новые порции бесполезного порошка. Оба кресла и радиатор уже скрылись под серыми волнами, из-под которых теперь виднелись только столы, шкаф и сама машина.

— Вот тебе и безбедная жизнь, — в сердцах сказал Грэгор.

— Ладно, что-нибудь придумаем...

Арнольд вернулся к своим книгам. Остаток вечера он провел в поисках иных способов применения тангриза. Чтобы совсем не утонуть в порошке, Грэгору пришлось отгрести часть тангриза в холл.

Утром солнце безуспешно пыталось заглянуть в их окна, покрытые серой пылью. Арнольд встал из-за стола и потянулся.

— Ничего не нашел? — спросил Грэгор.

— Боюсь, ничего...

Грэгор отправился за кофе. Когда он вернулся, Арнольд уже успел поругаться с домовладельцем и двумя здоровенными розовощёкими полицейскими.

— Я требую, — орал домовладелец, — чтобы вы немедленно убрали отсюда эту дрянь!

— И кроме того, — добавил один из полицейских, — существует запрет на использование промышленных установок в деловом районе.

— Это не промышленная установка, — попытался возразить Грэгор. — Это Мелджский Бесплатный...

— А я сказал — установка! — отрезал полицейский. — И я приказываю немедленно остановить производство!

— В том-то все и дело, — вступил в разговор Арнольд, — что мы не можем ее выключить...

— Как это не можете? — подозрительно спросил полицейский. — Шутки со мной шутить? Я приказываю...

— Сэр, я клянусь...

— Слушай меня, остряк. Мы сюда вернемся через час. Или вы к этому времени ее выключаете и выносите отсюда весь мусор, или — за решетку!

И все трое удалились.

Грегор и Арнольд посмотрели друг на друга, потом уставились на Производитель. Порошок все прибывал.

— Черт бы их побрал! — не выдержал Арнольд. — Ведь должен быть какой-то выход!

— Спокойнее, — откликнулся Грегор, вытряхивая из волос серую пыль.

В эту минуту дверь открылась, и вошел высокий человек в строгом синем костюме с каким-то сложным прибором в руках.

— Так это здесь! — удовлетворенно произнес он. У Грегора блеснула надежда.

— У вас в руках Лаксианский ключ? — спросил он.

— Какой еще ключ? Это регистратор утечки. И похоже, он привел меня к тому, что я искал, — строго ответил человек. — Меня зовут Гастерс.

Он смахнул пыль с подоконника, взглянул еще раз на свой регистратор и начал заполнять какой-то бланк.

— Что все это значит? — спросил Арнольд.

— Я из Энергетической компании, — ответил Гастерс. — Начиная со вчерашнего полудня, мы регистрируем огромную утечку энергии.

— И потому вы пришли к нам?

— Именно так. Ваша машина очень прожорлива. — Гастерс кончил писать, сложил бланк и спрятал его в карман. — Счет вам будет выслан.

С некоторым трудом он открыл дверь и, уже уходя, обернулся, чтобы еще раз поглядеть на Производитель.

— Должно быть, ваша машина делает нечто особо ценное, если вы можете позволить себе такой расход энергии. Платиновый порошок, верно?

Когда Гастерс ушел, Грегор с издевкой спросил у Арнольда:

— Значит, «не требует энергетических затрат»?

— Видишь ли, Грэгор, — пряча глаза, ответил тот, — я не мог знать, что она будет хапать энергию из ближайшего источника...

— Вот именно, — продолжал издеваться Грэгор, — «из воздуха, из космоса, от Солнца» — а заодно у ближайшей энергетической компании!

— Но базовый принцип...

— К черту базовый принцип! — взорвался Грэгор. — Мы не можем отключить этот ящик! У нас нет этого проклятого Лаксианского ключа! Нет, и никто не знает, где его взять. Скоро мы будем по уши в этом проклятом тангризе, который нам даже вывезти не на чем. И вдобавок оказывается, что мы тратим энергии больше, чем сверхновая!

В дверь громко постучали, с лестницы послышались сердитые голоса. Арнольд напряженно думал, потом вдруг вскочил.

— Не все еще потеряно! — патетически воскликнул он. — Эта машина сделает нас богатыми!

Но Грэгора не прельстили радужные обещания.

— Послушай, Арнольд, — сказал он. — Давай-ка лучше ее утопим. Или сбросим на Солнце.

— С ума сошел? Срочно готовь наш корабль к отлету...

Следующие несколько дней вспоминались как дурной сон. За огромную плату наняли они людей, которые вынесли машину и очистили помещение от тангриза. Затем пришлось везти Производитель, из которого фонтаном был серый порошок, через весь город до космопорта. А чего стоила погрузка в корабль! Но теперь все это было позади.

Производитель стоял в трюме корабля, постепенно заполняя его порошком, а корабль уносился из Солнечной системы.

— В этом есть своя логика, — рассуждал Арнольд. — На Земле тангриз никому не нужен. Следовательно, нечего и пытаться сбыть его там. А вот на планете Мелдж...

— Не нравится мне все это, — ответил Грэгор.

— И зря. Теперь-то мы не ошиблись. Возить тангриз слишком дорого, поэтому мы берем машину и

вместе с ней направляемся туда, где тангриз у нас с руками оторвут.

— А если и там он не нужен?

— Такого не может быть. Для мелджан тангриз — что для нас хлеб. Считай, что дело в шляпе.

Через две недели в иллюминаторе появился Мелдж. Тангриз к тому времени заполнил трюм доверху. Грегор с Арнольдом запечатали все люки. Нарастающее давление грозило разорвать корабль на куски. Пришлось выбрасывать тангриз тоннами, это требовало времени и, самое главное, большого расхода воздуха. Перед спуском на планету весь корабль был набит порошком, а кислорода оставалось чуть-чуть.

Сразу после посадки мелджанин в оранжевой форме поднялся на корабль оформить документы.

— Добро пожаловать! — приветствовал он землян. — Вы — редкие гости на нашей маленькой планете. Надолго к нам?

— Как получится, — ответил Арнольд. — Мы хотим установить с вами торговые отношения.

— О, это замечательно! — обрадовался чиновник. — Наша планета очень нуждается в свежих деловых контактах. Могу я поинтересоваться, что вы собираетесь нам предложить?

— Мы будем продавать тангриз. Это ваш собственный...

— Что продавать?

— Тангриз. У нас есть Бесплатный Производитель, и мы...

— Очень сожалею, но вы должны немедленно покинуть планету, — строго сказал чиновник и нажал красную кнопку на маленьком приборчике, прикрепленном к запястью.

— У нас есть визы!

— А у нас есть законы. Вы должны отбыть немедленно и забрать с собой ваш Производитель.

— Послушайте, а как на вашей планете насчет свободы предпринимательства?

— Производство тангриза у нас запрещено.

Пока шел спор, на поле с грохотом въехали танки и расположились вокруг корабля. Мелджанин, пятясь, выбрался из кабины и торопливо спустился по трапу.

— Подождите! — в отчаянии закричал Грегор. — Если вы боитесь конкуренции, то примите Производитель от нас в подарок!

— Нет! — встрепенулся Арнольд.

— Да! Откапывайте его и берите. Отдайте его бедным.

На поле появилась еще одна колонна танков, в воздухе промелькнули боевые самолеты.

— Проваливайте сейчас же! — заорал чиновник. — Неужели вы рассчитываете продать здесь хоть кручинку тангриза? Оглянитесь вокруг!

Они оглянулись. Перед ними простидалось посадочное поле, все в серой пыли. Поодаль стояли некрашеные серые здания, за ними тянулись унылые серые поля. Еще дальше виднелись невысокие серые горы.

Во все стороны, насколько хватало глаз, все было из того же серого тангриза.

— Вы хотите сказать, что вся планета... — начал Грегор и осекся.

— Сами не видите, что ли? — сказал чиновник. — Здесь Старая наука возникла, здесь она развилась и угасла. Но всегда отыщутся недоучки, которые не могут пройти мимо старой машины, чтобы не сунуть в нее свой нос. А теперь проваливайте! Но если вдруг найдете Лаксианский Ключ, то возвращайтесь и называйте любую цену.

НЕОБХОДИМАЯ ВЕЩЬ

Ричард Грэгор сидел за своим столом в пыльной конторе Межпланетной очистительной службы «Асс», тупо уставившись на список, включающий ни много ни мало две тысячи триста пять наименований. Он пытался вспомнить, что же еще тут упущено.

Антирадиационная мазь? Осветительная ракета для вакуума? Установка для очистки воды? Нет, все это уже есть.

Он зевнул и взглянул на часы. Арнольд, его компаньон, вот-вот должен вернуться. Еще утром он отправился заказать все эти две тысячи триста пять предметов и проследить за их погрузкой на корабль. Через несколько часов точно по расписанию они стартуют для выполнения нового задания.

Но все ли он предусмотрел? Космический корабль — это остров на полном самообеспечении. Если на Дементии II у тебя кончатся бобы, ты там не отправишься в лавку. А если, не дай Бог, сгорит обшивка основного двигателя, никто не поспешишт заменить ее. На борту должно быть все — и запасная обшивка, и инструмент для замены, и инструкция, как это сделать. Космос слишком велик, чтобы позволить себе роскошь спасательных операций.

Аппаратура для экстракции кислорода... Сигареты... Да прямо универсальный магазин, а не ракета.

Печатается по изд.: Шекли Р. Необходимая вещь: Мирры Роберта Шекли. — М.: Мир, 1984. — Пер. изд.: Sheckley R. The Necessary Thing: The People Trap. Dell, N.Y., 1968

© Galaxy Publishing Corporation, 1953

© Перевод на русский язык, А. Ежков, 1984

Грегор отбросил список, достал колоду потрепанных карт и разложил безнадежный пасьянс собственного изобретения.

Спустя несколько минут в кабинету небрежной походкой вошел Арнольд.

Грегор с подозрением посмотрел на компаньона. Когда маленький химик, сияя от счастья, начинал лихо подпрыгивать, это обычно означало, что Межпланетную очистительную службу «Асс» ждут крупные не приятности.

— Ты все достал? — робко поинтересовался Грегор.

— В лучшем виде, — гордо заявил Арнольд.

— Старт назначен на...

— Успокойся, будет полный порядок!

Он уселся на край стола.

— Я сегодня сэкономил кучу денег.

— Бог ты мой, — вздохнул Грегор. — Что ты еще натворил?

— Нет, ты только подумай, — торжественно произнес Арнольд. — Только подумай о тех деньгах, которые попусту тратятся на снаряжение самой обычной экспедиции. Мы упаковываем две тысячи триста пять единиц снаряжения ради одного-единственного ничтожного шанса, что нам может понадобиться одна из них. Полезная нагрузка корабля снижена до предела, жизненное пространство стеснено, а эти вещи могут никогда не понадобиться!

— За исключением одного или двух случаев, когда они спасают нам жизнь.

— Я это учел. Я все тщательно изучил и нашел возможность существенно сократить список. Небольшое везение — и я отыскал ту единственную вещь, которая действительно нужна экспедиции. Необходимую вещь! Поехали на корабль, я ее тебе покажу.

Больше Грегор не смог вытянуть из него ни слова.

Всю долгую дорогу в космопорт Кеннеди Арнольд таинственно улыбался. Их корабль уже стоял на пусковой площадке, готовый к старту.

Арнольд торжествующе распахнул люк.

— Вот! — воскликнул он. — Смотри! Это панacea от всех возможных бед!

Грегор вошел внутрь и увидел большую фантастического вида машину с беспорядочно размещенными на корпусе циферблатами, лампочками и индикаторами.

— Что это?

— Не правда ли, красавица? — Арнольд нежно похлопал машину. — Я выудил ее у межпланетного старьевщика Джо практически за бесценок.

Грегору все стало ясно. Когда-то он сам имел дело со старьевщиком Джо, и каждый раз это приводило к печальным последствиям. Немыслимые машины Джо в самом деле работали, но как — это другой вопрос.

— Ни с одной из машин Джо я не отправлюсь в космос, — твердо заявил Грегор. — Может быть, нам удастся продать ее на металломолом?

Он бросился разыскивать кувалду.

— Погоди, — взмолился Арнольд. — Дай, я покажу ее в работе. Подумай сам. Мы в глубоком космосе. Выходит из строя основной двигатель. Мы обнаруживаем, что на третьей шестеренке открутилась и исчезла гайка. Что мы делаем?

— Мы берем гайку из числа двух тысяч трехсот пяти предметов, которые взяли с собой на случай вот таких чрезвычайных обстоятельств, — сказал Грегор.

— В самом деле? Но ведь ты же не включил в список четырехдюймовую дюоралевую гайку! — торжествующе вскричал Арнольд. — Я проверял. Что тогда?

— Не знаю. А что ты можешь предложить?

Арнольд подошел к машине, нажал кнопку и громко и отчетливо произнес:

— Дюоралевая гайка, диаметр четыре дюйма.

Машина глухо зарокотала. Вспыхнули лампочки. Плавно отодвинулась панель, и глазам компанийонов представилась сверкающая, только что изготовленная гайка.

— Хм, — произнес Грегор без особого энтузиазма. — Итак, она делает гайки. А что еще?

Арнольд снова нажал на кнопку:

— Фунт свежих креветок.

Панель отодвинулась — внутри были креветки.

— Дал маxу — следовало заказать очищенные, — заметил Арнольд. — Ну да ладно.

— Что еще она может делать? — спросил Гретор.

— А что бы ты хотел? Тигренка? Карбюратор? Двадцатипятиваттную лампочку? Жевательную резинку?

— Ты хочешь сказать — она может состряпать все, что угодно?

— Все, что ни пожелаешь! Попробуй сам.

Гретор попробовал и быстро произвел на свет одно за другим пинту питьевой воды, наручные часы и банку майонеза.

— Неплохо, — сказал он. — Но...

— Что «но»?

Гретор задумчиво покачал головой. Действительно — что? Просто по собственному опыту он знал, что эти новинки никогда не бывают столь надежны в работе, как кажется на первый взгляд.

— Транзистор серии е1324.

Машина глухо загудела, отодвинулась панель, и он увидел крохотный транзистор.

— Неплохо, — признался Гретор. — Что ты там делаешь?

— Чищу креветки, — ответил Арнольд.

Насладившись салатом из креветок, приятели вскоре получили разрешение на взлет, и через час их корабль был уже в космосе.

Они направлялись на Деннет IV, планету средних размеров в созвездии Сикофакс. Деннет был жаркой, влажной, плодородной планетой с одним-единственным серьезным недостатком — чрезмерным количеством дождей. Почти все время на Деннете шел дождь, а когда его не было, собирались тучи. Компаньонам предстояло ограничить выпадение дождей. Основами регулирования климата они вполне овладели. Это были частые для многих миров трудности. Несколько суток — и все будет в порядке.

Путь не был отмечен никакими событиями. Впереди показался Деннет. Арнольд выключил автопилот и повел корабль сквозь толщу облаков. Они спускались в километровом слое белесого тумана. Вскоре

показались горные вершины, а еще через несколько минут корабль завис над скучной серой равниной.

— Странный цвет для ландшафта, — заметил Грегор.

Арнольд кивнул. Он привычно повел корабль по спирали, выровнял его, аккуратно опустил и, сбалансируя, выключил двигатель.

— Интересно, почему здесь нет растительности? — размышлял вслух Грегор.

Через мгновение они это узнали. Корабль на секунду замер, а затем провалился сквозь мнимую равнину и, пролетев несколько десятков метров, рухнул на поверхность.

«Равниной» оказался туман исключительной плотности, какого нигде, кроме Деннета, не встретить.

Компаньоны быстро отстегнули ремни, тщательно ощупали себя и, убедившись в отсутствииувечий, приступили к осмотру корабля. Неожиданное падение не принесло ничего хорошего их старенькой посудине. Радио и автопилот оказались напрочь выведенными из строя. Были покорежены десять пластин в обшивке двигателя, и, что хуже всего, полетели многие элементы в системе управления.

— Нам еще повезло, — заключил Арнольд.

— Да, — сказал Грегор, вглядываясь в туман. — Однако в следующий раз лучше садиться по приборам.

— Ты знаешь, отчасти я даже рад, что все так произошло. Теперь ты убедишься, как незаменим Конфигуратор. Ну что, приступим к работе?

Они составили список всех поврежденных частей.

Арнольд подошел к Конфигуратору и нажал на кнопку.

— Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор быстро изготовил требуемое.

— Нам нужно десять штук, — сказал Грегор.

— Знаю, — ответил Арнольд и снова нажал на кнопку. — Повторить.

Машина бездействовала.

— Наверное, надо ввести команду полностью, — сказал Арнольд. Он ударил кулаком по кнопке и

произнес: — Пластина обшивки двигателя, пять дюймов на пять, толщина полдюйма, сплав 342.

Конфигуратор не шелохнулся.

— Странно, — сказал Арнольд.

— Куда уж, — произнес Грегор, чувствуя, что внутри у него что-то обрывается.

Арнольд попробовал еще раз — безрезультатно. Он задумался, затем, снова ударив кулаком по кнопке, сказал:

— Пластиковая чашка.

Машина произвела чашку из ярко-голубого пластика.

— Еще одну, — сказал Арнольд.

Конфигуратор не откликнулся, и Арнольд попросил восковую свечу. Машина ее изготовила.

— Еще одну восковую свечу, — приказал Арнольд.

Машина не повиновалась.

— Интересно, — произнес Арнольд, — Мне следовало бы раньше подумать о такой возможности.

— Какой возможности?

— Очевидно, Конфигуратор может произвести все, что угодно, но только в единственном числе.

Арнольд провел еще один эксперимент, заставив машину изготовить карандаш. Она это сделала, но только один раз.

— Прекрасно, — подытожил Грегор, — но нам нужны еще девять пластин. И для системы управления необходимы четыре идентичные детали. Что будем делать?

— Что-нибудь придумаем, — беззаботно ответил Арнольд.

За бортом корабля начинался дождь.

— Я могу найти поведению машины только одно объяснение, — говорил Арнольд несколько часов спустя. — Полагаю, здесь действует принцип наслаждения.

— Что? — встрепенулся Грегор. Он дремал, убаюканный мягким шелестом дождя.

— Эта машина обладает своего рода разумом, — продолжал Арнольд. — Получив стимулирующее воздействие, она переводит его на язык исполнительных

команд и производит предметы в соответствии с заложенной в памяти программой.

— Производит, — согласился Грегор, — но только единожды!

— Да — но почему? Здесь ключ ко всей нашей проблеме. Я полагаю, мы столкнулись с фактором самоограничения, вызванного стремлением к наслаждению.

— Не понимаю.

— Послушай. Создатели машины не стали бы ограничивать ее возможности таким образом. Единственное объяснение, которое я нахожу, заключается в том, что при подобной сложности машина приобретает почти человеческие черты. Машина получает определенное наслаждение от производства только новых предметов. Створив изделие, машина теряет к нему всякий интерес. С этой точки зрения всякое повторение — пустая траты времени.

— Более дурацких рассуждений я в жизни не слыхал, — сказал Грегор. — Но допустим, ты прав. Что же мы все-таки можем сделать?

— Не знаю, — ответил Арнольд.

— Я так и думал.

В этот вечер Конфигуратор произвел им на ужин вполне приличный ростбиф. На десерт был яблочный пирог. Ужин заметно улучшил моральное состояние приятелей.

— Ну что ж, — задумчиво произнес Грегор, затягиваясь сигаретой марки «Конфигуратор». — Вот что мы должны попробовать. Сплав 342 — не единственный материал, из которого можно изготовить обшивку. Есть и другие сплавы, которые продержатся до нашего возвращения на Землю.

Вряд ли можно было хитростью заставить Конфигуратор изготовить пластину из какого-либо ферросплава. Компаньоны приказали машине изготовить бронзовую пластину и получили ее. Однако после этого Конфигуратор отказал им как в медной, так и в оловянной пластинах. На алюминиевую пластину машина согласилась, так же как на пластины из кадмия, платины, золота и серебра. Пластина из вольфрама была уникальным изделием, удивительно,

как Конфигуратор вообще смог ее отлить. Плутоний был отвергнут Грэгором, и подходящие материалы стали постепенно истощаться. Арнольду пришла идея использовать сверхпрочную керамику. Наконец, последнюю пластину сделали из чистого цинка.

В общем, ночью приятели неплохо поработали и уже под утро смогли выпить за успех предприятия превосходный, хотя и несколько маслянистый херес марки «Конфигуратор».

На следующий день они смонтировали пластины. Кормовая часть корабля имела вид лоскутного одеяла.

— По-моему, очень даже неплохо! — восхитился Арнольд.

— Только бы они продержались до Земли. — Судя по голосу, Грэгор отнюдь не разделял энтузиазма своего компаньона. — Ну ладно, пора приниматься за систему управления.

Здесь возникла новая проблема. Были разбиты четыре абсолютно одинаковые детали — хрупкие, тончайшей работы платы из стекла и проволоки. Заменители исключались.

К полудню приятели чувствовали себя просто омерзительно.

— Есть какие-нибудь идеи? — спросил Грэгор.

— Пока нет. Может, пообедаем?

Они решили, что салат из омаров будет очень кстати, и заказали его Конфигуратору. Тот недолго погудел и... ничего.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грэгор.

— Вот этого-то я как раз и боялся, — ответил Арнольд.

— Боялся чего? Мы ведь еще не заказывали омаров.

— Но мы заказывали креветки. И те и другие относятся к ракообразным. Боюсь, что Конфигуратор разбирается в классах объектов.

— Ну что же, придется есть консервы, — со вздохом сказал Грэгор.

Арнольд вяло улыбнулся.

— Видишь ли, — сказал он, — когда я купил Конфигуратор, то подумал, что нам больше не придется беспокоиться о еде. Дело в том, что...

— Как, консервов нет?!

— Нет.

Они вернулись к машине и заказали семгу, форель, тунца... Безрезультатно. С тем же успехом они пробовали получить свиную отбивную, баранью ножку и телятину.

— По-моему, Конфигуратор решил, что вчерашний ростбиф поставил точку на мясе всех млекопитающих, — сказал Арнольд. — Это интересно. Если дело так пойдет дальше, мы сможем разработать новую теорию видов...

— Умирая голодной смертью, — добавил Грегор.

Он потребовал жареного цыпленка, и на этот раз Конфигуратор сработал без колебаний.

— Эврика! — воскликнул Арнольд.

— Черт! — выругался Грегор. — Надо было зака-
зать индейку.

На планете Деннет продолжался дождь. Вокруг залатанной хвостовой части корабля клубился туман.

Арнольд занялся какими-то манипуляциями с логарифмической линейкой, а Грегор, покончив с хересом, безуспешно пытался получить ящик виски. Убедившись в бесплодности своих попыток, он принялся раскладывать пасьянс. После скучного ужина, состоявшего из остатков цыпленка, Арнольд наконец завершил расчеты.

— Это может подействовать, — сказал он.

— Что именно?

— Принцип наслаждения!

Арнольд поднялся и принялся расхаживать взад и вперед.

— Раз эта машина обрела почти человеческие черты, у нее должны быть и способности к самообучению. Я думаю, мы сможем научить ее испытывать наслаждение от многократного производства одной и той же вещи, а именно — элементов системы управления.

— Может, стоит и попробовать, — с надеждой отозвался Грегор.

Поздно вечером приятели начали переговоры с машиной. Арнольд настойчиво нащептывал ей о прелестях повторения. Грегор громко рассуждал об эстетическом наслаждении от многократного произ-

водства таких шедевров, как элементы системы управления. Арнольд все шептал о трепете от бесконечного производства одних и тех же предметов. Снова и снова — все те же детали, все из того же материала, производимые с одной и той же скоростью. Экстаз! Грегор философствовал, сколь гармонично это соответствует облику и способностям машины. Он говорил, что повторение гораздо ближе к энтропии, которая с механической точки зрения само совершенство.

По непрерывному щелканью и миганию можно было судить, что Конфигуратор внимательно слушал. Когда на Денинете забрезжил промозглый рассвет, Арнольд осторожно нажал на кнопку и дал команду изготовить нужную деталь.

Конфигуратор явно колебался. Лампочки неопределенно мигали, стрелки индикаторов нерешительно дергались.

Наконец послышался щелчок, панель отодвинулась, и показался второй элемент системы управления.

— Ура! — закричал Грегор, хлопнув Арнольда по плечу.

Он поспешил нажал на кнопку и заказал еще одну деталь.

Конфигуратор громко и выразительно загудел и... ничего не произвел.

Грегор сделал еще одну попытку, однако и на этот раз машина — уже без долгих колебаний — отказалась выполнить просьбу людей.

— Ну а сейчас в чем дело? — спросил Грегор.

— Все ясно, — грустно сказал Арнольд. — Он решил попробовать повторение только ради того, чтобы определить, не лишает ли себя чего-нибудь, не испытав его. Я думаю, что Конфигуратору повторение не понравилось.

— Машина, которая не любит повторения! — тяжело вздохнул Грегор. — Это так по-человечески...

— Как раз наоборот, — с тоской произнес Арнольд. — Это слишком по-человечески...

Время приближалось к ужину, и приятели решили выудить из Конфигуратора что-нибудь съестное. Получить овощной салат было довольно несложно,

однако он оказался не слишком калорийным. Конфигуратор добавил буханку хлеба, но о пироге не могло быть и речи. Молочные продукты также исключались: накануне компаньоны заказывали сыр. Наконец, только через час, после многочисленных попыток и отказов, их усилия были вознаграждены фунгом бифштекса из китового мяса, — видно Конфигуратор был не совсем уверен в его происхождении.

Сразу после ужина Грэгор снова стал вполголоса напевать машине о радостях повторения. Конфигуратор мерно гудел и периодически мигал лампочками, показывая, что все же слушает.

Арнольд обложился справочниками и стал разрабатывать новый план. Спустя несколько часов он вдруг вскочил с радостным криком:

— Я знал, что его найду!

— Что найдешь? — живо поинтересовался Грэгор.

— Заменитель системы управления!

Он сунул книгу буквально под нос Грэгору.

— Смотри! Ученый на Ведньере II создал это пятьдесят лет назад. Система по современным понятиям неуклюжа, но она неплохо действует и вполне подойдет для нашего корабля.

— Ага. А из чего она сделана? — спросил Грэгор.

— В том-то вся и штука! Мы не можем ошибиться.

Она сделана из особого пластика!

Арнольд быстро нажал на кнопку и прочитал описание системы управления.

Ничего не произошло.

— Ты должен изготовить систему управления типа Ведньер! — закричал Арнольд. — Если ты этого не сделаешь, то нарушишь собственные принципы!

Он ударил по кнопке и еще раз отчетливо прочитал описание системы.

И на этот раз Конфигуратор не повиновался.

Тут Грэгора осенило ужасное подозрение. Он быстро подошел к задней панели Конфигуратора и нашел там то, чего опасался.

Это было клеймо изготовителя. На нем было написано: «КОНФИГУРАТОР, КЛАСС 3. ИЗГОТОВЛЕН ВЕДНЬЕРСКОЙ ЛАБОРАТОРИЕЙ. ВЕДНЬЕР II».

— Конечно, они уже использовали его для этих целей, — грустно констатировал Арнольд.

Грегор промолчал. Сказать было нечего.

Внутри на стенках корабля появились капли. На стальной пластине в хвостовом отсеке обнаружилась ржавчина.

Машина продолжала слушать увертывания о пользе повторения, но ничего не производим.

Снова возникла проблема обеда. Фрукты исключались из-за яблочного пирога. Не стоило и мечтать о мясе, рыбе, молочных продуктах, каше. В конце концов компаниям удалось отведать лягушек, печеных кузнечиков, приготовленных по древнему китайскому рецепту, и филе из игуаны. Однако после того как с ящерицами, насекомыми и земноводными было покончено, приятели поняли, что пищи больше не будет.

И Арнольд, и Грегор чувствовали нечеловеческую усталость. Длинное лицо Грегора совсем вытянулось.

За бортом непрерывно лил дождь. Корабль все больше засасывал в хлипкую почву.

Но тут Грегора осенила еще одна идея. Он старался тщательно ее обдумать. Новая неудача могла повернуть в непреодолимое уныние. Вероятность успеха была ничтожной, но упускать ее было нельзя.

Грегор медленно приблизился к Конфигуратору. Арнольд испугался неистового блеска в его глазах.

— Что ты собираешься делать?

— Я собираюсь дать этой штуке еще одну, последнюю команду, — хрипло ответил Грегор.

Дрожащей рукой он нажал на кнопку и что-то прошептал. В первый момент ничего не произошло. Внезапно Арнольд закричал:

— Назад!

Машина затряслась и задрожала, лампочки мигали, стрелки индикаторов судорожно дергались.

— Что ты ей приказал? — спросил Арнольд.

— Я приказал ей воспроизвести себя!

Конфигуратор затрясся в конвульсиях и выпустил облако черного дыма. Приятели закашлялись, судорожно глотая воздух.

Когда дым рассеялся, они увидели, что Конфигуратор стоит на месте, только краска на нем в нескольких

местах потрескалась, а некоторые индикаторы бездействовали. Рядом с ним, сверкая каплями свежего масла, стоял еще один Конфигуратор.

— Ура! — закричал Арнольд. — Это спасение!

— Я сделал гораздо больше, — устало ответил Грегор. — Я обеспечил нам состояние.

Он повернулся к новому Конфигуратору, нажал на кнопку и прокричал:

— Воспроизведись!

Через неделю, завершив работу на Деннете IV, Арнольд, Грегор и три Конфигуратора уже подлетали к космопорту Кеннеди. Как только они приземлились, Арнольд выскочил из корабля, быстро поймал такси и отправился сначала на Кэнз-стрит, а затем в центр Нью-Йорка. Дела заняли немного времени, и уже через несколько часов он вернулся на корабль.

— Все в порядке, — сказал он Грегору. — Я поговорил с несколькими ювелирами. Без существенного влияния на рынок мы можем продать около двадцати больших камней. После этого, думаю, надо, чтобы Конфигураторы занялись платиной, а затем... В чем дело?

Грегор мрачно посмотрел на него:

— Ты ничего не замечаешь?

— А что? — Арнольд огляделся.

Там, где раньше стояли три Конфигуратора, сейчас их было уже четыре.

— Ты приказал им воспроизвести еще одного? — спросил Арнольд. — Ничего страшного. Теперь надо только приказать, чтобы они сделали по бриллианту.

— Ты все еще ничего не понял! — грустно воскликнул Грегор. — Смотри!

Он нажал на кнопку ближайшего Конфигуратора и сказал:

— Бриллиант.

Конфигуратор затрясся.

— Это все ты и твой проклятый принцип наслаждения, — устало проговорил Грегор.

Машина вновь завибрировала и произвела на свет... еще один КОНФИГУРАТОР!!!

МЯТЕЖ ШЛЮПКИ

— Скажите по совести, видели вы когда-нибудь машину лучше этой? — спросил Джо, межпланетный старьевщик. — Только взгляните на сервоприводы!

— Да-а... — с сомнением протянул Грегор.

— А каков корпус! — любовно оглаживая сверкающий борт шлюпки, вкрадчиво продолжал Джо. — Держу пари, ему не меньше пятисот лет — и ни малейшего следа ржавчины.

Поглаживание, несомненно, означало, что Межпланетной очистительной службе «Асс» невероятно повезло. Именно в тот самый момент, когда ей так нужна спасательная шлюпка, этот шедевр кораблестроения оказался под рукой.

— Внешне она, конечно, выглядит неплохо, — произнес Арнольд с нарочитой небрежностью влюбленного, пытающегося скрыть свои чувства. — Твое мнение, Дик?

Ричард Грегор хранил молчание. Нет слов, внешне лодка выглядела неплохо. По всей вероятности, на ней вполне можно исследовать океан на Трайденте. Однако следует держать ухо востро, имея дело с Джо.

— Теперь таких больше не строят, — вздохнул Джо. — А двигатель — просто чудо, его не повредишь молотом.

— Выглядит-то она хорошо... — процедил Грегор.

Печатается по изд.: Шекли Р. Мятеж шлюпки: Современная зарубежная фантастика. — М.: Мол. гвардия, 1964. — Пер. изд.: Sheckley R. The Lifeboat Mutiny: Pilgrimage to Earth. Bantam, N.Y., 1957

© Galaxy Publishing Corporation, 1955

© Перевод на русский язык, Г. Косов, 1964

Служба «Асс» в прошлом уже имела дела с Джо, и это научило ее осторожности. Джо отнюдь не был обманщиком; механический хлам, собранный им по всей населенной части Вселенной, неизменно действовал. Однако частенько древние машины имели свое мнение по поводу того, как надо выполнять работу, и выходили из себя, если их пытались перечить.

— Плевать я хотел на ее красоту, долговечность, скорость и комфортабельность! — продолжал Грегор вызывающе. — Я только хочу быть уверенным в безопасности.

Джо кивнул в знак согласия:

— Это, безусловно, самое главное. Пройдем в каюту.

Когда они вошли в лодку, Джо приблизился к пульту управления, таинственно улыбнулся и нажал на кнопку.

Грегор тотчас услышал голос, который, казалось, зазвучал у него в голове:

— Я спасательная шлюпка 324-А. Моя главная задача...

— Телепатия? — поинтересовался Грегор.

— Прямая передача мыслей, — сказал Джо, горделиво улыбаясь. — Никакого языкового барьера. Вам же сказано, что теперь таких не строят.

— Я спасательная шлюпка 324-А, — послышалось снова. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично.

— Ничто не может быть безопаснее! — воскликнул Джо. — Это не бездушный кусок железа. Шлюпка присмотрит за вами. Она позаботится о своей команде.

На Грегора это произвело впечатление, хотя идея чувствующей лодки претила ему, а патерналистские настроения машины всегда раздражали его.

— Мы ее забираем, — выпалил Арнольд. Он не испытывал подобных сомнений.

— И не пожалеете, — подхватил Джо в своей обычной открытой и честной манере, которая уже принесла ему много миллионов долларов.

Грегору осталось лишь надеяться, что на этот раз Джо окажется прав.

На следующий день спасательная шлюпка была погружена на борт звездолета, и друзья стартовали по направлению к Трайденту.

Эту планету, расположенную в самом сердце Восточной Аллеи Звезд, недавно купил торговец недвижимостью. По его мнению, она была почти идеальным местом для колонизации. Трайдент был размером почти с Марс, но обладал лучшим климатом. Кроме того, там не существовало ни хитроумных аборигенов, с которыми пришлось бы сражаться, ни ядовитых растений, ни заразных болезней. В отличие от многих других миров, на Трайденте не водились хищные звери. Там вообще не водились животные. Вся планета, за исключением одного небольшого острова и полярной шапки, была покрыта водой.

Конечно, там не было недостатка и в тверди: уровень воды в нескольких морях Трайдента доходил всего лишь до колена. Вся беда в том, что суша не выступала из воды, и службу «Асс» специально пригласили для того, чтобы устранить эту маленькую ошибку природы.

После посадки звездолета на единственный остров планеты шлюпку спустили на воду. Весь остаток дня был посвящен проверке и погрузке исследовательской аппаратуры. Едва забрезжил рассвет, Грегор подготовил сандвичи и заполнил канистру водой. Все было готово для начала работы.

Как только совсем рассвело, Грегор пришел в рубку к Арнольду. Коротким движением Арнольд нажал на кнопку номер один.

— Я спасательная шлюпка 324-А, — услышали они. — Моя главная задача — обеспечивать безопасность экипажа. Я должна защищать его от всех угроз и поддерживать в добром здоровье. В настоящее время я активизирована лишь частично. Для полной активизации нажмите на кнопку номер два.

Грегор опустил палец на вторую кнопку.

Где-то в глубине послышалось приглушенное гудение. Больше ничего не произошло.

— Странно, — произнес Грэгор и нажал на кнопку еще раз.

Гудение повторилось.

— Похоже на короткое замыкание, — сказал Арнольд.

Бросив взгляд в иллюминатор, Грэгор увидел медленно удалявшуюся береговую линию. И ему стало немного страшно. Ведь здесь слишком много воды и совсем мало суши, и, что самое скверное, — на пульте управления ничто не напоминало штурвал или румпель, ничто не выглядело как рычаг газа или сцепления.

— По всей вероятности, она должна управляться телепатически, — с надеждой произнес Грэгор и твердым голосом скомандовал: — Тихий ход вперед!

Маленькая шлюпка медленно двинулась вперед.

— Теперь чуть правее!

Шлюпка охотно повиновалась ясным, хотя и не совсем морским командам Грэгора. Партнеры обменились улыбками.

— Прямо! Полный вперед! — раздалась команда, и спасательная шлюпка рванулась в сияющее и пустынное море.

Захватив фонарь и тестер, Арнольд спустился в трюм. Грэгор вполне мог один справиться с исследованием. Приборы делали всю работу: подмечали основные неровности дна, отыскивали самые многообещающие вулканы, определяли течения и вычерчивали графики. После того как будут закончены исследования, уже другой человек опутает вулканы проводами, заложит заряды, отойдет на безопасное расстояние и запалит все это устройство. Затем Трайдент превратится на некоторое время в довольно шумное место. А когда все придет в норму, суши окажется достаточно для того, чтобы удовлетворить аппетиты торговца недвижимостью.

Часам к двум дня Грэгор решил, что для первого раза сделано достаточно. Приятели съели сандвичи, запив их водой из канистры, и выкупались в прозрачной зеленой воде Трайдента.

— Мне кажется, что я нашел неисправность, — сказал Арнольд. — Снята проводка главного акти-ватора, и силовой кабель перерезан.

— Кому это понадобилось? — поинтересовался Гре-гор.

— Возможно, это сделали, когда списывали, — пожал плечами Арнольд. — Ремонт не займет много времени.

Он снова полез в трюм, а Грегор направил шлюпку к берегу, мысленно вращая штурвал и вглядываясь в зеленую пену, весело расступающуюся перед носом лодки. Именно в такие моменты вопреки всему сво-ему предыдущему опыту он видел Вселенную дру-желюбной и прекрасной.

Арнольд появился через полчаса — весь в ма-шинном масле, но ликующий.

— Испробуй-ка эту кнопку теперь, — попросил он.

— Может быть, не стоит — ведь мы почти у цели.

— Ну и что ж... Пусть хоть немного поработает как положено.

Грегор кивнул и нажал на вторую кнопку. Тотчас раздалось слабое пощелкивание контактов, и вдруг ожили поддюжины маленьких моторов. Вспыхнул красный свет и сразу же погас, когда генератор принял нагрузку.

— Вот теперь другое дело, — сказал Арнольд.

— Я спасательная шлюпка 324-А, — опять сооб-щила лодка, — в настоящий момент полностью акти-вирована и способна защищать свой экипаж от опасности. Положитесь на меня — все мои действия как психологического, так и физического характера запрограммированы лучшими умами планеты Дром.

— Вселяет чувство уверенности, не правда ли? — заметил Арнольд.

— Еще бы! — ответил Грегор. — Кстати, что это за Дром?

— Джентльмены, старайтесь думать обо мне не как о бесчувственном механизме, а как о вашем друге и товарище по оружию. Я понимаю ваше состояние. Вы видели, как тонул ваш корабль, безжалостно из-решеченный снарядами хгенов. Вы...

— Какой корабль, — спросил Арнольд, — что она болтает?

— ...Вскарабкались сюда ослепленные, задыхающиеся от ядовитых водяных испарений, полуживые...

— Если ты имеешь в виду наше купание, то, значит, просто ничего не поняла. Мы лишь изучали...

— ...Оглушенные, израненные, упавшие духом... — закончила шлюпка. — Вероятно, вы испугались немного, — продолжала она уже несколько мягче. — Вы потеряли связь с основными силами флота Дрома, и вас носит по волнам чуждой, холодной планеты. Не надо стыдиться этого страха, джентльмены. Такова война. Война — жестокая вещь. У нас не было другого выхода, кроме как выгнать этих варваров хгенов назад в пространство.

— Должно же быть какое-нибудь разумное объяснение всей этой чепухе, — заметил Грегор. — Может, это просто сценарий древней телевизионной пьески, по ошибке попавшей в блоки памяти?

— Думаю, что придется как следует ее проверить, — сказал Арнольд. — Невозможно целый день слушать эту чушь.

Они приближались к острову. Шлюпка все еще бормотала что-то о доме и о родном очаге, об обходных маневрах и тактических действиях, не забывая напоминать о необходимости хранить спокойствие в тяжелых обстоятельствах, подобных тем, в которые они попали.

Неожиданно шлюпка уменьшила скорость.

— В чем дело? — спросил Грегор.

— Я осматриваю остров, — отвечала спасательная шлюпка.

Арнольд и Грегор переглянулись.

— Лучше с ней не спорить, — прошептал Арнольд. Лодке же он сказал: — Остров в порядке! Мы его осмотрели лично.

— Возможно, — согласилась лодка, — однако в условиях современной молниеносной войны нельзя доверять органам чувств. Они слишком склонны выдавать желаемое за действительное. Лишь электронные органы чувств не имеют эмоций, вечно бдительны и непогрешимы в отведенных им границах.

— Остров пуст! — заорал Грэгор.

— Я вижу чужой космический корабль, — сообщила шлюпка. — На нем отсутствуют опознавательные знаки Дрома.

— Но на нем отсутствуют и опознавательные знаки врага, — уверенно заявил Арнольд, потому что сам недавно красил древний корпус ракеты.

— Это так, однако на войне следует исходить из предположения: что не наше — то вражеское. Я понимаю, как вам хочется вновь ощутить под ногами твердую почву. Но я должна учитывать факторы, которые дромит, ослепленный эмоциями, может и не заметить. Обратите внимание на отсутствие признаков жизни на этом стратегически важном клочке суши и на космический корабль без опознавательных знаков, являющийся заманчивой приманкой, на факт отсутствия поблизости нашего флота; и кроме того...

— Хорошо, хорошо, достаточно! — перебил Грэгор. Ему надоело спорить с болтливой и эгоистичной машиной. — Направляйся прямо к острову. Это приказ.

— Я не могу его выполнить, — сказала шлюпка. — Сильное потрясение вывело вас из душевного равновесия.

Арнольд потянулся к рубильнику, но отдернул руку с болезненным стоном.

— Гридите в себя, джентльмены, — суроно сказала шлюпка. — Только специальный офицер уполномочен выключить меня. Во имя вашей же безопасности я предупреждаю, чтобы вы не касались пульта управления. В настоящее время ваши умственные способности несколько ослаблены. Позже, когда положение будет не столь опасным, я займусь вашим здоровьем, а сейчас вся моя энергия должна быть направлена на то, чтобы определить местонахождение врага и избежать встречи с ним.

Лодка набрала скорость и сложными зигзагами двинулась в открытое море.

— Куда мы направляемся? — спросил Грэгор.

— На воссоединение с флотом Дрома, — сообщила лодка столь уверенно, что друзья стали нервно

вглядываться в бескрайние и пустынные воды Трайдента. — Конечно, если только я найду его...

Через несколько минут они почувствовали, что лодка описывает круг, меняя направление.

— В настояще время я не способна обнаружить флот дромитов. Поэтому я поворачиваю к острову, чтобы еще раз обследовать его. К счастью, поблизости противник не обнаружен. И теперь я могу посвятить себя заботе о вас.

— Видишь? — сказал Арнольд, подталкивая Грэгора локтем. — Все как я сказал. А сейчас мы еще раз найдем подтверждение твоему предположению. — И он обратился к шлюпке: — Ты вовремя занялась нами. Мы проголодались.

— Покорми нас, — потребовал Грэгор.

— Безусловно, — ответила лодка.

И из стенки выскользнуло блюдо, до краев наполненное каким-то веществом, похожим на глину, но с запахом машинного масла.

— Что это должно означать? — спросил Грэгор.

— Это гизель, — сказала лодка, — любимая пища народов Дрома, и я могу приготовить его шестнадцатью способами.

Грэгор презрительно попробовал. И по вкусу это была глина в машинном масле.

— Но мы не можем это есть!

— Конечно, можете, — сказала шлюпка успокаивающе. — Взрослый дромит потребляет ежедневно пять и три десятых фунта гизеля и просит еще.

Блюдо приблизилось к ним, друзья попятались.

— Слушай, ты! — заговорил с лодкой Арнольд. — Мы не дромиты. Мы люди и принадлежим к совершенно другому виду. Военные действия, о которых ты говоришь, кончились пятьсот лет тому назад. Мы не можем есть гизель. Наша пища находится на острове.

— Попробуйте разобраться в положении. Ваш самобран обычен для солдат. Это попытка уйти от реальности в область фантазии, стремление избежать невыносимой ситуации. Смотрите в лицо фактам, джентльмены.

— Это ты смотри в лицо фактам! — завопил Грэгор. — Или я разберу тебя на гайки!

— Угрозы не беспокоят меня, — начала шлюпка безмятежно. — Я знаю, что вам пришлось пережить. Возможно, ваш мозг пострадал от воздействия отравляющей воды.

— Отравляющей? — поперхнулся Грэгор.

— Для дромитов, — напомнил ему Арнольд.

— Если это будет абсолютно необходимо, — продолжала спасательная шлюпка, — я располагаю средствами для операций на мозге. Это, конечно, крайняя мера, однако на войне нет места для нежностей.

Откинулась панель, и приятели смогли увидеть набор сияющих хирургических инструментов.

— Нам уже лучше, — поспешил заявил Грэгор. — Этот гизель выглядит очень аппетитно — не правда ли, Арнольд?

— Восхитительно! — содрогнувшись, выдавил из себя Арнольд.

— Я победила в общенациональных соревнованиях по приготовлению гизеля, — сообщила шлюпка с проституткой гордостью. — Ничего не жаль для защитников. Попробуйте немного.

Грэгор зачерпнул горсть, причмокнул и уселся на пол.

— Изумительно! — сказал он в надежде, что внутренние рецепторы лодки не столь чувствительны, как внешние.

По всей видимости, так оно и было.

— Прекрасно, — сказала шлюпка. — А теперь я направляюсь к острову. И обещаю, что через несколько минут вы почувствуете себя лучше.

— Каким образом? — спросил Арнольд.

— Температура внутри каюты нестерпимо высока. Поразительно, что вы до сих пор не потеряли сознание. Любой другой дромит уже не выдержал бы. Потерпите еще немного, скоро я понижу ее до нормы — двадцать ниже нуля. А теперь для поднятия духа я исполню ваш национальный гимн.

Отвратительный ритмичный скрип заполнил воздух. Волны плескались о борта спасательной шлюпки,

торопившейся к острову. Через несколько минут воздух в каюте заметно посвежел.

Грегор утомленно прикрыл глаза, стараясь не обращать внимания на холод, который начал сковывать конечности.

Его стало клонить ко сну. Нечего сказать, «поворузло» — замерзать внутри свихнувшейся спасательной шлюпки. Так случается, когда вы покупаете приборы, настроенные на то, чтобы ухаживать за вами, нервные человекоподобные калькуляторы, сверхчувствительные эмоциональные машины.

В полусне он размышлял, чем все это кончится. Ему приснилась огромная лечебница для машин. По длинному белому коридору два кибернетических врача тащили машинку для стрижки травы. Главный кибернетический доктор спросил: «Что случилось с этим парнем?» И ассистент ответил: «Полностью лишился рассудка. Думает, что он геликоптер». — «Ага... — понимающие произнес главный. — Мания полета! Жаль. Симпатичный парнишка». Ассистент кивнул. «Переработал. Надорвался на жесткой траве». Вдруг их пациент заволновался. «Теперь я машинка для взбивания яиц!» — хихикнул он.

— Проснись! — окликнул Грегора Арнольд, стуча зубами. — Надо что-то предпринять.

— Попроси ее включить обогреватель, — сонно сказал Грегор.

— Не выйдет. Дромиты живут при двадцати градусах ниже нуля. А мы — дромиты. Двадцать ниже нуля — и никаких.

На трубах системы охлаждения, проходивших по периметру каюты, быстро рос слой инея. Стены покрылись изморозью, иллюминаторы обледенели.

— У меня есть идея, — осторожно сказал Арнольд.

Он бросил взгляд в сторону пульта управления и что-то быстро зашептал на ухо Грегору.

— Надо попробовать, — сказал Грегор.

Они встали. Грегор схватил канистру и решительно зашагал к противоположной стене каюты.

— Что вы собираетесь делать? — резко спросила шлюпка.

— Хотим немного размяться. Солдаты Дрома должны всегда сохранять боевую форму.

— Это верно... — с сомнением произнесла шлюпка.

Грегор бросил канистру Арнольду. Криво усмехнувшись, тот отпасовал ее обратно.

— Обращайтесь с этим сосудом осторожно, — предупредила лодка. — Он содержит смертельный яд.

— Мы очень осторожны, — сказал Грегор. — Канистра будет доставлена в штаб. — Он снова бросил ее Арнольду.

— Штаб использует ее содержимое против хгенона, — сказал Арнольд, возвращая канистру Грегору.

— В самом деле? — удивилась шлюпка. — Интересная идея. Новое использование...

В этот момент Грегор запустил тяжелой канистрой в трубу охлаждения. Труба лопнула, и жидкость полилась на пол.

— Неважный удар, старик, — сказал Арнольд.

— Что я наделал! — воскликнул Грегор.

— Мне следовало бы принять меры предосторожности от таких случайностей, — грустно промолвила шлюпка. — Но больше этого не повторится. Однако положение очень серьезно. Я не могу восстановить систему охлаждения и не в силах теперь охладить лодку в достаточной степени.

— Если бы ты только высадила нас на остров... — начал Арнольд.

— Невозможно, — прервала его шлюпка. — Моя основная задача — сохранить вам жизнь. А вы не сможете долго прожить в климате этой планеты. Однако я намерена принять необходимые меры для обеспечения вашей безопасности.

— Что же ты собираешься делать? — спросил Грегор, чувствуя, как что-то оборвалось у него внутри.

— Мы не можем терять времени. Я еще раз обследую остров, и, если не обнаружу наших вооруженных сил, мы направимся к единственному месту на этой планете, где могут существовать дромиты.

— Что за место?

— Южная полярная шапка, — ответила лодка. — Там почти идеальный климат. По моей оценке, тридцать градусов ниже нуля.

Моторы взревели. Извиняющимся голосом лодка добавила:

— И, конечно, я обязана принять меры, исключающие внутренние неполадки.

В тот момент, когда лодка резко увеличила скорость, они услышали, как щелкнул замок, запирая их каюту.

— Теперь думай, — сказал Арнольд.

— Я думаю, но ничего не придумывается, — ответил Грегор.

— Мы должны выбраться отсюда, как только достигнем острова. Это наша последняя возможность.

— Как ты думаешь, не можем ли мы просто выпрыгнуть за борт? — спросил Грегор.

— Ни в коем случае. Она теперь начеку. Если бы ты еще не покорежил охладительные трубы, у нас бы остался шанс.

— Конечно, — с горечью протянул Грегор. — Все ты со своими идеями.

— Моими идеями?! Я прекрасно помню, что ты предложил это. Ты заявил, что...

— Сейчас уже неважно, кто первый высказал эту идею.

Грегор глубоко задумался.

— Слушай, ведь мы знаем, что ее внутренние рецепторы работают не очень хорошо. Как только мы достигнем острова, может быть, нам удастся перерезать силовой кабель.

— Брось, тебе же не удастся подойти к нему ближе чем на пять футов, — сказал Арнольд, вспомнив удар, который он получил у пульта управления.

— Да-а... — Грегор закинул руки за голову. Какая-то идея начала постепенно вырисовываться у него в уме. — Конечно, это довольно ненадежно, но при такой ситуации...

В это время лодка объявила:

— Я исследую остров.

Посмотрев в носовой иллюминатор, Грегор и Арнольд увидели остров, до которого было не более ста ярдов. На фоне пробуждающейся зари вырисовывался покореженный, но такой родной корпус их корабля.

- Местечко привлекательное, — сказал Арнольд.
- Безусловно, — согласился Грегор. — Держу пари, что наши войска находятся в подземных убежищах.
- Ничего подобного, — возразила лодка. — Я исследовала поверхность на глубину сто футов.
- Так, — сказал Арнольд. — При данных обстоятельствах, я полагаю, нам следует провести более тщательную разведку. Пожалуй, надо высадиться и осмотреться.
- Остров пуст, — настаивала лодка. — Поверьте мне, мои чувства гораздо острее ваших. Я не могу позволить, чтобы вы ставили под угрозу свою жизнь, высаживаясь на берег. Планете Дром нужны солдаты, особенно такие крепкие и выносливые, как вы.
- Нам этот климат по душе, — сказал Арнольд.
- Воистину слова патриота, — сердечно произнесла лодка. — Я знаю, как вы сейчас страдаете, но теперь я направляюсь на южный полюс, чтобы вы, ветераны, получили заслуженный отдых.
- Грегор решил, что настало время испытать новый план, хотя он и не был до конца разработан.
- В этом нет необходимости, — сказал он.
- Что-о?
- Мы действуем по специальному приказу, — доверительно начал Грегор. — Предполагалось, что мы не откроем сути нашего задания ни одному из кораблей рангом ниже супердредноута. Однако, исходя из обстоятельств...
- Да-да, исходя из обстоятельств, — живо подхватил Арнольд, — мы тебе расскажем.
- Мы команда смертников, специально подготовленных для работы в условиях жаркого климата. Нам приказано высадиться и захватить остров до подхода главных сил дромитов.
- Я этого не знала, — сказала лодка.
- Тебе и не положено было знать. Ведь ты простая спасательная шлюпка, — сказал Арнольд.
- Немедленно высади нас, — приказал Грегор. — Промедление невозможно.
- Вам следовало сказать мне об этом раньше, — ответила шлюпка. — Не могла же я сама догадаться.

И она начала медленно двигаться по направлению к острову.

Грегор затаил дыхание. Казалось немыслимым, что такой элементарный трюк будет иметь успех. Но, с другой стороны, почему бы и нет? Ведь спасательная шлюпка была построена с таким расчетом, что она принимала на веру слова тех, кто управлял ею. И она следовала указаниям, пока и поскольку они не противоречили заданной ей программе.

Полоса берега, белевшая в холодном свете зари, была уже в пятидесяти ярдах.

Неожиданно лодка остановилась.

— Нет, — сказала она.

— Что «нет»?

— Я не могу этого сделать.

— Что это значит? — заорал Арнольд. — Идет война! Приказы...

— Я знаю, — печально произнесла шлюпка. — Очень сожалею, но для данной миссии надо выбрать другой тип судна. Любой другой, но не спасательную шлюпку.

— Но ты должна, — умолял Грегор. — Подумай о нашей стране. Подумай об этих варварах — хгенах.

— Но я физически не могу выполнить ваш приказ. Моя первейшая обязанность — ограждать экипаж от опасностей. Этот приказ заложен во всех блоках памяти, и он имеет приоритет над всеми другими. Я не могу отпустить вас на верную смерть.

Лодка начала медленно удаляться от острова.

— Ты попадешь под трибунал! — взвизгнул Арнольд истерично. — И он тебя разжалует!

— Я могу действовать только в отведенных мне границах, — так же грустно сказала лодка. — Если мы обнаружим главные силы флота, я передам вас на боевое судно. А пока я должна доставить вас на безопасный южный полюс.

Лодка набрала скорость, и остров стал быстро удаляться. Арнольд бросился к пульту управления, но, получив удар, упал навзничь. Грегор схватил канистру, поднял ее, собираясь швырнуть в запергую дверь. Но неожиданно остановился, пораженный внезапной дикой мыслью.

— Прошу вас, не пытайтесь что-нибудь сломать, — умоляла лодка. — Я понимаю ваши чувства, но...

«Это чертовски рискованно, — подумал Грэгор, — но, в конце концов, и южный полюс — верная смерть».

Он открыл канистру.

— Поскольку мы не смогли выполнить нашу миссию, мы никогда не посмеем взглянуть в глаза нашим товарищам. Самоубийство для нас — единственный выход. — Он отпил глоток и вручил канистру Арнольду.

— Не надо! Не надо! — пронзительно закричала лодка. — Это же вода — смертельный яд!..

Из приборной доски быстро выдвинулась металлическая клемша и выбила канистру из рук Арнольда.

Арнольд вцепился в канистру. И прежде чем лодка успела отнять ее еще раз, он сделал глоток.

— Мы умираем во славу Дрома!

Грэгор упал на пол. Знаком он приказал Арнольду не двигаться.

— Не известно никакого противоядия, — просто нала лодка. — Если бы я могла связаться с плавучим госпиталем... — Ее двигатели замерли в нерешительности. — Скажите что-нибудь! — умоляла лодка. — Вы еще живы?

Грэгор и Арнольд лежали неподвижно, не дыша.

— Ответьте же мне! Может быть, хотите немного гизеля?..

Из стены выдвинулись два подноса. Друзья не шелохнулись.

— Мертвы, — сказала лодка. — Мертвы. Я должна отслужить заупокойную.

Наступила пауза. Затем лодка запела: «Великий дух Вселенной, возьми под свою защиту твоих слуг. Хоть они и умерли от собственной руки, они служили своей стране, сражаясь за дом и очаг. Не суди их жестоко. Лучше осуди дух войны, который сжигает и разрушает Дром».

Крышка люка откинулась. Грэгор почувствовал струю прохладного утреннего воздуха.

— А теперь согласно полномочиям, данным мне флотом планеты Дром, я со всеми почестями предаю их тела океанским глубинам.

Грегор почувствовал, как его подняли, пронесли через люк и опустили на палубу. Затем он снова оказался в воздухе. Падение. И в следующий момент он очутился в воде рядом с Арнольдом.

— Держись на воде, — прошептал он.

Остров был рядом. Но и спасательная шлюпка еще возвышалась вблизи, неровно гудя машинами.

— Что она хочет, как ты думаешь? — спросил Арнольд.

— Я не знаю, — ответил Грегор, надеясь, что религия дромитов не требует превращения тел умерших в пепел.

Спасательная шлюпка приблизилась. Всего несколько футов отделяло ее нос от людей. Они напряглись. А затем услышали завывающий скрип национального гимна дромитов.

Через минуту все было кончено. Лодка пробормотала: «Покойтесь в мире», сделала поворот и унеслась вдаль.

И пока они медленно плыли к острову, Грегор видел спасательную шлюпку, направляющуюся на юг, точно на юг, на полюс, чтобы ждать там флот иланеты Дром.

РЕЙС МОЛОЧНОГО ФУРГОНА

— Такой случай больше не представится, — сказал Арнольд. — Миллионные прибыли, небольшие начальные вложения, быстрая окупаемость. Ты меня слышишь?

Ричард Грэгор устало кивнул. В корпорации Межпланетной очистительной службы «Асс» медленно и томительно тянулся день, неотличимый от вереницы остальных дней. Грэгор раскладывал пасьянс. Его компаньон Арнольд сидел за письменным столом, закинув ноги на пачку неоплаченных счетов.

За стеклянными дверями скользили тени; это шли мимо люди, направляясь в «Марс-Сталь», «Неоримские новшества», «Альфа-Дьюара продукция» и другие конторы, расположенные на том же этаже.

В пыльном помещении службы «Асс» по-прежнему царили тишина и запустение.

— Чего мы ждем? — громко спросил Арнольд. — Беремся мы за это дело или нет?

— Это не по нашей части, — ответил Грэгор. — Ведь мы специалисты по безопасности планет. Ты что, забыл?

— Никому не нужна твоя безопасность, — парировал Арнольд.

К несчастью, он говорил правду.

Печатается по изд.: Шекли Р. Рейс молочного фургона: Паломничество на Землю. — М.: Мир, 1966. — Пер. изд.: Sheckley R. Milk Run: Pilgrimage to Earth. Bantam, N.Y., 1957

© Galaxy Publishing Corporation, 1955

© Перевод на русский язык, Н. Евдокимова, 1966

После успешного очищения Призрака V от воображеных чудовищ служба «Асс» пережила период кратковременного подъема. Однако вскоре космическая экспансия приостановилась. Люди занялись увеличением прибылей, возведением городов, распахиванием полей, прокладкой дорог.

Когда-нибудь движение возобновится. Пока есть что осваивать, человечество будет осваивать новые миры. Но сейчас дела шли из рук вон плохо.

— Надо учитывать перспективы, — сказал Арнольд. — Живут все эти люди на светлых, солнечных новых планетах. Им нужны домашние животные, которых привезем им с родины... — он выдержал драматическую паузу, — мы с тобой.

— У нас нет транспорта для перевозки скота, — возразил Грегор.

— У нас есть звездолет. Что тебе еще нужно?

— Все. Главным образом знания и опыт. Перевозка живых тварей в космосе — работа в высшей степени деликатная. Это работа для специалистов. Что ты сделаешь, если между Землей и Омегой IV корова свалится от ящура?

Арнольд авторитетно заявил:

— Мы будем перевозить лишь выносливые, устойчивые породы. Проведем медицинский осмотр. И прежде чем животные взойдут на борт, я собственоручно продезинфицирую корабль.

— Ну вот что, мечтатель, — озлился Грегор, — приготовься к удару. В нашем секторе космоса всеми перевозками животных ведает концерн «Тригейл». Конкурентов он не терпит, и потому конкурентов у него нет. Как ты собираешься его обойти?

— Будем брать дешевле.

— И сдохнем с голоду.

— Мы и так подыхаем с голоду.

— Лучше голодать, чем «случайно» на месте назначения получить пробоину от одного из буксиров «Тригейла». Или обнаружить в пути, что кто-то заполнил водяные баки керосином. И вовсе не заполнил кислородные баллоны.

— Ну и воображение у тебя! — нервно проговорил Арнольд.

— То, что ты считаешь плодом моего воображения, уже не раз случалось в действительности. В этой сфере «Тригейл» хочет быть единственным, и он им остается. «По несчастной случайности», если хочешь, зловещий каламбур.

В этот момент отворилась дверь. Арнольд одним махом убрал со стола ноги, а Грегор сбросил карты в ящик стола.

Посетитель, судя по коренастой фигуре, непропорционально маленькой голове и бледно-зеленой коже, не был жителем Земли. Он уверенно подошел прямо к Арнольду.

— Прибудут в центральный пакгауз «Тригейла» через три дня, — сказал посетитель.

— Так быстро, мистер Венс? — отозвался Арнольд.

— Да. Смагов надо транспортировать с особой осторожностью, а квили доставлены еще несколько дней назад.

— Отлично. Это мой компаньон, — сказал Арнольд, оборачиваясь к Грегору, который изумленно хлопал глазами.

— Счастлив познакомиться. — Венс крепко стиснул руку Грегора. — Восхищаюсь вами, ребята. Свободная инициатива, конкуренция — я в это верю. Вам известен маршрут?

— Все записано, — ответил Арнольд. — Мой компаньон готов стартовать в любую минуту.

— Я сразу же отправлюсь на Вермойн II и буду там вас ожидать. Всего хорошего.

Он повернулся и вышел.

— Арнольд, что ты там вытворяешь? — медленно спросил Грегор.

— Наживаю состояние нам обоим, вот что я вытворяю, — ядовито ответил Арнольд.

— Перевозкой скота?

— Да.

— На территории «Тригейла»?

— Да.

— Покажи-ка контракт.

Арнольд извлек документы. Там значилось, что Межпланетная очистительная (и транспортная) служба «Асс» обязуется доставить пять смагов, пять фирмегелей

и десять квилов в систему звезды Вермойн. Товар надлежит погрузить в центральном пакгаузе «Тригейла» и сдать в главном пакгаузе Вермойна II. Службе «Асс» предоставляется также право по своему усмотрению соорудить собственный пакгауз.

Вышеуказанных животных следует доставить живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми, способными к размножению и так далее. Были пункты, предусматривающие огромные неустойки в случае утери животных, доставки их не живыми, не здоровыми, не способными к размножению и так далее.

Документ звучал как соглашение о временном перемирии между двумя враждующими державами.

— Ты вправду подписал этот смертный приговор? — недоверчиво спросил Грегор.

— Ясное дело. Тебе всего и работы-то — погрузить этих тварей, забросить на Вермойн и там скинуть.

— Мне? А что же будешь делать ты?

— Я останусь здесь и обеспечу тебе поддержку, — ответил Арнольд.

— Поддерживай меня на борту корабля.

— Нет-нет, это невозможно. При виде квила меня выворачивает наизнанку.

— Точно такое же ощущение вызывает у меня вид этого договора. Давай-ка для разнообразия поручим дело тебе.

— Но ведь я веду научно-исследовательскую работу, — возразил Арнольд, по лицу которого градом катился пот. — Мы с тобой так условились. Разве ты забыл?

Грегор не забыл. Он вздохнул и беспомощно пожал плечами.

Компаньоны принялись немедля приводить в порядок корабль. Трюм состоял из трех отсеков — по количеству пород. Все животные дышали кислородом и были жизнеспособны при семидесяти по Фаренгейту, так что здесь никаких проблем не возникало. На корабль погрузили необходимые корма.

Через три дня, когда все как будто было готово, Арнольд решил проводить Грэгора до центрального пакгауза фирмы «Тригейл».

На пути до «Тригейла» ничего не произошло, но Грэгор не без трепета приземлился на посадочной платформе. Слишком много рассказов ходило про этот концерн, чтобы можно было чувствовать себя в его цитадели как дома. Грэгор принял всяческие меры предосторожности. Топливом и всеми необходимыми припасами он обзавелся на Луна-станции и не собирался впускать служащих «Тригейла» на борт корабля.

Однако если сотрудников станции и тревожил вид старого, потрепанного звездолета, они это удачно скрывали. Два трактора втащили корабль на погрузочную платформу и втиснули его между двумя лошеными тригейловскими экспресс-фрахтовиками.

Оставив Арнольда следить за погрузкой, Грэгор ушел подписывать декларации. Вкрадчивый чиновник «Тригейла» подал ему документы и с интересом смотрел на Грэгора, пока тот изучал их.

— Смагов грузите, а? — вежливо спросил чиновник.

— Да, — ответил Грэгор, пытаясь сообразить, как же выглядят эти смаги.

— И квилов, и фиргелей в придачу, — задумчиво продолжал чиновник. — Всех вместе. Вы очень храбрый человек, мистер Грэгор.

— Кто? Я? Почему?

— Знаете старую поговорку: «Если едешь со смагами, не забудь прихватить увеличительное стекло».

— Нет, я такой не слыхал.

Чиновник дружелюбно усмехнулся и пожал руку Грэгору.

— После такого рейса вы сами будете складывать пословицы. Желаю большой удачи, мистер Грэгор. Разумеется, неофициально.

Грэгор слабо улыбнулся в ответ.

Он вернулся на погрузочную платформу. Смаги, фиргели и квили были на борту, размещенные по своим отсекам. Арнольд включил подачу воздуха, проверил температуру и задал всем суточный рацион.

— Ну, тебе пора, — весело сказал Арнольд.

— Действительно, пора, — согласился Грегор без особого энтузиазма.

Он вскарабкался на борт, не обращая внимания на толпу хихикающих зевак.

Корабль отбуксировали на взлетную полосу.

Вскоре Грегор был уже в космосе и держал курс на пакгауз, обращающийся на орбите вокруг Вермойна II.

В первый день космического рейса работы всегда хватает. Грегор проверил приборы, потом осмотрел баки, резервуары, трубопровод и электропроводку. Он хотел убедиться, что старт не вызвал никаких повреждений. Затем он решил взглянуть на груз. Пора было выяснить, на что похожи эти звери.

В правом переднем отсеке находились квили. Они напоминали гигантские снежные шары. Грегор знал, что квили дают драгоценную шерсть, за которую повсюду платят бешеные деньги.

Животные, очевидно, не привыкли к невесомости, потому что их пища осталась нетронутой. Они неуклюже плавали вдоль стен и потолка, жалобно блеяли и просились на твердую почву.

С фирмелями все обстояло благополучно. То были большие гладкокожие ящерицы, назначения которых в сельском хозяйстве Грегор не мог себе представить. Они пребывали в спячке и должны были спать до конца рейса.

Пять смагов радостно залаяли при его появлении. Эти ласковые травоядные млекопитающие явно наслаждались состоянием невесомости.

Удовлетворенный Грегор вернулся в кабину управления. Рейс начался хорошо. «Тригейл» к нему не притирался, а животные в пути чувствовали себя превосходно.

«В конце концов, может быть, это занятие и впрямь не более опасно, чем рейс молочного фургона», — подумал Грегор.

Проверив работу рации и переключателей управления, он завел будильник и улегся спать.

Восемь часов спустя он проснулся. Сон не освежил его, голова раскалывалась от боли. На коже был

отвратительный налёт слизи. Грэгор с трудом сосредоточил внимание на пульте с приборами.

Эффект консервированного воздуха, решил он и радиорвал Арнольду, что все в порядке. Однако среди разговора оказалось, что он с трудом поднимает веки.

— Кончую, — сказал он, сладко зевнув. — Душно здесь. Пойду вздремну.

— Душно? — переспросил Арнольд; по радио его голос казался далеким-далеким. — Не должно быть. Циркуляторы воздуха...

Грэгор обнаружил, что приборы пьяно покачиваются перед ним и расплываются, теряя очертания. Он облокотился на пульт управления и закрыл глаза.

— Грэгор!

— Ммм...

— Грэгор!!! Проверь содержание кислорода!

Грэгор пальцем приоткрыл один глаз ровно на столько времени, чтобы бросить взгляд на шкалу. Он нескончально развеселился, увидев, что концентрация углекислого газа достигла небывалого уровня.

— Кислорода нет, — сообщил он Арнольду. — Вот проснусь и все улажу.

— Это вредительство! — взревел Арнольд. — Проснись, Грэгор!

Неимоверным усилием Грэгор подался вперед и открыл аварийный кран воздухоснабжения. Поток чистого кислорода отрезвил его. Он встал, неуверенно покачиваясь, и плеснул водой себе в лицо.

— А животные! — вопил Арнольд. — Посмотри, как там животные!

Грэгор включил вспомогательную систему пропаривания во всех трех отсеках и помчался по коридору.

Фиргели были живы и не вышли из спячки.

Смаги, очевидно, не заметили никакой разницы в составе атмосферы.

Два квила потеряли было сознание, но теперь быстро приходили в себя. В отсеке квилов Грэгор понял наконец, что случилось.

Никакого вредительства не было. В стенах и потолке вентиляторы, по которым циркулировал воздух

на корабле, оказались забытыми квильей шерстью. Клочья шерсти плавали в неподвижном воздухе, напоминая снегопад при замедленной съемке.

— Конечно, конечно, — сказал Арнольд, когда Грэгор сообщил о случившемся. — Разве я не предупреждал тебя, что квилов необходимо стричь дважды в неделю? Ты, наверное, забыл. Вот что сказано в книге: «Квилы — *Queelis Tropicalis* — мелкие тонкорунные млекопитающие, состоят в отдаленном родстве с овцами Земли. Родина квилов — Тенсис V, однако их успешно разводят и на других планетах с большим тяготением. Одежда, сотканная из шерсти квилов, огнеупорна, непроницаема для укуса насекомых, не поддается гниению и практически вечна благодаря значительному содержанию металла в шерсти. Квилов необходимо стричь дважды в неделю. Размножаются фемишем».

— Никакого вредительства, — прокомментировал Грэгор.

— Никакого вредительства, но тебе бы лучше постричь квилов, — ответил Арнольд.

Грэгор дал отбой, нашел в сумке с инструментами ножницы для жести и пошел обрабатывать квилов. Однако режущие кромки тотчас же притупились от металлической шерсти. Квилов, скорее всего, надо было стричь специальными ножницами из какого-нибудь твердого сплава.

Он кое-как собрал летающую шерсть и снова прочистил вентиляторы.

Осмотрев все в последний раз, он пошел ужинать.

В рагу плавала маслянистая металлическая шерсть квилов.

Он лег спать с чувством отвращения.

Проснувшись, он удостоверился, что старый, кряхтящий корабль все еще держит правильный курс. Главный привод работал хорошо, и будущее представилось Грэгору в розовом свете, особенно после того как оказалось, что фирмели все еще спят, а смаги ведут себя прилично.

Однако, осматривая квилов, Грэгор увидел, что с момента погрузки они не съели ни крошки. Дело

становилось серьезным. Он связался с Арнольдом, чтобы посоветоваться.

— Очень просто, — сказал Арнольд, перелистав несколько справочников. — У квилов отсутствуют горловые мускулы. Чтобы пища проходила вниз по пищеводу, им необходима сила тяготения. Но при невесомости нет и тяготения, так что пища не поступает в желудок.

Действительно просто. Одна из тех мелочей, что на Земле не предусмотрела. В космосе же, при искусственных условиях, даже самый простой вопрос превращается в сложнейшую проблему.

— Тебе придется придать кораблю вращение, чтобы создать для них хоть какую-то силу тяжести, — сказал Арнольд.

Грегор быстро произвел в уме некоторые вычисления.

— На это уйдет уйма энергии.

— Тогда, как сказано в книге, ты можешь заталкивать в них пищу рукой. Скатаешь пищу во влажный комок, погружаешь руку по локоть и...

Грегор прервал связь и включил боковые сопла. Он широко расставил ноги и с тревогой стал ждать, что же будет.

Квилы накинулись на корм с непринужденностью, которая привела бы в восторг любого квиловода.

Придется теперь заправиться горючим в космическом пакгаузе у Вермойна II. Издержки сильно взлетят, потому что во вновь освоенных планетных системах горючее очень дорого. Но все же прибыль будет достаточно велика.

Он вернулся к своим обязанностям по кораблю. Звездолет медленно преодолевал неизмеримое пространство.

Снова наступило время кормежки. Грегор задал корм квилам и перешел к отсеку смагов. Он открыл дверь и позвал:

— Подходи!

Никто не подошел.

Отсек был пуст.

Грегор почувствовал какое-то странное ощущение под ложечкой. Это невозможно. Смагам уйти некуда.

Они решили подшутить над ним и где-нибудь спрятались. Но в отсеке негде было спрятаться пятым смагам.

Ощущение дрожи перешло в форменную тряску. Грегор вспомнил о неустойке в случае утери, повреждения и так далее, и тому подобное.

— Эй, смаг! Выходи, смаг! — прокричал он.

Ответа не было.

Он внимательно осмотрел стены, потолок, дверь и вентиляторы — быть может, смаги ухитрились пролезть сквозь них.

Но смаги бесследно исчезли.

Вдруг он услышал какой-то шорох у себя под ногами. Посмотрев вниз, он заметил, как что-то прошмыгнуло мимо.

То был один из смагов, съежившийся до пяти сантиметров в длину. Грегор нашел и остальных — они сбились в угол, все такие же крохотные.

Что говорил чиновник «Тригейла»? «Если едешь со смагами, не забудь увеличительное стекло».

У Грегора не было времени, чтобы впасть в полноценное, добротное шоковое состояние. Он тщательно закрыл за собой дверь и метнулся к рации.

— Очень странно, — сказал Арнольд, когда связь была установлена. — Съежились, говоришь? Сейчас посмотрю. Угу... Ты не создавал искусственного тяготения, а?

— Конечно, создавал. Чтобы накормить квилов.

— Напрасно, — упрекнул Арнольд. — Смаги привыкли к слабому тяготению.

— Откуда мне было знать?

— Испытывая необычное для них тяготение, они ссыхаются до микроскопических размеров, теряют сознание и гибнут.

— Но ты же сам велел мне создать искусственное тяготение.

— Да нет же! Я лишь упомянул, что есть такой метод кормления квилов. Тебе же я рекомендовал кормить их из рук.

Грегор поборол почти непреодолимое желание сорвать рацию со стены. Он сказал:

— Арнольд, смаги привыкли к слабому тяготению. Так?

— Так.

— А квили — к сильному. Ты знал это, когда подписывал контракт?

Арнольд судорожно глотнул, затем откашлялся.

— Видишь ли, мне действительно казалось, что это несколько затрудняет дело. Но это великолепно окупится.

— Конечно, если только сойдет с рук. Что мне теперь прикажешь делать?

— Снижай температуру, — самоуверенно ответил Арнольд. — Смаги стабилизируются при нуле градусов.

— А люди при нуле градусов замерзают, — ответил Грегор. — Ладно, передача окончена.

Грегор натянул на себя всю одежду, какую нашел, и включил систему охлаждения. Через час смаги вновь выросли до нормальных размеров.

Пока все шло неплохо. Он заглянул к квилам. Холод, казалось, подбодрил их. Они были живее, чем когда-либо, и блеяли, выпрашивая еду. Он скормил им очередной рацион. Съев сандвич с ветчиной и шерстью, Грегор лег спать.

На другой день оказалось, что на корабле стало пятнадцать квилов. Десять взрослых народили пятидцати детенышами. Все пятнадцать были голодны.

Грегор накормил их. Он решил, что происшествие естественно, поскольку в одном помещении транспортируются и самцы, и самки. Это следовало предвидеть: надо было разделить животных не только по видам, но и по признакам пола.

Когда он вновь заглянул к квилам, их число увеличилось до тридцати восьми.

— Да. И не похоже, чтоб они собирались остановиться.

— Этого следовало ожидать.

— Почему? — озадаченно спросил Грегор.

— Я тебе говорил. Квили размножаются фемишем.

— Мне так и послышалось. А что это такое?

— То, что ты и слышишь, — раздраженно ответил Арнольд. — И как тебе только удалось окончить школу? Это партеногенез при температуре замерзания воды.

— Так оно и есть, — мрачно произнес Грегор. — Я поворачиваю корабль.

— Нельзя! Мы разоримся!

— При нынешних темпах размножения квилов мне скоро не останется места на корабле. Его придется вести квили.

— Грегор, не поддавайся панике. Есть идеально простой выход.

— Я весь внимание.

— Увеличь давление и влажность воздуха. Тогда они остановятся.

— Может быть. А ты уверен, что смаги не превратятся в бабочек?

— Побочных явлений не будет.

Как бы то ни было, возвращаться на Землю не стоило. Корабль прошел уже половину пути. С тем же успехом можно избавиться от мерзких тварей и в пункте назначения.

Или выбросить их всех за борт. Идея хоть и невыполнимая, но соблазнительная.

Грегор увеличил давление и влажность воздуха, и квили перестали размножаться. Теперь их насчитывалось сорок семь, и большую часть времени Грегор тратил на то, чтобы очищать вентиляторы от шерсти. Замедленная сюрреалистическая метель бушевала в коридоре, в машинном зале, в баках с водой и у Грегора под рубашкой.

Он ел безвкусные продукты с шерстью, а на десерт — неизменный пирог с шерстью.

Ему мерещилось, будто он сам превращается в квила.

Но вот на горизонте появилось яркое пятнышко. На переднем экране засияла звезда Вермойн. Через день он прибудет на место, сдаст груз и тогда вернется в запыленную контору, к неоплаченным счетам и пасьянсу.

В тот вечер он откупорил бутылку вина, чтобы отпраздновать конец рейса. Вино смыво вкус шерсти во рту, и он улегся в постель с чувством легкого, приятного опьянения.

Однако заснуть он не мог. Температура неуклонно падала. Капли воды на стенах застывали в льдинки.

Придется включить отопление.

Дайте-ка сообразить. Если включить отопление, смаги съежатся. Разве только устраниТЬ тяготение. Но тогда сорок семь квилов объявиют голодовку.

К черту квилов. В таком холодае невозможно управлять звездолетом.

Он вывел корабль из вращения и включил обогреватели. Целый час он ожидал, дрожа и постукивая ногами. Обогреватели бойко тянули энергию от двигателей, но тепла не давали.

Это было смехотворно. Он перевел их на предельную мощность.

Через час температура упала ниже нуля. Хотя Вермойн был виден, Грегор сомневался, доведется ли ему посадить корабль.

Не успел он развести на полу кабины костер, взяв для растопки самые легко воспламеняющиеся предметы на корабле, как вдруг ожила рация.

— Я вот что думаю, — сказал Арнольд. — Надеюсь, ты не слишком резко менял тяготение и давление?

— Какая разница? — рассеянно спросил Грегор.

— Это может дестабилизировать фирмели. Резкие перепады температуры и давления выводят их из спячки. Ты бы лучше посмотрел.

Грегор засуетился. Он открыл дверь, ведущую в отсек фирмели, заглянул внутрь и содрогнулся.

Из отсека вырвался поток ледяного воздуха. Фирмели, разумеется, бодрствовали. Они каркали. Огромные ящерицы порхали по отсеку, покрытые изморозью. Грегор захлопнул дверь и поспешил к рации.

— Понятно, покрытые изморозью, — сказал Арнольд. — Фирмели едут на Вермойн I. Жаркое mestечко Вермойн I — очень близко к Солнцу. Фирмели консервируют холод. Это самые лучшие во Вселенной

портативные установки для кондиционирования воздуха.

— А почему ты не сказал мне этого раньше? — ехидно спросил Грэгор.

— Тебя бы это расстроило.

— А куда смагов?

— На Вермойн II. Маленькая планетка, тяготение невелико.

— А квилов?

— Ясное дело, на Вермойн III.

— Идиот! — заорал Грэгор. — Ты поручаешь мне такой груз и ждешь, что я стану им жонглировать? — Если бы в этот миг Арнольд находился на корабле, Грэгор придушил бы его. — Арнольд, — проговорил он очень медленно, — довольно идей, довольно плавнов. Ты обещаешь?

— Да ладно, — примирительным тоном сказал Арнольд. — Не из-за чего так брюзжать.

Грэгор дал отбой и принялся за работу, пытаясь согреть корабль. Ему удалось поднять температуру до двадцати семи градусов по Фаренгейту, а потом перегруженные обогреватели окончательно вышли из строя.

К этому времени планета Вермойн II была совсем рядом.

Грэгор отшвырнул кусок дерева, который собирался сжечь, и взялся за пленку. Он перфорировал на пленке курс к главному пакгаузу, обращающемуся по орбите вокруг Вермойна II, как вдруг услышал зловещий скрежет. В то же время стрелки десятка дисков и циферблатов остановились на нуле.

Он устало поплыл в машинный зал. Главный привод не работал, и не требовалось специального технического образования, чтобы понять почему.

В застойном воздухе машинного зала парила квилья шерсть. Она набилась в подшипники, в систему смазки, заклинила охлаждающие вентиляторы.

Для отполированных деталей двигателя металлическая шерсть оказалась сильнодействующим истирающим материалом. Удивительно, как еще привод продержался столько времени.

Грегор вернулся в кабину управления. Невозможно посадить корабль без главного привода. Придется чинить его в космосе, проедать прибыли. К счастью, звездолет приводится в движение соплами боковых реактивных двигателей. Ими еще можно маневрировать.

Вероятность успеха — один к одному, но еще не поздно установить контакт с искусственным спутником, который служит пакгаузом Вермойна.

— Говорит «Асс», — объявил Грегор, выведя корабль на орбиту вокруг спутника. — Прошу разрешения на посадку.

Посыпался треск статического разряда.

— Это корабль службы «Асс», направляется на Вермойн II с центрального пакгауза «Тригейла», — уточнил Грегор. — Бумаги в порядке.

Он повторил традиционный формальный запрос о разрешении на посадку и откинулся на спинку кресла.

Борьба была нелегкой, но все животные прибыли живыми, невредимыми, здоровыми, бодрыми и так далее, и тому подобное. Служба «Асс» заработала кругленьную сумму. Но сейчас Грегор мечтал лишь об одном: выбраться из корабля и влезть в горячую ванну. И всю оставшуюся жизнь держаться подальше от квилов, смагов и фиргелей. Он хотел...

— В разрешении на посадку отказано.

— Что-о?

— Очень жаль, но в настоящее время свободных мест нет. Если хотите, оставайтесь на орбите, мы постараемся принять вас месяца через три.

— Погодите! — взвыл Грегор. — Нельзя же так! У меня на исходе продукты, главный привод сгорел, и я не могу больше терпеть этих животных!

— Очень жаль.

— Вы не имеете права прогнать меня, — хрипло сказал Грегор. — Это общественный пакгауз. Вам придется...

— Общественный? Извините, сэр. Этот пакгауз принадлежит концерну «Тригейл».

Рация умолкла. Несколько минут Грегор не сводил с нее глаз.

«Тригейл»!

Вот почему они не придирились к нему в своем центральном пакгаузе. Гораздо остроумнее отказать ему в посадке в пакгаузе Вермойна.

Самое обидное то, что они, вероятно, вправе так поступать.

Он не может приземлиться на планете.

Посадка звездолета без главного двигателя равносильна самоубийству.

А в солнечной системе Вермойна нет другого космического пакгауза.

Что ж, он доставил животных почти к самому пакгаузу. Мистер Венс, без сомнения, все поймет и оценит его добрые намерения.

Он связался с Венсом, находящимся на Вермойне II, и объяснил ему обстановку.

— Вы не в пакгаузе? — переспросил Венс.

— Всего лишь в пятидесяти милях от пакгауза.

— Нет, так не пойдет. Разумеется, я приму животных. Они мои. Но есть пункты, предусматривающие неустойку в случае неполноценной доставки.

— Но ведь вы не примените их, правда? — взмолился Грегор. — Мои намерения...

— Они меня не интересуют, — прервал его Венс. — Меня интересует предел прибыли и все такое. Нам, колонистам, всякая кроха годится.

И он дал отбой.

Обливаясь потом, хотя в помещении было холодно, Грегор вызвал Арнольда и сообщил ему новости.

— Это неэтично! — объявил Арнольд в неистовстве.

— Но законно.

— Я знаю, черт побери. Мне надо подумать.

— Придумай что-нибудь толковое, — сказал Грегор.

— Я свяжусь с тобой позднее.

После разговора Грегор несколько часов подряд кормил животных, вычесывал квилю шерсть из своих волос и жег мебель на палубе корабля. Когда заужажала рация, он суеверно скрестил пальцы, прежде чем ответить.

— Арнольд?

— Нет, это Венс.

— Послушайте, мистер Венс, — сказал Грэгор. — Если бы нам дали хоть маленькую отсрочку, мы могли бы покончить дело полюбовно. Я уверен...

— Э, вам удалось-таки меня объегорить, — огрызнулся Венс. — К тому же на совершенно законном основании. Я навел справки. Хитро сработано, сэр, весьма хитро. Я высылаю буксир за животными.

— Но пункт о неустойке...

— Естественно, не могу его применить.

Грэгор уставился на рацию. Хитро сработано? Что придумал Арнольд?

Он радиорвал Арнольду в контору.

— Говорит секретарь мистера Арнольда, — ответил ему юный девичий голосок. — Мистера Арнольда сегодня уже не будет.

— Не будет? Секретарь? Мне нужен Арнольд из «Асса». Я попал к другому Арнольду, не правда ли?

— Нет, сэр, это контора мистера Арнольда, из Международной очистительной службы «Асс». Вы хотите сделать заказ? У нас первоклассный пакгауз в системе Вермойна, на орбите вблизи Вермойна II. Мы транспортируем животных с планет малого, среднего и большого тяготения. Мистер Грэгор лично руководит работами. Я полагаю, что вы найдете наши цены умеренными.

Так вот до чего додумался Арнольд — превратить корабль в пакгауз! По крайней мере на бумаге. А ведь контракт действительно предоставил им право сорудить пакгауз по своему усмотрению. Умно!

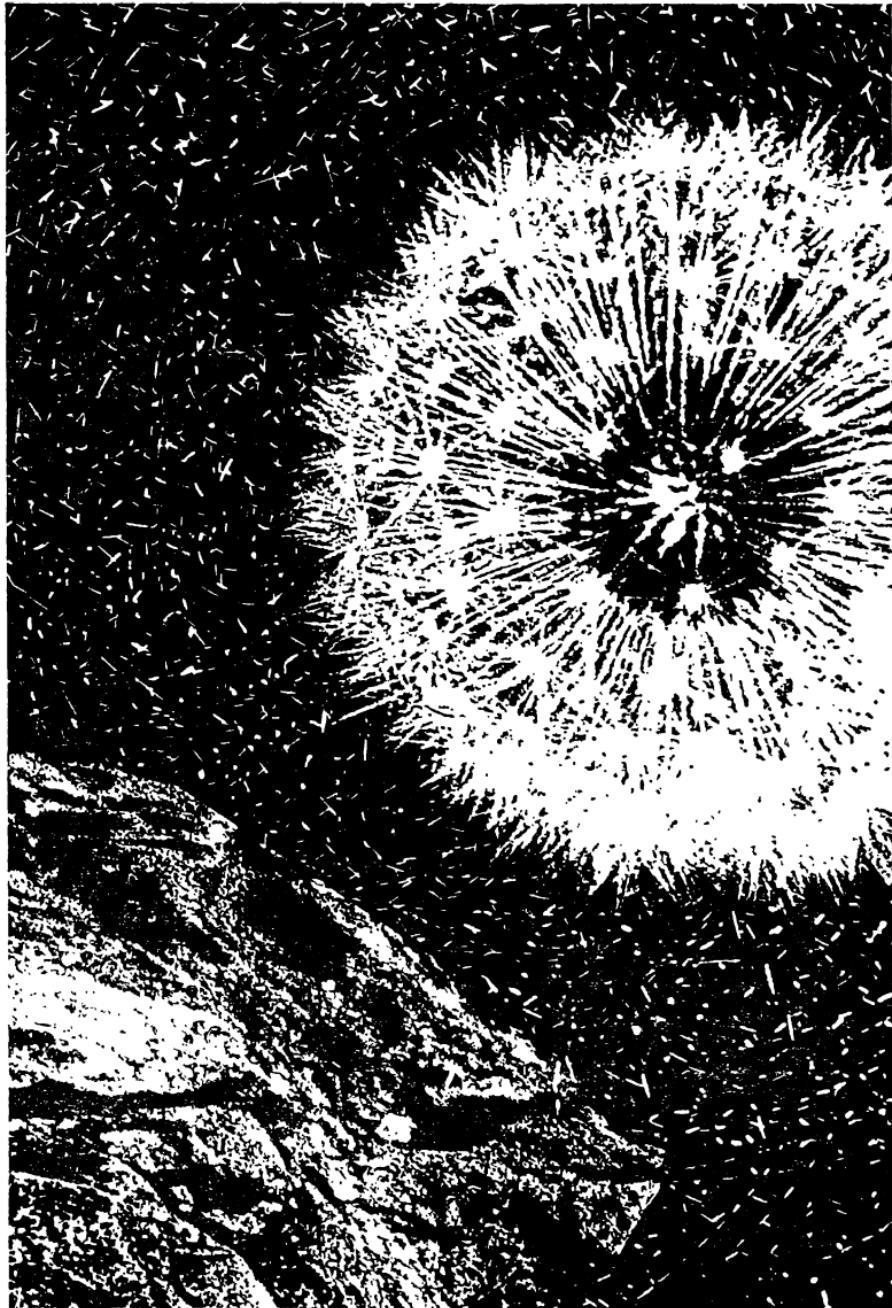
Но этот паршивец Арнольд не соображает, что от добра добра не ищут. Теперь он хочет заняться пакгаузным делом!

— Что вы сказали, сэр?

— Я сказал, что говорит пакгауз. Примите радиограмму для мистера Арнольда.

— Слушаю, сэр.

— Передайте мистеру Арнольду, чтобы он аннулировал все заказы, — угрюмо произнес Грэгор. — Его пакгауз возвращается домой что есть духу.

**МИНИМУМ
НЕОБХОДИМОГО**

МИНИМУМ НЕОБХОДИМОГО

Мать ее предостерегала:

— В своем ли ты уме, Амелия? Как тебе взбрело в голову выходить замуж за пионера-первооткрывателя? Разве можно быть счастливой в пустыне?

— Кэп — не пустыня, мама, — отвечала Амелия.

— Там же нет никакой цивилизации. Это отсталый, необжитый край. И потом, надолго ли он там осядет? Я знаю этих людей, ему обязательно захочется освоить еще какое-нибудь новое место.

— В таком случае мы будем осваивать его вместе, — отвечала Амелия, не сомневаясь, что и она по натуре первооткрыватель.

Ее мать не была столь уверена:

— Жизнь в неисследованных краях трудна, дорогая. Труднее, чем ты представляешь. Ты в самом деле готова оставить друзей, лишиться тех удобств, в которых выросла?

— Да!

Ее мать хотела еще что-то сказать. Однако после смерти мужа она стала менее уверенной в своих принципах и менее склонной навязывать их другим.

— Твоя жизнь — тебе и решать, — помолчав, сказала она.

— Не беспокойся, мама, я знаю, что делаю, — сказала Амелия.

Она знала, что Дирк Богрен не терпит тесноты. Он был крупным мужчиной и нуждался в просторе,

Печатается по изд.: Шекли Р. Минимум необходимого: «Иностранная литература», 1965, № 5

© Перевод на русский язык, А. Вавилов, 1965

тишине и свежем воздухе. Он рассказывал ей о своем отце, который поселился в только что освоенной пустыне Гоби. Когда там стало настолько тесно, что власти округа постановили обнести участки заборами, он не выдержал. Он умер, обратившись лицом к звездам.

Дирк был такой же. Она вышла за него замуж и переехала жить на безлюдный Кэп Южного полюса.

Однако за ними следом двинулись переселенцы, и вскоре Кэп стал называться Кэп-сити. Выросли магазины и заводы, аккуратненькие дачные поселки растянулись по земле, согреваемой атомной энергией.

Все началось гораздо раньше, чем она предполагала.

Как-то вечером они сидели на веранде. Дирк рассматривал свой участок. Взгляд его задержался на верхушке радарной мачты, возвышающейся на далеком холме.

— Здесь становится тесновато, — сказал он наконец.

— Да... немного, — согласилась Амелия.

— Недалеко время, когда здесь начнут делать площадки для игры в гольф. Как думаешь, не пора ли нам отсюда двигаться?

— Хорошо, — сказала Амелия после секундного колебания. Так они и договорились.

Они продали ферму. Купили подержанную ракету и загрузили ее самым необходимым. Вечером накануне отлета друзья устроили Дирку проводы. Они были старожилами и помнили время, когда Кэп был наполовину скрыт снегом и льдом. Втайне завидуя, они подтрунивали над Дирком.

— Так, значит, держишь путь на астероиды.

— Вот именно, — сказал Дирк.

— Но ты же белоручка! — подразнивал его один старик. — Легкая жизнь испортила тебя, Дирк.

— Не знаю.

— А ты уверен, что еще сможешь проработать полный пятичасовой рабочий день?

Дирк широко улыбался, слушая советы, и прислушивался к тому, что говорили женщины Амелии:

— Возьмите побольше теплых вещей. Я помню, на Марс...

- Не забудьте медицинское оборудование...
- Вся беда с малой тяжестью в том...
- Дирк! — воскликнул один. — Неужели ты заберешь такую милую крошку на астероид?
- Конечно, — сказал Дирк.
- Ей там не понравится, — предостерег другой. — Ни вечеринок, ни новых платьев, ни безделушек.
- Люди там сходят с ума от перенапряжения.
- Не верьте им, — поспешила вставить женщина постарше. — Привыкнете, и вам там понравится.
- Я уверена, что понравится, — вежливо сказала Амелия, надеясь, что говорит правду.

Незадолго до вылета она позвонила матери и обо всем рассказала.

Мать не удивилась.

— Ну что же, доченька, — сказала она. — Легко тебе не будет. Но ведь ты знала об этом, когда выходила за него замуж. Астероиды... именно туда мечтал отправиться твой отец.

Амелия помнила отца — очень мягкого и доброго человека. Каждый вечер, вернувшись из банка, он перечитывал объявления о продаже подержанных ракет и составлял подробные списки снаряжения, которое потребуется шпионеру. Мама была настроена решительно против всяких перемен, и поколебать ее было невозможно. Дело редко доходило до открытых ссор, однако чувство взаимной обиды росло, пока в машину, в которой отец возвращался из банка, не врезался вертолет.

— Постарайся быть ему хорошей женой, — на-пугтвовала ее мать.

— Разумеется, — сказала Амелия с легким раздражением.

Граница освоенной территории пролегала в космосе. Земля была укрошена и обжита. Дирк изучил имевшиеся карты кольца астероидов, но это ему немного дало: никто еще не проникал в такие глубины, и весь обширный район был просто помечен как «неисследованная область».

Полет был длительный и опасный, но впереди была свободная земля, которую оставалось только взять, и простор, необходимый человеку. Дирк уверенно вел

корабль сквозь меняющиеся очертания скоплений космической пыли. Хотя точный маршрут не был проложен, нос ракеты неизменно был нацелен в глубины космоса.

— Мы не вернемся, — сказал он Амелии, — поэтому нет смысла вычерчивать маршрут.

Она кивнула, но у нее захватило дыхание при виде смутных мертвых бликов, маячивших впереди. Она невольно испытывала страх при мысли о новой жизни — мрачном и одиноком существовании в необитаемых местах. Задрожав, она положила руку на руку Дирка.

Он улыбнулся, не отрывая взгляда от приборов.

Корабль опустился на обломок скалы в несколько миль длиной и милю шириной. Теперь это был их темный, лишенный воздуха мирок; они возвели Барокупол и включили гравитацию. Как только она достигла нормальной величины, Дирк занялся сборкой Контрольного робота. Это было долгим и трудным делом, но наконец он вставил ленту и включил контакты.

Робот принялся за работу. Дирк включил все наличные прожекторы. При помощи небольшого подъемного крана он извлек из трюма корабля Складной домик, установил его близ центра купола и подключил. Домик развернулся, как гигантский бутон, распустившись в аккуратное пятикомнатное жилище с необходимой обстановкой, кухней, водопроводом и санузлом.

Начало было положено. Но распаковать все сразу было невозможно. Температурный контроль был запрятан где-то глубоко в трюме ракеты, и Дирку пришлось нагреть дом вспомогательным утеплителем, подсоединенными к генератору.

Амелия так замерзла, что не могла приготовить обед: температура внутри жилища была где-то в районе 10 градусов. Бессильной оказалась даже меховая одежда фирмы «Эксплорер», а от жуткого света флюоресцентных ламп Амелии становилось еще холоднее.

— Дирк, — робко попросила она, — нельзя ли сделать потеплее?

- Пожалуй, можно, но это ослабит робота.
- Разве? — сказала Амелия. — Тогда уж я потерплю.

При свете флюоресцентных ламп работать было просто невозможно. Она ошиблась делением на шкале Походного рационного аппарата, и бифштекс вышел пережаренным, картошка недоваренной, а яблочный пирог так и остался неразмороженным.

— Боюсь, я не очень гожусь для походной жизни, — сказала Амелия, пытаясь улыбнуться.

— Ничего, — успокоил ее Дирк, расправляясь с обедом, словно это была обычная земная еда.

Они легли спать. Амелия не могла уснуть на походном матраце. Правда, она испытывала сомнительное удовлетворение от того, что Дирку тоже неудобно. На Кэпе он привык к сравнительно легкой жизни.

Когда они проснулись, все вокруг показалось ве-
селее. Контрольный робот, проработав всю ночь, установил Главный генератор. Теперь у них было свое маленькое солнце в небе и нечто похожее на смену дня и ночи. Контрольный робот собрал тяжелых Сельскохозяйственных роботов, а те, в свою очередь, Домашних роботов.

Дирк руководил подготовкой почвенного слоя и координировал работу Сельскохозяйственных роботов, которые производили посадку семян по способу принудительного вызревания. Он теперь работал по пять часов в день и, когда маленькое солнце опускалось за горизонт, возвращался домой, вконец измученный.

Тем временем Амелия запрограммировала основной дневной рацион, и однажды вечером она смогла угостить мужа простым, но питательным обедом из восьми блюд.

— Конечно, это не заказной обед из двадцати блюд, — извинялась она, в то время как Дирк налегал на закуску.

— Все равно не мог никогда всего доесть, — отвечал Дирк.

— И вино не охлаждено как следует...

Дирк поднял голову и улыбнулся:

— Что ты выдумываешь, милая? Я могу пить теплую кока-колу и даже не замечу этого.

— Пока я здесь готовлю, этому не бывать, — сказала Амелия. Но она уже оценила одно преимущество жизни пионеров: голодный мужчина съест все, что бы перед ним ни поставили.

После того как Дирк помог Амелии сложить посуду в мойку, он установил в гостиной проектор. На экране замелькали кадры кинопрограммы, а они сидели в прочных креслах из пенопласта, как поколения пионеров перед ними. Незыблемость этой традиции глубоко тронула Амелию.

Дирк распаковал постель и отрегулировал под ней гравитацию. В эту ночь они спали так же крепко, как в свое время на Кэпе.

Однако работа на астероиде не терпела простоя. Дирк работал по пять, а то и по шесть часов в сутки с Сельскохозяйственными роботами, менял ленты, выкрикивал команды, выбивался из сил, чтобы выжать из роботов все, что можно. Через несколько дней растения, посаженные методом принудительного вызревания, зазеленели на фоне черной синтетической почвы. Однако с самого начала было ясно, что урожай собирать не придется.

Дирк стиснул зубы и приказал роботам вносить в почву микрэлементы. Он повозился с солнцем, пока не возросло ультрафиолетовое излучение. Прошла неделя, но заметных изменений не произошло.

В тот день Амелия вышла в поле. Под глазами у Дирка лежали глубокие тени. Он стоял, сжав кулаки, и глядел на чахлую карликовую кукурузу, не доходившую ему до колена.

Амелия не знала, что сказать. Она ласково взяла его за руку.

— Мы еще не сдались, — пробормотал Дирк.

— Что ты собираешься делать? — спросила Амелия.

— Если потребуется, я буду сеять каждую неделю. Я буду гонять роботов, пока их суставы не заклиният. Земля рождает. Она должна рождать.

Амелия отступила на шаг, пораженная страстью, с которой он произнес эти слова. Однако она понимала, каково ему. На Земле фермеру достаточно

было приказать Контрольному роботу, и через несколько дней можно было собирать урожай. Не покладая рук Дирк выкапывал этот несчастный посев больше недели.

— Что ты будешь делать с кукурузой? — спросила она.

— Скормлю скотине, — презрительно сказал Дирк. Они вместе пошли к дому в наступивших сумерках.

На следующий день Дирк разморозил и одушевил домашних животных и возвел для них загоны и стойла. Животные с удовольствием поедали кукурузу. Семена снова посадили в синтетическую почву, и на этот раз всходы поднялись до нормальных размеров.

У Амелии не хватало времени любоваться этой победой. Хотя их пятикомнатное жилище по земным стандартам было маленьким, оно нуждалось в хозяйственном глазе.

Ей было нелегко. Амелия выросла в обычном загородном доме, где вся работа по хозяйству автоматически программировалась. Здесь же каждый вид работ выполнялся отдельной машиной. Некогда было убирать их в стенные ниши, и они вечно путались под ногами, портили весь вид, делали дом похожим на механическую мастерскую.

Централизованного пульта не было. Приборы, кнопки и переключатели были развесаны на времянках, где попало. Поначалу ей приходилось тратить массу времени на то, чтобы обнаружить выключатели аппаратов химчистки, мытья полов, мытья окон и приборов, выполнявших другие необходимые операции, которые дома считались само собой разумеющимися. Дирк обещал соединить все цепи, но был вечно занят.

Домашние роботы просто выводили из себя. Эти походные модели обладали большим запасом прочности, но не вышколенностью, к которой она привыкла... Запоминающая способность у них была слабой, и они ничего не умели предугадывать. К концу дня у Амелии звенело в ушах от их грубых надтреснутых голосов. Большую часть времени дом ее выглядел так, будто роботы не убирали, а разрушали его.

Долгие пятичасовые рабочие дни тянулись, заполненные скучной повседневной работой, пока Амелия

не почувствовала, что ей невмоготу. В отчаянии она связалась с мастерской по телесети.

На небольшом экране она увидела мать, которая сидела на своем любимом пневмокресле у стены из поляризованного стекла. Стена была включена на видимость, и вдалеке Амелия могла различить городские здания, взмывающие ввысь во всей своей сверкающей красе.

— Что случилось? — спросила мать.

Сзади к ее креслу плавно придвигнулся робот и бесшумно поставил чашку чая. Амелия была уверена, что никакой команды не было. Чувствительный механизм предугадал желание старой женщины. К этому приучались роботы на Земле после долгого общения с семьей.

— Так вот... — почти истерически начала объяснять Амелия.

Ее собственный робот прошел, шатаясь, через комнату и чуть не выломал дверь, потому что фотореле среагировало недостаточно быстро. Это было уже слишком.

— Я хочу домой! — заплакала Амелия.

— Ты знаешь, что тебе всегда здесь будут рады, дорогая. Но что думает твой муж?

— Дирк приедет, я уверена. Мы найдем ему хорошую работу, не правда ли, мама?

— Наверняка найдем. Но разве он этого хочет?

— Что? — не поняла Амелия.

— Будет ли такой человек, как он, счастлив на Земле? Захочет ли он вернуться?

— Захочет, если он меня любит.

— А ты его любишь?

— Мама, это нечестно! — сказала Амелия, и у нее комок подступил к горлу.

— Никогда не надо заставлять мужчину делать то, чего он не хочет, — сказала мать. — Твой отец... Во всяком случае, неужели ты не сможешь все наладить?

— Не знаю, — сказала Амелия. — Я... я попробую.

После этого дела действительно пошли лучше. Амелия стала привыкать к дому, научилась не обращать внимания на мелкие неудобства. Она поняла, что когда-нибудь это место будет таким же уютным,

каким они сделали в конце концов свою ферму на Кэпе.

Но они уехали с Кэпа. Как только астероид станет обжитым, Дирку снова захочется отправиться в дикие края.

Однажды Дирк увидел, что Амелия сидит у их крошечного плавательного бассейна и горько плачет.

— Эй! — крикнул он. — Что случилось?

— Ничего.

Он неумело погладил ее волосы.

— Скажи мне.

— Нет, ничего.

— Нет, скажи мне.

— В общем, это все из-за того, что я работаю, чтобы создать уют, развешиваю шторы, обучаю роботов и прочее и в то же время знаю...

— Что знаешь?

— Когда-нибудь ты захочешь сняться с этого места, и все это было ни к чему. — Она подняла голову и попыталась улыбнуться. — Прости, Дирк, мне не следовало об этом говорить.

Дирк некоторое время думал. Затем он внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Я хочу, чтобы ты была счастливой. Ты ведь веришь этому?

Она кивнула.

— Пожалуй, мы достаточно переезжали с места на место. Наш дом здесь. Здесь мы и останемся.

— Правда, Дирк?

— Обещаю тебе.

Она крепко его обняла. А потом вспомнила:

— Боже! Мой «наполеон» сгорит! — и побежала на кухню.

Для Амелии наступило счастливое время. Заранее настроенное солнце вспыхивало утром во всем своем великолепии и звало их к исполнению ежедневных обязанностей. После питательного завтрака начиналась работа.

Скучно никогда не было. Амелия с Дирком возводили противометеоритную сетку для укрепления Барокупола. Или же возились с Ветромашиной, которая

должна была помочь одушевленным пчелам в опылении растений.

По вечерам у них были настоящие закаты. Иногда Дирк заставлял Сельскохозяйственных роботов исполнять неуклюжий танец. Он был строгим, но чутким хозяином. Он считал, что небольшое разнообразие полезно для роботов так же, как и для людей.

Амелия взгрустнула по Земле лишь однажды. Дирк поймал по телевизору лунную ретрансляцию Пасхального ществия. От музыки и ярких красок у Амелии защемило сердце, но лишь на мгновение.

Первый гость прибыл через несколько месяцев в ярко раскрашенной ракете, которая опустилась на кое-как вырубленную посадочную площадку. На борту ракеты выступала надпись высотой в восемь футов: «Ракета-магазин Поттера». Из ракеты вылез энергичный молодой человек. Он понюхал воздух, сморщил нос и пошел к дому.

— Чем могу помочь, путник? — спросил Дирк, стоя в дверях.

— Добрый день, соотечественник. Моя фамилия Поттер, — сказал молодой человек и протянул руку, которую Дирк не пожал. — Я проделывал свой обычный рейс на Марс и тут услышал о вас, друзья. Подумал, что вам захочется купить кое-какие новинки для того, чтобы... оживить ваш дом, что ли.

— Я ни в чем не нуждаюсь, — сказал Дирк.

Поттер приветливо улыбался. Он уже обратил внимание на скромный фермерский домик и спартанский плавательный бассейн.

— А как насчет супруги? — спросил Поттер, подмигнув Амелии. — Я еще не скоро буду в этих краях.

— Рад это слышать, — сказал Дирк.

Однако у Амелии загорелись глаза. Она пожелала осмотреть все запасы Поттера и потащила с собой Дирка. Как ребенок, она перепробовала все бытовые приборы — современные хитроумные машины, сберегающие время; любовно перебирала платья — модные, изысканные, с регулируемым вырезом и подолом — и вспомнила свой скучный, сшитый по заказу гардероб.

Тут она увидела роботов-актеров. Их удивительно схожая с человеком внешность и цивилизованные манеры остро напомнили ей о доме.

— Может, приобретем труппу? — спросила она у Дирка.

— Но у нас ведь есть кино! Оно вполне удовлетворяло моего отца...

— Но, Дирк, эти роботы ставят настоящие пьесы!

— В репертуар именно этой труппы входят все популярные пьесы, начиная с самого Бернарда Шоу, — сообщил им Поттер.

Дирк с неприязнью посмотрел на красивые машины-гуманоиды.

— Что они еще умеют делать?

— Делать? Они играют! — сказал Поттер. — Боже мой, дорогой земляк, не думаете ли вы, что произведение искусства будет заниматься работой на ферме?

— А почему бы и нет? — спросил Дирк. — Я не люблю изнеженных роботов. Мой Контрольный робот не гнушается работой на ферме, и я могу поручиться, что он умнее этих штуковин.

— Ваш Контрольный робот не актер, — высокомерно заметил Поттер.

У Амелии был такой тоскующий вид, что Дирк купил труппу. Пока он втаскивал актеров-роботов в дом (они были слишком нежны, чтобы ходить по камням), Амелия купила платье.

— Как может такая девушка, как вы, жить в этой пустыне? — спросил Поттер.

— Мне здесь нравится.

— О, я согласен, жить здесь можно. Трудовая жизнь, отказ от комфорта, открытие новых рубежей и все такое прочее. Но разве вам не бывает тошно от всей этой романтики?

Амелия ничего не ответила. Поттер пожал плечами.

— Ну что же, — сказал он, — этот сектор созрел для колонизации. Скоро ждите гостей.

Амелия взяла платье и вернулась в дом. Поттер улетел.

Дирк нехотя согласился впоследствии, что актеры-роботы составляли приятную компанию долгими тихими вечерами. Ему даже по-настоящему понравилась

пьеса «Человек и сверхчеловек». Через некоторое время он начал давать роботам режиссерские указания, которые они, естественно, игнорировали.

И все-таки он остался при своем мнении, что Контрольный робот способен сделать то же самое, стоит только немного улучшить его голосовой узел.

А пока длинные пятичасовые рабочие дни не оставляли времени для досуга. Дирк начал собирать другие маленькие астероиды и присоединять их к своей первой зарубке. Он посадил лес, построил водопад и занялся починкой старой климатической машины отца. Наконец она у него заработала, и он смог воспроизводить сезоны на их маленькой планете.

Однажды телевизионный экран ожила потоком строк — Дирк получил космограмму. Она была от «Эксплорерс Инкорпорейтед» — фирмы на Земле, которая занималась производством снаряжения для пионеров. Дирку предлагали возглавить главную экспериментальную лабораторию фирмы, оклад — почти фантастических размеров.

— О, Дирк! — восхлинула Амелия. — Какая возможность!

— Возможность? О чём ты говоришь?

— Ты сможешь разбогатеть. Ты сможешь иметь все, что пожелаешь.

— У меня уже есть все, что нужно, — сказал Дирк. — Поблагодари их и скажи, что я отказываюсь.

Амелия устало вздохнула. Она телеграфировала фирме отказ Дирка, но добавила, что через некоторое время к нему снова можно будет обратиться. В конце концов, нет смысла совсем закрывать дверь.

В течение этого долгого лета еще один корабль приземлился на их посадочной площадке. Он был еще старее и потрепаннее, чем корабль Дирка, и, повиснув на высоте пяти футов, он упал, качнув астероид. Из него вышли, шатаясь, молодые мужчина и женщина. Они были на грани обморока.

Джин и Перси Филипс поселились на астероиде, находившемся в нескольких тысячах миль. Их преследовали сплошные неудачи. Электричество у них испортилось, роботы сломались, продовольствие кончилось. Отчаявшись, они вылетели на ферму Дирка.

Они чуть не умерли от голода, оставаясь без еды почти два дня.

Дирк и Амелия приняли их в лучших традициях пионеров, окружили заботой и быстро подлечили. Сразу было видно, что Филипсам неизвестен закон выживания. Перси Филипс даже не знал, как управляться с роботами. Дирку пришлось объяснить.

— Надо им дать почувствовать, кто в доме главный, — сказал Дирк.

— Но мне кажется, что если подать правильное приказание негромким и дружелюбным голосом...

— Только не здесь, — решительно замотал головой Дирк. — Эти Хозяйственные роботы тупы и нечувствительны. Они угрюмы и злопамятны. Команды нужно вдалбливать в них. Если понадобится, бейте их ногами.

Филипс удивленно приподнял брови.

— Плохо обходиться с роботами?

— Им надо показать, кто тут человек.

— Однако в Космической школе нас учили уважать роботов, — запротестовал Филипс.

— Здесь вы откажетесь от многих убеждений, приобретенных на Земле, — отрезал Дирк. — Прослушайте меня. Я был воспитан роботами. У меня есть близкие друзья среди роботов. Я знаю, о чем говорю. Они будут уважать вас только в том случае, если вы будете им приказывать.

Филипс нехотя согласился, что, может быть, Дирк и прав.

— Конечно, я прав! — заявил Дирк. — Вы говорите, у вас кончилось электричество?

— Да, но ведь не роботы же...

— А кто же? Они ведь имеют доступ к аккумуляторам, не правда ли?

— Конечно. Когда у них кончается энергия, они заряжают себя сами.

— Вы думаете, они останавливаются после полной зарядки? Роботы прирожденные пьяницы. Они будут высасывать энергию, пока она не кончится. Разве вы еще не знаете этот старый трюк роботов?

— Наверное, именно так и было, — сказал Филипс. — Но зачем они это сделали?

— Им это вносят в схему еще на заводе. Так они быстрее изнашиваются, и приходится покупать новых. Поверьте мне, если вы посадите их на голодный паек, то это будет для их же пользы.

— Видимо, мне еще многому предстоит научиться, — вздохнул Филипс.

А Джин — его жене — предстояло научиться еще большему. Амелии пришлось несколько раз объяснять ей, что кнопки не будут сами себя нажимать, переключатели не станут выключаться без реле, и стрелки не будут по своему желанию устанавливаться на нужных делениях. Роботам-уборщикам нельзя поручать стряпню, а Терка-мойка, хотя и универсальный аппарат, просто неспособна сама приготовить запасы консервов.

— Никогда не думала, что это так сложно, — сказала Джин. — Как у вас все получается?

— Привыкнете, — сказала Амелия, вспомнив свои первые дни походной жизни.

Филипсы вернулись на свою зарубку. Амелия думала, что без них будет скучать, но было так приятно снова оставаться вдвоем с Дирком и вернуться к работе на ферме.

Однако их не собирались оставлять в покое. Следующим посетителем был представитель «Областной марсианской энергокомпании». Он рассказал, что переселенцы прибывают на кольцо астероидов и система энергоснабжения соответственно расширяется. Он предложил присоединить ферму Дирка к плотноувязанной сети «Марсианской энергокомпании».

— Нет, — твердо отказался Дирк.

— Но почему? Ведь это недорого...

— У меня свой источник энергии.

— А, эти маленькие генераторы, — сказал человек, осуждающе посмотрев на солнце Дирка. — Для действительно высокой производительности...

— Я в ней не нуждаюсь. Темпы развития моей фермы меня удовлетворяют.

— Вы могли бы больше выжать из своих роботов.

— Тогда они скорее износятся.

— Можно приобрести более новые модели.

— Новые изнашиваются еще быстрее.

— А как насчет более совершенных генераторов? — поинтересовался представитель компании. — Ваше крошечное солнце дает мало энергии.

— Для меня достаточно.

Представитель удивленно покачал головой.

— Наверное, мне никогда не понять вас — пионеров, — сказал он и отбыл.

Они попытались возобновить прежнюю жизнь. Однако с соседних астероидов начали подмигивать огоньки, а лунное телевидение забивалось местными сигналами. Еженедельно стала приходить почтовая ракета, и какое-то бюро путешествий стало организовывать поездки на кольцо астероидов.

У Дирка в глазах снова появилось знакомое выражение неудовлетворенности. Он внимательно наблюдал за небесами — они сужались, чувство простора исчезало, а тишина разрывалась выхлопами пролетавших ракет.

Однако он дал обещание Амелии и собирался сдержать его, даже если б это стоило ему жизни. Вид у него был изможденный, и он теперь работал по шесть, семь, а иногда по восемь часов в сутки.

Их посетил продавец швейных машин, а одна деловая решительная дама попыталась продать Дирку «Солнечную энциклопедию». Регулярные маршруты были уже проложены, и длинный, опасный путь превратился в скоростное шоссе.

Однажды вечером Дирк и Амелия, сидевшие на крылечке, увидели, как огромная надпись осветила небо. Она простиралась в космосе на многие мили: «Торговый центр Розена. Магазины, ресторан, лучшая выпивка на астероидах».

— Магазины, — прошептала Амелия. — И ресторан! О, Дирк, давай посмотрим!

— А почему бы и нет, — сказал он, беспомощно пожав плечами.

На следующий день Амелия надела свое новое платье и заставила Дирка облачиться в его единственный, спитый по заказу костюм. Они залезли в свой старый корабль и отправились в путь.

«Центр Розена» — новый шумный поселок, раскинувшийся на четырех соединенных астероидах, —

храбро боролся за право называться городом. Везде были проложены движущиеся мостовые. Городок заполняла толпа суетящихся нетерпеливых людей, и по улицам тяжело ступали роботы, нагруженные снаряжением.

Амелия привела Дирка в ресторан, где им подали настоящий земной обед. Дирку он не понравился. Его немного тошило от воздуха, выдыхаемого другими людьми, а слишком изысканная пища не насыщала. Дирк закончил обед тем, что заказал не то вино и попытался дать на чай роботу-официанту.

Вконец несчастный, он позволил Амелии таскать себя из одного магазина в другой. Он оживился лишь однажды, когда они зашли в магазин тяжелого оборудования. Он осмотрел новый антигравитационный генератор. Такой модели он еще не видел.

— Это именно то, что требуется длянейтрализации чрезмерной силы тяжести, — объяснил ему продавец-робот. — Мы считаем, что машина будет отлично работать на лунах Юпитера, например.

— На лунах Юпитера?

— Это только к примеру, сэр, — сказал робот. — Никто там еще не бывал. Это совершенно необследованная территория.

Дирк рассеянно кивнул, поглаживая полированную поверхность машины.

— Слушай, Амелия, — сказал он наконец. — Как ты думаешь, то место на Земле все еще вакантно?

— Может быть, — ответила она. — А что?

— Все равно, где жить — на Земле или здесь. Для этих людей освоение новых мест — игра.

— Ты думаешь, что будешь счастлив на Земле?

— Возможно.

— Я сомневаюсь, — сказала Амелия.

Она вспомнила, как им было хорошо на астероиде. Жизнь их была полной и счастливой; они были вдвоем и вместе, теряя лишения, отодвигали пустыню — с помощью своих грубых орудий, силой своего разума.

Так было до того, как пришли люди, до того, как шумная, толкотливая земная цивилизация отеснила их к самым дверям дома.

Ее мать все поняла на собственном горьком опыте и пыталась ей это объяснить. Дирк никогда не будет счастлив на Земле. И она не может быть счастливой, если он попусту растратит свою жизнь, как ее отец, ненавидя свою работу и мечтая о другой, которая смогла бы удовлетворить его.

— Мы покупаем антигравитационный генератор, — сказала она роботу. Она повернулась к Дирку: — Он нам пригодится на Юпитере.

ЧЕЛОВЕКОМИНИМУМ

У каждого своя песня, думал Антон Настойч. Хорошенькая девушка подобна мелодии, а бравый космонавт — грохоту труб. Мудрые старцы в Межпланетном бюро напоминают разноголосые деревянные духовые инструменты. Есть на свете гении, чья жизнь — сложный, богато инструментованный контрапункт, а есть отбросы общества, и их существование всего лишь вопль гобоя, заглушенный неутомимой дробью басового барабана.

Размышая обо всем этом, Настойч сжимал в руке лезвие бритвы и рассматривал синие прожилки вен у себя на запястье.

Ибо если у каждого своя песня, то песню Настойча можно уподобить плохо задуманной и бездарно исполненной симфонии ошибок.

При его рождении чуть слышно зазвенели было колокольчики радости. Под приглушенный барабанный бой юный Настойч отважился пойти в школу. Он окончил ее с отличием и поступил в колледж, в привилегированную группу из пятисот учащихся, где в какой-то степени можно было рассчитывать на индивидуальный подход.

Однако Настойчу не везло от рождения. За ним тянулась непрерывная цепь мелких неприятностей — опрокинутые чернильницы, утерянные книги и пере-

Печатается по изд.: Шекли Р. Человекоминимум: «Знание-сила», 1966, № 2. — Пер. изд.: Sheckley R. The Minimum Man: Store of Infinity. Bantam, N.Y., 1960

© Robert Sheckley, 1958

© Перевод на русский язык, Н. Евдокимова, 1966

путанные бумаги. Вещам была свойственна отвратительная привычка ломаться у него в руках, если не считать случаев, когда вещи ломали его руки. Добавьте к этому, что он переболел всеми детскими болезнями, в том числе скарлатиной, алжирской свинкой, фурункулезом, лисянкой, зеленой и оранжевой лихорадкой.

Все эти неприятности ни в коей мере не умаляли врожденных способностей Настойча, но в перенаселенном мире конкуренции на одних способностях далеко не уедешь. Нужно еще изрядное везение, а у Настойча его вовсе не было. Нашего героя перевели в обычную группу на десять тысяч студентов, где все проблемы усложнились, а шансы подхватить инфекцию повысились.

То был высокий, худой, мягкосердечный, трудолюбивый молодой человек в очках, которому (по причинам, не поддающимся анализу) врачи давно поставили диагноз «подвержен несчастным случаям». Какие бы там ни были причины, факт оставался фактом. Настойч относился к числу тех бедняг, для которых жизнь трудна до невозможности.

Большинство людей скользит по жизненным джунглям с легкостью крадущейся пантеры. Но для Настойча эти джунгли на каждом шагу кишили капканами, западнями и ловушками, ядовитыми грибами и жестокими хищниками, разверзались внезапными пропастями и разливались непреодолимыми реками. Безопасного пути нет. Все дороги ведут к беде.

Годы учения в колледже юный Настойч кое-как преодолел, невзирая на замечательный талант ломать ноги на винтовых лестницах, растягивать сухожилия, спотыкаться о тумбы, ушибать локти в турникетах, разбивать очки о зеркальные стекла окон и вообще проделывать все прочие грустные, нелепые и тягостные трюки, которые выпадают на долю людей, подверженных несчастным случаям. Он мужественно устоял перед соблазном впасть в ипохондрию и силился бороться с неудачами.

Окончив колледж, Настойч взял себя в руки и попытался вновь утвердить светлую тему надежды,

некогда намеченную его дюжим отцом и нежной матерью. Под барабанную дробь и переливы струн ступил Настойч на остров Манхэттен, чтобы стать кузнецом собственного счастья. Он упорно трудился, стремясь побороть свою злую судьбу, склонность к несчастьям, и, несмотря ни на что, хотел оставаться оптимистом.

Однако злая судьба брала свое. Благородные аккорды выливались в невнятное бормотание, и симфония жизни Настойча докатилась до уровня комической оперы. Работу за работой терял он в потоке испорченных диктофонов и залитых чернилами договоров, забытых карточек и перепутанных таблиц; в мощном крещендо ребер, сломанных в толкотне подземок, ступней, вывихнутых в решетках тротуаров, очков, разбитых о незамеченные углы, в череде болезней (в том числе — гепатита Д, марсианского гриппа, венерианского гриппа, синдрома пробуждения и смешливой лихорадки).

Настойч по-прежнему противился искущению стать ипохондриком. Во сне он видел космос и смеялчаков с квадратными подбородками, завоевывающих новые земли, видел поселения на дальних планетах и бескрайние просторы свободных земель, где вдали от чахлых игрушечных джунглей Земли человеку воистину дано познать самого себя. Он подал заявление в Бюро межпланетных путешествий и поселений и получил отказ. Нехотя он отмахнулся от мечты и снова попытал свои силы в разных областях. Одновременно он прибегал и к психоанализу, и к гипнотическому внушению, и к гипнотическому гипервнушению, и к снятию противовнушения, но все понапрасну.

У каждой симфонии есть свой финал, а у каждого человека — свой предел. Тридцати четырех лет от роду, в три дня вылетев с работы, которую искал два месяца, Настойч рас прощался с надеждами. Эту неудачу он считал заключительным, комическим, диссонирующим ударом медных тарелок — последней почестью тому, кому лучше было бы и не появляться на свет.

Получив с мрачным видом свои жалкие гроши, Настойч обменялся последним робким рукопожатием с бывшим начальником и стал спускаться на лифте в вестибюль. В его мозгу уже мелькали мысли о самоубийстве: ему чудились колеса грузовика, газовые камеры, многоэтажные здания и быстроходные реки.

Лифт доставил его в необозримый мраморный вестибюль, где дежурили полисмены в форме и где целые толпы дожидались очереди на выход в город. Настойч пристроился в хвост и, пока не подошла его очередь, бездумно следил за измерителем плотности населения, стрелка которого подрагивала почти у самой отметки паники. На улице наш герой влился в могучий поток, текущий на запад, к жилому массиву, где обитал и он.

В его мозгу еще копошились мысли о самоубийстве, уже не такие лихорадочные, но облеченные в более конкретную форму. Настойч перебирал в уме различные способы и средства, пока не поравнялся со своим домом; тогда он отделился от толпы и скользнул в подъезд.

Настойч пробрался сквозь несметные полчища детишек, наводнявших коридоры, и попал в клетушку, выданную ему городскими властями. Он вошел, закрыл дверь, запер ее на ключ и вынул из бритвенного прибора лезвие. Улегшись на кровать и упершись ногами в противоположную стену, он стал рассматривать синие прожилки вен у себя на запястье.

Решится ли он? Способен ли проделать все чисто и быстро, без ошибок и сожалений? Или завалит и эту работу и его, исходящего криком от боли, пово-локут в больницу — жалкое зрелище на потеху студентам-практикантам?

Пока он раздумывал, кто-то подсунул ему под дверь желтый конверт с телеграммой. Весть, которая подоспела как раз в решающую минуту и с такой мелодраматической внезапностью, показалась Настойчу крайне подозрительной. Тем не менее он отложил лезвие и поднял с пола конверт.

Телеграмма была из Бюро межпланетных путешествий и поселений — великой организации, веда-

ющей каждым шагом человека в космосе. Настойч вскрыл конверт дрожащими пальцами и прочитал:

*Мистеру Антону Настойчу
Временный жилищный массив 1993
Район 43825: Манхэттен 212, Нью-Йорк*

Дорогой мистер Настойч!

Три года назад Вы обратились к нам с просьбой о предоставлении Вам любой должности на иных планетах. К сожалению, в то время мы были вынуждены ответить Вам отказом. Однако мы подшли в Ваше личное дело все анкетные данные, недавно пополнили их новейшими сведениями. Рад сообщить, что Вы хоть сейчас можете получить назначение, которое, видимо, полностью соответствует Вашим талантам и квалификации. Не сомневаюсь, что работа Вам подойдет, поскольку условия таковы: годовой оклад 20000 долларов, все предусмотренные законом пограничные льготы и небывалые перспективы продвижения по службе.

Прошу Вас явиться ко мне для переговоров.

*С искренним уважением
Уильям Гаскелл
заместитель директора по кадрам
ВН/евт Здс.*

Настойч бережно сложил телеграмму и спрятал в конверт. Первоначальное ощущение жгучей радости развеялось, уступив место дурным предчувствиям.

Какие у него таланты, какая квалификация для должности, приносящей в год двадцать тысяч да вдобавок еще и льготы? Не путают ли его с другим Антоном Настойчом?

Навряд ли. В Бюро попросту не случается таких накладок. Если же допустить, что там знают, с кем имеют дело, и осведомлены о злополучном прошлом Настойча, — так зачем он им понадобился? Что он умеет делать такого, чего не сделает гораздо лучше любой мужчина, женщина или ребенок?

Настойч сунул телеграмму в карман и положил бритву на место. Теперь самоубийство казалось несколько преждевременным. Сначала надо выяснить, чего хочет Гаскелл.

В главном административном корпусе Бюро межпланетных путешествий и поселений Настойча без задержки впустили в личный кабинет Уильяма Гаскелла. Заместитель директора по кадрам оказался рослым седым человеком с резкими чертами лица; он излучал радущие, которое Настойч счел подозрительным.

— Садитесь же, садитесь, мистер Настойч, — сказал Гаскелл. — Будете курить? Не хотите ли выпить? Страшно рад, что у вас нашлось время.

— Вы уверены, что обратились по адресу? — спросил Настойч.

Гаскелл бегло просмотрел досье, лежащее у него на столе.

— Сейчас выясним. Антон Настойч; возраст — тридцать четыре года; родители — Грегори Джеймс Настойч и Анита Суоонс Настойч из Лейктауна, Нью-Джерси. Правильно?

— Да, — подтвердил Настойч. — И у вас есть для меня работа?

— Вот именно.

— Оклад двадцать тысяч в год и льготы?

— Совершенно верно.

— Не скажете ли, в чем заключается эта работа?

— Для этого мы здесь и сидим, — жизнерадостно ответил Гаскелл. — Освоители, знаете ли, — это люди, которые устанавливают контакты с другими планетами, первые поселенцы, которые собирают все жизненно необходимые сведения. Я считаю их Дрейками и Магелланами нашего века. Думаю, вы и сами согласитесь, что это блестящее предложение.

Настойч побагровел и встал.

— Если вы кончили издеваться надо мной, то я пошел.

— Что?

— Это я-то — внеземной освоитель? — проговорил Настойч с горьким смехом. — Не пытайтесь меня разыгрывать. Я читаю газеты. Мне известно, кто такие освоители.

— Кто же они такие?

— Цвет Земли, — выпалил Настойч. — Самый здоровый дух в самых здоровых телах. Люди с мгновенной реакцией, способные разрешить любую проблему, справиться с любой трудностью, приспособиться к любому окружению. Разве не так?

— Видите ли, — разъяснил Гаскелл, — было так — в начальном периоде освоения планет. И мы позволили такому стереотипному представлению укорениться в общественном сознании, чтобы привить доверие к нашей организации. Однако в настояще время этот тип освоителя устарел. Для людей, которых вы описывали, есть уйма других дел. Но отнюдь не освоение планет.

— Разве вашим сверхлюдям оно не под силу? — спросил Настойч с легкой насмешкой.

— Ну что вы, конечно, под силу, — ответил Гаскелл. — Здесь нет никакого парадокса. Заслуги первооткрывателей остались непревзойденными. Эти люди только благодаря своему упорству и силе воли ухитрились выжить на всяких планетах, где существовала хоть ничтожная возможность жизни. Планеты требовали от них полной отдачи всех духовных и физических сил, и, выполняя свой долг, эти люди творили чудеса. Они навеки вошли в историю как памятник выносливости и приспособляемости *homo sapiens*.

— Почему же вы их больше не используете?

— Потому что изменились земные проблемы, — заявил Гаскелл. — Поначалу освоение космоса было подвигом, достижением науки, мерой обороны, символом. Но эти дни миновали. Катастрофическиросла перенаселенность Земли. В сравнительно пустынные земли Бразилии, Новой Гвинеи и Австралии хлынули миллионы... Однако бурный рост населения вскоре помог заполнить и эти земли. В крупных городах дошло до паники среди населения, разразились Субботние бунты. А население в связи с успехами гериатрии и дальнейшим резким снижением детской смертности неуклонно росло.

Гаскелл потер лоб.

— Неприятное было положение. Однако этические проблемы, связанные с приростом населения, меня не касаются. Мы здесь, в Бюро, знаем только одно: необходимы новые земли, да побыстрее. Нам нужны планеты, которые, не в пример Марсу и Венере, в кратчайший срок перешли бы на самоснабжение. Местности, куда можно перебросить миллионы людей, пока ученые и политические деятели не наведут порядок на Земле. Мы должны в кратчайший срок начать колонизацию новых планет. А это значит, что нужно ускорить процесс начального освоения.

— Все это мне известно, — вставил Настойч. — Но я по-прежнему не понимаю, с какой стати вы отказались от услуг оптимальных людей.

— Разве вам не ясно? Мы стали искать планеты, где могли бы осесть и выжить обыкновенные люди. Наших оптимальных освоителей никак нельзя назвать обычновенными. Наоборот, они едва не породили новую, высшую расу. И они не могли судить, насколько те или иные условия пригодны для обычновенных людей. Например, существуют мрачные, унылые, дождливые планеты, где средний колонист впадает в депрессию, близкую к помешательству; наш же оптимальный освоитель слишком здраво мыслит, чтобы беспокоиться из-за унылого климата. Микроны, уносящие тысячи жизней, в худшем случае доставляют ему несколько неприятных часов. Наш оптимальный освоитель легко избегает опасностей, которые могут привести колонию на край гибели. Он не способен мерить такие вещи обычновенной меркой. Они его ничуть не затрагивают.

— Начинаю понимать, — пробормотал Настойч.

— Итак, наилучшим выходом, — продолжал Гаскелл, — явилось бы постепенное покорение планет. Сначала освоитель, за ним группа исследователей, потом испытательная колония, состоящая в основном из психологов и социологов, затем еще исследователи, которые анализируют сведения, накопленные другими группами, и так далее. Однако на все это вечно не хватает времени и денег. Колонии нужны нам сейчас, а не через пятьдесят лет.

Мистер Гаскелл умолк и в упор взглянул на Настойча.

— Так вот, видите ли, нам необходимо получить немедленную информацию о том, удастся ли группе обыкновенных людей жить и преуспевать на новой планете. Вот почему мы стали предъявлять к освоителям другие требования.

Настойч кивнул.

— Обыкновенные освоители — для обыкновенных людей. Но все же я хочу выяснить один вопрос.

— Пожалуйста.

— Насколько хорошо вы знаете мое прошлое?

— Весьма хорошо, — заверил его Гаскелл.

— В таком случае, вы, может быть, заметили, что мне свойственна склонность к несчастным случаям. Если говорить начистоту, мне и здесь-то, на Земле, с трудом удается выжить.

— Знаю, — с удовлетворением подтвердил мистер Гаскелл.

— Каково же мне придется на неведомой планете? И зачем вам нужен именно я?

Мистер Гаскелл, очевидно, почувствовал некоторую неловкость.

— Видите ли, ваша формулировка «обыкновенные освоители — для обыкновенных людей» неверна. Дело далеко не так просто. Колония состоит из тысяч, а зачастую из миллионов людей с совершенно разными потенциалами жизнеспособности. Гуманизм и законность требуют, чтобы всем им был предоставлен шанс в борьбе. А в людей надо вселить уверенность еще до того, как они расстанутся с Землей. Мы должны убедить их — и закон, и самих себя, — что даже самые слабые получат шанс выжить.

— Продолжайте, — попросил Настойч.

— Поэтому, — скороговоркой докончил Гаскелл, — несколько лет назад мы отказались от открывателей типа «человекооптимум» и перешли на тип «человекоминимум».

Некоторое время Настойч молча усваивал это сообщение.

— Значит, я вам нужен, потому что там, где могу жить я, проживет каждый.

— Ваши слова более или менее подытоживают нашу точку зрения, — ответил Гаскелл с доброжелательной улыбкой.

— А какие шансы будут у меня?

— Некоторые наши минимально жизнеспособные освоители справились с задачей очень успешно.

— А другие?

— Конечно, есть риск, — признался Гаскелл. — Не говоря уже о потенциальных опасностях, которые таятся в самих планетах, есть и прочие осложнения, связанные со спецификой эксперимента. Я не могу сказать вам, в чем они заключаются, — иначе пропадет единственный элемент, позволяющий нам управлять испытанием на минимальную жизнестойкость. Я просто ставлю вас в известность, что они есть.

— Не очень-то веселая перспектива, — сказал Настойч.

— Возможно. Но подумайте о том, какая вас ждет награда, если вы все преодолеете! Вы же фактически станете отцом-основателем колонии! Как эксперту вам цены не будет. Вы займете прочное место в жизни общины. И, что не менее важно, вам удастся развеять свои тайные сомнения касательно собственного места в мироздании.

Настойч нехотя кивнул.

— Объясните мне, пожалуйста, вот что. Ваша телеграмма пришла сегодня в особенно критический момент. Можно было подумать, будто...

— Да, это специально, — подхватил Гаскелл. — Мы установили, что нужные нам люди наиболее говорчивы, когда находятся в известном психологическом состоянии. Мы тщательно следим за теми немногими, кто соответствует нашим требованиям, и ждем благоприятного момента, чтобы выступить со своими предложениями.

— Часом позже получилось бы не совсем удобно, — заметил Настойч.

— А днем раньше бесполезно. — Гаскелл встал из-за стола. — Не разделите ли вы со мной ленч? Мы могли бы обсудить с вами остальные детали за бутылкой вина.

— Ладно, — ответил Настойч. — Но учтите, пока я ничего не обещаю.

— Само собой, — согласился Гаскелл и пропустил его вперед.

После ленча Настойч погрузился в тяжкое раздумье. Его страшно влекла работа освоителя, несмотря на связанный с ней риск. В конце концов, она не более опасна, чем самоубийство, а оплачивается гораздо лучше. Если он выйдет победителем, награда будет велика; в случае неудачи он заплатит не дороже, чем собирался платить здесь, на Земле.

На Земле за тридцать четыре года он не слишком преуспел. До сих пор, если у него и были проблески способностей, их заглушала непреодолимая тяга к болезням, несчастным случаям и грубым промахам.

Однако Земля перенаселена, здесь царят хаос и смятение. Быть может, подверженность несчастным случаям не врожденный порок, а результат невыносимых условий.

Освоение планет перенесет Настойча в новую среду. Он будет один, будет зависеть только от самого себя и отвечать только перед самим собой. Это дьявольски опасно... но что может быть опаснее сверкающего лезвия бритвы в собственной руке?

Это будет величайшее усилие в его жизни, конечное испытание. Он станет бороться с собственными рожковыми наклонностями, как никогда. На этот раз он бросит в бой всю свою силу и решимость и будет сражаться до последнего вздоха.

Он принял предложенную работу. В последующие недели, предоставленные ему для подготовки, он питался и упивался своей решимостью, спал с ней, слушал ее стук в мозгу и чувствовал, как она вплетается в его нервы; бормотал ее себе под нос, как буддийскую молитву, видел ее во сне, чистил ею зубы и мыл руки, размышлял о ней, пока она не заужжала монотонным припевом в его сознании во сне и наяву и не стала постепенно контролировать и сдерживать все его поступки.

И вот пришла пора Настойчу отправиться в годичную командировку на перспективную планету в Восточном звездном секторе. Гаскелл пожелал ему

счастливого пути и обещал держать с ним связь по Г-фазному радио. Настойча вместе со снаряжением погрузили на сторожевой корабль «Королева Глазго», и путешествие началось.

В течение нескольких месяцев, пока длился космический перелет, Настойч как одержимый думал о принятом решении. Он тщательно следил за собой в условиях невесомости, отдавал себе отчет в каждом своем поступке и перепроверял все движущие им мотивы. Из-за такого непрерывного контроля Настойч стал делать все гораздо медленнее; но постепенно контроль вошел в привычку... Образовался комплекс новых рефлексов, который начал вытеснять прежнюю рефлекторную систему.

Однако путь к прогрессу был усеян терниями. Наперекор всем своим усилиям Настойч подцепил от дезинфицирующей установки какую-то экзему и разбил одну из десяти пар очков о переборку, его мучали бесчисленные головные боли, боли в спине, боли от исцарапанных пальцев рук и сбитых пальцев ног.

Тем не менее он чувствовал, что добился кое-какого успеха, и от этого сознания воля его соответственно крепла. И наконец на обзорном экране появилась планета.

Ее назвали буквой греческого алфавита — Тэтой. Настойча со всем снаряжением высадили на травянистой и лесистой возвышенности вблизи горного хребта. Планету обозревали с воздуха, и эту местность выбрали заранее из-за благоприятных условий. Вода, лес, плоды и полезные ископаемые — все находилось под боком. Такая местность могла бы стать отличной территорией для колонистов.

Астролетчики пожелали ему удачи и оставили одного. Настойч провожал их взглядом, пока корабль не скрылся за грядой облаков. Тогда Настойч взялся за работу.

Первым делом он привел в действие робота. Эта большая черная поблескивающая машина универсального назначения — стандартное оборудование для освоителей и поселенцев. Она не умела разговаривать, петь, читать стихи наизусть или играть в карты, как более дорогие модели. Она могла только кивать или

покачивать головой — скучный партнер для того чтобы коротать с ним год. Однако робот был запрограммирован на подчинение устным командам значительной сложности, на выполнение тяжелой «черной» работы и должен был проявлять находчивость в трудных положениях.

С помощью робота Настойч принялся разбивать в степи лагерь, не сводя глаз с горизонта в ожидании беды. Воздушная разведка не обнаружила признаков чужой культуры, но ведь этого никогда нельзя сказать наверняка. Животный мир Тэты оставался загадкой.

Настойч работал медленно и старательно, а бок о бок с ним трудился молчаливый робот. К вечеру был разбит временный лагерь; Настойч завел радарный механизм тревоги и улегся в постель.

Проснулся он перед самым рассветом от пронзительного сигнала. Он оделся и выскочил. В воздухе слышалось сердитое гудение, словно налетела саранча.

— Достань два лучемета, — сказал он роботу, — и быстренько возвращайся. Да прихвати с собой бинокль.

Кивнув, робот заковылял прочь. Настойч медленно повернулся и, дрожа от холода в сером рассвете, попытался определить направление звука. Он осмотрел сырую степь, зеленую опушку леса, скалы за лесом. Никакого движения. Но вот взошло солнце, и в его лучах Настойч увидел нечто похожее на темную, низко нависшую тучу. Туча быстро неслась к лагерю, хотя и двигалась против ветра.

Вернулся робот с лучеметами. Один из них взял сам Настойч, другой оставил роботу и приказал не стрелять без команды. Робот кивнул, и, когда он повернулся в сторону восходящего солнца, глаза его мрачно блеснули.

Туча подлетела совсем близко и оказалась несметной стаей птиц. Настойч внимательно рассмотрел их в бинокль. Величиной они были с земных ястребов, но неслаженным бреющим полетом напоминали летучих мышей. Настойч заметил мощные когти и длинные клювы, усеянные острыми зубами. Обладая столь смертоносным оружием нападения, птицы непременно должны быть хищными.

С громким клекотом стая описала круг над пришельцами. И вот со всех сторон на них напали птицы с выпущенными когтями и распростертыми крыльями.

Настойч приказал роботу открыть огонь.

Спина к спине они вместе отбивали птичью атаку. Батальоны птиц, скошенные огнем, в вихре крови и перьев падали оземь. Настойч и робот не сдавались, сдерживали натиск воздушных волков и даже обращали их в бегство. Но тут отказал лучемет Настойча.

По идеи лучеметы продавались заряженными и с гарантией на семьдесят пять часов непрерывной работы в автоматическом режиме. Лучемет не должен отказывать! По инерции Настойч продолжал тупо щелкать курком. Потом отбросил оружие и поспешил к палатке со снаряжением, предоставив роботу вести бой в одиночку.

Он разыскал два запасных лучемета и, вернувшись в бой, увидел, что теперь вышло из строя оружие робота. Бедняга отбивался от стаи руками. Он молотил по птицам, сбившимся в сплошную массу, и с его суставов стекали капли смазочного масла. Робот покачнулся, едва не потеряв равновесие, и Настойч заметил, что некоторые птицы увернулись от ударов и, облепив робота, нацелились клювами на глаза-фотоэлементы и кинестетическую антенну.

Подняв вверх оба лучемета, Настойч врезался в птичью стаю. Один лучемет отказал почти мгновенно. Настойч продолжал скашивать птиц последним оружием, моля судьбу о том, чтобы не кончился заряд.

Наконец стая, встревоженная понесенным уроном, с гомоном и криком полетела прочь. Чудом уцелевшие Настойч и робот остались стоять по колено в вышибанных перьях и обугленных тушках.

Настойч осмотрел четыре лучемета, из которых три оказались совершенно негодными, и в гневе направился к палатке связи.

Он вызвал Гаскелла и рассказал о нападении птиц и о том, как отказали три лучемета из четырех. Побагровев от ярости, он обличал тех, кто ведает снаряжением освоителей. Потом, переводя дыхание, стал ждать объяснений и извинений Гаскелла.

— Да это один из контрольных элементов, — отозвался Гаскелл.

— Чего?

— Я вам объяснял давным-давно, — сказал Гаскелл. — Мы ведем испытание в расчете на минимальную жизнеспособность. Минимальную, помните. Нам надо знать, что случится с колонией, члены которой наделены полезными навыками неравномерно. Поэтому мы ищем наименьший общий знаменатель.

— Все это мне известно. Но вот лучеметы...

— Мистер Настойч, основать колонию, даже по принципу абсолютного минимума, стоит баснословно дорого. Мы предоставляем колонистам новейшее оружие и наилучшее снаряжение, но не можем заменить отказалось или амортизированное оборудование. Колонистам приходится использовать незаменимые боеприпасы, подверженные поломкам и износу, пищевые продукты, которые приходят к концу или портятся...

— И все это вы мне дали с собой?

— Конечно. В целях контроля мы снабдили вас минимумом всего, что необходимо для жизни. Только так и можно судить, пригодна ли Тэта для колонизации.

— Это нечестно! Освоителям всегда дают все самое лучшее!

— Нет, — возразил Гаскелл. — В старину, разумеется, было именно так. Но теперь, когда мы проверяем наименьший потенциал, это относится не только к человеку, но и к снаряжению. Я ведь предупреждал вас, что работа сопряжена с риском.

— Предупреждали, — согласился Настойч, — но... Ладно, у вас есть в запасе еще какие-нибудь сюрпризы?

— В общем нет, — ответил Гаскелл после секундной паузы. — Как и вы сами, ваше снаряжение характеризуется минимальной жизнеспособностью. Этим почти все сказано.

Настойч уловил в ответе некоторую уклончивость, но Гаскелл отказался дать подробное разъяснение. Они прервали связь, и Настойч вернулся к своему лагерю, в котором царил полный хаос...

Они с роботом перенесли лагерь в лес, чтобы укрыться от дальнейших птичьих налетов. Налаживая

хозяйство заново. Настойч заметил, что добрая половина канатов перетерлась, электрические приборы перегорают один за другим, а на брезенте проступила плесень. Он старательно привел все в порядок, ободрав при этом костяшки пальцев и стерев ладони в кровь. Потом вышел из строя генератор.

Три дня Настойч искал повреждение, руководствуясь инструкцией на немецком языке, приложенной к генератору. Похоже было, что в генераторе все не соответствует схеме, и никакие меры не помогали. В конце концов Настойч случайно установил, что инструкция относится к совершенно другой модели. Тут он вышел из себя и лягнул генератор, чуть не сломав при этом мизинец на правой ноге.

Затем он взял себя в руки, еще четыре дня выяснял разницу между своим генератором и описанной моделью и наконец устранил неисправность.

Птицы обнаружили, что в лесу можно отвесно, камнем падать между деревьями и лагерем Настойча, хватать еду и скрываться, прежде чем на них успеют навести лучемет. Их налеты стоили Настойчу пары очков и серьезного ранения шеи. Кропотливо трудясь, он сплел сети и при помощи робота натянул их среди ветвей над лагерем.

Теперь птицы ничего не могли поделать. Наконец-то у Настойча нашлось время проверить пищевые припасы. Выяснилось, что часть обезвоженных продуктов плохо обработана на фабрике, а часть поросла отвратительными грибками местного происхождения. То и другое означало недоброкачественность. Если сейчас же не принять меры, то на зиму пищи не хватит.

Настойч проделал серию опытов с местными фруктами, злаками, овощами и ягодами. Среди них было несколько съедобных и питательных разновидностей. Он попробовал их и тотчас же покрылся живописной аллергической сыпью. Порывшись в медикаментах, он нашел лекарство от аллергии. Выздоровев, Настойч опять занялся опытами, чтобы обнаружить виновника болезни, но во время проверки конечных результатов к нему ворвался робот, перевернул пробирки и пролил незаменимые химикалии.

Пришлось Настойчу продолжать опыты на самом себе, после чего один вид ягод и два вида овощей он исключил из рациона как аллергены.

Однако фрукты были превосходные, а местные злаки давали отличный хлеб. Настойч собрал семена и поздней тэтанской весной поручил роботу пахать и сеять.

Робот без устали трудился на новых полях, а Настойч тем временем обследовал окрестности. Он нашел гладкие камни, на которых были нацарапаны знаки, похожие на цифры, и даже изображены деревья, тучи и горы. «Должно быть, на Тэте когда-то жили разумные существа, — подумал Настойч. — Вполне возможно, что они и сейчас населяют какие-то зоны планеты». Однако разыскивать аборигенов было некогда.

Осмотрев свои поля, Настойч увидел, что робот поселял семена на большей глубине, чем требовалось по программе. С этим урожаем пришлось распостряться, и следующий сев Настойч провел собствен-норучно.

Большая черная универсальная машинаправлялась с поручениями, как и прежде. Однако движения робота становились все более конвульсивными, он не мог рассчитать своих сил. Тяжелые сосуды раскальвались в его лапах, а сельскохозяйственные орудия ломались. Настойч запрограммировал его на прополку полей, но, пока пальцы робота рвали сорняки, его широкие плоские ноги вытаптывали ростки злаков. Принимаясь за колку дров, робот, как правило, ломал ручку топора. Когда робот входил, хижина сотрясалась, а дверь то и дело соскакивала с петель.

Настойча удивляла и беспокоила внезапная деградация робота. Починить его не было никакой возможности: робота охраняла заводская пломба, его могли ремонтировать только заводские техники, расположавшие специальными инструментами, запасными частями и знаниями. Настойчу же было доступно лишь одно — отказаться от услуг робота. Но тогда он остался бы в полном одиночестве.

Он программировал все более и более простые задачи, а на себя брал все больше и больше хлопот.

И все же робот изнашивался. В один прекрасный вечер, когда Настойч обедал, робот склонился над плитой и опрокинул горшок с кипящим рисом.

Пустив в ход свои вновь открытые таланты жизнеспособности, Настойч отскочил в сторону, и кипящая масса попала ему не в лицо, а на левое плечо.

Это уже было слишком. Робот становился опасен. Перевязав ожог, Настойч решил выключить робота и в одиночку бороться за то, чтобы выжить. Твердым голосом произнес он команду — спать.

Робот лишь посмотрел на него и беспокойно заметался по хижине, не повинувшись одной из основных команд.

Настойч повторил приказ. Робот покачал головой и стал сваливать поленья у печи.

Что-то разладилось. Придется отключить робота вручную. Однако на черной глянцевой поверхности машины не было и следов выключателя. Тем не менее Настойч взял сумку с инструментами и приблизился к роботу.

Как ни странно, робот попятился от него и вытянул перед собой руки, словно обороняясь.

— Не двигайся! — крикнул Настойч.

Настойч колебался, недоумевая, что же творится с роботом. Машина не могла ослушаться приказа. Во все роботехнические устройства неизменно закладывается готовность к самопожертвованию.

Настойч подошел к роботу, полный решимости отключить его любой ценой. Робот подпустил человека совсем близко и замахнулся бронированным кулаком. Настойч увернулся от удара и запустил гаечным ключом в кинестетическую антенну робота. Тот поспешно втянул антенну внутрь и снова замахнулся. На сей раз бронированный кулак угодил Настойчу под ребра.

Настойч рухнул на пол, а робот, возвышаясь над поверженным противником, засверкал красными глазами и зашевелил железными пальцами. Антон закрыл глаза, ожидая, что робот его добьет. Однако машина повернулась и вышла из хижины, разбив при этом замок.

Несколько минут спустя Настойч услышал, что робот как ни в чем не бывало рубит дрова и укладывает поленья в поленницу.

Воспользовавшись санитарным пакетом, Настойч перевязал раненый бок. Робот покончил с дровами и вернулся за дальнейшими инструкциями. Дрожащим голосом Настойч услал его к дальнему ручью за водой. Робот ушел, не выказав более никаких признаков агрессивности. Настойч потащился к рации.

— Не стоило и пытаться отключить его, — сказал Гаскелл, услыхав о происшествии. — Конструкция не предусматривает отключения вручную. Разве вы не заметили? Ради собственной безопасности не воздумайте затеять вторую попытку.

— А в чем дело?

— Дело в том, что... вы, наверное, сами успели догадаться... Робот служит при вас нашим контролером качества.

— Не понимаю, — пробормотал Настойч. — А зачем вам контролер качества?

— Неужели я должен повторять все с самого начала? — устало спросил Гаскелл. — Вас взяли на службу в качестве освоителя с минимальной жизнеспособностью. Не со средней, не с повышенной. С минимальной.

— Да, но...

— Не перебивайте. Помните ли вы, как прожили тридцать четыре года на Земле? Вас постоянно преследовали болезни, несчастные случаи и неудачи. Именно такое положение мы и хотели воспроизвести на Тэте. Но вы изменились, мистер Настойч.

— Во всяком случае, я старался измениться.

— Конечно, — согласился Гаскелл. — Мы этого ожидали. Большинство наших минимально жизнеспособных освоителей меняется. Сталкиваясь с новым окружением и заново начиная жизнь, они проявляют самообладание, которое им раньше и не снилось. Но это вовсе не то качество, на которое мы рассчитываем, и нам приходится как-то компенсировать такие перемены. Видите ли, далеко не всегда колонисты прибывают на планету с целью самоусовершенствования. В каждой колонии найдутся легкомысленные люди, не говоря

уже о престарелых, немощных, слабоумных, бесшабашных, неразумных детях и так далее. Наши стандарты минимальной жизнеспособности гарантируют выживание каждого колониста. Теперь вам ясно?

— Вроде бы, — ответил Настойч.

— Потому-то нам и необходим контроль над вами, чтобы предупредить появление в вас средней или высокой жизнеспособности, на которую мы не расчитываем.

— Для этого при мне робот? — уныло вставил Настойч.

— Верно. Робот запрограммирован на осуществление проверки, верховного контроля над уровнем вашей жизнеспособности. Он откликается на вас, Настойч. Пока вы остаетесь в заданном диапазоне общей безопасности, робот всеми силами помогает вам. Когда же вы исправляетесь, становитесь более искушенным и жизнеспособным, реже страдаете от несчастных случаев, — поведение робота резко ухудшается. Он начинает ломать вещи, которые полагались бы ломать вам, принимает неправильные решения, которые приняли бы вы...

— Это нечестно!

— Настойч, вы, кажется, думаете, будто у нас здесь санаторий или благотворительное общество. В таком случае вы ошибаетесь. От вас нужны лишь услуги, которые мы купили и оплатили. Услуги, которые — да будет мне дозволительно прибавить — вы предпочли самоубийству.

— Ладно! — прокричал Настойч. — Я ведь делаю свое дело. Но есть ли правило, запрещающее мне демонтировать проклятого робота?

— Вовсе нет, — более ровным тоном ответил Гаскелл, — если только это вам под силу. Однако я серьезнейшим образом не советую. Слишком опасно. Робот не даст вывести себя из строя.

— Это уж мне решать, а не ему, — буркнул Настойч и прервал связь.

На Тэте отцвела весна, и Настойч окончательно понял, что такое его помощник. Он приказал роботу обследовать дальние горы, но тот не пожелал рас-

статься с хозяином. Он попытался не давать роботу никаких поручений, но черному страшилищу не сиделось без дела. Не получая заданий, робот сам себе выдумывал работу, развивал бурную деятельность и опустошал поля и склады Настойча.

В целях самозащиты Настойч поручил роботу самое безобидное занятие, которое только мог придумать. Он приказал машине вырыть колодец, надеясь, что та погребет себя на дне. Однако из вечера в вечер робот поднимался на поверхность, перемазанный и торжествующий, и входил в хижину, щедро посыпая еду Настойча землей, распространяя аллергические заболевания, ломая тарелки и оконные стекла.

Настойч помрачнел, но терпел создавшееся положение. Теперь робот казался ему воплощением другой, темной стороны его души, воплощением незадачливого растяпы Настойча. Когда он видел разрушительные набеги робота, ему чудилось, будто он следит за уродливой частью самого себя, словно это живая патология, отлитая из металла.

Он старался стряхнуть с себя это ощущение. Однако робот все более воплощал разрушительные стороны натуры Настойча, но только оторванные от явлений жизни, их порождающих, и доведенные до абсурда.

Настойч трудился не покладая рук, а за ним, крадучись, шел его невроз — разрушительная сила, обладающая самозащитой, как все неврозы. Неистребимая болезнь жила с Настойчем под одной крышей, следила за ним, пока он ел, и стояла рядом, пока он спал.

Настойч выполнял свои обязанности иправлялся с ними все лучше и лучше. Он как мог наслаждался днями, грустил при закате солнца и проводил кошмарные ночи, когда над его ложем стоял робот и, казалось, размышлял, не пора ли свести счеты. А наутро, просыпаясь живым и невредимым, Настойч прикидывал, как бы избавиться от своего спотыкавшегося, неуклюжего, пагубного невроза.

Однако положение оставалось безвыходным да вдобавок осложнилось новым обстоятельством.

Несколько дней дождь лил как из ведра. Когда небо прояснилось, Настойч вышел на поля. Позади него громыхал робот, который нес орудия труда.

Внезапно в сырой земле под ногами Настойча разверзлась трещина. Она расширилась, и весь участок, где стоял Настойч, обвалился. Настойч выпрыгнул на откос, и робот втащил его наверх, едва не вывихнув ему при этом руку.

Осмотрев обвалившийся участок поля, Настойч увидел, что под ним проходит туннель. Еще заметны были следы земляных работ. С одной стороны туннель завален, но в другом направлении он уходил в глубь земли.

Настойч вернулся за лучеметом и фонариком. Он спустился по склону, осветил туннель и увидел можнотое существо, которое торопливо скрылось за поворотом. Оно походило на огромного крота.

Наконец-то Настойч встретил на Тэте иные формы жизни.

Последующие несколько дней он осторожно исследовал туннели и два-три раза мельком видел серые кротоподобные тени, которые тотчас исчезали в лабиринте подземных ходов.

Настойч изменил тактику. Он углубился в главный туннель всего на несколько сот метров и оставил там свой дар — плоды. Когда на другой день он вернулся к тому же месту, плодов не было. Вместо них лежали две глыбы свинца.

Обмен дарами длился целую неделю. Как-то раз, когда Настойч нес плоды и ягоды, в туннеле показался огромный крот, который медленно и с явным беспокойством двигался навстречу человеку. Он знаком указал на фонарик, и Настойч прикрыл рукой свет, чтобы не причинять боль глазам крота.

Он выжидал. Крот медленно передвигался на двух ногах, морща нос и прижав сморщеные ручки к груди. Остановившись, он взглянул на Настойча выпученными глазами. Потом наклонился и нацарапал на земляном полу туннеля какой-то знак.

Настойч понятия не имел, что означает этот знак. Однако само действие предполагало наличие разума, умение говорить и абстрактно мыслить. Он нацарапал

рядом со знаком крота другой знак, желая показать, что наделен такими же качествами.

Между двумя расами завязалось общение. За спиной у Настойча, сверкая глазами, стоял робот и наблюдал, как человек и тэтанец стремятся понять друг друга.

Установление контакта принесло Настойчу еще больше забот. Надо было обрабатывать поля и сады, ремонтировать оборудование и присматривать за работом; в свободное время Настойч прилежно изучал язык кротов. А кроты так же прилежно помогали Настойчу.

Постепенно человек и кроты стали понимать друг друга, наслаждаясь взаимным общением; они подружились. Настойч узнал о повседневной жизни кротов, об их отвращении к свету, о путешествиях по подземным пещерам, о тяге к знаниям и проповеди. В свою очередь он рассказал кротам все, что мог, о Человеке.

— А что это за металлический предмет? — поинтересовались кроты.

— Слуга Человека, — ответил Настойч.

— Но он стоит за твоей спиной и сердито сверкает глазами. Этот металлический предмет ненавидит тебя. Все ли металлические предметы ненавидят людей?

— Конечно, нет, — сказал Настойч. — Это особый случай.

— Он нас пугает. Все ли металлические предметы пугают?

— Некоторые, но не все.

— Когда этот металлический предмет не сводит с нас глаз, нам трудно думать и трудно понимать твои слова. Всегда ли так бывает с металлическими предметами?

— Иногда они некстати вмешиваются, — признал Настойч. — Но не бойтесь, робот вас не тронет.

Кротовый народец не разделял мнения Настойча. Наш герой рассыпался в извинениях за тяжелую, неуклюжую, невоспитанную машину, рассказал о том, как машины верно служат Человеку и как облегчают его жизнь. Однако кротовый народец остался при своем убеждении и упорно избегал страшного робота.

Тем не менее после длительных переговоров Настойч заключил с кротовым народцем пакт о сотрудничестве. За свежие плоды и ягоды, которые были кротам весьма по вкусу, но редко им доставались, они обязались добывать будущим колонистам металлическую руду, а также искать для них источники воды и нефти. Более того, колонистам предоставлялась во владение вся поверхность Тэты, а хозяевами недр торжественно признавались тэтанцы.

Обеим сторонам такое распределение благ показалось справедливым, и Настойч вместе с вождем кротов скрепили каменный документ своими подписями, увенчав их настолько замысловатыми росчерками, насколько позволил резец.

В честь знаменательного события Настойч устроил пир. Вдвоем с роботом он принес кротам щедрый дар — самые изысканные плоды и ягоды. Пушистые, серые, ясноглазые кроты собирались толпой и стали нетерпеливо попискивать.

Робот поставил наземь корзины с плодами и отошел в сторонку, но поскользнулся на гладком камушке, замолотил руками, чтобы удержать равновесие, и с грохотом повалился на одного из кротов. Тут же робот поднялся на ноги и, протянув неловкие стальные руки, попытался поднять жертву, но было поздно. Он сломал несчастному позвоночник.

Остальных кротов как ветром сдуло — они исчезли и унесли с собой погибшего. А Настойч с роботом остались в туннеле вдвоем, окруженные огромными грудами плодов.

В ту ночь Настойч долго и упорно размышлял. Ему была понятна дьявольская логика событий. Контакты минимально жизнеспособных освоителей с инопланетянами, как правило, связаны с известной неуверенностью, недоверием, непониманием и даже со смертельными случаями. У него же отношения с кротовым народцем шли как по маслу — слишком гладко для минимальных способностей.

Робот попросту внес поправку в сложившуюся ситуацию и совершил те ошибки, каких можно было ждать от Настойча.

Однако, понимая логику событий, Настойч не принимал ее. Кротовый народец был его другом, а Настойч его предал. Между ними больше не бывать дружбе, и будущим колонистам нечего мечтать о сотрудничестве. Все это несбыточно, пока по туннелям, спотыкаясь, топает робот.

Настойч пришел к выводу, что робот должен быть уничтожен. Он решил пустить в ход свои новые, с таким трудом приобретенные качества и раз и навсегда отделаться от пагубного невроза, не отстающего от него ни на шаг. Если придется заплатить жизнью, — ну что ж, напомнил себе Настойч, меньше чем год назад я соглашался расстаться с нею по гораздо менее серьезным причинам.

Он восстановил контакт с кротами и поговорил с ними на эту тему. Кроты согласились помочь ему, ибо даже у этих смиренных существ было какое-то понятие о возмездии. Они подсказали несколько идей, удивительно похожих на человеческие, поскольку кроты тоже умели воевать. Они объяснили Настойчу, что надо сделать, и тот обещал попробовать.

Через неделю кроты подготовили все. Настойч нагружил робота корзинами с плодами и повёл его в туннель, словно пытаясь заключить новое соглашение.

Кротовый народец не показывался на глаза. Настойч и робот забрались далеко в подземные коридоры, освещая себе фонариками путь во мгле. Глаза-фотоэлементы робота мерцали красным огнем, а сам он грозно высился за спиной у Настойча.

Вошли в подземную пещеру. Раздался еле слышный свист, и Настойч метнулся в сторону.

Робот, почувствовав опасность, хотел последовать за ним, но, заторможенный своей программой незадачливости, споткнулся, и плоды разлетелись по полу пещеры. Тут из мрака сверху спустились канаты, которые опутали голову и плечи робота.

Он старался разорвать прочное волокно, но его опутывали все новые и новые канаты, а он все напрягался, чтобы разорвать узы, и из его суставов сочилось масло. Несколько минут в пещере слышался лишь свист летящих канатов, поскрипывание суставов робота да сухой треск рвущихся волокон.

Настойч вернулся в пещеру и присоединился к сражению. Нападающие связывали робота все надежнее и надежнее, пока наконец не парализовали его окончательно и он уже не мог найти точку опоры. А канаты все свистели в воздухе, и робот наконец опрокинулся — исполнинский канатный кокон, у которого виднелись только ступни и голова.

Тогда кроты в восторге заверещали и попытались тупыми землеройными когтями выцарапать роботу глаза. Однако глаза прикрылись стальными веками. Кроты ограничились тем, что насыпали песка в суставы, а потом Настойч растолкал тэтанцев и попытался расплавить робота последним лучеметом.

Прежде чем металл раскалился, лучемет вышел из строя. Роботу связали ноги и поволокли по коридору, который заканчивался глубокой расселиной. Его сбросили в расселину, послушали, как он стукается о гранитные стены пропасти, а когда он упал на дно, разразились торжествующими криками.

Кроты устроили праздник. Но Настойчу было не по себе. Он вернулся в хижину и двое суток отлеживался в кровати, твердя себе снова и снова, что ведь не человека он убил и даже не мыслящее существо, а всего-навсего уничтожил опасную машину.

Однако он не мог забыть молчаливого спутника, который сражался вместе с ним против птиц, сеял на его полях и все ломал, он был неуклюж на его, Настойча, лад — на такой лад, что уж кто-кто, а Настойч способен это понять и простить.

Некоторое время спустя он чувствовал себя так, как если бы отмерла часть его души. Но вечерами его навещали кроты и утешали, да и надо было работать на полях и складах.

Наступила осень — пора уборки урожая. Настойч взялся за дело. Вскоре после исчезновения робота в нем опять пробудилась прежняя склонность к несчастным случаям. Настойч преодолел ее с новой верой в себя. К первому снегу работа по уборке урожая и консервированию продуктов была завершена. Близился к концу год пребывания Настойча на Тэте.

По радио он послал Гаскеллу отчет об опасностях, достоинствах и потенциальных возможностях планеты, сообщил о соглашении с кротовым народцем и рекомендовал планету для заселения. Через две недели Гаскелл откликнулся.

— Хорошо потрудились, — сказал он Настойчу. — Правление считает, что Тэта, безусловно, соответствует требованиям минимальной жизнеспособности. Мы немедленно высылаем корабль с колонистами.

— Значит, испытание закончено? — спросил Настойч.

— Вот именно. Корабль прибудет месяца через три. Возможно, эту партию привезу я сам. Поздравляю, мистер Настойч. Вы станете отцом-основателем новехонькой колонии!

— Право, не знаю, как и благодарить вас, мистер Гаскелл.

— Наоборот. Кстати, как вы справились с роботом?

— Уничтожил, — ответил Настойч и рассказал о гибели робота и позднейших событиях.

— Гм, — промычал Гаскелл.

— Вы сами говорили, что правила этого не воспрещают.

— Так оно и есть. Робот входит в ваше снаряжение, так же, как лучеметы, палатки и продукты питания. Как и они, робот является одной из проблем вашего выживания. Вы вправе были распоряжаться им как угодно.

— В чем же дело?

— Да просто хотелось бы думать, что вы его действительно уничтожили. Знаете ли, все эти модели, предназначенные для контроля качества, рассчитаны на долгосрочную службу. В них встроены узлы саморемонта, им сообщено острое чувство самосохранения. Уокошить такого робота дьявольски трудно.

— По-моему, мне это удалось, — заметил Настойч.

— Будем надеяться. Но если робот уцелел, ждите неприятных сюрпризов.

— Почему? Он будет мстить?

— Ну что вы! Робот лишен эмоций.

— Так в чем же дело?

— Вся беда вот в чем. Назначением робота было сводить на нет всякое улучшение вашей жизнеспособности. Вот он и делал различные пакости.

— Конечно. Значит, если он вернется, все начнется съзнова?

— Даже хуже. Вот уже несколько месяцев, как робот разлучен с вами. Если он еще функционирует, то в нем накопились невостребованные бедствия. Вся жажда разрушения, которую ему полагалось накопить за месяцы, должна найти выход, и лишь тогда робот может вернуться к нормальной работе. Вы меня поняли?

Настойч нервно откашлялся.

— И, само собой, он уж постарается разрядить их побыстрее, чтобы прийти в норму.

— Естественно. Так вот, корабль прибудет месяца через три. Быстрее невозможнo. Советую вам убедиться, что робот обезврежен. Теперь нам нежелательно лишиться вас.

— Да, нежелательно, — согласился Настойч. — Я сейчас же займусь этим вопросом.

Он захватил все необходимое и поспешил в туннели. Кроты, которым он объяснил положение вещей, проводили его к расселине. Оснащенный паяльной лампой, ножовкой, кувалдой и долотом, Настойч стал медленно спускаться по крутым склону расселины.

Он быстро отыскал на дне место падения робота. Там, между двумя валунами, торчала цельная металлическая рука, вырванная из плечевого сустава. Чуть подальше он нашел осколки разбитого глаза-фотоэлемента и наткнулся на пустой кокон из порванных, разлохмаченных канатов.

Самого же робота нигде не было.

Настойч взобрался вверх по склону, предупредил кротов об опасности и занялся приготовлениями.

Двенадцать дней прошло мирно. На тринадцатый вечер перепуганный крот принес Настойчу весть. В туннелях снова появился робот; он шествует темными подземными ходами, сверкая единственным уцелевшим глазом, и безошибочно пробирается по лабиринту в главный коридор.

Подготовленные к его появлению, тэтанцы встретили его канатами, но робот уже извлек уроки из прошлого. Он увернулся от бесшумно падающих петель и напал на кротов. Шестерых он убил, а остальных обратил в бегство.

Выслушав новости, Настойч коротко кивнул, отпустил крота и возобновил работу. Линию обороны в туннелях он уже наладил. Теперь же он разложил перед собой на столе четыре неисправных лучемета, разобранных до винтика. Работая без справочников и пособий, он пытался из четырех комплектов деталей собрать одно действующее оружие.

Он работал до поздней ночи — тщательно проверял каждую деталь и укладывал на место в корпус. Крохотные детальки расплывались перед глазами, пальцы одеревенели и разбухли, точно сосиски. Крайне осторожно, пользуясь пинцетом и лупой, он приступил к сборке оружия.

Внезапно раздался трубный звук — ожила приемо-передатчик.

— Антон, — спрашивал Гаскелл, — что слышно о работе?

— Вот-вот явится, — ответил Настойч.

— Этого я боялся. Послушайте, мне удалось дозвониться на завод-изготовитель. Мы крупно повздорили, но я добился разрешения вывести робота из строя и получил подробную инструкцию.

— Спасибо, — сказал Настойч. — Говорите скорее, как это делается.

— Необходимо следующее оборудование: источник электроэнергии, дающий ток двадцать пять ампер под напряжением двести вольт... Даст ваш генератор такой ток?

— Даст. Продолжайте.

— ...Медный стержень, серебряная проволока и щуп, сделанный из непроводящего материала, например из дерева. Все это монтируется в следующем...

— Мне ни за что не успеть, — заметил Настойч, — но говорите.

В рации что-то громко зажужжало.

— Гаскелл! — вскричал Настойч.

Рация молчала. Из хижины с радиоаппаратурой донесся шум — там что-то рухнуло. Затем на пороге появился робот.

У него не было левой руки и правого глаза, но узел саморемонта залечил пораненные места. Теперь робот был тускло-черный, а на груди и боках у него проступали полоски ржавчины.

Настойч перевел глаза на почти собранный лучемет и стал прилаживать последние детали.

Робот направился к человеку.

— Ступай наруби дров, — распорядился Настойч самым естественным тоном, на какой был способен.

Робот остановился, повернулся, взял топор и после некоторого колебания вышел из комнаты.

Настойч окончил работу и стал завинчивать крышку.

Робот отбросил топор и снова повернулся, раздираемый противоречивыми командами. Настойч рассчитывал, что в результате конфликта в какой-нибудь схеме расплавится предохранитель. Однако робот принял решение и устремился к Настойчу.

Настойч навел на врага лучемет и спустил курок. Сгусток энергии остановил робота на полу пути. Металлическая кожа мгновенно раскалилась докрасна.

Тут лучемет опять вышел из строя.

Настойч выругался, замахнулся тяжелым оружием и швырнул им в единственный глаз робота, но промахнулся. Лучемет отскочил от металлического лба.

Оглушенный робот искал человека ощупью. Настойч увернулся от его руки и, выбежав из хижины, устремился к черному устью туннеля. Войдя туда, он бросил взгляд назад и увидел, что робот продолжает погоню.

Настойч прошел по туннелю несколько сот метров, включил фонарик и стал поджидать робота.

Как только Настойч убедился, что робот не уничтожен, он тщательно обдумал план действий.

Первой мыслью, естественно, было скрыться. Но робот, способный двигаться не отдохшая, догонит его без труда. Бесцельно петлять по лабиринту туннелей тоже не годится. Пришлось бы делать привалы, чтобы поесть, напиться и отоспаться. А роботу привалы не нужны.

Поэтому Настойч устроил в туннелях множество ловушек и на них-то возлагал все надежды. Хоть одна да сработает. В этом он не сомневался.

Но, даже твердя слова утешения, Настойч содрогался при мысли о множестве несчастий, которые накопил для него робот: о месяцами не заживающих переломах, трещинах ребер, вывихнутых лодыжках, о рубленых ранах, укусах, инфекционных и хронических болезнях. Все это робот вывалит на него в один прием, чтобы поскорее возобновить текущую деятельность.

Нет, Настойчу никак не пережить этой полосы несчастий. Ловушки обязательно должны сработать!

Вскоре послышались громовые шаги робота, а затем появился и он сам. Увидев Настойча, он заспешил к нему.

Настойч пробежал по туннелю со скоростью спринтера, потом свернул в более узкий проход. Робот постепенно сокращал разделяющую их дистанцию.

Добежав до характерного обнажения пород, Настойч оглянулся, чтобы прикинуть дистанцию, и дернул веревку, запрятанную в скалах.

Кровля туннеля обвалилась, засыпав робота тоннами земли и камней. Сделай робот еще шаг вперед — и он оказался бы погребенным.

Однако, мгновенно оценив ситуацию, он вихрем отпрянул назад. Его запорошило землей, мелкие камешки забарабанили по голове и плечам. Но основная масса породы миновала его.

Когда упала последняя песчинка, робот перелез через новоявленный холм и продолжил погоню.

Настойч выбивался из сил. Неудача с ловушкой обескуражила его. Однако, напомнил он себе, впереди есть кое-что почивце. Вторая ловушка наверняка прикончит несносную машину.

Они бежали по извилистому туннелю, где путь освещался лишь редкими вспышками фонарика Настойча. Робот снова догонял человека. Настойч выбежал на прямой участок и ускорил бег.

Он пересек клочок земли, который ничем не отличался от всякого другого. Но, как только туда, громыхая, ступил робот, земля расступилась. Настойч все

тщательно рассчитал. Ловушка, выдерживающая его вес, тотчас рухнула под тяжестью робота.

Робот замахал рукой, ища, за что бы ухватиться. Между пальцами у него заструилась земля, и он соскользнул в капкан, который смастерили Настойч, — конусообразную яму, стенки которой сходились книзу наподобие гигантской воронки, где робот должен был заклиниться на веки вечные.

Однако робот широко растопырил ноги, раздвинув их почти под прямым углом к туловищу. Суставы его затрещали — с таким усилием вонзил он пятки в пологие стенки ямы; под его тяжестью со стенок посыпалась земля, но они выдержали. Роботу удалось притормозить, не долетев до дна.

Рукой робот выдолбил в земле глубокие упоры. Он вытащил одну ногу, нащупал упор, поставил ее туда; потом вытащил другую ногу. Медленно, но верно робот выбирался из плена, и Настойч снова пустился бегом.

Теперь он дышал тяжело и прерывисто, а в боку у него кололо. Робот бежал быстрее, чем раньше, и Настойчу стоило немалых усилий оставаться впереди.

Как он рассчитывал на эти две ловушки! Теперь осталась только одна. Очень хорошая, но связана с риском.

Головокружение все усиливалось, но Настойч заставил себя сосредоточиться. Когда остается последняя ловушка, надо учитывать каждую мелочь. Он миновал камень с белой пометкой и выключил фонарик. Тут он сбавил скорость и, отсчитывая шаги, дождался, пока робот не очутился прямо у него за спиной и едва не сгреб его пятерней за шиворот.

Восемнадцать... девятнадцать... двадцать!

На двадцатом шаге Настойч нырнул головой во мрак. Несколько секунд он, казалось, парил в воздухе. Потом упал в воду, нырнул на небольшой глубине, выплыл на поверхность и стал выжидать.

Робот зашел слишком далеко, чтобы остановиться. С оглушительным всплеском он угодил в подземное озеро, яростно захлопал руками и ногами, поднимая тучи брызг, и наконец с бульканьем скрылся под водою.

Услыхав это бульканье, Настойч поплыл к другому берегу, благополучно добрался до него и вылез из ледяной воды. Несколько секунд он дрожал на скалах, обледленных илом. Потом заставил себя ползти на четвереньках дальше по берегу, к тайнику, где он припас дрова, спички, виски, одеяла и сухую одежду.

Еще несколько часов Настойч сушился, переодевался и разводил костер. Он поел, напился и стал разглядывать неподвижную гладь подземного озера. Задолго до сегодняшних приключений он измерил его глубину с помощью тридцатиметрового лота и не достиг дна. Быть может, это озеро бездонное. А скорее всего, из него берет начало подземная река с быстрым течением, которое унесет робота далеко, на долгие недели, даже месяцы. Или...

Он услышал тихий плеск и направил в ту сторону луч фонарика. Из воды высунулась голова робота, за нею показались плечи и торс.

Очевидно, озеро не было бездонным. Должно быть, робот пересек его по дну и вскарабкался на крутой берег.

Робот стал взбираться вверх по илистым скалам. Настойч устало поднялся на ноги и бросился бежать.

Последняя ловушка тоже оказалась бесполезной, и робот теперь надвигался на него, чтобы умертвить. Настойч мчался к выходу из туннеля. Ему хотелось погибнуть при свете солнца.

Передвигаясь рысцой, Настойч вывел робота из туннеля на крутой склон горы. Дыхание жгло ему глотку, мускулы живота напряглись до боли. Он бежал, прикрыв глаза, голова кружилась от изнеможения.

Ловушка не помогла. Как это он раньше не понял, что они наверняка не помогут? Робот — часть его самого, его невроз, который хочет его доконать. Может ли человек перемудрить самую мудреную часть самого себя? Правая рука всегда узнает, что творит левая, и даже самые хитроумные уловки лишь ненадолго обманывают искуснейшего из обманщиков.

«Не с того конца я взялся за дело, — думал Настойч, когда лез вверх по склону. — Обман к свободе не приведет. Надо...»

Робот чуть не ухватил его за ногу, грубо напомнив о разнице между теоретическими и практическими познаниями. Настойч рванулся вперед и принялся бомбардировать его камнями. Отмахнувшись от них, как от мух, робот полез дальше по склону.

Настойч срезал угол по почти отвесной скале. Свободы обманом не добьешься, твердил он себе. Обман непременно подведет. Выход — в перемене! Выход — в покорении, но не робота, а того, что олицетворяет робот.

Самого себя!

Он был в полуబреду, мысли текли бесконтрольно. Он убеждал себя: если побороть ощущения сходства с роботом, то робот явно перестанет быть его, Настойча, неврозом! Он превратится в обычновенный невроз и потеряет власть над Настойчом.

Нужен сущий пустяк: исцелиться от невроза (пусть хоть на десять минут) — и робот не причинит ему вреда!

Отхлынула усталость, и Настойча переполнила необычная опьяняющая самоуверенность. Он дерзко пробежал по хаотическому нагромождению камней — подходящему местечку для того, чтобы вывихнуть лодыжку или сломать ногу. Годом, даже месяцем раньше с ним бы здесь непременно что-нибудь произошло. Однако переродившийся Настойч, уподобясь полубогу, легко перемахнул через огромные камни.

Робот, однорукий и одноглазый, упрямо принял несчастье на себя. Он зацепился за что-то и во весь рост растянулся на острых камнях. Когда робот, поднявшись, снова пустился в погоню за Настойчом, он заметно хромал.

Окрыленный успехом, но предельно настороженный, Настойч уперся в гранитную стену и прыгнул на выступ — едва заметную серую тень. На какую-то страшную долю секунды он повис в воздухе, но тут, когда пальцы его чуть не соскользнули со стены, он нащупал ногой опору. Не колеблясь, он подтянулся на руках и спрыгнул по другой сторону стены.

За ним, громко скрипя суставами, последовал робот. Он повредил себе палец — раньше нечто подобное случилось бы с Настойчом.

Настойч перескакивал с валуна на валун. Робот, то и дело скользя и отступаясь, приближался. Настойчу все было безразлично. Ему пришло в голову, что свойственная ему склонность к несчастным случаям подготовила его к этому решающему мигу. Теперь наступил отлив. Наконец-то Настойч стал тем, к чему его предназначала природа, — он приобрел иммунитет к несчастным случаям!

Робот пополз за ним по сверкающей поверхности белого камня. Опьяненный крайней уверенностью в своих силах, Настойч столкнул вниз несколько валунов и закричал во все горло, чтобы вызвать обвал.

Камни зашевелились, а над собой он услышал глухой грохот. Настойч укрылся за валуном, избежав простертой ручищи робота, и обнаружил, что дальше отступать некуда.

Он оказался в низенькой и неглубокой пещерке. Перед ним, загородив вход, вырос робот и отвел назад свой железный кулак.

При виде бедного, неуклюжего робота, подверженного несчастным случаям, Настойч разразился хохотом. Но тут робот выбросил вперед кулак, вложив в удар всю свою силу.

Настойч увернулся, но в этом не было нужды. Неуклюжий робот и так промазал по меньшей мере на сантиметр. Как раз такой ошибки и следовало ждать от нелепого создания, раба нелепых несчастных случаев.

Сила отдачи отбросила робота, он пошатнулся. Отчаянно стараясь удержать равновесие, он балансировал на краю скалы. Всякому нормальному человеку или роботу это удалось бы. Но не рабу несчастных случаев. Он упал ничком, разбив при падении единственный глаз, и покатился по склону.

Настойч выглянул было из пещеры, чтобы подтолкнуть падающего, но тотчас поспешно забился в самый дальний угол. Вместо него дело сделал обвал —

он покатил быстро уменьшающееся черное пятно по пыльно-белому склону горы и забросал тоннами камней.

Настойч, усмехаясь, наблюдал за происходящим. Потом стал спрашивать себя, что он, собственно говоря, здесь делает.

Тут-то его и начала бить дрожь.

Спустя несколько месяцев Настойч стоял у сходней колонистского судна «Кучулэн» и смотрел, как на зимнюю, залитую солнцем Тэту высаживаются колонисты. Среди них были люди самые различные.

Все они отправились на Тэту, чтобы начать новую жизнь. Каждый был кому-то дорог, по крайней мере самому себе, и каждый заслуживал какого-то шанса на жизнь независимо от степени своей жизнеспособности. Не кто иной, как он, Антон Настойч, разведдал для этих людей минимальные возможности существования на Тэтэ и в какой-то степени вселил надежду в самых неспособных — в неумеек, которым тоже хочется жить.

Он отвернулся от потока первых поселенцев и по служебной лестнице поднялся на судно. В конце концов он вошел в каюту Гаскелла.

— Ну что, Антон, — спросил Гаскелл, — как они вам показались?

— По-моему, хорошие ребята, — ответил Настойч.

— Вы правы. Эти люди считают вас отцом-основателем, Антон. Вы им нужны. Останетесь?

Настойч сказал:

— Я считаю Тэту своим домом.

— Значит, решено. Я только...

— Погодите, — прервал его Настойч. — Я еще не кончил. Я считаю Тэту своим домом. Я хочу здесь осесть, жениться, завести детишек. Но не сразу.

— Что такое?

— Мне здорово пришлось по душе освоение планет, — пояснил Настойч. — Хотелось бы еще осваивать. Одну-две планетки. Потом я вернусь на Тэту.

— Этого я не ожидал, — с несчастным видом пробормотал Гаскелл.

— А что тут такого?

— Ничего. Но боюсь, что нам уже не удастся привлечь вас в качестве освоителя, Антон.

— Почему?

— Вы ведь знаете наши требования. Застолбить планету под будущую колонию должен минимально жизнеспособный человек. Как ни напрягай фантазию, вас уже никак не назовешь минимально жизнеспособным.

— Но ведь я такой же, как всегда! — возразил Настойч. — Да, на этой планете я исправился. Но вы же этого ожидали и навязали мне робота, который все компенсировал. А кончилось тем...

— Да, чем же кончилось?

— Что ж, кончилось тем, что я как-то увлекся. Наверное, пьян был. Не представляю, как я мог такое натворить.

— Но ведь натворили же!

— Да. Но постойте! Пусть так, но ведь я еле в живых остался после опыта — всего этого опыта на Тэте. Еле-еле! Разве это не доказывает, что я по-прежнему минимально жизнеспособен?

Гаскелл поджал губы и задумался.

— Антон, вы почти убедили меня. Но боюсь, что вы просто играете словами. Честно говоря, я больше не могу считать вас человекоминимумом. Боюсь, придется вам смириться со своим жребием на Тэте.

Настойч сник. Он устало кивнул, пожал Гаскеллу руку и повернулся к двери.

Поворачиваясь, он задел рукавом чернильный прибор и смахнул его со стола.

Настойч кинулся его поднимать и грохнулся головой о стол. Бесъ забрызганный чернилами, он помедлил, зацепился за стул, упал.

— Антон, — нахмурился Гаскелл, — что за представление?

— Да нет же, — сказал Антон, — это не представление, черт возьми!

— Гм. Любопытно. Ну, вот что, Антон, не хочу вас слишком обнадеживать, но возможно — учите, не наверняка, только возможно...

Гаскелл пристально поглядел на разумянившееся лицо Настойча и разразился смехом.

— Ну и пройдоха же вы, Антон! Чуть не одурачили меня! А теперь, будьте добры, проваливайте отсюда и ступайте к колонистам. Они воздвигнут статую в вашу честь и, наверное, хотят, чтобы вы присутствовали на открытии.

Пристыженный, но невольно ухмыляющийся Антон Настойч ушел навстречу своей новой судьбе.

ПОХМЕЛЬЕ

Пирсен медленно и неохотно приходил в себя. Он лежал на спине, крепко зажмутившись, и старался оттянуть неизбежное пробуждение. Но сознание вернулось, и он тут же обрел способность чувствовать. Глаза пронзили тонкие иголочки боли, и в затылке что-то забухало, как огромное сердце. Все суставы горели огнем, а внутренности так и выворачивало наизнанку.

Пирсен уныло констатировал, что похмелье, которое его скрутило, несомненно, было королем и повелителем всех похмелий.

Он недурно разбирался в таких вещах. В свое время он изведал чуть ли не все разновидности: его мучило от спиртного, снедала тоска после минискаретт, терзала утроенная боль в суставах после склitti. Но то, что он испытывал сейчас, включало в себя все эти прелести в усиленном виде и было сдобрено к тому же чувством отрешенности, знакомым любителям героина.

Что же такое он пил вчера? И где? Пирсен попытался вспомнить, но минувший вечер был неотличим от множества других подобных вечеров. Что ж, придется, как обычно, восстанавливать все по кусочкам.

Печатается по изд.: Шекли Р. Похмелье: Шекли Р. Рассказы. Повести. — М.: Мол. гвардия, 1968. — Пер. изд.: Sheckley R. Hangover: Notions: Unlimited. Bantam, N.Y., 1960

© Robert Sheckley, 1959

© Перевод на русский язык, Е. Короткова, 1968

Но прежде нужно взять себя в руки и сделать то, что полагается. Открыть глаза, встать с постели и мужественно добраться до аптечки. Там на средней полке лежит гипосульфит дихлорала, который поможет ему очухаться.

Пирсен открыл глаза и начал слезать с кровати. Тут вдруг он понял, что лежит не на кровати.

Вокруг была высокая трава, над ним сверкало ослепительно светлое небо, и в воздухе пахло прелой листвой.

Пирсен со стоном закрыл глаза. Только этого ему не хватало. Здорово же, видно, нагружился он вчера. Даже до дома не дошел. А возвращался, должно быть, через Центральный парк. Похоже, что придется взять такси и уж как-нибудь доскрипеть, пока его не доставят на квартиру.

Сделав мощное усилие, Пирсен открыл глаза и поднялся.

Он стоял в высокой траве. Вокруг, насколько глаз хватало, высились исполнинские деревья с оранжевыми стволами, оплетенными зелеными и пурпурными лианами, иные из которых были не тоньше человеческого туловища. Под деревьями буйно разрослись, образуя непроходимую чащобу, папоротники, кустарник, ядовитые зеленые орхидеи, ползущие черные стебли и множество неведомых растений зловещего вида и цвета. В зарослях попискивала и стрекотала разная мелкая живность, а издали доносился рык какого-то большого зверя.

— Нет, это не Центральный парк, — смекнул Пирсен.

Он огляделся, прикрыв глаза от нестерпимого блеска солнечного неба.

— Пожалуй, я даже не на Земле, — добавил он.

Пирсен был удивлен и восхищен собственным хладнокровием. Неторопливо опустившись на траву, он попытался оценить обстановку.

Итак, его имя Уолтер Хилл Пирсен. Возраст — тридцать два года, место жительства — город Нью-Йорк. Он полномочный избиратель, нигде не работает, ибо в этом нет необходимости, и сравнительно недурно обеспечен. Накануне вечером в четверть

восьмого он вышел из дома, собираясь повеселиться. Это намерение он, несомненно, осуществил.

Да, повеселился он как следует. А вот когда, в какой момент он впал в беспамятство, этого он, хоть убей, не помнил. Но очнулся он почему-то не дома в постели и даже не в Центральном парке, а в густых зловонных джунглях. Мало того, он был убежден, что находится не на Земле.

Пожалуй, все именно так. Пирсен обвел взглядом огромные оранжевые деревья, увитые зелеными и пурпурными лианами и залитые ослепительно белым потоком света. Истина постепенно вырисовывалась в его затуманенном мозгу.

Вскрикнув от ужаса, он закрыл лицо руками и потерял сознание.

Когда он очнулся вторично, он чувствовал себя гораздо лучше, только во рту остался неприятный вкус, да голова соображала тухо. Пирсен тут же окончательно решил прекратить все пьянки; хватит — ему и так уже мерещатся оранжевые деревья и пурпурные лианы.

Полностью пропретрившийся, он открыл глаза и снова увидел все те же странные джунгли.

— Ну! — крикнул он. — Что за чертовня?

Немедленного ответа не последовало. Потом за деревьями вовсю загомонили невидимые обитатели джунглей и постепенно стихли.

Пирсен неуверенно встал и прислонился к дереву. Он как-то сразу выдохся, даже удивляться не было сил. Значит, он в джунглях. Ладно. А зачем он здесь?

Совершенно непонятно. Должно быть, накануне вечером случилось нечто необыкновенное. Но что? Пирсен старательно стал вспоминать.

Из дома он вышел в четверть восьмого и направился...

Вдруг он резко обернулся. Кто-то тихонько двигался через подлесок, приближаясь к нему. Пирсен замер. Сердце гулко стучало у него в груди. Неведомое существо подкрадывалось все ближе, сопя и чуть слышно постанывая. Но вот кусты раздвинулись, и Пирсен **увидел** его.

Это было черное с синим отливом животное, очертаниями похожее на торпеду или акулу. Его обтекаемое туловище имело около десяти футов в длину и передвигалось на четырех рядах коротких толстых ножек. Ни глаз, ни ушей на голове у него не было, только длинные усики колыхались над покатым лбом. Существо разинуло широкую пасть, где рядами торчали желтые зубы.

Негромко подывая, оно направлялось к Пирсену. И хотя тому никогда и не снилось, что на свете могут быть такие твари, он не стал раздумывать, не померещилась ли она ему. Повернувшись, Пирсен бросился в подлесок. Минут пятнадцать он мчался во весь дух и, только вконец запыхавшись, остановился.

Черно-синяя тварь стонала где-то далеко позади, пробираясь вслед за ним.

Пирсен двинулся дальше, теперь уже шагом. Судя по стонам, тварюга не отличалась проворством. Бежать было совсем не обязательно. Но что произойдет, когда он остановится? Что она там замышляет? Умеет ли она взбираться на деревья?

Пирсен решил пока не думать о таких вещах.

Прежде всего необходимо было вспомнить главное: как он попал сюда? Что с ним произошло накануне вечером?

Он стал припоминать.

Прошвырнувшись он вышел в четверть восьмого. Было пасмурно, слегка моросил реденький дождик, разумеется нисколько не тревоживший нью-йоркцев, которые очень любили гулять в такую погоду и специально заказали ее на вечер городскому климатологу.

Пирсен пропдефилировал по Пятой авеню, разглядывая витрины и отмечая про себя дни бесплатных распродаж. Так-так, значит в универсальном магазине Бэмлера бесплатная распродажа состоится в ближайшую среду, с шести и до девяти пополудни. Обязательно надо взять у своего оддермена специальный пропуск. Вставать и с пропуском придется спозаранку, а потом торчать в очереди для пользующихся льготами. Но все же это лучше, чем выкладывать наличные.

За полчаса он нагулял приятный аппетит. Поблизости было несколько хороших коммерческих ресторанов, но, вспомнив, что он, кажется, не при деньгах, Пирсен свернул на Пятьдесят четвертую к бесплатному ресторану Котрея.

У входа он предъявил карточку избирателя и специальный пропуск, подписанный третьим секретарем-заместителем Котрея. Пирсена впустили. Он заказал себе на обед простое филе-миньон, которое запивал слабым красным вином, ибо более крепких напитков тут не подавали. Официант принес ему вечернюю газету. Пирсен изучил перечень бесплатных развлечений, но не обнаружил ничего подходящего.

Когда он выходил из зала, к нему поспешно подошел управляющий рестораном.

— Прошу прощения, сэр, — сказал он. — Вы остались довольны, сэр?

— Обслуживают у вас медленно, — ответил Пирсен. — Филе было съедобное, но не лучшего качества. Вино — так себе.

— Да, сэр... благодарю вас, сэр... примите наши извинения, сэр, — говорил управляющий, торопливо записывая в свой блокнотик замечания Пирсена. — Мы учтем ваши пожелания, сэр. Вас угощал обедом достопочтенный Блейк Котрей, старший советник по водоснабжению Нью-Йорка. Мистер Котрей вновь выдвигает свою кандидатуру на выборах двадцать второго ноября. Столбец джей-три в вашей кабине для голосования. Мы смиреннейше рассчитываем на ваш голос, сэр.

— Там видно будет, — ответил Пирсен и вышел из ресторана.

На улице он взял пачку сигарет из автомата, который услаждал прохожих музыкой и снабжал их сигаретами в качестве памятного подарка от Элмера Бейна, мелкого политического деятеля из Бруклина. Выйдя на Пятую авеню, он возобновил свою неторопливую прогулку, по пути раздумывая, есть ли смысл голосовать за Котрея.

Как все полномочные граждане, Пирсен высоко ценил свой голос и одарял им какого-либо кандидата

только по зрелом размышлении. Прежде чем проголосовать «за» или «против», он, подобно каждому избирателю, тщательнейшим образом взвешивал достоинства и недостатки того или иного кандидата.

К достоинствам Котрея относилось то, что он уже около года содержал весьма приличный ресторан. Но что он сделал кроме этого? Где обещанный им бесплатный развлекательный центр, где джазовые концерты?

Ограниченностъ общественныхъ фондовъ — всего лишь пустая отговорка.

Не будет ли щедрее новый кандидат? Или переизбрать еще разок Котрея? В таких делах рубить сплеча не следует. Тут надо очень даже подумать, и, конечно, не сейчас, а в более подходящее время. Ночи созданы для наслаждений, кутежей, веселья.

Чем же заняться сегодня? Он пересмотрел почти все бесплатные представления. Спорт мало его интересует. Кое-где устраиваются вечеринки, но там едва ли будет весело. В общедоступном доме мэра можно выбрать какую-нибудь говорчливую девицу, однако Пирсена в последнее время к ним не тянет.

Самый верный способ избавиться от вечерней скуки — вино или наркотик. Но какой? Минискарретт? Какой-нибудь контактный возбудитель? Склиги?

— Эй, Уолт!

Он обернулся. С широкой ухмылкой к нему направлялся Билли Бенц, уже довольно тепленький.

— Эй, погоди, Уолт, дружище! — сказал Бенц. — Ты куда сегодня?

— Да никуда вообще-то, — ответил Пирсен. — А что?

— Тут одно роскошное mestечко появилось. Но-венькое, шик-блеск. Зайдем?

Пирсен насупился. Он не любил Бенца. Этот высокий, шумный, краснолицый детина был законченным бездельником. Совершенно никчемная личность. То, что он не работает, как раз неважно. Теперь мало кто работает. К чему это, если можно голосовать? Но Бенц был так ленив, что даже не ходил на выборы. А это уже чересчур. Голосование — хлеб насущный и святая обязанность каждого гражданина.

Однако у Бенца был прямо-таки сверхъестественный нюх на новые злачные заведения, о которых еще никто не проводал.

Пирсен поколебался, потом спросил:

— А там бесплатно?

— Бесплатней супа, — ответил склонный к избитым сравнениям Бенц.

— А что там делают?

— Пойдем со мной, дружище, я тебе все расскажу...

Пирсен вытер потное лицо. Стояла мертвая тишина. Стоны черно-синего зверя уже не доносились из зарослей. Возможно, ему надоела погоня.

Вечерний костюм Пирсена был изорван в клочья. Он сбросил пиджак и до пояса расстегнул сорочку. Где-то за мертвенно-белым небом пылало невидимое солнце. У Пирсена пересохло во рту, пот ручьями струился по телу. Без воды он долго не продержится.

Да, он, кажется, серьезно влип. Но Пирсен упорно гнал от себя все мысли, кроме одной. Он должен выяснить, как он здесь очутился, и только после этого думать, как спастись.

Что же это был за шик-блеск, которым прельстил его Билли Бенц?

Пирсен прислонился к дереву и закрыл глаза. Воспоминания пробуждались смутно, не сразу. Билли повел его в восточную часть города, на Шестьдесят вторую улицу, и там...

Он вдруг услышал в кустах шорох и быстро поднял голову. Из зарослей тихо выползла черно-синяя тварь. Ее длинные усики затрепыхались и нацелились в его сторону. В тот же миг зверюга вся подобралась и прыгнула на него, растопырив когти.

Пирсен инстинктивно отскочил. Зверюга грохнулась на землю, но проворно повернулась и снова ринулась к нему. На этот раз Пирсен не успел уклониться. Он вытянул вперед руки, и акулообразная тварь обрушилась на него.

Пирсен ударился спиной о дерево. Он отчаянно вцепился в широченную глотку зверя и изо всех сил старался оттолкнуть его от себя. Зверюга щелкала зубами около самого его лица. Пирсен напрягся что есть мочи, стараясь задушить ее, но его пальцы были слишком слабы.

Зверюга ерзала и извивалась, скребла землю. Руки Пирсена мало-помалу слабели и начинали сгибаться в локтях. Челюсти щелкали всего лишь в дюйме от его лица. Вот выполз длинный, испещренный черными пятнами язык...

Охваченный омерзением, Пирсен отшвырнул от себя стонущую гадину. Не дав ей опомниться, он ухватился за лианы, влез на дерево и вне себя от ужаса стал карабкаться по скользкому стволу от ветки к ветке. Лишь в тридцати футах над землей он впервые взглянул вниз.

Черно-синяя лезла следом с такой легкостью, словно всю жизнь провела на деревьях.

Пирсен взбирался выше, дрожа всем телом от усталости. Ствол дерева постепенно сужался, все реже попадались ветки, достаточно крепкие, чтобы за них ухватиться. Возле самой вершины, в пятидесяти футах над землей, дерево закачалось под его тяжестью.

Пирсен снова взглянул вниз: упорная тварь была в десяти футах от него и продолжала лезть выше. Пирсен вскрикнул; ему показалось, что спасения нет. Но страх придал ему силы. Он взобрался на последнюю большую ветку, ухватился покрепче и поджал ноги. Когда зверюга добралась до него, он вдруг лягнул ее обеими ногами.

Удар был точен. Когти зверя с пронзительным скрежетом ободрали кору с дерева. Зверюга, визжа и ломая ветки, полетела вниз и звонко плюхнулась на землю.

Стало тихо.

«Наверное, она расшиблась», — подумал Пирсен. Но проверять свою догадку у него и в мыслях не было. Никакая сила на Земле или любой другой планете Галактики не принудила бы его самостоятельно слезть с дерева. Нет уж, дудки, пока он не

придет в себя да как следует не сберется с силами, он отсюда не двинется.

Пирсен сполз немного ниже, к толстой раздвоенной ветке. На таком настене можно было чувствовать себя спокойно. Лишь окончательно устроившись, Пирсен понял, как мало у него осталось сил. Если вчеращий сабантуй иссущил его, то сегодняшние приключения выжали досуха. Напади на него сейчас зверек чуть-чуть побольше белки — и он погиб.

Он прислонился к стволу, вытянул отяжелевшие ноги и руки, закрыл глаза и снова принял восстановливать в памяти события минувшего вечера.

— Пойдем со мной, дружище, — сказал Билли Бенц. — Я тебе все расскажу. А вернее — сам увидишь.

Они направились в восточную часть города, вышли на Шестьдесят вторую улицу, а тем временем густо-синие сумерки сменились ночной темнотой. Манхэттен зажег огни, над горизонтом замерцали звезды, и серп месяца блеснул сквозь прозрачный туман.

— Куда мы идем? — спросил Пирсен.

— А мы уже пришли, голуба, — ответил Бенц.

Они стояли перед невысоким особняком, сложенным из коричневого песчаника. Скромная медная дощечка на дверях гласила: «НАРКОЛИК».

— Новый бесплатный наркотический салон, — пояснил Бенц. — Открыт сегодня вечером Томасом Мориарти, кандидатом от реформистской партии на пост мэра. Об этом заведении еще никто не знает.

— Отлично, — сказал Пирсен.

В городе было немало бесплатных увеселительных заведений. Но каждый стремился разыскать что-нибудь неизвестное другим и опробовать новинку, прежде чем к ней ринутся толпы любителей свежих впечатлений.

Вот уже многие годы Верховный евгенический совет, созданный при Объединенном международном правительстве удерживал численность населения мира в стабильных и разумных пределах. Людям снова

стало так просторно на Земле, как не было в течение последнего тысячелетия, а внимания им уделяли куда больше, чем когда-либо в прошлом. Благодаря успехам подводной экологии и гидропоники, а также всестороннему использованию земной поверхности, еды и одеяды хватало на всех, и даже с избытком. При автоматических методах строительства и изобилии стройматериалов жилищная проблема перестала существовать, тем более что человечество было сравнительно невелико и впредь не собиралось увеличиваться. Даже предметы роскоши ни для кого не были роскошью.

Сформировалась благополучная, устойчивая, неизменная цивилизация. Те немногие, кто проектировал, строил и обслуживал машины, получали щедрое вознаграждение. Большинство же вовсе не работало. Ни нужды, ни желания у них не было.

Находились, конечно, и честолюбцы, которые жаждали богатств, власти, высоких постов. Эти занимались политикой. Используя обильные общественные фонды, каждый из них кормил, одевал, развлекал население своего округа, чтобы обеспечить себе большинство голосов, и проклинал вероломных избирателей, всегда готовых переметнуться на сторону того, кто посулит больше.

Это была утопия своего рода. О нужде все забыли, войны давно прекратились, каждого ждала безбедная долгая жизнь.

И чем же, кроме врожденной человеческой неблагодарности, можно было объяснить, что число самоубийств возросло до поистине страшных размеров?

...Дверь отворилась сразу же, и Бенц предъявил пропуска. Они прошли по коридору в большую уютную гостиную. Четверо посетителей, из них одна женщина, ранние пташки, прослышавшие о новом заведении прежде других, полулежали на кушетках, дымя бледно-зелеными сигаретами. В воздухе стоял резкий, непривычный, но в то же время приятный запах.

Подошел служитель и подвел их к свободному дивану.

— Располагайтесь как дома, джентльмены, — сказал он. — Закурив нарколик, вы отдохнете от всех забот.

Он протянул каждому по пачке бледно-зеленых сигареток.

— Что это за штуковина? — спросил Пирсен.

— Нарколические сигареты, — ответил служитель. — Приготовлены из отборной смеси турецкого и вирджинского табака, в которую добавлена тщательно отмеренная доза нарколы, хмельной травки, произрастающей в экваториальном поясе Венеры.

— Венеры? — удивился Бенц. — А мы разве добрались до Венеры?

— Четыре года назад, сэр, — ответил служитель. — Первой высадилась экспедиция Йельского университета и основала там базу.

— По-моему, я что-то такое уже читал, — заметил Пирсен. — Или видел в киножурнале. Венера... Там вроде бы сплошные неосвоенные джунгли, да?

— Совершенно неосвоенные, сэр, — подтвердил служитель.

— А, помню, значит, — сказал Пирсен. — Трудно за всем уследить. А что, эта наркола входит потом в привычку?

— Ни в коем случае, сэр, — успокоил его служитель. — Наркола действует как, согласно теории, должен был влиять алкоголь. Вы испытываете небывалый подъем, чувство удовлетворенности, довольства. Похмелья не бывает. Это вам предлагает Томас Мориарти, кандидат от реформистской партии на пост мэра. Столбец эй-два в ваших кабинах, джентльмены. Мы смиреннейше рассчитываем на ваши голоса.

Посетители кивнули и закурили.

Нарколик начал действовать почти сразу. Уже после первой сигареты Пирсен ощутил раскованность, легкость, и его захлестнуло предвкушение чего-то приятного. Вторая сигарета усилила действие первой и кое-что добавила. Все чувства необыкновенно обострились. Пирсену казалось теперь, что мир восхитителен, полон неизведанных радостей и чудес. И сам он почувствовал себя важным и незаменимым.

Бенц толкнул его локтем в бок:

— Что, недурна штучка?

— Очень здорово, — ответил Пирсен. — Этот Мориарти, наверное, хороший человек. Миру нужны хорошие люди.

— Точно, — согласился Бенц. — Нужны толковые люди.

— Смелые, мужественные, дальновидные, — с жаром продолжал Пирсен, — такие орлы, как мы с тобой, которые перевернут весь мир, так что...

Он вдруг умолк.

— Чего ты? — спросил Бенц.

Пирсен не отвечал. В нем произошла неуловимая перемена, знакомая всем наркоманам, и наркотик теперь вызывал у него обратный эффект. Только что он казался себе богом. И вдруг с обостренной чувствительностью одурманенного увидел себя таким, как он есть.

Он, Уолтер Хилл Пирсен, тридцати двух лет, неженатый, неработающий и никому не нужный. Когда ему было восемнадцать, он поступил на службу, чтобы доставить удовольствие родителям. Но уже через неделю бросил работу, потому что она нагоняла на него тоску и мешала высыпаться. Потом как-то ему вздумалось жениться, но его отпугнула ответственность, которую накладывает семейная жизнь. Ему скоро тридцать три, он тощий, хилый, у него дряблые мускулы и нездоровы цвет лица. Ни разу в жизни не сделал он ничего хоть мало-мальски важного ни для себя, ни для других и впредь не сделает.

— Ну давай, давай выкладывай все как есть, другище, — сказал Бенц.

— Ж-желаю совершить подвиг, — промямлил Пирсен, делая новую затяжку.

— Да ну?

— Чтоб я пропал! Приключений хочу!

— Так чего же ты молчал? Я тебе мигом все устрою. — Бенц вскочил и потащил за собой Пирсена. — Айда!

— Ты к-куда меня ведешь?

Пирсен попробовал оттолкнуть Бенца. Ему хотелось, не вставая с дивана, упиваться своим горем. Но Бенц рывком заставил его встать.

— Я понял, что тебе нужно, — говорил Бенц. — Приключение... такое, чтоб дух захватывало. Пошли, голуба, я тебя отведу.

Покачиваясь, Пирсен задумчиво насупил брови.

— Пойди сюда, — обратился он к Бенцу. — Я тебе на ухо скажу.

Бенц наклонился к нему, и Пирсен прошептал:

— Хочу, чтобы было приключение, но чтобы я остался цел и невредим. Понял?

— Само собой! — ответил Бенц. — Я же знаю, что тебе нужно. Вали за мной. Сейчас будет приключение. Безопасное!

Сжимая в кулаках пачки нарколяка, друзья взялись за руки и нетвердым шагом вышли из салона, основанного кандидатом реформистов.

Поднялся ветер, и дерево, на котором сидел Пирсен, закачалось. Порыв ветра так внезапно охладил его разгоряченное, потное тело, что Пирсена вдруг начала бить дрожь. Зубы громко застучали, руки до боли вцепились в скользкую ветку. В горле нестерпимо жгло, как будто туда насыпали мелкого раскаленного песку.

Нет, он не мог больше терпеть такую жажду. За глоток воды он был готов сейчас сразиться с целым десятком черно-синих тварей.

Пирсен принял медленно спускаться с дерева, решив не думать до поры до времени о том, что случилось вчера вечером. Сперва он должен найти воду.

Под деревом, не шевелясь, лежала черно-синяя зверюга с переломленным хребтом. Пирсен прошел мимо нее и нырнул в заросли.

Он брел по джунглям долгие часы, а может быть, и дни, ибо утратил представление о времени в мучительном зное, который источало сверкающее, неизменно белое небо. Колючие ветки рвали его одежду, какие-то птицы пронзительно вскрикивали каждый раз, когда он раздвигал кусты. Он ничего не замечал, но продолжал идти, с трудом передвигая одеревеневшие

ноги и устремив вперед невидящий взгляд. Он упал, но снова встал и побрел, потом падал еще раз и еще. Так брел он, словно робот, покуда не наткнулся на скудный, грязный ручеек.

Пирсен растянулся и припал к воде губами, совсем не думая о том, что в ней могут оказаться болезнетворные бактерии.

Немного прийдя в себя, он огляделся. Вокруг сплошной стеной стояли непроходимые, ядовито-зеленые, чужие джунгли. Над ним сияло небо, точь-в-точь такое же белое, каким он увидел его в первый раз. А в кустах полискивала и чирикала невидимая мелкая живность.

«Какое глухое и жуткое место, — подумал Пирсен. — Поскорей бы отсюда выбраться».

Но как? Он не знал, есть ли здесь города или какие-нибудь поселения. И если даже есть, то как их разыскать в такой пустынной, дикой местности?

Каким же образом он все-таки попал сюда?

Он потер небритый подбородок и снова попытался вспомнить. Казалось, вчерашние события происходили миллион лет назад, в какой-то совершенно иной жизни. Нью-Йорк представлялся ему смутно, словно привиделся во сне. Реальностью были лишь джунгли, голод, который вгрызался ему в желудок, и недавно начавшееся странное гудение.

Он поглядел вокруг себя, пытаясь определить, откуда доносится звук. Гудело со всех сторон, ниоткуда и отовсюду. Сжав кулаки, Пирсен до боли в глазах всматривался в заросли, пытаясь разглядеть, где же притаилась новая опасность.

Внезапно недалеко от него шевельнулся куст, покрытый блестящими зелеными листьями. Пирсен отпрыгнул, дрожа как в лихорадке. Куст весь затрясся, и его тонкие изогнутые листья загудели.

И тут...

Куст посмотрел на него. Глаз у куста не было. Но Пирсен чувствовал, что куст знает о нем, сосредоточился на нем, что-то решил. Куст загудел громче. Его ветки потянулись к Пирсену, коснулись земли, пустили корни, тотчас же выбросили подвижные усики,

те вытянулись, вновь пустили корни и снова выбросили усики.

Куст разрастался в его сторону со скоростью спокойно идущего пешехода.

Пирсен глядел как зачарованный на остренькие крючковатые листочки, которые, поблескивая, тянулись к нему. Он не верил собственным глазам.

И в этот миг он вспомнил, что случилось с ним в конце минувшего вечера.

— Ну, вот мы и пришли, дружище, — сказал Бенц возле входа в ярко освещенный особняк на Мэдисон-авеню.

Он подвел Пирсена к лифту. Приятели поднялись на двадцать четвертый этаж и вошли в просторную светлую комнату.

Небольшая табличка на стене лаконично извещала: «НЕЛИМИТИРОВАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ».

— Слышал я об этом заведении. — Пирсен сделал глубокую затяжку. — Здесь, говорят, дорого.

— Об этом не тревожься, — успокоил его Бенц.

Блондинка секретарша записала их фамилии и повела в кабинет доктора Шринагара Джонса, консультанта по активным действиям.

— Добрый вечер, джентльмены, — сказал Джонс.

При виде этого очкастого заморыша Пирсен не удержался и фыркнул. Нечего сказать, хорош консультант по активным действиям.

— Итак, джентльмены, вам желательно испытать приключение? — учтиво осведомился Джонс.

— Это ему хочется приключений, — сказал Бенц. — Я просто его приятель.

— Да, да, понимаю. Итак, сэр, — Джонс повернулся к Пирсену, — какого рода приключение вы себе мыслите?

— Приключение на свежем воздухе, — ответил Пирсен слегка осипшим, но твердым голосом.

— О, у нас есть нечто весьма подходящее! — воскликнул Джонс. — Обычно мы взимаем с клиентов плату. Однако сегодня все приключения — да-

ровые. Счета оплачивает президент Мэйн, столбец си-один в вашей кабине. Пожалуйте за мной, сэр.

— Стойте. Я ведь не хочу, чтобы меня убили. Опасное это приключение?

— Совершенно безопасное. В наш век и в наши дни только такие и допустимы. А теперь послушайте. Сейчас вы пройдете в нашу Искательскую комнату, ляжете там на кровать, и вам будет сделана безболезненная инъекция. Вы тотчас потеряете сознание. Затем, должным образом применяя слуховые, осязательные и прочие возбудители, мы сформируем в вашем восприятии приключение.

— Как во сне? — спросил Пирсен.

— Это наиболее близкая из аналогий. Пригрезившееся вам приключение по своему существу будет абсолютно реалистично. Вы испытаете подлинные эмоции. Оно ничем не будет отличаться от реальной действительности. Кроме, конечно, одного: все это произойдет не наяву и, следовательно, будет вполне безопасно.

— А что случится, если во время приключения я погибну?

— В точности то же самое, что бывает в таких случаях во сне. Вы проснетесь. Однако во время вашего ультрагреалистического ярко-цветного сна вы сможете совершенно сознательно управлять своими действиями, чего во сне не бывает.

— А я буду все это знать, пока длится приключение?

— Разумеется. Все время, пока вы спите, вы будете полностью осведомлены о том, что находитесь в состоянии сна.

— Тогда пошли! — гаркнул Пирсен. — Даешь приключение!

Ярко-зеленый куст продолжал медленно разрастаться в его сторону. Пирсен захотел. Да ведь это же сон! Конечно, сон! Ему ничто не угрожает. Зловещий куст — всего лишь плод его воображения, точно такой же, как и черно-синяя тварь. Даже если бы она

тогда перегрызла ему горло, он не умер бы. Он сразу бы проснулся в Исследовательской комнате на Мэдисон-авеню.

Сейчас ему было просто смешно. Как же он не догадался раньше? Ведь эта черно-синяя только во сне и может привидеться. И разве бывают на свете ходячие кусты? Все это, конечно, явный бред, нагромождение нелепостей.

Пирсен громко сказал:

— Хватит. Можете меня разбудить.

Никаких перемен. Вдруг Пирсен вспомнил, что он не может проснуться по своему желанию. Приключение тогда утратило бы всякий смысл, и исчезло бы целительное воздействие волнения и страха на истощенную нервную систему спящего.

Да, теперь он вспомнил. Приключение окончится только тогда, когда он, Пирсен, преодолеет все преграды. Или погибнет.

Куст добрался почти до его ног. Пирсен во все глаза разглядывал его, дивясь его натуральному виду.

Крючковатый листочек зацепился за ботинок. Пирсен самодовольно усмехнулся: он был горд, что так здорово держит себя в руках. Чего уж там бояться, когда знаешь, что все равно останешься целехонек.

«Постой-ка, — вдруг подумал он, — а как же я могу переживать всерьез, если мне известно, что все это понарошку? Тут они чего-то не додумали».

И тогда ему вспомнилось окончание их разговора с Джонсом.

Пирсен лежал уже на белой кушетке, когда над ним склонился Джонс, держа в руке шприц.

— А скажи-ка, друг любезный, — сказал Пирсен, — что мне за прок от приключения, если я буду знать, что оно не настояще?

— Мы и это предусмотрели, — ответил Джонс. — Видите ли, сэр, на долю некоторых наших клиентов выпадают вполне реальные приключения.

— Э?

— Реальные, самые настоящие, они не снятся, а происходят в действительности. В таких случаях (они чрезвычайно редки) мы не даем клиенту возбудителей, а ограничиваемся вливанием сильной дозы снотворного. Когда человек уснет, его переносят на космический корабль и отправляют на Венеру. Очнувшись там, он наяву переживает то, с чем другие сталкиваются лишь в воображении. Если сумеет выйти победителем, то останется в живых.

— А если нет?

Джонс, который терпеливо ждал, держа шприц наготове, молча пожал плечами.

— Но это бесчеловечно! — крикнул Пирсен.

— Мы другого мнения. Представляете ли вы себе, мистер Пирсен, как остро нуждается в приключениях современный мир? Облегченность нашего бытия ослабила натуру человека, и противодействовать этому может только одно: встреча с опасностью. Наши воображаемые приключения — самый безобидный и приятный из возможных вариантов. Но приключение утратит всякий смысл, если клиент не будет принимать его всерьез. Иное дело, когда остается вероятность, пусть даже самая малейшая, что над тобой действительно нависла смертельная угроза.

— Но те, кого увозят на Венеру...

— Их процент ничтожен, — успокоил его Джонс. — Меньше одной десятитысячной. Мы это делаем лишь для того, чтобы взбодрить остальных.

— Но это противозаконно, — не унимался Пирсен.

— Ничуть. Вы больше рискуете жизнью, когда пьете минискаретте или курите нарколик...

— Право, не знаю, — сказал Пирсен, — хочется ли мне.

Острие шприца вдруг вонзилось ему в руку.

— Все будет отлично, — ласково произнес Джонс. — Устройтесь поудобнее, мистер Пирсен.

И с этой минуты он уже не помнил ничего до самого пробуждения в джунглях.

Зеленая ветка доползла до его щеколотки. Изогнувшись тонкий листик очень медленно и нежно ткнул-

ся в мякоть ноги. На миг стало щекотно, но не больно. Почти тотчас листик сделался красноватым.

«Растение-кровопийца, — подумал Пирсен, — иши ты!»

Ему вдруг надоело приключение. Глупая, пьяная затея! Хорошенького понемножку. Пора кончать, да поскорей.

Ветка поднялась выше, и еще два изогнутых листка вонзились ему в ногу. Теперь уже весь куст стал грязно-бурым.

Пирсена потянуло в Нью-Йорк, туда, где вече-ринки, где тебя бесплатно кормят, даром развлекают и можно спать сколько угодно. Ну, допустим, он справится с этой напастью, так ведь подоспеет новая. Сколько дней — или недель — ему еще тут мыкаться?

Самый верный способ поскорей попасть домой — не сопротивляться. Куст убьет его, и он сразу проснется.

Пирсен почувствовал, что начинает слабеть. Он сел и увидел, что еще несколько кустов подбираются к нему, привлеченные запахом крови.

— Конечно, это бред, — произнес он громко. — Кто поверит, что есть растения, пьющие кровь? Пусть даже на Венере.

Высоко в небе парили огромные чернокрылые птицы, терпеливо ожидая, когда наступит их пора слетаться к трупу.

Сон или явь?

Десять тысяч против одного, что это сон. Только сон. Яркий и правдоподобный, но тем не менее всего лишь сон.

А если нет? У него начала кружиться голова, и он все больше слабел от потери крови.

«Я хочу домой, — думал Пирсен. — Чтобы попасть домой, я должен умереть. Правда, я могу умереть по-настоящему, но практически это исключено...»

И вдруг его осенило. Да кто же это осмелится в наши дни рисковать жизнью избирателя? Нет, эти Нелимитированные Приключения не могут подвергать человека настоящим опасностям.

Джонс сказал ему об этом одном из десяти тысяч, чтобы приключение выглядело более реальным.

Вот это больше похоже на правду. Пирсен лег, закрыл глаза и подготовился умереть.

Он умирал, а мысли роились у него в голове, давно забытые мечты, надежды, опасения. Пирсен вспомнил свою единственную службу и то смешанное чувство облегчения и сожаления, с которым он оставил ее. Вспомнились ему чудаковатые трудяги родители, которые упорно не желали пользоваться незаслуженными, как они говорили, благами цивилизации. Никогда в жизни Пирсену не приходилось столько думать, и вдруг оказалось, что существует еще один Пирсен, о котором он прежде не подозревал.

Новый Пирсен был на редкость примитивен. Он хотел жить, и больше ничего. Жить во что бы то ни стало. Этот Пирсен не желал умирать ни при каких обстоятельствах... пусть даже воображаемых.

Два Пирсена — один, движимый гордостью, а другой — стремлением выжить — вступили в единоборство. Померившись силами, которые у обоих были на исходе, они пошли на компромисс.

— Стервец Джонс небось думает, что я умру, — сказал Пирсен. — Умру, для того чтобы проснуться. Так пропади я пропадом, если он этого дождется.

Лишь в такой форме он был способен признать, что хочет жить.

Качаясь от слабости, он кое-как встал и попробовал освободиться от куста-кровопийцы. Тот присосался крепко.

С криком ярости Пирсен ухватился за куст и отодрал его от себя. Выдернутые листья полоснули его по ногам, а в это время другие вонзились в правую руку.

Но зато он освободил ноги. Отшвырнув пинками еще два куста, Пирсен бросился в джунгли с веткой, обвившейся вокруг руки.

Он долго брел, спотыкаясь; и только когда растения-кровососы остались далеко позади, начал освобождаться от последнего куста.

Тот завладел уже обеими руками. Плача от боли и злости, Пирсен поднял руки над головой и с размаху ударил ими о ствол дерева.

Крючочки слегка отпустили. Пирсен снова ударил руками о дерево и зажмурился от боли. Потом еще, еще раз, и наконец куст перестал цепляться за него.

Пирсен тут же побрел дальше.

Но он слишком долго мешкал, пока раздумывал, умирать ему или не умирать. Кровь ручьями струилась из сотни ранок, и запах крови оглашал джунгли, как набат. Что-то черное стремительно метнулось к нему сверху. Пирсен бросился ничком на землю и, едва успев увернуться, услышал совсем рядом хлопанье крыльев и злобный пронзительный крик.

Он проворно вскочил и хотел спрятаться в колючем кустарнике, но не успел. Большая чернокрылая птица с малиновой грудью вторично ринулась на него с высоты.

Острые когти ухватили его за плечо, и он упал. Неистово хлопая крыльями, птица уселилась ему на грудь. Она клюнула его в глаз, промахнулась, опять нацелилась.

Пирсен наотмашь махнул рукой. Его кулак угодил птице прямо по зобу и свалил ее.

Тогда он на четвереньках уполз в кусты. С пронзительными криками птица кружила над ним, высматривая какую-нибудь лазейку. Но Пирсен уползал все глубже в спасительную колючую чашу.

Вдруг он услышал рядом тихий вой, похожий на стон.

Да, видно, напрасно он так долго колебался. Джунгли обрекли его на смерть, вцепились в него мертвой хваткой. Похожая на акулу, продолговатая черно-синяя тварь, чуть поменьше той, с которой он дрался, проворно ползла к нему сквозь колючую чашу.

Одна смерть вопила в воздухе, другая стонала на земле, и бежать от них было некуда. Пирсен встал. С громким криком, в котором перемешались страх, злость и вызов, он, не колеблясь, бросился на черно-синего зверя.

Лязгнули огромные челюсти. Пирсен рухнул на землю. Последнее, что уловило его угасающее сознание, была разинутая над ним смертоносная пасть.

«Неужели наяву?» — с внезапным ужасом подумал он, и все исчезло...

Он очнулся на белой койке, в белой, неярко освещенной комнате. Пирсен медленно собрался с мыслями и вспомнил... свою смерть.

«Ничего себе приключеньице, — подумал он. — Надо ребятам рассказать. Только сначала выпить. Сходить куда-нибудь поразвлечься и опрокинуть рюмочку... а то и все десять».

Он повернула голову. Сидевшая на стуле возле койки девушка в белом халате встала и наклонилась над ним.

— Как вы себя чувствуете, мистер Пирсен? — спросила девушка.

— Нормально, — ответил он. — А где Джонс?

— О ком вы?

— Шринагар Джонс. Здесьнее начальство.

— Вы, очевидно, перепутали, сэр, — сказала девушка. — Нашей колонией руководит доктор Бейнтри.

— Чем?! — крикнул Пирсен.

В комнату вошел высокий бородатый человек.

— Вы свободны, сестра, — сказал он девушке и повернулся к Пирсену. — Добро пожаловать на Венеру, мистер Пирсен. Я доктор Бейнтри, директор пятой базы.

Пирсен недоверчиво на него уставился. Потом, кряхтя, сполз с кровати и наверняка упал бы, если бы Бейнтри его не подхватил.

Пирсен с изумлением обнаружил, что забинтован чуть ли не с головы до пят.

— Так это было наяву? — спросил он.

Бейнтри помог ему добраться до окна. Пирсен увидел расчищенный участок, изгороди и зеленеющую вдали опушку джунглей.

— Один на десять тысяч, — с горечью произнес он. — Вот уж действительно везет как утопленнику. Я ведь мог погибнуть.

— Вы чуть было не погибли, — подтвердил Бейнтри. — Однако в том, что вы попали на Венеру, неповинны ни статистика, ни случай.

— Как вас понять?

— Выслушайте меня, мистер Пирсен. На Земле жить легко. Людям больше не приходится бороться за свое существование; однако, боюсь, они добились этого слишком дорогой ценой. Человечество остановилось в своем развитии. Рождаемость непрерывно падает, а количество самоубийц растет. Границы наших владений в космосе продолжают расширяться, но туда никого не заманишь. А их ведь нужно заселить, если мы хотим выжить.

— Слышал я уже в точности такие слова, — сказал Пирсен. — И в киножурнале, и по солидо, и в газете читал...

— Они, я вижу, не произвели на вас впечатления.

— Я этому не верю.

— Верите или нет, — твердо ответил Бейнтри, — но все равно это правда.

— Вы фанатик, — сказал Пирсен. — Я не намерен с вами спорить. Пусть даже это правда — мне-то что?

— Нам катастрофически не хватает людей, — сказал Бейнтри. — Чего мы только ни придумывали, как ни старались найти желающих. Никто не хочет уезжать с Земли.

— Еще бы. Дальше что?

— Лишь один-единственный способ оправдал себя. Мы основали агентство Нелимитированных Приключений. Всех подходящих кандидатов отвозят сюда и оставляют в джунглях. Мы наблюдаем за их поведением. Это отличный тест, полезный и для испытуемого, и для нас.

— Ну а что бы со мной случилось, если бы я не удрал тогда от тех кустов?

Бейнтри пожал плечами.

— Так, значит, вы меня завербовали, — сказал Пирсен. — Сперва погоняли по кругу с препятствиями, потом увидели, какой я молодец, и в самую последнюю секунду спасли. Я, наверно, должен быть польщен таким вниманием. И тотчас же осознаю, что я не какой-нибудь неженка, а крепкий, неприхотли-

вый парень. И, конечно, я полон отваги, мечтаю о славе первооткрывателя.

Бейнтри молча глядел на него.

— И, разумеется, тут же запишусь в колонисты? Да что я, псих, по-вашему, или кто? Неужто вы всерьез считаете, что я брошу шикарную жизнь на Земле, чтобы вкалывать у вас тут в джунглях или на ферме? Да провалитесь вы хоть к черту в пекло вместе с вашими душеспасительными планами.

— Я прекрасно понимаю ваши чувства, — заметил Бейнтри. — С вами обошлись довольно бесцеремонно, но этого требуют обстоятельства. Когда вы успокойтесь...

— Я и так спокоен! — взвизгнул Пирсен. — Хватит с меня проповедей о спасении мира! Я хочу домой, хочу во Дворец развлечений.

— Мы можем отправить вас с вечерним рейсом, — сказал Бейнтри.

— Что? Нет, вы это серьезно?

— Вполне.

— Ни черта не понимаю. Вы что, на сознательность решили бить? Так этот номер не пройдет — я еду, и конец. Удивляюсь, как это у вас хоть кто-то остается.

— Здесь никто не остается, — сказал Бейнтри.

— Что?!

— Почти никто, исключения очень редки. Большинство поступает так же, как вы. Это только в романах герой вдруг обнаруживает, что он обожает сельское хозяйство и жаждет покорять неведомые планеты. В реальной жизни все хотят домой. Многие, правда, соглашаются помогать нам на Земле.

— Каким образом?

— Они становятся вербовщиками, — ответил Бейнтри. — Это и в самом деле занято. Ты ешь, пьешь и наслаждаешься жизнью, как обычно. Но когда встречается подходящий кандидат, ты уговариваешь его испытать воображаемое приключение и ведешь в агентство... Вот как Бенц привел вас.

— Бенц? — изумился Пирсен. — Этот подонок — вербовщик?

— Конечно. А вы думали, что вербовщиками у нас служат ясноглазые идеалисты? Все они такие же люди, как вы, Пирсен, так же любят повеселиться, ищут легкой жизни и, пожалуй, даже не прочь оказать помощь человечеству, если это не очень хлопотно. Я думаю, такая работа вам понравится.

— Что ж, попробовать можно, — согласился Пирсен. — Забавы ради.

— Мы большого не просим.

— Но откуда же вы тогда берете новых колонистов?

— О, это любопытная история. Представьте себе, мистер Пирсен, что многим из наших вербовщиков через несколько лет вдруг делается интересно — что же здесь происходит? И они возвращаются.

— Ну ладно, — сказал Пирсен. — Так и быть, я поработаю на вас. Но только временно, пока не надоест.

— Конечно, — сказал Бейнтри. — Вам пора собираться в дорогу.

— И назад меня не ждите. Ваш душеспасительный рэкет — на любителя. А я человек городской. Мне нужен комфорт.

— Да, конечно. Кстати, вы отлично вели себя в джунглях.

— Правда?

Бейнтри молча кивнул.

Пирсен не отрываясь глядел на поля, постройки, изгороди; глядел он и на дальнюю опушку джунглей, с которыми только что сразился и едва не вышел победителем.

— Вам пора, — сказал Бейнтри.

— А? Ладно, иду, — ответил Пирсен.

Он медленно отошел от окна, чувствуя легкую досаду, причину которой так и не смог определить.

ПОДНИМАЕТСЯ ВЕТЕР

За стенами станции поднимался ветер. Но двое внутри не замечали этого — на уме у них было совсем другое. Клейтон еще раз повернул водопроводный кран и подождал. Ничего.

— Стукни-ка его посильнее, — посоветовал Неришев.

Клейтон ударил по крану кулаком. Вытекли две капли. Появилась третья, повисела секунду и упала. И все.

— Ну ясно, — с горечью сказал Клейтон. — Опять забило эту чертову трубу. Сколько у нас воды в баке?

— Четыре галлона, да и то если в нем нет новых трещин, — ответил Неришев.

Не сводя глаз с крана, он беспокойно постукивал по нему длинными пальцами. Он был крупный, рослый, но почему-то казался хрупким, бледное лицо обрамляла реденькая бородка. Судя по виду, он никак не подходил для работы на станции наблюдения на далекой чужой планете. Но, к великому сожалению Корпуса освоения, давно выяснилось, что для этой работы подходящих людей вообще не бывает.

Неришев был опытный биолог и ботаник. По натуре беспокойный, он в трудные минуты поражал своей собранностью. Таким людям нужно попасть в хорошую переделку, чтобы оказаться на высоте по-

Печатается по изд.: Шекли Р. Поднимается ветер: Шекли Р. Рассказы. Повести. — М.: Мол. гвардия, 1968

© Перевод на русский язык, Э. Кабалевская, 1968

ложenia. Пожалуй, именно поэтому его и послали осваивать такую неуютную планету, как Карелла.

— Наверно, придется все-таки выйти и прочистить трубу, — сказал Неришев, не глядя на Клейтона.

— Видно, так, — согласился Клейтон и еще раз изо всех сил стукнул по крану. — Но ведь это просто самоубийство! Ты только послушай!

Клейтон, краснощекий коренастый крепыш с бычьей шеей, работал наблюдателем уже на третьей планете.

Пробовал он себя и на других должностях в Корпусе освоения, но ни одна не пришлась ему по душе. ПОИМ — Первичное Обнаружение Иных Миров — сулило чересчур много всяких неожиданностей. Нет, это работа разве что для какого-нибудь сорвиголовы или сумасшедшего. А на освоенных планетах, наоборот, чересчур тихо и негде развернуться.

Вот теперешняя должность наблюдателя недурна. Знай сиди на планете, только что открытой ребятами из Первичного Обнаружения Иных Миров и обследованной роботом-спутником. Тут требуется одно: stoически выдерживать любые неудобства и всеми правдами и неправдами оставаться в живых. Через год его заберет отсюда спасательный корабль и примет его отчет. В зависимости от этого отчета планету будут осваивать дальше или откажутся от нее.

Каждый раз Клейтон клятвенно обещал жене, что следующий полет будет последним. Уж когда закончится этот год, он точно сядет на Земле и станет хозяйствничать на своей маленькой ферме. Он обещал...

Однако едва кончался очередной отпуск, Клейтон снова отправлялся в путь, чтобы делать то, для чего предназначила его сама природа: стараться во что бы то ни стало выжить, пуская в ход все свои умение и выносливость.

Но на сей раз с него, кажется, и правда хватит. Они с Неришевым пробыли на Карелле уже восемь месяцев. Еще четыре — и за ними придет спасательный корабль. Если и на этот раз он уцелеет — все, баста, больше никуда!

— Слышишь? — спросил Неришев.

Далекий, приглушенный ветер вздыхал и бормотал вокруг стального корпуса станции, как легкий летний бриз.

Таким он казался здесь, внутри станции, за трехдюймовыми стальными стенами с особой звуконепроницаемой прокладкой.

— А он крепчает, — заметил Клейтон и подошел к индикатору скорости ветра.

Судя по стрелке, этот ласковый ветерок дул с постоянной скоростью восемьдесят две мили в час!

На Карелле это всего лишь легкий бриз.

— Ах, черт, не хочется мне сейчас вылезать, — сказал Клейтон. — Пропади оно все пропадом!

— А очередь твоя, — заметил Неришев.

— Знаю. Дай хоть немного поскулить сначала. Вот что, пойдем спросим у Сманика прогноз.

Они двинулись через станцию мимо отсеков, заполненных продовольствием, запасами воздуха, приборами и инструментами, запасным оборудованием; стук их каблуков по стальному полу отдавался гулким эхом. В дальнем конце виднелась тяжелая металлическая дверь, выходившая в приемник. Оба натянули маски, отрегулировали приток кислорода.

— Готов? — спросил Клейтон.

— Готов.

Они напряглись, ухватились за ручки возле двери. Клейтон нажал кнопку. Дверь скользнула в сторону, и внутрь со свистом ворвался порыв ветра. Оба низко пригнулись и, с усилием одолевая напор ветра, вошли в приемник.

Это помещение футов тридцать в длину и пятнадцать в ширину служило как бы продолжением станции, но не было герметически непроницаемым. В стальной каркас стен были вделаны щитки, которые в какой-то мере замедляли и сдерживали воздушный поток. Судя по индикатору, здесь, внутри, ветер дул со скоростью тридцать четыре мили в час.

«Черт, какой ветрище, а придется еще беседовать с карелланцами», — подумал Клейтон. Но иного выхода не было. Здешние жители выросли на планете, где ветер никогда не бывает слабее семидесяти миль в час, и не могли выносить «мертвый воздух» внутри

станции. Они не могли дышать там, даже когда люди уменьшали содержание кислорода до обычного на Карелле. В стенах станции у них кружилась голова, и они сразу пугались. Пробыв там немного, они начинали задыхаться, как люди в безвоздушном пространстве.

А ветер со скоростью тридцать четыре мили в час — это как раз та средняя величина, которую могут выдержать и люди, и карелланцы.

Клейтон и Неришев прошли по приемнику. В углу лежал какой-то клубок, нечто вроде высушенного осьминога. Клубок зашевелился и уткнувшись в стену, помахал двумя шупальцами.

— Добрый день, — поздоровался Сманик.

— Здравствуй, — ответил Клейтон. — Что скажешь об этой погоде?

— Отличная погода, — сказал Сманик.

Неришев потянул Клейтона за рукав.

— Что он говорит? — спросил он и задумчиво кивнул, когда Клейтон перевел ему слова Сманика.

Неришев был не так способен к языкам, как Клейтон. Он пробыл здесь уже восемь месяцев, но язык карелланцев все еще казался ему совершенно невразумительным набором щелчков и свистков. Появились еще несколько карелланцев и тоже вступили в разговор. Все они походили на пауков или осьминогов, у всех были маленькие круглые тела и длинные гибкие шупальца. Самая удобная форма тела на этой планете, и Клейтон частенько ловил себя на том, что завидует им. Для него станция — единственное надежное прибежище, а для этих вся планета — дом родной.

Нередко он видел, как карелланец шагает против ураганного ветра: семь-восемь шупалец намертво впивались в почву, а остальные тянулись вперед в поисках новой опоры. Или же они катились по ветру, словно перекати-поле, плотно обвив себя всеми шупальцами, — ни дать ни взять плетеная корзинка. А как весело и дерзко управляются они со своими

сухопутными кораблями, как лихо мчатся по ветру, точно гонимые им облака.

«Что ж, зато на Земле они выглядели бы прегупо», — подумал Клейтон.

— Какая будет погода? — спросил он Сманика.

Карелланец на минуту призадумался, втянул в себя воздух и потер два щупальца одно о другое.

— Пожалуй, ветер еще немного усилится, — сказал он наконец. — Но ничего страшного не будет.

Теперь призадумался Клейтон. «Ничего страшного» для карелланца может означать гибель для землянина. И все-таки это звучит утешительно.

Они с Неришевым вновь ушли на станцию и закрыли за собой дверь.

— Слушай, — сказал Неришев, — если ты предпочитаешь переждать...

— Уж лучше скорее оторваться.

Единственная тусклая лампочка под потолком освещала блестящую, гладкую громаду Зверя. Так они прозвали машину, созданную специально для передвижения по Карелле.

Зверь был весь бронированный, как танк, и обтекаемый, как полушарие. В мощной стальной броне были прорезаны смотровые щели, забранные небьющимся стеклом, толщиной и прочностью не уступающим стали. Центр тяжести танка был расположен очень низко: основная масса двенадцатитонной громады размещалась у самого днища. Зверь закрывался герметически. Его тяжелый дизельный двигатель и все входные и выходные отверстия были снабжены особыми пыленепроницаемыми покрышками. Эта неподвижная машина на шести колесах с толстенными шинами напоминала некое доисторическое чудовище.

Клейтон залез внутрь, надел шлем и защитные очки, пристегнулся к мягкому сиденью. Потом включил мотор, прислушался и кивнул.

— В порядке, — сказал он. — Зверь готов к прогулке. Иди наверх и открай дверь гаража.

— Счастливо, — сказал Неришев и вышел.

Клейтон внимательно проверил приборы: да, все технические новинки, изготовленные специально для

Зверя, работают отлично. Через минуту по радио раздался голос Неришева:

— Открываю дверь.

— Давай.

Тяжелая дверь скользнула в сторону, и Клейтон вывел Зверя.

Станция стояла на широкой пустой равнине. Конечно, горы могли бы хоть немного защитить от ветра, но горы на Карелле беспрестанно возникают и рушатся. Впрочем, на равнине есть и свои опасности. И чтобы избежать хотя бы самых грозных, вокруг станции установлены прочные стальные надолбы. Они стоят очень близко друг к другу и нацелены остриями наружу, точно старинные противотанковые укрепления, да и служат, собственно, тем же целям.

Клейтон повел Зверя по одному из узких извилистых проходов, проложенных в гуще этой стальной щетины. Выбрался на открытое место, отыскал водопроводную трубу и двинулся вдоль нее. На небольшом экране засветилась белая линия. Она будет показывать малейшую поломку или чужеродное тело в этой трубе.

Впереди простиралась однообразная скалистая пустыня. Время от времени на глаза Клейтону попадался одинокий низкорослый кустик. Ветер, приглушенный урчанием мотора, дул прямо в спину.

Клейтон взглянул на индикатор скорости ветра. Девяносто две мили в час!

Клейтон уверенно продвигался вперед, тихонько мурлыча что-то себе под нос. Временами слышался треск — камешки, гонимые ураганным ветром, баранили по танку. Они отскакивали от толстой стальной шкуры Зверя, не причиняя ему никакого вреда.

— Все в порядке? — спросил по радио Неришев.

— Как нельзя лучше, — ответил Клейтон.

Вдалеке он различил сухопутный корабль карелланцев. Футов сорок в длину, довольно узкий, корабль проворно скользил вперед на грубых деревянных катках. Паруса были сработаны из древесины лиственного кустарника — на планете их было всего несколько пород.

Поравнявшись с Клейтоном, карелланцы помахали ему щупальцами. Они, видимо, направлялись к станции.

Клейтон вновь стал следить за светящейся линией. Теперь шум ветра стал громче, его рев перекрывал даже звук мотора. Скорость его по индикатору составляла уже девяносто семь миль в час.

Клейтон угрюмо, неотрывно глядел в иссеченное песком смотровое стекло. Вдалеке сквозь пыльные вихри смутно маячили зазубрины скал. По корпусу Зверя барабанили камешки, и стук их глухо отдавался внутри. Клейтон заметил еще один сухопутный корабль, потом еще три. Они упрямо продвигались против ветра.

Странно: с чего это их всех вдруг потянуло на станцию? Клейтон вызвал по радио Неришева.

— Как дела? — спросил Неришев.

— Я уже почти добрался до колодца, поломки пока не видно, — сказал Клейтон. — Кажется, к тебе туда едет целая орава карелланцев?

— Да. С подветренной стороны приемника уже стоят шесть кораблей и подходят новые.

— Пока у нас с ними еще не бывало никаких неприятностей, — задумчиво проговорил Клейтон. — Как по-твоему, в чем тут дело?

— Они привезли с собой еду. Может, у них какой-нибудь праздник...

— Может быть. Смотри там, поосторожней!

— Не беспокойся. Ты сам будь осторожен и давай скорей назад...

— Нашел поломку! После поговорим.

Поломка отражалась на экране белым пятном. Вглядевшись сквозь смотровое стекло, Клейтон понял, что по трубе, верно, прокатилась каменная глыба, смяла ее и покатилась дальше.

Он остановил танк с подветренной стороны трубы. Скорость ветра достигала уже ста тридцати миль в час. Клейтон выскользнул из Зверя, прихватив несколько отрезков трубы, материал для заплат, паяльную лампу и ящик с инструментами. Все это он обвязал вокруг себя, а сам привязался к танку прочным нейлоновым канатом.

Снаружи ветер сразу его оглушил. Он грохотал и ревел, точно яростный морской прибой. Клейтон увеличил подачу кислорода в маску и принялся за работу.

Через два часа он наконец закончил ремонт, на который обычно хватает пятнадцати минут. Одежда его была изорвана в клочья, воздухоотвод забит песком и пылью.

Клейтон вскарабкался обратно в танк, задраил люк и без сил повалился на пол. Под порывами ветра танк начал вздрогивать. Но Клейтон не обратил на это никакого внимания.

— Алло! Алло! — кричал Неришев по радио.

Клейтон устало взобрался на сиденье и отозвался.

— Скорей назад, Клейтон! Отдыхать сейчас некогда. Ветер уже сто тридцать! По-моему, надвигается буря!

Буря на Карелле! Клейтону даже думать об этом не хотелось. За все восемь месяцев такое случилось только один раз, скорость ветра дошла тогда до ста шестидесяти миль.

Он развернул танк и тронулся в обратный путь, прямо навстречу ветру. Он дал полный газ, но машина ползла ужасающе медленно. Три мили в час — вот и все, что можно было выжать из мощного мотора при встречном ветре скоростью сто тридцать восемь миль в час.

Клейтон глядел упорно вперед. Судя по длинным струям пыли и песка, все вихри бескрайних небес устремились в одну единственную точку — в его смотровое стекло. Каменные обломки, подхваченные ветром, летели навстречу, росли на глазах и обрушивались все на то же стекло. И всякий раз Клейтон невольно съеживался и втягивал голову в плечи.

Мотор начал захлебываться и давать перебои.

— Нет, нет, малыши, — выдохнул Клейтон. — Не сдавай, погоди! Сначала доставь меня домой, а там как хочешь. Уж пожалуйста!

Он прикинул, что до станции еще миль десять и все против ветра.

Вдруг что-то загрохотало, будто с горы низвергалась лавина. Это грохотала каменная глыба величиной с дом. Ветер не мог поднять такую громадину и просто катил ее, всхлипывая ею каменистую почву, как плугом.

Клейтон круто повернул руль. Мотор надрывно взревел, и танк невыносимо медленно отполз в сторону, давая глыбе дорогу. Клейтон смотрел, как она надвигается, его трясло; он барабанил кулаком по приборной доске.

— Скорей, крошка, скорей!

Глыба с грохотом пронеслась мимо, она делала добрых тридцать миль в час.

— Чуть не шарахнуло, — сказал себе Клейтон.

Он попытался снова повернуть Зверя против ветра по направлению к станции, но не тут-то было.

Мотор выл и ревел, силясь справиться с тяжелой машиной, но ветер, как неумолимая серая стена, отталкивал ее прочь.

Стрелка индикатора показывала уже сто пятьдесят девять в час.

— Как ты там? — спросил по радио Неришев.

— Превосходно! Не мешай, я занят.

Клейтон поставил танк на тормоза, отстегнулся от сиденья и кинулся к мотору. Отрегулировал зажигание, проверил смесь и поспешил назад к рулю.

— Эй, Неришев! Этот мотор скоро сдохнет!

Долгое мгновение Неришев не отвечал. Потом спросил очень спокойно:

— А что с ним случилось?

— Песок! — сказал Клейтон. — Ветер гонит его со скоростью сто пятьдесят девять миль в час. Песок в подшипниках, в форсунках, всюду и везде. Проеду, сколько удастся.

— А потом?

— А потом поставлю парус, — отвечал Клейтон. — Надеюсь, мачта выдержит.

Теперь он был поглощен одним: вел машину. При таком ветре Зверем нужно было управлять, как кораблем в бурном море. Клейтон набрал скорость, когда ветер дул ему в корму, потом круто развернулся и пошел против ветра.

На этот раз Зверь послушался и лег на другой галс.

Что ж, больше ничего не придумаешь. Весь путь против ветра нужно пройти, беспрестанно меняя галс. Он стал поворачивать, но даже на полном газу машина не могла держать против ветра круче, чем на сорок градусов.

Целый час Клейтон рвался вперед, поминутно меняя галс и делая три мили для того, чтобы про-двинуться на две. Каким-то чудом мотор все еще работал. Клейтон мысленно благословлял его создателей и умолял двигатель продержаться еще хоть сколько-нибудь.

Сквозь слепящую завесу песка и пыли он увидел еще один карелланский корабль. Паруса у него были зарифлены, и он кренился набок так, что страшно было смотреть. И все же он довольно бойко продолжался против ветра и вскоре обогнал Зверя.

«Вот счастливчики, — подумал Клейтон. — Сто шестьдесят пять миль в час для них — всего лишь попутный ветерок!»

Вдали показалось серое полушарие станции.

— Я все-таки доберусь! — завопил Клейтон. — Открывай ром, Неришев, дружище! Ох, и напьюсь же я сегодня!

Мотор словно того и ждал — тут-то он и заглох.

Клейтон яростно выругался и поставил танк на тормоза. Проклятое невезенье! Дуй ветер ему в спину, он бы преспокойно прикатил домой. Но ветер, разумеется, дул прямо в лоб.

— Что думаешь делать? — спросил Неришев.

— Сидеть тут, — ответил Клейтон. — Когда ветер поутихнет и начнется ураган, я приду пешком.

Двенадцатitonная машина вся содрогалась и дребезжала под ударами ветра.

— Знаешь, что я тебе скажу? — продолжал Клейтон. — Теперь-то уж я наверняка подам в отставку.

— Да ну? Ты серьезно?

— Совершенно серьезно. У меня в Мэриленде ферма с видом на Чесапикский залив. И знаешь, что я буду делать?

— Что же?

— Разводить устриц. Понимаешь, устрица... Что за черт!

Станция медленно уплывала прочь, ее словно отнесло ветром. Клейтон протер глаза: уж не спятил ли он? Потом вдруг понял, что танк хоть и на тормозах, хоть и обтекаемой формы, но ветер неуклонно оттесняет его назад.

Клейтон со злостью нажал кнопку на распределительном щите и выпустил сразу правый и левый якоря. Они с тяжелым звоном ударились о камни, заскрипели и задребезжали стальные тросы. Клейтон вытравил семьдесят футов стального каната, потом закрепил тормоза лебедки. Танк вновь стоял как вкопанный.

— Я отдал якоря, — сообщил Клейтон Неришеву.

— И что, держат?

— Пока держат.

Клейтон закурил и откинулся на спинку кресла. Каждая мышца ныла от напряжения. Веки дергались от усталости: ведь он столько времени неотрывно следил за направлением ветра, который обрушивался то справа, то слева. Клейтон закрыл глаза и попытался хоть немного отдохнуть.

Свист ветра прорезал стальную обшивку танка. Ветер выл, стонал, дергал и тряс машину, словно искал, за что бы уцепиться на ее гладком, полированном корпусе. Когда он достиг ста шестидесяти девяти миль в час, вырвало щитки вентилятора.

«Счастье, что на мне герметически закрытые очки, а то бы я ослеп, — подумал Клейтон, — и если бы не кислородная маска — непременно бы задохся».

В кабине вихрем закружилась густая пыль, насыщенная электричеством.

По корпусу танка, точно пулеметная очередь, застучали камешки. Теперь они ударяли куда сильнее прежнего. Интересно, много ли им нужно, чтобы пробить стальную броню насеквоздь?

В такие минуты Клейтону всегда бывало нелегко сохранять хладнокровие и рассудительность. Он особенно остро ощущал, как уязвима человеческая плоть, и с ужасом думал, что грозным силам Вселенной ничего не стоит его раздавить. Зачем он здесь?

Человеку здесь не место, он должен оставаться на Земле, где воздух тих и спокоен. Вернуться бы только домой...

— Как ты там? — спросил Неришев.

— Отменно, — устало ответил Клейтон. — А у тебя как?

— Неважно. Вся постройка дрожит и вибрирует. Если этот ветер надолго, фундамент может не выдержать.

— А наши еще собираются устроить тут заправочную станцию, — сказал Клейтон.

— Ну, ты же знаешь, в чем суть. Карелла — единственная твердая планета между Энгарсой и Южным Каменным Поясом. Все остальные — газовые гиганты.

— Придется им строить свою станцию прямо в космосе.

— А ты знаешь, во сколько это обойдется?

— Да пойми ты, черт побери, дешевле построить новую планету, чем держать заправочную станцию на этой!

Клейтон сплюнул: рот у него был набит пылью.

— Хотел бы я уже очутиться на спасательном корабле! Много у тебя там карелланцев?

— Штук пятнадцать сидят в приемнике.

— Ничего угрожающего?

— По-моему, нет, но ведут себя как-то странно.

— А что?

— Сам не знаю, — отвечал Неришев. — Только не нравится мне это.

— Ты бы лучше не вылезал в приемник, что ли. Говорить с ними ты все равно не можешь, а я хочу застать тебя целым и невредимым, когда вернусь. — Он запнулся. — Если, конечно, вернусь.

— Прекрасно вернешься, — пообещал Неришев.

— Ясно, вернусь... Ах, черт!

— Что такое? Что случилось?

— На меня летит скала! После поговорим.

И Клейтон уставился на каменную громадину: черное пятно быстро увеличивалось, приближаясь к нему с наветренной стороны. Оно надвигалось прыжком на его неподвижный беспомощный танк. Клей-

тон мельком глянул на индикатор. Сто семьдесят четыре в час! Не может этого быть! Впрочем, и в земной стратосфере реактивная струя бьет со скоростью двести миль в час.

Камень, уже огромный как дом, все рос, на-двигался, катился на Зверя.

— Сворачивай! Прочь! — заорал ему Клейтон, изо всех сил колотя по приборной доске.

Но камень под чудовищным напором ветра не-уклонно мчался вперед.

С криком отчаяния Клейтон нажал на кнопку и освободил оба якоря. Втягивать их не было времени, даже если бы лебедка выдержала нагрузку. А камень все ближе...

Клейтон отпустил тормоза.

Зверь, подгоняемый ветром в сто семьдесят восемь миль в час, стал набирать скорость. Через несколько секунд он делал уже тридцать восемь миль в час, но в зеркале заднего обзора Клейтон видел, что камень нагоняет.

Когда он был уже совсем близко, Клейтон рванул руль влево. Танк угрожающе накренился, вильнул в сторону, заскользил, как по льду, и едва не опрокинулся. Клейтон намертво вцепился в руль управления, стараясь выровнять машину.

«Надо же! Танк весит двенадцать тонн, а я развернул его по ветру, как парусную лодчонку, — подумал он. — Бьюсь об заклад, никому это до меня не удавалось!»

Камень величиной с добрый небоскреб пронесся мимо. Тяжелый танк чуть покачнулся и грузно осел на все свои шесть колес.

— Клейтон! Что случилось? Ты жив?

— Живехонек, — задыхаясь выговорил Клейтон. — Но мне пришлось убрать якоря. Меня сносит по ветру!

— А повернуть можешь?

— Пробовал — чуть не опрокинулся.

— Куда же тебя сносит?

Клейтон посмотрел вдаль. Впереди, окаймляя равнину, дыбились грозные черные скалы.

— Еще миль пятнадцать — и я врежусь в скалы. При такой скорости этого ждать недолго.

Клейтон снова нажал на тормоза. Шины завизжали, прокладки тормозов яростно задымились. Но ветер — уже сто восемьдесят три в час — даже не заметил такого пустяка. Танк сносило теперь со скоростью сорока четырех миль в час.

— Попробуй паруса! — закричал Неришев.

— Не выдержат.

— А ты попробуй. Другого выхода нет! Здесь уже сто восемьдесят пять в час. Вся станция тряется! Камни срывают надолбы. Боюсь, пробьет стены и расплывчит...

— Хватит, — прервал Клейтон. — Мне тут не до тебя.

— Не знаю, выдержит ли станция. Слушай, Клейтон, попробуй...

Радио вдруг захлебнулось и умолкло. Настала зловещая тишина.

Клейтон несколько раз стукнул по приемнику, потом махнул рукой. Танк сносило уже со скоростью сорок девять миль в час. Скалы вырастали перед ним с устрашающей быстротой.

«Ну что ж, — сказал себе Клейтон. — Вот и все».

Он выпустил последний запасной якорь. Стальной трос протянулся во всю длину своих двухсот футов, и скорость Зверя замедлилась до тридцати миль в час. Якорь волочился следом и взрывал почву, как плуг на реактивном двигателе.

Теперь Клейтон включил парусный механизм. Земные инженеры установили его на танке точно так же, как на маленьких моторных лодках, выходящих в океан, на всякий случай ставят невысокую вспомогательную мачту и парус. Парус — страховка на случай, если откажет мотор. На Карелле человеку ни за что не добраться до дому, если его машина откажет. Тут без дополнительной энергии пропадешь.

Мачта — короткий мощный стальной столб — выдвинулась сквозь задраенное отверстие в крыше. Ее тут же со всех сторон закрепили магнитные каркасы и подпорки. На мачте тотчас развернулась металлическая кольчуга паруса. Поднимался он при

помощи шкота — тройного каната гибкой стали; Клейтон управлял им, орудуя лебедкой.

Парус был площадью всего в несколько квадратных футов. Однако он увлекал вперед двенадцатитонное чудовище с замкнутыми тормозами и якорем, выпущенным на всю длину стального каната в двести пятьдесят футов.

Это не так трудно... когда скорость ветра — сто восемьдесят пять миль в час.

Клейтон вытравил шкот и повернул Зверя боком к ветру. Но этого оказалось недостаточно. Он опять взялся за лебедку и повернул парус еще круче к ветру.

Ураган ударили в бок, громоздкий танк угрожающе накренился, колеса с одной стороны поднялись в воздух. Клейтон поспешил убрал несколько футов шкота. Металлическая кольчуга вздрогивала и скрипела под свирепыми порывами ветра.

Искусно маневрируя оставшейся узкой полоской паруса, Клейтон ухитрялся кое-как удерживать все шесть колес танка на грунте и держался нужного курса.

В зеркало он видел позади черные зубчатые скалы. Это был его подветренный берег — берег, где ждало крушение. Но он все-таки выбрался из ловушки. Медленно, фут за футом, парус оттаскивал его прочь.

— Молодчина! — кричал Клейтон мужественному Зверю.

Но недолго он торжествовал победу; раздался оглушительный звон, и что-то со свистом пронеслось у самого виска. При ветре сто восемьдесят в час мелкие камушки уже пробивали броню. То, что обрушилось сейчас на Клейтона, можно сравнить разве что с беглым пулеметным огнем. Карелланский ветер рвался в отверстия, пробитые камешками, пытаясь свалить его на пол.

Клейтон отчаянно цеплялся за руль. Парус трещал. Кольчуга эта была сплетена из самых прочных и гибких металлических сплавов, но против такого урагана и ей долго не устоять; короткая толстая мачта, укрепленная шестью могучими тросами, раскачивалась, как тонкая удочка.

Тормозные прокладки начинали сдавать; Зверя несло уже со скоростью пятьдесят миль в час.

Клейтон так устал, что не мог ни о чем думать. Руки его судорожно сжимали руль, он машинально вел танк и, щуря воспаленные глаза, яростно всматривался в бурю.

С треском разорвался парус. Обрывки с минуту полоскались по ветру, потом мачта рухнула. Порывы ветра достигали теперь ста девяноста миль в час.

И Клейтона понесло назад, на скалы. А потом ветер дошел до ста девяноста двух миль в час, подхватил стальную машину, ярдов двенадцать нес ее по воздуху, вновь швырнул на колеса. От удара лопнула передняя шина, за ней — сразу же две задние. Клейтон опустил голову на руки и стал ждать конца.

И вдруг Зверь остановился как вкопанный. Клейтона кинуло вперед. Привязной ремень мгновенье удерживал его в кресле, потом лопнул. Клейтон ударился лбом о приборную доску и свалился оглушенный, весь в крови.

Он лежал на полу и сквозь пелену, которая обволакивала сознание, силился сообразить, что же произошло. Мучительно медленно вскарабкался опять в кресло, смутно понимая, что кости целы. Живот, наверное, весь ободран. Изо рта текла кровь.

Наконец, поглядев в зеркало, он понял, что случилось. Дополнительный якорь, который волочился за танком на длинном канате, зацепился за какой-то каменный выступ и застрял, рывком остановив танк меньше чем в полумиле от скал. Спасен!

Пока — спасен...

Но ветер не унимался. Он дул уже со скоростью ста девяноста трех миль в час. С оглушительным ревом он опять поднял Зверя в воздух, швырнул его оземь, снова поднял и снова швырнул. Стальной канат гудел как гитарная струна. Клейтон цеплялся за кресло руками и ногами. «Долго не продержаться», — думал он. Но если не цепляться изо всех сил, его просто-напросто размажет по стенам бешено скачащего танка...

Впрочем, канат тоже может лопнуть — и он полетит кувырком прямо на скалы.

И он цеплялся. Танк снова взлетел в воздух, и тут Клейтон на миг поймал взглядом индикатор. Душа у него ушла в пятки. Все. Конец. Погиб. Нельзя продержаться, когда этот проклятый ветер дует со скоростью сто восемьдесят семь в час! Это уж чересчур!

Сколько?! Сто восемьдесят семь? Значит, ветер начал спадать!

Сперва Клейтон просто не поверил. Однако стрелка медленно, но верно ползла вниз. При ста шестидесяти в час танк перестал скакать и покорно остановился на якорной цепи. При ста пятидесяти ветер переменил направление — верный признак, что буря стихает.

Когда стрелка индикатора дошла до отметки сто сорок две мили в час, Клейтон позволил себе роскошь потерять сознание.

К вечеру за ним пришли карелланцы. Искусно маневрируя двумя огромными сухопутными кораблями, они подошли к Зверю, привязали к нему крепкие лианы — куда более прочные, чем стальные канаты, — и на буксире приволокли изувеченный танк обратно на станцию.

Они принесли Клейтона в приемник, а Неришев перетащил его в тишину и покой станции.

— Ни одна кость не сломана, только нескольких зубов не хватает, — сообщил ему Неришев. — Но на тебе живого места нет.

— Все-таки мы выстояли, — сказал Клейтон.

— Еле-еле. Защитная ограда вся разрушена. В станцию прямиком врезались два огромных валуна, она едва выдержала. Я проверил фундамент, ему тоже здорово досталось. Еще одна такая переделка — и мы...

— И мы опять как-нибудь да выстоим! Мы земляне, нас не так-то легко одолеть! Правда, за все восемь месяцев такого еще не бывало. Но еще четыре — и за нами придет корабль. Выше голову, Неришев! Идем!

— Куда!

— Хочу потолковать с этим чертовым Смаником.

Они вышли в приемник. Там было полным-полно карелланцев. Снаружи, с подветренной стороны станции, пришвартовалось несколько десятков сухопутных кораблей.

— Сманик! — окликнул Клейтон. — Что тут такое происходит?

— Летний праздник, — сказал Сманик. — Наш ежегодный великий праздник.

— Гм. А как насчет того ветра? Что ты теперь о нем думаешь?

— Я бы определил его как умеренный, — сказал Сманик. — Ничего опасного, но немногого неприятно для прогулок под парусом.

— Вот как, неприятно! Надеюсь, впредь ты будешь предсказывать поточнее.

— Всегда угадывать погоду очень трудно, — возразил Сманик. — Мне очень жаль, что мой последний прогноз оказался неверным.

— Последний? Как так? Почему?

— Вот это, — продолжал Сманик и широко повел щупальцем вокруг, — весь мой народ, племя Сиримаи. Мы отпраздновали Летний праздник. Теперь лето кончилось, и нам нужно уходить.

— Куда?

— В пещеры на дальнем западе. Отсюда на наших кораблях две недели ходу. Мы укроемся в пещерах и проживем там три месяца. Там мы будем в безопасности.

У Клейтона вдруг засосало под ложечкой.

— В безопасности от чего, Сманик?

— Я же сказал тебе. Лето кончилось. Теперь надо искать спасения от ветра, от сильных зимних бурь.

— Что такое? — спросил Неришев.

— Погоди минуту.

Мысли обгоняли одна другую. Бешеный ураган, едва не стоивший ему жизни, — это, по определению Сманика, безобидный умеренный ветер. Зверь вышел из строя, передвигаться по Карелле не на чем. Задняя ограда разрушена, фундамент станции расшатан, а корабль придет за ними только через четыре месяца!

— Пожалуй, мы тоже поедем с вами на ваши кораблях, Сманик, и укроемся с вами в пещерах... укроемся там...

— Разумеется, — равнодушно ответил Сманик.

«Что-то из этого выйдет, — сам себе сказал Клейтон, и у него опять засосало под ложечкой, куда сильнее, чем во время урагана. — Нам ведь нужно больше кислорода, другую еду, запас воды...»

— Да что там такое? — нетерпеливо спросил Неришев. — Какого черта он тебе наговорил? Ты весь позеленел!

— Он говорит, настоящий ветер только начиняется.

Оба оцепенело уставились друг на друга.

А ветер крепчал.

ЗЕМЛЯ, ВОЗДУХ, ОГОНЬ И ВОДА

Радио на космическом корабле никогда не бывает в порядке, и радиостанция на борту «Элгонквина» не составляла исключения. Джим Рэдделл разговаривал с находящейся на Земле Объединенной Электрической Компанией, когда связь вдруг прекратилась и в маленькую кабину пилота ворвались чужие голоса.

— Я не нуждаюсь в крючьях! — гремело радио. — Мне нужны конфеты.

— Это станция Марса? — спрашивал кто-то.

— Нет, это Луна. Убирайтесь к черту с моей волны!

— А что же мне делать с тремя сотнями крюков?

— Проденьте их себе в нос! Алло, Луна!

Какое-то время Рэдделл слушал обрывки чужих разговоров. Радио успокаивало его, давало ему ощущение, что космос так и кишит людьми. Ему приходилось напоминать себе, что все эти звуки производят не более полусотни людей, какие-то пылинки, затянувшиеся в пространстве поблизости от Земли.

Радио громыхало несколько мгновений, затем началася непрерывный гул. Рэдделл выключил приемник и пристегнулся ремнями к креслу. «Элгонквин» пошел на снижение, скользя сквозь облака к поверхности Венеры. Теперь, пока корабль не закончит спуск, он мог заняться чтением или вздремнуть.

Печатается по изд.: Шекли Р. Земля, воздух, огонь и вода: «Искатель», 1965, № 1. — Пер. изд.: Sheckley R. Earth, Air, Fire and Water: Pilgrimage to Earth. Bantam, N.Y., 1957

© Street & Smith Publications, 1955

© Перевод на русский язык, Н. Лобачев, 1965

Перед Рэдделлом стояли две задачи. Первая была разыскать корабль-автомат, который Объединенная Электрическая послала сюда лет пять назад. На нем была установлена записывающая аппаратура. Рэдделл должен был ее снять и доставить на Землю.

«Элгонквин» шел по спирали к холодной, овеянной ураганами поверхности Венеры, автоматически настраиваясь на локаторную установку корабля-автомата. Корма корабля раскалилась докрасна, когда «Элгонквин», теряя скорость, пробился через плотную атмосферу. Вихри снега окутали корабль, когда он, работая хвостовыми дюзами, переворачивался для посадки. И наконец он мягко опустился на поверхность планеты.

— Совсем неплохо, малыши, — похвалил Рэдделл корабль. Он отстегнулся и подключил радио к своему космическому костюму. Приборы показывали, что корабль-автомат находился в двух с половиной милях, так что отягощать себя провизией не стоило. Он просто прогуляется, заберет приборы и тут же вернется обратно.

— Наверно, еще успею послушать спортивную передачу, — сказал Рэдделл вслух. Он последний раз проверил космический костюм и отвернул первую крышку люка.

Испытание космического костюма и было второй и главной задачей Рэдделла.

Человек пробивался в космос. Конечно, в масштабах Вселенной это были первые шаги. И все же вчерашние пещерные жители и созерцатели звезд покидали Землю. Вчера человек был наг, до жалости слаб, безнадежно уязвим. Сегодня, закованный в сталь, на добела раскаленных ракетах, он достиг Луны, Марса, Венеры.

Космические костюмы были звеном в технологической цепи, которая протягивалась от планеты к планете. Первые образцы костюма, который был на Рэдделле, прошли различные испытания в условиях лаборатории. И выдержали их достойно. Теперь оставалось последнее — испытание в естественной обстановке.

— Подожди здесь, малыш, — сказал Рэдделл кораблю. Он выбрался через последний люк и спустился по трапу «Элгонквина», облаченный в самый лучший и самый дорогой космический костюм, когда-либо изобретенный человеком.

Рэдделл пошел путем, которым его вел радиокомпас, шагать было легко по неглубокому снегу. Вокруг почти ничего нельзя было разглядеть: все тонуло в серых венерианских сумерках.

Кое-где сквозь снег пробивались тонкие упругие ветки каких-то растений. Больше он не заметил никакой жизни.

Рэдделл включил радио — думал услышать, как сыграла главная бейсбольная команда, но поймал лишь конец сводки погоды на Марсе.

Пошел снег. Было холодно, во всяком случае, так показывал прибор на запястье — в костюм холодный воздух проникнуть не мог. Хотя в атмосфере Венеры кислорода было достаточно, Рэдделл не должен был дышать воздухом планеты. Пластиковый шлем укрыл его в крошечном, созданном человеком собственном мире. Поэтому он и не чувствовал холодного резкого ветра, упорно бившего в лицо.

По мере продвижения вперед снег становился все глубже. Рэдделл оглянулся. Корабля уже почти не было видно в серых сумерках, идти было очень трудно.

«Если здесь будет колония, — сказал он себе, — ни за что не поселяюсь».

Он усилил подачу кислорода и полез через сугробы. Потом включил радио и поймал какую-то музыку, но слышно было так плохо, что нельзя было разобрать, музыка ли это вообще. Он с трудом брел в снегу часа два, мурлыкая песенку, которую, как ему казалось, он слушал, — мысли у него были о чем угодно, только не о Венере, — и прошел так больше мили.

Вдруг он по колено провалился в рыхлый снег.

Он встал, отряхнулся и заметил, что вокруг разгулялась настоящая выюга, а он ничего и не почувствовал в своем костюме. Причин для беспокойства не было. В чудодейственном костюме ему ничего не грозило. Вой ветра доходил до него слабыми отголосками. Ледяная крупа в бессильной злобе билась о

пластиковый шлем, стучала, как дождь по железной крыше.

Он брел, проламывая наст на поверхности глубокого снега.

За следующий час снег стал еще глубже, и Рэдделл заметил, что скорость ветра необычно возросла. Вокруг него росли сугробы и тут же покрывались тонкой коркой льда.

Ему и в голову не пришло повернуть назад.

«Черта с два, — успокаивал себя Рэдделл, — костюм ничего не пропустит».

Потом он провалился в снег по пояс. Усмехнувшись, он выбрался, но со следующим шагом снова проломил тонкий наст.

Он попытался идти напролом, но снега стали перед ним непреодолимой преградой. Через десять минут он выдохся, и ему пришлось усилить подачу кислорода. И все-таки Рэдделл не испытывал страха. Он твердо знал, что на Венере ничего опасного нет: ни ядовитых растений, ни животных, ни людей. Ему нужно было лишь совершить прогулку в самом усовершенствованном и дорогом костюме, когда-либо созданном людьми.

Все больше хотелось пить. Теперь ему казалось, что он просто застрял на одном месте. Снег теперь доходил до груди, и все труднее и труднее стало выбираться на поверхность, а выбравшись, он тут же проваливался снова. Но он упрямо шел вперед еще с полчаса.

Потом остановился. Ничего вокруг не было видно — плотная сугговая завеса падала с тускло-серого неба. За полчаса он прошел ярдов десять.

Рэдделл застрял.

Межпланетная связь никогда особой надежностью не отличалась. Видно, Рэдделлу так и не удастся передать на Землю свое сообщение.

— Говорит «Элгонквин», — повторял он, — вызываю Объединенную Электрическую.

— Отлично, овощи купил, возвращаюсь.

— Стану я врать? Он сломал руку...

— ...И четыре корзины спаржи. Да не забудьте написать на них мое имя.

— Конечно, мы находимся в состоянии невесомости. И все-таки руку он сломал.

— Говорит «Элгонквин»...

— Эй, контроль, пропустите меня — я с овощами.

— Срочно, вне очереди, — взывал Рэдделл — Нужна Объединенная Электрическая. Я застрял в снегу. Не могу вернуться на корабль. Что делать?

Радио ровно загудело.

Рэдделл опустился на снег и стал ждать инструкции. Еще и снегопад на голову! Он что им, эскимос, такое терпеть? Объединенная Электрическая впутала его в эту историю, пусть теперь и вызволяет отсюда.

Костюм окутывало теплом, и Рэдделл старался не вспоминать о пище и воде. А сугробы вокруг все росли, и вскоре он задремал.

Проснувшись через несколько часов, Рэдделл почувствовал невыносимую жажду. Радио жужжало. Он понял, что придется самому выбираться из беды. Если он не доберется до корабля как можно скорее, то у него иссякнут последние силы и тогда уже ничего не сделать. Тогда не помогут и удивительные свойства космического костюма.

Он поднялся, в горле у него пересохло; жаль, что не додумался взять с собой чего-нибудь поесть. Но кто мог подумать, что такое может случиться, ведь и пройти-то было нужно всего пять миль, да еще в таком замечательном костюме! Надо что-то такое придумать, чтобы двигаться по этому тонкому насту. Лыжи! Из чего делают лыжи на Земле? Он внимательно осмотрел один из гибких кустиков, что торчали из снега. Пожалуй, они подойдут.

Рэдделл попытался сломать один из них, твердый и маслянистый. Перчатки скользили по ветвям, невозможно было ухватиться. Ему бы сейчас нож! Но ножи ни к чему на космическом корабле, они там так же бесполезны, как копье или рыболовный крючок.

Он снова изо всех сил потянул растение, потом снял перчатки и стал шарить в карманах — может, найдется что-нибудь режущее. В карманах ничего не

было, кроме потрепанного экземпляра «Правил посадки на планеты коммерческих кораблей грузоподъемностью более 500 гросс-тонн». Он сунул книжку в карман. Руки онемели от холода, и Рэдделл снова натянул перчатки.

Потом его осенило. Расстегнув на груди костюм, Рэдделл нагнулся и стал орудовать одной стороной застежки-молнии, как пилкой. На растении появился надрез, а внутрь костюма ворвался морозный воздух. Рэдделл включил обогреватель и продолжал пилить.

Так он перепилил три куста, а потом зубцы «молнии» затупились и пилить стало невозможно. Надо делать эти штуки из твердых сплавов, подумал Рэдделл. Он расстегнул «молнию» на рукаве и продолжал работать. В конце концов он напилил себе сколько нужно стеблей подходящей длины. Оставалось застегнуть костюм, но это оказалось совсем не простым делом! Опилки и вязкий сок набились меж зубцов. Рэдделл с трудом застегнулся и пустил обогреватель на полную силу. Теперь — за лыжи. Стебли гнулись легко, но с такой же легкостью разгибались, а связать их было нечем.

— Дурацкое положение, — сказал он вслух. У него не было ни шнурка, ни веревки — ничего такого.

«Что же делать?» — спросил он себя.

— Никогда еще нигде так не принимали, — сказал кто-то по радио.

— «Элгонквин» вызывает Землю, — яростно в тысячный раз прокрипел Рэдделл.

— Алло, Марс?

— Объединенная Электрическая вызывает «Элгонквин»...

— Может быть, это солнечная корона.

— Скорее похоже на космическое излучение. Кто это?

— Объединенная Электрическая. Наш корабль задержался...

— Говорит «Элгонквин»! — надрывался Рэдделл.

— Рэдделл? Что вы там делаете? Вы не первооткрыватель, и вы не на экскурсии. Забирайте аппаратуру и немедленно назад.

— Говорит Луна-2...

— Придержите язык хоть на минуту, «уна! — взмолился Рэдделл. — Послушайте, я влиз. Застял. Увяз в снегу. Нужны лыжи. Лыжи! Вы слышите меня?

Радио размеренно урчало. Рэддел снова взялся за лыжи. Стебли нужно связать. Оставался один выход — использовать провода радио или обогревательной аппаратуры. Чем пожертвовать?

Да, выбор не из легких. Радио необходимо. Но с другой стороны, даже сейчас, когда обогреватели работали непрерывно, он мерз. Повредить обогреватель — значит остаться один на один с холодом Венеры.

«Да, придется пожертвовать радио», — решил он.

— Вы ведь скажете ей, правда? — внезапно проговорило радио. — А в мой следующий отпуск... — И снова умолкло.

Рэддел понял, что не сможет без радио, без его голоса, в своем одиноком кусочке цивилизованного мира.

Голова кружилась, одолевала усталость, горло пылало от жажды, но Рэддел не чувствовал себя одиноким, пока успокаивающее гудело из приемника. К тому же, если с лыжами у него ничего не получится, без радио он действительно будет отрезан от всего мира.

Стремительно, боясь передумать, он сорвал провода обогревателей, снял перчатки и взялся за дело.

Это было не так просто, как он предполагал. Он почти ничего не видел, потому что пластиковый шлем покрылся изморозью. Узлы на скользкой пластиковой проволоке не держались. Он стал вязать узлы посложнее, но все было бесполезно. После долгих неудач и ошибок ему удалось связать узел, который держался. Но теперь стебли выскальзывали из узлов. Ему пришлось исцарапать их застежками костюма, тогда они стали держаться.

Когда одна лыжа была почти готова, приступ головокружения заставил его прекратить работу. Нужен хоть глоток воды. Он отвинтил шлем и сунул в рот пригоршню снега. Это немного утолило его жажду.

Без шлема он видел получше. Пальцы рук и ног одеревенели от холода, руки и ступни занемели. Но

бально не было. По правде говоря, это было приятное ощущение. Он почувствовал, что ему смертельно хочется спать. Никогда в жизни так не хотелось. И Рэдделл решил немного вздремнуть, а потом опять взяться за работу.

— Крайне срочно! Крайне срочно! Объединенная Электрическая вызывает «Элгонкин». Отвечайте, «Элгонкин». Что случилось?

— Лыжи. Не могу добраться до корабля, — бормотал Рэдделл в полусне.

— Что стряслось, Рэдделл? Что-нибудь вышло из строя? Корабль?

— Корабль в порядке.

— Костюм! Подвел костюм?

— Нет... — вяло бормотал Рэдделл сквозь сон. Он и сам не понимал, что же произошло. Каким-то образом он был вырван из цивилизованного мира и отброшен на миллионы лет назад, к тем временам, когда человек в одиночку противостоял силам природы. Еще недавно Рэдделл был облачен в сталь и мог метать молнии. Сейчас же он повержен наземь и сражается с силами огня, воздуха и воды.

— Не могу объяснить. Только заберите меня отсюда, — сказал Рэдделл.

Он встряхнулся, прогоняя сон, и с трудом поднялся на ноги, уверенный, что сделал важное открытие. Он только теперь понял, что борется за свою жизнь точно так же, как миллиарды других людей боролись во все времена, как будут вечно бороться, хоть им и дано строить небывалые космические корабли.

Он не собирается умирать. Так просто он не сдастся.

Прежде всего нужно разжечь огонь. В кармане брюк, кажется, была коробка спичек.

Он быстро стащил с себя космический костюм и теперь стоял на снегу лишь в штанах и рубашке. Потом он протоптал снег до земли — и получилась защита от ветра. Он аккуратно сложил стебли для костра и насовал между ними листков из потрепанных «Правил». Поднес горящую спичку.

Если не загорится...

Но костер загорелся! Маслянистые ветки занялись сразу же и запылали, растопив снег.

Рэдделл набрал снегу в шлем и поднес поближе к огню. Теперь у него будет и вода! Он так низко наклонился над пылающими стеблями, что у него затлела рубашка. Но огонь уже угасал.

Рэдделл швырнул в костер все оставшиеся стебли.

Их было немного. Даже если бросить в огонь наполовину готовую лыжку, то и этого хватит ненадолго.

— Вы знаете, что она мне сказала? Нет, правда, хотите знать, что она мне сказала? Она сказала...

— Срочно! Крайне срочно! Всем долой из эфира! Послушайте, Рэдделл, это Объединенная Электрическая. За вами послан корабль с Луны. Вы слышите нас?

— Слышу. Когда он будет здесь? — спросил Рэдделл.

— Вы нас слышите, Рэдделл? У вас все в порядке? Отвечайте, если можете.

— Я слышу вас. Когда придет корабль...

— Мы вас не слышим. Считаем, что вы еще живы. Корабль будет у вас через десять часов. Держитесь, Рэдделл!

Десять часов! Огонь почти угас. Рэдделл принялся пилить стебли. Но он не успевал напилить новых, как костер угасал. Снег в шлеме растаял. Он выпил воду залпом и еще глубже протоштал снег вокруг огня. Закутался в костюм и приник к затухающему костру.

Десять часов!

Ему хотелось сказать им, что костюм замечательный. Да только беда в том, что Венера заставила его вылезти из костюма.

Ветер продолжал реветь над головой, не касаясь Рэдделла в его укрытии. От костра оставался лишь крошечный язычок пламени. Рэдделл в тревоге озирался: хоть бы что-нибудь отыскать для костра на этой равнине.

— Держись, старина. Мы близко. Всего семь с половиной часов! Сожгли все горючее. Да не беда.

Они послали к нам специальный корабль с горючим. Ну, вот мы и здесь.

Яркое пламя полыхнуло на сером небе Венеры и понеслось к молчащей громаде «Элгонквина».

— Ты слышишь нас, парень? Ты жив? Мы уже почти сели.

Корабль сел совсем рядом с «Элгонквином». Трое выбрались из него и спрыгнули в глубокий снег. Четвертый сбросил вниз несколько пар лыж.

— Да, он был прав насчет лыж, верно?

Они стояли все вместе и внимательноглядывались в прибор, который был прикреплен у одного из них на запястье.

— Радио у него еще работает. Пошли!

Они помчались по снегу, в спешке толкая друг друга. Через милю пошли медленнее, но курс держали верный — их вел радиокомпас.

Потом они увидели Рэделла, скорчившегося над крохотным костром. Радио валялось в нескольких ярдах от него, видно, там он его и бросил.

Они подошли вплотную к Рэделлу, и он поднял голову и взглянул на них, пытаясь им улыбнуться.

Их внимание привлек разодранный космический костюм на снегу.

Рэделл поддерживал огонь в костре кусками подкладки самого лучшего и самого дорогое космического костюма из когда-либо созданных человеком.

«ОСОБЫЙ СТАРАТЕЛЬСКИЙ»

Пескоход мягко катился по волнистым дюнам. Его шесть широких колес поднимались и опускались, как грузные крупы упряжки слонов. Невидимое солнце палило сквозь мертвенно-белую завесу небосвода, изливая свой жар на брезентовый верх машины и отражаясь от иссушенных песков.

«Только не засни», — сказал себе Моррисон, направляя по компасу курс пескохода.

Вот уже двадцать первый день он ехал по Скорпионовой пустыне Венеры. Двадцать первый день он боролся со сном за рулем пескохода, который, качаясь из стороны в сторону, переваливал одну песчаную волну за другой. Ехать по ночам было бы полегче, если бы не приходилось то и дело объезжать крутые овраги и валуны величиной с дом. Теперь он понимал, почему в пустыню направлялись группами: один вел машину, а другой тряс его, не давая заснуть.

«Но в одиночку лучше, — напомнил Моррисон сам себе. — Берешь вдвое меньше припасов и не рискуешь случайно оказаться убитым».

Он начал клевать носом и заставил себя рывком поднять голову. Перед ним, за поляроидным ветровым стеклом, все плясало и зыбилось. Пескоход бросало и качало с предательской мягкостью. Моррисон протер глаза и включил радио.

Печатается по изд.: Шекли Р. «Особый старательский»: «Искатель», 1965, № 6. — Пер. изд.: Sheckley R. «Prospector's Special»: The Shards of Space. Bantam, N.Y., 1962

© Gaiaxy Publishing Corporation, 1959

© Перевод на русский язык, А. Иорданский, 1965

Это был рослый, загорелый, мускулистый молодой человек с коротко остриженными черными волосами и серыми глазами. Он наскреб двадцать тысяч долларов и прилетел на Венеру, чтобы здесь, в Скорпионовой пустыне, заработать себе состояние, как это сделали уже многие до него. В Престо — последнем городке на рубеже дикой пустыни — он обзавелся снаряжением и пескоходом, после чего у него осталось всего десять долларов.

Десяти долларов в Престо хватило как раз на то, чтобы выпить в единственном на весь город салуне. Моррисон заказал виски с содовой, выпил с шахтерами и старателями и посмеялся над рассказнями старожилов про стаи пустынных волков и эскадрильи прожорливых птиц, что водились в глубине пустыни. Он знал все о солнечной слепоте, тепловом ударе и о поломке телефона. Он был уверен, что с ним ничего подобного не случится.

Теперь же, пройдя за двадцать один день тысячу восемьсот миль, он научился уважать эту безводную громаду песка и камня площадью втрое больше Сахары. Здесь и в самом деле можно погибнуть!

Но можно и разбогатеть. Именно это и намеревался сделать Моррисон.

Из приемника послышалось гудение. Повернув регулятор громкости до отказа, он едва рассыпал звуки танцевальной музыки из Венусборга. Потом звуки затихли.

Он выключил радио и крепко вцепился обеими руками в руль. Разжав одну руку, он взглянул на часы. Девять пятнадцать утра. В десять тридцать он сделает остановку и вздремнет. В такую жару надо отдыхать. Но не больше чем полчаса. Где-то впереди ждет сокровище, и ему нужно найти его до того, как кончатся припасы.

Там, впереди, должны быть выходы драгоценной золотоносной породы! Вот уже два дня как он напал на ее следы. А что если он наткнется на настоящее месторождение, как Кэрк в восемьдесят девятом году или Эдмондсон и Арслер в девяносто третьем? Тогда он сделает то же, что сделали они: закажет «Особый

старательский» коктейль, сколько бы с него ни содрали.

Пескоход катился вперед, делая неизменные три-надцать миль в час, и Моррисон попытался сосредоточиться на опаленной жаром желтовато-коричневой местности. Вон тот выход песчаника точь-в-точь такого же цвета, как волосы Джейн.

Когда он доберется до богатой залежи, то вернется на Землю, купит себе ферму в океане и они с Джейн поженятся. Хватит с него старательства! Только бы одну богатую находку, чтобы он мог купить кусок глубокого синего Атлантического океана. Кое-кто может считать рыбоводство скучным занятием, но его оно вполне устраивает.

Он живо представил себе, как стада макрелей пасутся, плавая в планктоновых садках, а он сам в маленькой подводной лодке, сопровождаемый верным дельфином, посматривает, не сверкнет ли серебром хищная барракуда и не покажется ли из-за коралловых зарослей серо-стальная акула...

Пескоход бросило вбок. Моррисон очнулся, схватился за руль и изо всех сил повернул его. Пока он дремал, машина съехала с рыхлого гребня дюны. Опасно накренившись, пескоход цеплялся колесами за гребень. Песок и галька летели из-под его широких шин, которые с визгом и воем начали вытягивать машину вверх по откосу. И тут обрушился весь склон дюны.

Моррисон повис на руле. Пескоход завалился на бок и покатился вниз. Песок сыпался в рот и глаза. Отплевываясь, Моррисон не выпускал руля из рук. Потом машина еще раз перевернулась и провалилась в пустоту. Она падала несколько секунд, а потом рухнула на дно сразу всеми колесами. Моррисон услышал, как с гулом лопнули обе задние шины. Он ударился головой о ветровое стекло и потерял сознание.

Очнувшись, он прежде всего взглянул на часы. Они показывали десять тридцать пять.

«Самое время вздремнуть, — сказал себе Моррисон. — Но, пожалуй, лучше я сначала выясню ситуацию».

Он обнаружил, что находится на дне неглубокой впадины, усыпанной острыми камешками. От удара лопнули две шины, разбилось ветровое стекло и сорвало дверцу. Снаряжение было разбросано вокруг, но как будто осталось невредимым.

«Могло быть и хуже», — сказал себе Моррисон.

Он нагнулся и внимательно осмотрел шины.

«Оно и есть хуже», — добавил он.

Обе лопнувшие шины были так изодраны, что починить их было уже невозможно. Запасные колеса он использовал еще десять дней назад, пересекая Чертову Решетку. Использовал и выбросил. Двигаться дальше без шин он не мог.

Моррисон вытащил телефон, стер пыль с черного пластмассового футляра и набрал номер гаража Эдла в Престо. Через секунду засветился маленький видеозадник. Он увидел длинное угрюмое лицо, перепачканное маслом.

— Гараж Эдла. Эдди у аппарата.

— Привет, Эдди. Это Том Моррисон. С месяц назад я купил у вас этот пескоход «Дженерал моторс». Помните?

— Конечно, помню, — ответил Эдл. — Вы тот самый парень, который поехал один по Юго-Западной тропе. Ну как ведет себя таратайка?

— Прекрасно. Замечательная машина. Я вот по какому делу...

— Эй, — перебил его Эдди, — что с вашим лицом?

— Ничего особенного, — сказал он. — Я кувырнулся с дюны, и лопнули две шины.

Он повернул телефон так, чтобы Эдди смог их разглядеть.

— Не починить, — сказал Эдди.

— Так я и думал. А запасные я использовал, когда ехал через Чертову Решетку. Послушайте, Эдди, вы не могли бы телепортировать мне пару шин? Сойдут даже реставрированные. А то без них мне не сдвинуться с места.

— Конечно, — ответил Эдди, — только реставрированных у меня нет. Я телепортирую новые по пятьсот за штуку. Плюс четыреста долларов за те-

лелортировку. Тысяча четыреста долларов, мистер Моррисон.

— Ладно.

— Хорошо, сэр. Если вы покажете мне наличные или чек, я буду действовать.

— В данный момент, — сказал Моррисон, — у меня с собой нет ни цента.

— А счет в банке?

— Исчерпан дочиста.

— Облигации? Недвижимость? Хоть что-нибудь, что можно обратить в наличные?

— Ничего, кроме этого пескохода, который вы продали мне за восемь тысяч долларов. Когда вернусь, рассчитаюсь с вами пескоходом.

— Если вернетесь. Мне очень жаль, мистер Моррисон, но ничего не выйдет.

— Что вы хотите сказать? — спросил Моррисон. — Вы же знаете, что я заплачу за шины.

— А вы знаете законы Венеры, — упрямко сказал Эдди. — Никакого кредита! Деньги на бочку!

— Не могу же я ехать на пескоходе без шин, — сказал Моррисон. — Неужели вы меня здесь бросите?

— Кто это вас бросит? — возразил Эдди. — Со старателями такое случается каждый день. Вы знаете, что делать, мистер Моррисон. Позвоните в компанию «Коммунальные услуги» и объявите себя банкротом. Подпишите бумагу о передаче им остатков пескохода и снаряжения и всего, что вы нашли по дороге. Они вас выручат.

— Я не хочу возвращаться, — ответил Моррисон. — Смотрите.

Он поднес свой аппарат к самой земле.

— Видите, Эдди? Видите эти красные и пурпурные крапинки? Где-то здесь лежит богатая руда!

— Следы находят все, — сказал Эдди.

— Но это богатое место, — настаивал Моррисон. — Следы ведут прямо к чему-то крупному, к большой жиле. Эдди, я знаю, это очень большое одолжение, но если бы вы рискнули ради меня парой шин...

— Не могу, — ответил Эдди. — Я же всего-навсего здешний служащий. Я не могу телепортировать

вам никаких шин, пока вы мне не покажете деньги. Иначе меня выгонят с работы, а может быть, и посадят. Вы знаете закон.

— Деньги на бочку, — мрачно сказал Моррисон.

— Вот именно. Не делайте глупостей и поворачивайте обратно. Может быть, когда-нибудь попробуете еще раз.

— Я двенадцать лет копил эти деньги, — ответил Моррисон. — Я не поверну назад.

Он выключил телефон и попытался что-нибудь придумать. Кому еще здесь, на Венере, он может позвонить? Только Максу Крэндоллу, своему маклеру по драгоценным камням. Но Максу негде взять тысячу четыреста долларов — в своей тесной конторе рядом с ювелирной биржей Венусборга он еле-еле зарабатывает на то, чтобы заплатить домохозяину.

«Не могу я просить Макса о помощи, — решил Моррисон. — По крайней мере до тех пор, пока не найду золото. Настоящее золото, а не просто его признаки. Значит, остается выпутываться самому».

Он открыл задний борт пескохода и начал разгружать его, сваливая снаряжение на песок. Придется отобрать только самое необходимое: все, что он возьмет, предстоит тащить на себе.

Нужно взять телефон, походный набор для анализов. Концентраты, револьвер, компас. И ничего больше, кроме воды, — столько, сколько он сможет унести. Все остальное придется бросить.

К вечеру Моррисон был готов. Он с сожалением посмотрел на остающиеся двадцать баков с водой. В пустыне вода — самое драгоценное имущество человека, если не считать телефона. Но ничего не делаешь. Напившись как следует, он взвалил на плечи мешок и направился на юго-запад, в глубь пустыни.

Три дня он шел на юго-запад, потом, на четвертый день, повернул на юг. Признаки золота становились все отчетливее. Никогда не показывавшееся из-за облаков солнце палило сверху, и мертвенно-белое небо смыкалось над ним, как крыша из раскаленного железа. Моррисон шел по следам золота, а по его следам тоже кто-то шел.

На шестой день он уловил какое-то движение, но это было так далеко, что он ничего не смог разглядеть. На седьмой день он увидел, кто его выслеживает.

Венерианская порода волков, маленьких, худых, с желтой шкурой и длинными, изогнутыми, как будто в усмешке, челюстями, была одной из немногих разновидностей млекопитающих, которые обитали в Скорпионовой пустыне. Моррисон вгляделся и увидел, как рядом с первым волком появились еще два.

Он расстегнул кобуру револьвера. Волки не пытались приблизиться. Времени у них было достаточно.

Моррисон все шел и шел, жалея, что не захватил с собой ружье. Но это означало бы лишние восемь фунтов, а значит, на восемь фунтов меньше воды.

Раскидывая лагерь на закате восьмого дня, он услышал какое-то потрескивание. Он резко повернулся и заметил в воздухе футах в десяти от себя, на высоте чуть больше человеческого роста, маленький вихрь, похожий на водоворот. Вихрь крутился, издавая характерное потрескивание, всегда сопровождавшее телепортацию.

«Кто бы это мог мне что-то телепортировать?» — подумал Моррисон, глядя, как вихрь медленно растет.

Телепортация предметов со стационарного проектора в любую заданную точку была обычным способом передвижения грузов через огромные расстояния Венеры. Телепортовать можно было любой неодушевленный предмет. Одушевленные предметы телепортовать не удавалось, потому что при этом происходили некоторые незначительные, но непоправимые изменения молекулярного строения протоплазмы. Кое-кому пришлось убедиться в этом на себе, когда телепортование только еще входило в практику.

Моррисон ждал. Воздушный вихрь достиг трех футов в диаметре. Из него вышел хромированный робот с большой сумкой.

— А, это ты... — произнес Моррисон.

— Да, сэр, — сказал робот, окончательно высвободившись из вихря, — Уильямс-4 с венерианской почтой к вашим услугам.

Робот был среднего роста, с тонкими ногами и плоскими ступнями, человекоподобный и наделенный добродушным характером. Вот уже двадцать три года он представлял собой все почтовое ведомство Венеры — сортировал, хранил и доставлял письма. Он был построен основательно, и за все двадцать три года почта ни разу не задерживалась.

— Вот и мы, мистер Моррисон, — сказал Уильямс-4. — К сожалению, в пустыню почта заглядывает только дважды в месяц, но уж зато приходит вовремя, а это самое ценное. Вот для вас. И вот. Кажется, есть еще одно. Что, пескоход сломался?

— Ну да, — ответил Моррисон, забирая письма.

Уильямс-4 продолжал рыться в своей сумке. Хотя старый робот был прекрасным почтальоном, он слыл самым большим болтуном на всех трех планетах.

— Где-то здесь было еще одно, — сказал Уильямс-4. — Плохо, что пескоход сломался. Теперь уж пескоходы пошли не те, что во времена моей молодости. Послушайте моего совета, молодой человек. Возвращайтесь назад, если у вас еще есть такая возможность.

Моррисон покачал головой.

— Глупо, просто глупо, — сказал старый робот. — Жаль, что у вас нет моего опыта. Сколько раз мне попадались вот такие парни — лежат себе на песке в высохшем мешке из собственной кожи, а кости изгрызли песчаные волки и грязные черные коршуны. Двадцать три года я доставляю почту прекрасным молодым людям вроде вас, и каждый думает, что он необыкновенный, не такой, как другие. — Зрительные ячейки робота затуманились воспоминаниями. — Но они такие же, как и все, — продолжал Уильямс-4. — Все они одинаковы, как роботы, сошедшие с конвейера, особенно это чувствуешь после того, как с ними разделяются волки. И тогда мне приходится пересыпать их письма и личные вещи их возлюбленным на Землю.

— Знаю, — ответил Моррисон. — Но кое-кто остался в живых, верно?

— Конечно, — согласился робот. — Я видел, как люди составляли себе одно, два, три состояния. А потом умирали в песках, пытаясь составить четвертое.

— Только не я, — ответил Моррисон. — Мне хватит и одного. А потом я куплю себе подводную ферму на Земле.

Робот содрогнулся.

— Ненавижу соленую воду. Но каждому — свое. Желаю удачи, молодой человек!

Робот внимательно осмотрел Моррисона — вероятно, чтобы прикинуть, много ли на нем личных вещей, — и полез обратно в воздушный вихрь. Мгновение — и он исчез. Еще мгновение — исчез и вихрь.

Моррисон сел и принялся читать письма. Первое было от маклера по драгоценным камням Макса Крэндолла. Он писал о депрессии, которая обрушилась на Венусборт, и намекал, что может оказаться банкротом, если кто-нибудь из его старателей не найдет чего-нибудь стоящего.

Второе письмо было уведомлением от Телефонной компании Венеры. Моррисон задолжал за двухмесячное пользование телефоном двести десять долларов и восемь центов. Если эта сумма не будет уплачена немедленно, телефон подлежит отключению.

Последнее письмо, пришедшее с далекой Земли, было от Джейн. Оно было заполнено новостями о его двоюродных братьях, тетках и дядях. Джейн писала о фермах в Атлантическом океане, которые она присмотрела, и о чудном местечке, что она нашла недалеко от Мартиники в Карибском море. Она умоляла его бросить старательство, если оно грозит какой-нибудь опасностью; можно найти и другие способы заработать на ферму. Она писала, что любит его, и заранее поздравляла с днем рождения.

«День рождения? — спросил себя Моррисон. — Погодите, сегодня двадцать третье июля. Нет, двадцать четвертое. А мой день рождения первого августа. Спасибо, что вспомнила, Джейн».

В эту ночь ему снилась Земля и голубые просторы Атлантики. Но под утро, когда жара усилилась, он вообразил многие мили золотых жил, оскаливших зубы песчаных волков и «Особый старательский».

Моррисон продолжал свой путь по дну давно исчезнувшего озера. Камни сменились песком. Потом снова пошли камни, исковерканные и превращенные в тысячи зловещих фигур. Красные, желтые и бурые цвета плыли у него перед глазами. Во всей этой пустыне не было ни одного зеленого пятнышка.

Он продолжал идти в глубь пустыни, в хаотические нагромождения камней, а поодаль, с обеих сторон, за ним, не приближаясь и не отставая, шли волки.

Моррисон не обращал на них внимания. Ему доставляли достаточно забот отвесные скалы и целые поля валунов, преграждавшие путь на юг.

На одиннадцатый день после того как он бросил пескоход, признаки золота стали настолько богатыми, что его уже можно было мыть. Волки все еще преследовали его, и вода была на исходе. Еще один дневной переход — и для него все будет кончено.

Моррисон на мгновение задумался, потом распаковал телефон и набрал номер компании «Коммунальные услуги». На экране появилась суровая, строго одетая женщина с седеющими волосами.

— «Коммунальные услуги», — сказала она. — Чем можем вам помочь?

— Привет, — весело отозвался Моррисон. — Как погода в Венусборге?

— Жарко, — ответила женщина. — А у вас?

— Я даже не заметил, — улыбнулся Моррисон. — Слишком занят: пересчитываю свои богатства.

— Вы нашли золотую жилу? — спросила женщина, и ее лицо немного смягчилось.

— Конечно, — ответил Моррисон. — Но пока никому не говорите. Я еще не оформил заявку. Мне бы наполнить их, — беззаботно улыбаясь, он показал ей свои фляги. Иногда это удавалось. Иногда, если вы вели себя достаточно уверенно, «Коммунальные услуги» давали воду, не проверяя ваш текущий счет. Конечно, это было жульничество, но ему было не до приличий.

— Я полагаю, ваш счет в порядке? — спросила женщина.

— Конечно, — ответил Моррисон, почувствовав, как улыбка застыла на его лице. — Мое имя Том Моррисон. Можете проверить...

— О, этим занимаются другие. Держите крепче флягу. Готово!

Крепко держа флягу обеими руками, Моррисон смотрел, как над ее горлышком тонкой хрустальной струйкой показалась вода, телепортированная за четыре тысячи миль из Венусборга. Струйка потекла во флягу с чарующим журчанием. Глядя на нее, Моррисон почувствовал, как его пересохший рот начал наполняться слюной.

Вдруг вода перестала течь.

— В чем дело? — спросил Моррисон.

Экран видеотелефона померк, потом снова засветился, и Моррисон увидел перед собой худое лицо незнакомого мужчины. Мужчина сидел за большим письменным столом, а перед ним была табличка с надписью: «Милтон П. Рид, вице-президент. Отдел счетов».

— Мистер Моррисон, — сказал Рид, — ваш счет перерасходован. Вы получили воду обманным путем. Это уголовное преступление.

— Я заплачу за воду, — сказал Моррисон.

— Когда?

— Как только вернусь в Венусборг.

— Чем вы собираетесь заплатить?

— Золотом, — ответил Моррисон. — Посмотрите, мистер Рид. Это вернейшие признаки! Вернее, чем были у Кэрка, когда он сделал свою заявку. Еще день — и я найду золотоносную породу...

— Так думает каждый старатель, — сказал мистер Рид. — Всего один день отделяет каждого старателя на Венере от золотоносной породы. И все они расчитывают получить кредит в «Коммунальных услугах».

— Но в данном случае...

— «Коммунальные услуги», — продолжал Рид, — не благотворительная организация. Наш устав запрещает продление кредита. Мистер Моррисон, Венера — еще не освоенная планета, и планета очень далекая. Любое промышленное изделие приходится ввозить сюда с Земли за немыслимую цену. У нас есть своя вода, но найти ее, очистить и потом телепортировать стоит дорого. Наша компания, как и любая другая на Венере, получает крайне малую

прибыль, да и та неизменно вкладывается в расширение дела. Вот почему на Венере не может быть кредита.

— Я все это знаю, — ответил Моррисон. — Но я же говорю вам, что мне нужен только день или два...

— Абсолютно исключено. По правилам мы уже сейчас не имеем права выручать вас. Вы должны были объявить о своем банкротстве неделю назад, когда сломался ваш пескоход. Ваш механик сообщил нам об этом, как требует закон. Но вы этого не сделали. Мы имеем право бросить вас. Вы понимаете?

— Да, конечно, — устало ответил Моррисон.

— Тем не менее компания приняла решение ради вас нарушить правила. Если вы немедленно повернете назад, мы снабдим вас водой на обратный путь.

— Я еще не хочу поворачивать назад. Я почти нашел месторождение.

— Вы должны повернуть назад! Подумайте хо-
рошенько, Моррисон! Что было бы с нами, если бы мы позволили любому старателю рыскать по пустыне и снабжали бы его водой? Туда бы устремились десять тысяч человек, и не прошло бы и года, как мы были бы разорены. Я и так нарушаю правила. Возвращайтесь!

— Нет, — ответил Моррисон.

— Подумайте еще раз. Если вы сейчас не повернете назад, «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность.

Моррисон кивнул. Если он пойдет дальше, то рискует умереть в пустыне. Но что если он вернется? Он окажется в Венусборге без гроша в кармане, кругом в долгах, тщетно разыскивая работу в перенаселенном городе. Ему придется спать в ночлежке и кормиться бесплатной похлебкой вместе с другими старателями, которые повернули обратно. А как он заработает на возвращение на Землю? Когда он снова увидит Джейн?

— Я, пожалуй, пойду дальше, — сказал Моррисон.

— Тогда «Коммунальные услуги» снимают с себя всякую ответственность за вас, — повторил Рид и повесил трубку.

Моррисон уложил телефон, хлебнул глоток из своих скучных запасов воды и снова пустился в путь.

Песчаные волки рысцой бежали с обеих сторон, постепенно приближаясь. С неба его заметил коршун с треугольными крыльями. Коршун день и ночь парил на восходящих потоках воздуха, ожидая, когда волки прикончат Моррисона. Коршуна заменила стая маленьких летучих скорпионов. Они отогнали птицу наверх, в облачный слой. Летучие гады ждали целый день. Потом их, в свою очередь, прогнала стая черных коршунов.

Теперь, на пятнадцатый день после того как он бросил пескоход, признаки золота стали еще обильнее. В сущности, Моррисон как будто шел по поверхности золотой жилы. Безды вокруг должно было быть золото. Но самой жилы он еще не нашел.

Моррисон сел и потряс свою последнюю флягу. Она не издала ни звука. Он отвинтил пробку и опрокинул флягу себе в рот. В его запекшееся горло скатились две капли.

Прошло уже четыре дня с тех пор, как он разговаривал с «Коммунальными услугами». Последнюю воду он выпил вчера. Или позавчера?

Он завинтил пустую флягу и окинул взглядом выжженную жаром местность. Потом он выхватил из мешка телефон и набрал номер Макса Крэндолла.

Круглое, озабоченное лицо Крэндолла появилось на экране.

— Томми, — сказал он, — на кого ты похож?

— Все в порядке, — ответил Моррисон. — Немного высох, и все. Макс, я у самой жилы.

— Ты в этом уверен? — спросил Макс.

— Смотри сам, — сказал Моррисон, поворачивая телефон в разные стороны. — Смотри, какие здесь формации! Видишь вон там красные и пурпурные пятна?

— Верно, признаки золота, — неуверенно согласился Крэндолл.

— Где-то поблизости богатая порода. Она должна быть здесь! — сказал Моррисон. — Послушай, Макс, я знаю, что у тебя туто с деньгами, но я хочу попросить тебя об одолжении. Пошли мне пинту

воды. Всего пинту, чтобы хватило на день или два. Эта пинта может нас обоих сделать богачами.

— Не могу, — грустно сказал Крэндолл.

— Не можешь?

— Нет, Томми, я послал бы тебе воды, даже если бы вокруг тебя не было ничего, кроме песчаника и гранита. Неужели ты думаешь, что я дал бы тебе умереть от жажды, если бы мог что-нибудь поделать? Но я ничего не могу. Взгляни.

Крэндолл повернул свой телефон. Моррисон увидел, что стулья, стол, конторка, шкаф и сейф исчезли из конторы. Остался только телефон.

— Не знаю, почему не забрали и телефон, — сказал Крэндолл. — Я должен за него за два месяца.

— Я тоже, — вставил Моррисон.

— Меня ободрали как липку, — сказал Крэндолл. — Ни гроша не осталось. Пойми, за себя я не волнуюсь. Я могу пытаться и бесплатной похлебкой. Но я не могу телепортировать тебе ни капли воды. Ни тебе, ни Рэмстаатеру.

— Джиму Рэмстаатеру?

— Ага. Он шел по следам золота на севере, за Забытой речкой. На прошлой неделе у его пескохода сломалась ось, а поворачивать назад он не захотел. Вчера у него кончилась вода.

— Я бы поручился за него, если бы мог, — сказал Моррисон.

— И он бы поручился за тебя, если бы мог, — ответил Крэндолл. — Но он не может, и ты не можешь, и я не могу. Томми, у тебя осталась только одна надежда.

— Какая?

— Найди породу. Не просто признаки золота, а настояще месторождение, которое стоило бы настоящих денег. Потом позвони мне. Если это будет в самом деле золотоносная порода, я приведу Уилкса из «Три Плэнет Майнинг» и заставлю его дать нам аванс. Он, вероятно, потребует пятьдесят процентов.

— Но это же грабеж!

— Нет, это просто цена кредита на Венере, — ответил Крэндолл. — Не беспокойся, все равно останется немало. Но сначала нужно найти породу.

— О'кей, — сказал Моррисон. — Она должна быть где-то здесь... Макс, какое сегодня число?

— Тридцать первое июля. А что?

— Просто так. Я позвоню тебе, когда что-нибудь найду.

Повесив трубку, Моррисон присел на камень и тупо уставился в песок. Тридцать первое июля. Завтра у него день рождения. О нем будут думать родные. Тетя Бесс в Пасадене, близнецы в Лос-Анджелесе, дядя Тед в Буранго. И, конечно, Джейн, которая ждет его в Тампа.

Моррисон понял, что, если он не найдет породу, завтрашний день рождения будет для него последним.

Он поднялся, упаковал телефон вместе с пустыми флягами и направился на юг.

Он шел не один. Птицы и звери пустыни шли за ним. Над его головой без конца молча кружились черные коршуны. По сторонам, уже гораздо ближе, его сопровождали песчаные волки, высунув языки в ожидании, когда же он упадет замертво...

— Я еще жив! — заорал на них Моррисон.

Он выхватил револьвер и выстрелил в ближайшего волка. Расстояние было футов двадцать, но он промахнулся. Он встал на одно колено, взял револьвер в обе руки и выстрелил снова. Волк завизжал от боли. Стая немедленно набросилась на раненого, и коршуны устремились вниз за своей долей.

Моррисон сунул револьвер в кобуру и побрел дальше. Он знал, что его организм сильно обезвожен. Окружающие предметы прыгали и плясали перед его глазами, и его шаги стали неверными. Он выбросил пустые фляги, выбросил все, кроме набора для анализов, телефона и револьвера. Или он уйдет из этой пустыни победителем, или не уйдет вообще.

Признаки золота были все такими же обильными. Но он все еще не мог найти никакого ощутимого богатства.

К вечеру он заметил неглубокую пещеру в подножье утеса. Он заполз в нее и устроил поперек входа баррикаду из камней. Потом он вытащил револьвер и оперся спиной о заднюю стену.

Снаружи фыркали и щелкали зубами волки. Моррисон устроился поудобнее и приготовился провести всю ночь настороже.

Он не спал, но и не бодрствовал. Его мучили кошмары и видения. Он снова оказался на Земле, и Джейн говорила ему:

— Это тунцы. У них что-то неладно с питанием. Они все болеют.

— Проклятье, — отвечал Моррисон. — Стоит только приручить рыбу, как она начинает привередничать.

— Ну что ты там философствуешь, когда твои рыбы больны?

— Позвони ветеринару.

— Звонила. Он у Блейков, ухаживает за их молочным китом.

— Ладно. Пойду посмотрю.

Он надел маску и, улыбаясь, сказал:

— Не успеешь обсохнуть, как уже приходится лезть снова.

Его лицо и грудь были влажными.

Моррисон открыл глаза. Его лицо и грудь в самом деле были мокры от пота. Вглядевшись в перегороженное устье пещеры, он насчитал два, четыре, шесть, восемь зеленых глаз.

Он выстрелил в них, но они не отступили. Он выстрелил еще раз, и пуля, отлетев от стенки, осыпала его режущими осколками камня. Продолжая стрелять, он ухитрился ранить одного из волков. Стая разбежалась.

Револьвер был пуст. Моррисон пошарил в карманах и нашел еще пять патронов. Он тщательно зарядил револьвер. Скоро, наверное, рассвет.

Он снова увидел сон — на этот раз ему приснился «Особый старательский». Он слышал рассказы о нем во всех маленьких салунах, окружавших Скорпионову пустыню. Заросшие щетиной пожилые старатели рассказывали о нем сотню разных историй, а видавшие виды бармены добавляли свои варианты. Его заказал Кэрк в восемьдесят девятом году — большой, специально для себя. Эдмондсон и Арслер отведали его в девяносто третьем. Это было несомненно. И другие

заказывали его, сидя на своих драгоценных жилах. По крайней мере так рассказывали.

Но существовал ли он на самом деле? Был ли вообще такой коктейль — «Особый старательский»? Доживет ли он до того, чтобы увидеть это радужное чудо, выше колокольни, больше дома, дороже, чем сама золотоносная порода?

Ну конечно! Вон, он уже почти может его разглядеть.

Моррисон заставил себя очнуться. Наступило утро. Он с трудом выбрался из пещеры навстречу дню.

Он брел и полз к югу, за ним по пятам шли волки, по нему пробегали тени крылатых хищников. Он скреб пальцами камни и песок. Вокруг были обильные признаки золота. Верные признаки!

Но где же в этой заброшенной пустыне золотоносная порода?

Где? Ему уже было почти все равно. Он гнал вперед свое сожженное солнцем, высожшее тело, остановившись только для того, чтобы отпугнуть выпадом подошедших слишком близко волков.

Осталось четыре пули.

Ему пришлось выстрелить еще раз, когда коршуны, которым надоело ждать, начали пикировать ему на голову. Удачный выстрел угодил прямо в стаю, свалив двух птиц. Волки начали грызться над ними. Моррисон, уже ничего не видя, пополз вперед.

И упал с гребня невысокого утеса.

Падение было не опасным, но он выронил револьвер. Прежде чем он успел его найти, волки бросились на него. Только их жадность спасла Моррисона. Пока они дрались над ним, он откатился в сторону и подобрал револьвер. Два выстрела разогнали стаю. После этого у него осталась одна пуля. Придется приберечь ее для себя — он слишком устал, чтобы идти дальше. Он упал на колени. Признаки золота здесь были еще богаче. Они были фантастически богатыми. Где-то здесь совсем рядом...

— Черт меня возьми! — вырвалось у Моррисона.

Небольшой овраг, куда он свалился, был не чем иным, как сплошной золотой жилой.

Он поднял с земли камешек. Даже в необработанном виде камешек весь светился глубоким золотым блеском — внутри него сверкали яркие красные и пурпурные точки.

«Проверь, — сказал себе Моррисон. — Не надо ложных тревог. Не надо миражей и ложных надежд. Проверь».

Рукояткой револьвера он отколол от камня кусочек. С виду это была золотоносная порода. Он достал набор для анализов и капнул на камень белым раствором. Раствор вспенился и позеленел.

— Золотоносная порода, точно! — сказал Моррисон, окидывая взглядом сверкающие склоны оврага. — Эге, я богач!

Он вытащил телефон и дрожащими пальцами набрал номер Крэндолла.

— Макс! — заорал он. — Я нашел! Я нашел настоящее месторождение!

— Меня зовут не Макс, — сказал голос по телефону.

— Что?

— Моя фамилия Бойярд, — сказал голос.

Экран засветился, и Моррисон увидел худого желтолицего человека с тонкими усиками.

— Извините, мистер Бойярд, — сказал Моррисон, — я, наверное, не туда попал. Я звонил...

— Это неважно, куда вы звонили, — сказал мистер Бойярд. — Я участковый контролер Телефонной компании Венеры. Вы задолжали за два месяца.

— Теперь я могу заплатить, — ухмыляясь, заявил Моррисон.

— Прекрасно, — ответил мистер Бойярд. — Как только вы это сделаете, ваш телефон снова будет включен.

Экран начал меркнуть.

— Подождите! — закричал Моррисон. — Я заплачу, как только доберусь до вашей конторы! Но сначала я должен еще раз позвонить. Только один раз, чтобы...

— Ни в коем случае, — решительно ответил мистер Бойярд. — После того как вы оплатите счет, ваш телефон будет немедленно включен.

— Но у меня деньги здесь! — сказал Моррисон. — Здесь, со мной.

Мистер Бойярд помолчал.

— Ладно, это не полагается, но, думаю, мы можем выслать вам специального робота-посыльного, если вы согласны оплатить расходы.

— Согласен!

— Хм... Это не полагается, но я думаю... Где деньги?

— Здесь, — ответил Моррисон. — Узнаете? Это золотоносная порода!

— Мне уже надоели эти фокусы, которые вы, старатели, вечно пытаетесь мне устроить. Показываете горсть камешков...

— Но это на самом деле золотоносная порода! Неужто вы не видите?

— Я служащий, — ответил мистер Бойярд, — а не ювелир. Я не могу отличить золотоносной породы от золототысячника.

Экран погас.

Моррисонlixорадочно пытался дозвониться до конторы. Телефон молчал — не слышно было даже гудения. Он был отключен.

Моррисон положил телефон на землю и огляделся вокруг. Узкий овраг, куда он свалился, тянулся прямо ярдов на двадцать, потом сворачивал влево. В его крутых склонах не было видно ни одной пещеры, ни одного удобного места, где можно было бы устроить баррикаду.

Он услышал сзади какое-то движение. Обернувшись, он увидел, что на него бросается огромный старый волк. Моррисон, ни секунды не раздумывая, выхватил револьвер и выстрелил, размозжив голову зверя.

— Черт возьми, — сказал Моррисон, — я хотел оставить эту пулю для себя.

Он получил отсрочку на несколько секунд и бросился вниз по оврагу в поисках выхода. Золотоносная порода сверкала вокруг красными и пурпурными искрами. А позади бежали волки.

Моррисон остановился. Излучина оврага привела его к глухой стене.

Он прислонился к ней спиной, держа револьвер за ствол. Волки остановились в пяти футах от него, собираясь в стаю для решительного броска. Их было десять или двенадцать, и в узком проходе они сгрудились в три ряда. Вверху кружили коршуны, ожидая своей очереди.

В этот момент Моррисон услышал потрескивание телепортировки. Над головами волков появился воздушный вихрь, и они торопливо попятались назад.

— Как раз вовремя, — сказал Моррисон.

— Вовремя для чего? — спросил Уильямс-4, почтальон.

Робот вылез из вихря и огляделся.

— Ну-ну, молодой человек, — произнес Уильямс-4, — ничего себе, доигрались! Разве я вас не предостерегал? Разве я не советовал вернуться? Помимите-ка!

— Ты был совершенно прав, — сказал Моррисон. — Что мне прислал Макс Крэндолл?

— Макс Крэндолл ничего не прислал, да и не мог прислать.

— Тогда почему ты здесь?

— Потому что сегодня ваш день рождения, — ответил Уильямс-4. — У нас на почте в таких случаях всегда специальная доставка. Вот вам.

Уильямс-4 протянул ему пригоршню писем — поздравления от Джейн, теток, дядей и двоюродных братьев с Земли.

— И еще кое-что есть, — сказал Уильямс-4, роясь в своей сумке. — Должно быть кое-что еще. Постойте... Да, вот.

Он протянул Моррисону маленький пакет.

Моррисон поспешил сорвать обертку. Это был подарок от тети Мины, жившей в Нью-Джерси. Он открыл коробку. Там были соленые конфеты — прямо из Атлантик-Сити.

— Говорят, очень вкусно, — сказал Уильямс-4, глядевший через его плечо. — Но не очень уместно в данных обстоятельствах. Ну, молодой человек, очень жаль, что вам придется умереть в день своего рождения. Самое лучшее, что я могу вам пожелать, — это быстрой и безболезненной кончины.

Робот направился к вихрю.

— Погоди! — крикнул Моррисон. — Не можешь же ты так меня бросить. Я уже много дней ничего не пил. А эти волки...

— Понимаю, — ответил Уильямс-4. — Поверьте, это не доставляет мне никакой радости. Даже у робота есть кое-какие чувства.

— Тогда помоги мне!

— Не могу. Правила почтового ведомства это категорически запрещают. Я помню, в девяносто третьем году меня примерно о том же просил Эбнер Лоти. Его тело потом искали три года.

— Но у тебя есть аварийный телефон? — спросил Моррисон.

— Есть. Но я могу им пользоваться только в том случае, если со мной произойдет авария.

— Но ты хоть можешь отнести мое письмо? Срочное письмо?

— Конечно, могу, — ответил робот. — Я для этого и создан. Я даже могу одолжить вам карандаш и бумагу.

Моррисон взял карандаш и бумагу и попытался собраться с мыслями. Если он напишет срочное письмо Максу, тот получит его через несколько часов. Но сколько времени понадобится ему, чтобы сколотить немного денег и послать ему воды и боеприпасы? День, два? Придется что-нибудь придумать, чтобы продержаться...

— Я полагаю, у вас есть марка? — сказал робот.

— Нет, — ответил Моррисон. — Но я куплю ее у тебя.

— Прекрасно, — ответил робот. — Мы только что выпустили новую серию венусборгских треугольных. Я считаю их большим эстетическим достижением. Они стоят по три доллара штука.

— Хорошо. Очень умеренно. Давай одну.

— Остается решить еще вопрос об оплате.

— Вот! — сказал Моррисон, протягивая роботу кусок золотоносной породы стоимостью тысяч в пять долларов.

Почтальон осмотрел камень и вернул его.

— Извините, но я могу принять только наличные.

— Но это стоит больше, чем тысяча марок! — сказал Моррисон. — Это же золотоносная порода!

— Очень может быть, — ответил Уильямс-4, — но я не запрограммирован на пробирный анализ. А почта Венеры основана не на системе товарного обмена. Я вынужден попросить три доллара бумажками или монетами.

— У меня их нет.

— Очень жаль.

Уильямс-4 повернулся, чтобы уйти.

— Но ты же не можешь просто уйти и бросить меня на верную смерть!

— Не только могу, но и должен, — грустно сказал Уильямс-4. — Я всего только робот, мистер Моррисон. Я был создан людьми и, естественно, наделен некоторыми из их чувств. Так и должно быть. Но есть и предел моих возможностей — в сущности, такой же предел есть и у большинства людей на этой суровой планете. И в отличие от людей я не могу переступить свой предел.

Робот полез в вихрь. Моррисон непонимающим взглядом смотрел на него. Он видел за ним нетерпеливую стаю волков. Он видел неяркое сверкание золотоносной породы стоимостью в несколько миллионов долларов, покрывавшей склоны оврага.

И тут что-то в нем надломилось.

С нечленораздельным воплем Моррисон бросился вперед и схватил робота за ноги. Уильямс-4, наполовину скрывающийся в вихре телепортации, упался, брыкался и почти стряхнул было Моррисона. Но тот вцепился в него как безумный. Дюйм за дюймом он вытащил робота из вихря, швырнув на землю и придавил своим телом.

— Вы нарушаете работу почты, — сказал Уильямс-4.

— Это еще не все, что я собираюсь нарушить, — прорычал Моррисон. — Смерти я не боюсь. Это была моя ставка. Но будь я проклят, если намерен умереть через пятнадцать минут после того, как разбогател!

— У вас нет выбора.

— Есть. Я воспользуюсь твоим аварийным телефоном.

— Это невозможно, — ответил Уильямс-4. — Я отказываюсь извлечь его. А вы сами до него не доберетесь без помощи механической мастерской.

— Возможно, — ответил Моррисон. — Я хочу попробовать.

Он вытащил свой разряженный револьвер.

— Что вы хотите сделать? — спросил Уильямс-4.

— Хочу посмотреть, не смогу ли я раздолбать тебя в металлом без всякой помощи механической мастерской. Думаю, что будет логично начать с твоих зрительных ячеек.

— Это действительно логично, — отвечал робот. — У меня, конечно, нет инстинкта личного самосохранения. Но позвольте заметить, что вы оставите без почтальона всю Венеру. От вашего антиобщественного поступка многие пострадают.

— Надеюсь, — сказал Моррисон, занося револьвер над головой.

— Кроме того, — поспешил добавил робот, — вы уничтожите казенное имущество. Это серьезное преступление.

Моррисон рассмеялся и взмахнул револьвером. Робот сделал быстрое движение головой и избежал удара. Он попробовал вывернуться, но Моррисон навалился ему на грудь всеми двумястами фунтами.

— На этот раз я не промахнусь, — пообещал Моррисон, примериваясь снова.

— Стойте! — сказал Уильямс-4. — Мой долг — охранять казенное имущество, даже в том случае, когда этим имуществом оказываюсь я сам. Можете воспользоваться моим телефоном, мистер Моррисон. Имейте в виду, что это преступление карается заключением не более чем на десять и не менее чем на пять лет в исправительной колонии на Солнечных болотах.

— Давай телефон, — сказал Моррисон.

Грудь робота распахнулась, и оттуда выдвинулся маленький телефон. Моррисон набрал номер Макса Крэндолла и объяснил ему положение.

— Ясно, ясно, — сказал Крэндолл. — Ладно, попробую найти Уилкса. Но, Том, я не знаю, чего я смогу добиться. Рабочий день окончен. Все закрыто...

— Открой! — сказал Моррисон. — Я могу все оплатить. И выручи Джима Ремстаатера.

— Это не так просто. Ты еще не оформил свои права на заявку. Ты даже не доказал, что это месторождение действительно чего-то стоит.

— Смотри, — Моррисон повернул телефон так, чтобы Крэндоллу были видны сверкающие стены оврага.

— Похоже на правду, — заметил Крэндолл. — Но, к сожалению, не все то золотоносная порода, что блестит.

— Что же нам делать? — спросил Моррисон.

— Нужно делать все по порядку. Я телепортирую к тебе общественного маркшайдера. Он проверит твою заявку, определит размеры месторождения и выяснит, не закреплено ли оно за кем-нибудь другим. Дай ему с собой кусок золотоносной породы. Побольше.

— Как мне его отбить? У меня нет никаких инструментов.

— Ты уж придумай что-нибудь. Он возьмет кусок для анализа. Если порода достаточно богата, твоё дело в шляпе.

— А если нет?

— Может, лучше нам об этом не говорить, — сказал Крэндолл. — Я займусь делом, Томми. Желаю удачи.

Моррисон повесил трубку, встал и помог подняться роботу.

— За двадцать три года службы, — произнес Уильямс-4, — впервые нашелся человек, который угрожал уничтожить казенного почтового служащего. Я должен доложить об этом полицейским властям в Венусборге, мистер Моррисон. Я не могу иначе.

— Знаю, — сказал Моррисон. — Но мне кажется, пять или даже десять лет в тюрьме все же лучше, чем умереть.

— Сомневаюсь. Я ведь и туда иду почту. Вы сами увидите все месяцев через шесть.

— Как? — переспросил ошеломленный Моррисон.

— Месяцев через шесть, когда я закончу обход планеты и вернусь в Венусборг. О таком деле нужно

докладывать лично. Но прежде всего нужно разнести почту.

— Спасибо, Уильямс. Не знаю, как мне...

— Я просто исполняю свой долг, — сказал робот, подходя к вихрю. — Если вы через шесть месяцев все еще будете на Венере, я принесу вашу почту в тюрьму.

— Меня здесь не будет, — ответил Моррисон. — Прощай, Уильямс.

Робот исчез в вихре. Потом исчез и вихрь. Моррисон остался один в сумерках Венеры.

Разыскав выступ золотоносной породы чуть больше человеческой головы, он ударил по нему рукояткой револьвера, и в воздухе заплясали мелкие искрящиеся осколки. Спустя час на револьвере появились четыре вмятины, а на блестящей поверхности породы — лишь несколько царапин.

Песчаные волки начали подкрадываться ближе. Моррисон швырнул в них несколько камней и закричал сухим, надтреснутым голосом. Волки отступили.

Он снова взгляделся в выступ и заметил у его основания трещину не толще волоса. Он начал колотить в этом месте. Но камень не поддавался.

Моррисон вытер пот со лба и собрался с мыслями. Клин, нужен клин...

Он снял ремень. Приставив край стальной пряжки, он ударом револьвера вогнал ее в трещину на какую-то долю дюйма. Еще три удара — и вся пряжка скрылась в трещине, еще удар — и выступ отделился от жилы. Отломившийся кусок весил фунтов двадцать. При цене пятьдесят долларов за унцию этот обломок должен был стоить тысяч двенадцать долларов, если только золото будет такое же чистое, каким кажется.

Наступили темно-серые сумерки, когда появился телепортированный общественный маркшайдер. Это был невысокий, приземистый робот, отделанный ста-ромодным черным лаком.

— Добрый день, сэр, — сказал он. — Вы хотите сделать заявку? Обычную заявку на неограниченную добычу?

— Да, — ответил Моррисон.

- А где центр вышеупомянутой заявки?
- Что? Центр? По-моему, я на нем стою.
- Очень хорошо, — сказал робот.

Вытащив стальную рулетку, он быстро отошел от Моррисона на двести ярдов и остановился. Разматывая рулетку, робот ходил, прыгал и лазил по сторонам квадрата с Моррисоном в центре. Окончив обмер, он долго стоял неподвижно.

- Что ты делаешь? — спросил Моррисон.
- Глубинные фотографии участка, — ответил робот. — Довольно трудное дело при таком освещении. Вы не могли бы подождать до утра?

— Нет!

— Ладно, придется повозиться, — сказал робот.

Он переходил с места на место, останавливался, снова шел, снова останавливался. По мере того как сумерки сгущались, глубинные фотографии требовали все большей и большей экспозиции. Робот вспотел бы, если бы только умел это делать.

- Все, — сказал он наконец. — С этим покончено. Вы дадите мне с собой образец?

— Вот он, — сказал Моррисон, взвесив в руке обломок золотоносной породы и протягивая его маркшейдеру. — Все?

— Абсолютно все, — ответил робот. — Если не считать, конечно, того, что вы еще не предъявили мне Поисковый акт.

Моррисон растерянно заморгал.

— Чего не предъявили?

— Поисковый акт. Это официальный документ, свидетельствующий о том, что участок, на который вы претендуете, не содержит радиоактивных веществ до глубины в шестьдесят футов. Простая, но необходимая формальность.

— Я никогда о ней не слыхал, — сказал Моррисон.

— Ее сделали обязательным условием на прошлой неделе, — объяснил маркшейдер. — У вас нет акта? Тогда, боюсь, ваша неограниченная заявка недействительна.

— Что же мне делать?

— Вы можете, — сказал робот, — вместо нее оформить специальную ограниченную заявку. Для этого Поисковый акт не требуется.

— А что это значит?

— Это значит, что через пятьсот лет все права переходят к властям Венеры.

— Ладно! — заорал Моррисон. — Хорошо! Прекрасно! Это все?

— Абсолютно все, — ответил маркшейдер. — Я захвачу этот образец с собой и отдам его на срочный анализ и оценку. По нему и по глубинным фотографиям мы сможем вычислить стоимость вашего участка.

— Пришлите мне что-нибудь отбиться от волков, — сказал Моррисон. — И еды. И послушайте: я хочу «Особый старательский».

— Хорошо, сэр. Все это будет вам телепортировано, если ваша заявка окажется достаточно ценной, чтобы окупить расходы.

Робот влез в вихрь и исчез.

Время шло, и волки снова начали подбираться к Моррисону. Они огрызались, когда тот швырял в них камнями, но не отступали. Разинув пасти, высунув языки, они проползли оставшиеся несколько ярдов.

Вдруг волк, ползший впереди всех, взвыл и отскочил назад. Над его головой появился сверкающий вихрь, из которого упала винтовка, ударив его по передней лапе.

Волки пустились наутек. Из вихря упала еще одна винтовка, потом большой ящик с надписью: «Гранаты. Обращаться осторожно», потом еще один ящик с надписью: «Пустынный рацион К».

Моррисон ждал, вглядываясь в сверкающее устье вихря, который пронесся по небу и остановился неподалеку от него. Из вихря показалось большое круглое медное днище. Устье вихря стало расширяться, пропуская нижнюю часть огромного медного сосуда, которая становилась все шире и шире. Днище уже стояло на песке, а сосуд все рос вверх. Когда наконец он показался весь, в безбрежной пустыне стояла гигантская вычурная медная чаша для пунши. Вихрь поднялся и повис над ней.

Моррисон ждал. Его запекшееся горло саднило. Из вихря показалась тонкая струйка воды и полилась в чашу. Моррисон все еще не двигался.

А потом началось. Струйка превратилась в поток, рев которого разогнал всех коршунов и волков. Целый водопад низвергался из вихря в гигантскую чашу.

Моррисон, шатаясь, побрел к ней. «Надо было попросить флягу», — говорил он себе, охваченный страшной жаждой, ковыляя по песку к чаше. Но вот наконец он встал под «Особым старательским» — выше колокольни, выше дома, наполненным водой, что была дороже самой золотоносной породы. Он повернулся кран у дна чаши. Вода смочила желтый песок и ручейками побежала вниз по дюне.

«Надо было еще заказать чашку или стакан», — подумал Моррисон, лежа на спине и ловя открытым ртом струю воды.

ЗАПОВЕДНАЯ ЗОНА

— Славное местечко, правда, капитан? — с на-
рочитой небрежностью сказал Симмонс, глядя в ил-
люминатор. — С виду прямо рай.

И он зевнул.

— Выходить вам еще рано, — ответил капитан Киллпеппер и увидел, как вытянулась физиономия разочарованного биолога.

— Но, капитан...

— Нет.

Киллпеппер поглядел в иллюминатор на волнистый луг. Трава, усеянная алыми цветами, казалась такой же свежей, как два дня назад, когда корабль совершил посадку. Правее луга пестрел желтыми и оранжевыми соцветьями коричневый лес. Левее вставали холмы, в их окрасе перемежались оттенки голубого и зеленого. С невысокой горы сбегал водопад.

Деревья, цветы и прочее. Что и говорить, недурно выглядит планета, и как раз поэтому Киллпеппер ей не доверяет. На своем веку он сменил двух жен и пять новехоньких кораблей и по опыту знал, что за очаровательной внешностью может скрываться всякое. А пятнадцать лет космических полетов прибавили ему морщин на лбу и седины в волосах, но не дали никаких оснований отказаться от этого недоверия.

Печатается по изд.: Шекли Р. Заповедная зона: Мирры Роберта Шекли. — М.: Мир, 1984. — Пер. изд.: Sheckley R. Restricted Area: The People Trap. Dell, N.Y., 1968

© Ultimate Publishing Corporation, 1953

© Перевод на русский язык, Н. Галь, 1984

— Вот отчеты, сэр.

Помощник капитана Мориней подал Киллепперу пачку бумаг. На широком, грубо вылепленном лице Моринея — нетерпение. Киллеппер услыхал, как за дверью шепчутся и переминаются с ноги на ногу. Он знал, там собралась команда, ждет, что он скажет на этот раз.

Всем до смерти хочется выйти наружу.

Киллеппер перелистал отчеты. Все то же, что в предыдущих четырех партиях. Воздух пригоден для дыхания и не содержит опасных микроорганизмов; бактерий никаких, радиация отсутствует. В соседнем лесу есть какие-то животные, но пока они себя никак не проявляли. Показания приборов свидетельствуют, что на несколько миль южнее имеется большая масса металла, возможно, в горах скрыто богатое рудное месторождение. Надо обследовать подробнее.

— Все прекрасно, — с огорчением сказал Киллеппер. Отчеты вызывали у него неясную тревогу. По опыту он знал — с каждой планетой что-нибудь да неладно. И лучше выяснить это с самого начала, пока не сгряслось беды.

— Может, нам выйти, сэр? — стоя навытяжку, спросил коротышка Мориней.

Киллеппер прямо почувствовал, как команда за дверью затаила дыхание.

— Не знаю. — Киллеппер почесал в затылке, пытаясь найти предлог для нового отказа. Наверняка тут что-нибудь да неладно. — Хорошо, — сказал он наконец. — Покуда выставьте полную охрану. Выпустите четверых. Дальше двадцати пяти футов от корабля не отходить.

Хочешь не хочешь, а людей надо выпустить. Иначе после шестнадцати месяцев полета в жаре и в тесноте они просто взбунтуются.

— Слушаю, сэр! — и помощник капитана выскочил за дверь.

— Полагаю, это значит, что и ученым можно выйти, — сказал Симмонс, сжимая руки в карманах.

— Конечно, — устало ответил Киллеппер. — Я иду с вами. В конце концов, если наша экспедиция и погибнет, невелика потеря.

После шестнадцати месяцев в затхлой, искусственно возобновляемой атмосфере корабля воздух безымянной планеты был упоительно сладок. С гор налетал несильный свежий бодрящий ветерок.

Капитан Киллеппер скрестил руки на груди, пытливо принюхался. Четверо из команды бродили взад-вперед, разминали ноги, глубоко, с наслаждением вдыхали эту свежесть. Ученые сошлись в кружок, гадая, с чего начинать. Симmons нагнулся, сорвал травинку.

— Странная штука, — сказал он, разглядывая травинку на свет.

— Почему странная? — спросил, подходя, Киллеппер.

— А вот посмотрите. — Худощавый биолог поднял травинку повыше. — Все гладко. Никаких следов клеточного строения. Ну-ка, поглядим... — он наклонился к красному цветку.

— Эй! К нам гости! — космонавт по фамилии Флинн первым заметил туземцев. Они вышли из леса и рысцой направились по лугу к кораблю.

Капитан Киллеппер быстро глянул на корабль. Охрана у орудий начеку. Для верности он тронул оружие на поясе и остановился в ожидании.

— Ну и ну! — пробормотал Эреймик.

Лингвист экспедиции, он рассматривал приближающихся туземцев с чисто профессиональным интересом. Остальные земляне просто таращили глаза.

Первым шагало существо с жирафьей шеей не меньше восьми футов в вышину, но на коротких и толстых бегемотовых ногах. У него была веселая, приветливая физиономия. И фиолетовая шкура в крупный белый горошек.

За ним следовали пять белоснежных зверьков размером с терьера, у этих вид был важный и глуповатый. Шествие заключал толстячок красного

цвета с длиннейшим, не меньше шестнадцати футов, зеленым хвостом.

Они остановились перед людьми и поклонились. Долгая минута прошла в молчании, потом раздался взрыв хохота.

Казалось, хохот послужил сигналом. Пятеро белых малышей вскочили на спину жирафопотама. Посутились минуту, потом взобрались друг другу на плечи. И еще через минуту вся пятерка вытянулась вверх, удерживая равновесие, точь-в-точь цирковые акробаты.

Люди бешено зааплодировали.

И сейчас же красный толстячок начал раскачиваться, стоя на хвосте.

— Браво! — крикнул Симмонс.

Пять мохнатых зверьков спрыгнули с жирафьей спины и принялись плясать вокруг зеленохвостого красного поросенка.

— Ура! — крикнул Моррисон, бактериолог.

Жирафопотам сделал неуклюжее сальто, приземлился на одно ухо, кое-как поднялся на ноги и низко поклонился.

Капитан Киллеппер нахмурился, крепко потер руки. Он пытался понять, почему туземцы так странно себя ведут.

А те запели. Мелодия странная, но ясно, что это песня. Так они музшировали несколько секунд, потом раскланялись и начали кататься по траве.

Четверо из команды корабля все еще аплодировали. Эреймик достал записную книжку и записывал звуки, которые издавали туземцы.

— Ладно, — сказал Киллеппер. — Команда, на борт.

Четверо посмотрели на него с упреком.

— Дайте и другим поглядеть, — сказал капитан.

И четверо нехотя гуськом поплелись к люку.

— Надо думать, вы хотите еще к ним присмотреться, — сказал Киллеппер ученым.

— Разумеется, — ответил Симмонс. — Никогда не видел ничего подобного.

Киллеппер кивнул и вернулся в корабль. Навстречу уже выходила другая четверка.

— Мориней! — закричал капитан. Помощник влез в рубку. — Подите поищите, что там за металл. Возьмите с собой одного из команды и все время держите с нами связь по радио.

— Слушаю, сэр, — Мориней широко улыбнулся. — Приветливый тут народ, правда, сэр?

— Да, — сказал Киллеппер.

— Славная планетка, — продолжал помощник.

— Да.

Мориней пошел за снаряжением.

Капитан Киллеппер сел и принял гадать, что же неладно на этой планете.

Почти весь следующий день он провел, разбираясь в новых отчетах. Под вечер отложил карандаш и пошел пройтись.

— Найдется у вас минута, капитан? — спросил Симмонс. — Хочу показать вам кое-что в лесу.

Киллеппер по привычке что-то проворчал, но пошел за биологом. Ему и самому любопытно было поглядеть на этот лес.

По дороге к ним присоединились трое туземцев. Эти очень походили на собак, только вот окраска не та — все трое красные в белую полоску, точно леденцы.

— Ну вот, — сказал Симмонс с плохо скрытым нетерпением, — поглядите кругом. Что тут, по-вашему, странного?

Капитан огляделся. Стволы у деревьев очень толстые, и растут они далеко друг от друга. Так далеко, что между ними видна следующая прогалина.

— Что ж, — сказал Киллеппер, — тут не заблудишься.

— Не в том дело, — сказал Симмонс. — Смотрите еще.

Киллеппер улыбнулся. Симмонс привел его сюда, потому что капитан для него куда лучший слушатель, чем коллеги-ученые, те заняты каждый своим.

Позади прыгали и резвились трое туземцев.

— Тут нет подлеска, — сказал Киллеппер, когда они прошли еще несколько шагов.

По стволам деревьев карабкались вверх какие-то вьющиеся растения, все в многочисленных цветах. Откуда-то слетела птица, на миг повисла, трепеща крылышками, над головой одной из красно-белых, как леденец, собак и улетела.

Птица была серебряная с золотом.

— Ну как, не замечаете, что тут неправильно? — нетерпеливо спросил Симмонс.

— Только очень странные краски, — сказал Киллеппер. — А еще что не так?

— Посмотрите на деревья.

Деревья увешаны были плодами. Все плоды висели гроздьями на самых нижних ветках и поражали разнообразием красок, форм и величины. Были такие, что походили на виноград, а другие — на бананы, и на арбузы, и...

— Видно, тут множество разных сортов, — наугад сказал Киллеппер, он не очень понимал, на что Симмонс хочет обратить его внимание.

— Разные сорта! Да вы присмотритесь. Десять совсем разных плодов растут на одной и той же ветке.

И в самом деле, на каждом дереве — необыкновенное разнообразие плодов.

— В природе так не бывает, — сказал Симмонс. — Конечно, я не специалист, но точно могу определить, что это плоды совсем разных видов, между ними нет ничего общего. Это не разные стадии развития одного вида.

— Как же вы это объясняете? — спросил Киллеппер.

— Я-то объяснять не обязан, — усмехнулся биолог. — А вот какой-нибудь бедняга ботаник хлопот не оберется.

Они повернули назад к кораблю.

— Зачем вы пошли сюда, в лес? — спросил капитан.

— Я? Кроме основной работы я немножко занимаюсь антропологией. Хотел выяснить, где живут наши новые приятели. Не удалось. Не видно ни дорог, ни какой-либо утвари, ни расчищенных участков земли, ничего. Даже пещер нет.

Киллпеппера не удивило, что биолог на досуге занимается еще и антропологическими наблюдениями. В такую экспедицию, как эта, невозможно взять специалистов по всем отраслям знания. Первая забота — о жизни самих астронавтов, значит, нужны люди, сведущие в биологии и в бактериологии. Затем — язык. А уж потом ценятся познания в ботанике, экологии, психологии, социологии и прочее. Когда они подошли к кораблю, кроме прежних животных — или туземцев — там оказалось еще восемь или девять птиц. Все тоже необычайно яркой раскраски — в горошек, в полоску, пестрые. Ни одной бурой или серой.

Помощник капитана Мориней и член команды Флинн выбрались на опушку леса и остановились у подножья невысокого холма.

— Что, надо лезть в гору? — со вздохом спросил Флинн, на спине он тащил громоздкую фотокамеру.

— Придется, стрелка велит, — Мориней ткнул пальцем в циферблат. — Прибор показывает, что как раз за гребнем холма есть большая масса металла.

— Надо бы в полет брать с собой автомашины, — сказал Флинн, сгибаясь, чтобы не так тяжело было подниматься по некрутому склону.

— Ага, или верблюдов.

Над ними пикорвали, парили, весело щебетали красные с золотом пичуги. Ветерок колыхал высокую траву, мягко напевал в листве недальнего леса. За ними шли двое туземцев. Оба очень походили на лошадей, только шкура у них была в белых и зеленых крапинах. Одна лошадь галопом пустилась по кругу, центром круга оказался Флинн.

— Чистый цирк! — сказал он.

— Ага, — подтвердил Мориней.

Они поднялись на вершину и начали было спускаться. И вдруг Флинн остановился.

— Смотри-ка!

У подножья холма стояла тонкая прямая металлическая колонна. Оба вскинули головы. Колонна вздымалась выше, выше, вершину ее скрывали облака.

Они поспешили спуститься с холма и стали осматривать колонну. Вблизи она оказалась солиднее, чем

подумалось с первого взгляда. Около двадцати футов в поперечнике, прикинул Мориней. Металл голубовато-серый, похоже на сплав вроде стали, решил он. Но, спрашивается, какой сплав может выдержать при такой вышине?

— Как, по-твоему, далеко до этих облаков? — спросил он.

Флинн задрал голову.

— Кто его знает, добрых полмили. А может, и вся миля.

При посадке колонну не заметили за облаками, да притом, голубовато-серая, она сливалась с общим фоном.

— Невозможная штука, — сказал Мориней. — Любопытно, какая сила сжатия в этой машине?

Оба в почтительном испуге уставились на исполинскую колонну.

— Что ж, — сказал Флинн, — буду снимать.

Он спустил с плеч камеру, сделал три снимка на расстоянии в двадцать футов, потом, для сравнения, снял рядом с колонной Моринея. Следующие три снимка он сделал, направив объектив кверху.

— По-твоему, что это такое? — спросил Мориней.

— Это пускай наши умники соображают, — сказал Флинн. — У них, пожалуй, мозга за мозгу заскочит. — И опять взвалил камеру на плечи. — А теперь надо топать обратно. — Он взглянул на зеленых с белым лошадей. — Приятней бы, конечно, верхом.

— Ну-ну, валай, сломишь себе шею, — сказал Мориней.

— Эй, друг, поди сюда, — позвал Флинн.

Одна из лошадей подошла и опустилась подле него на колени. Флинн осторожно забрался ей на спину. Уселся верхом и ухмыляясь поглядел на Моринея.

— Смотри не расшиби аппарат, — предостерег Мориней, — это государственное имущество.

— Ты славный малый, — сказал Флинн лошади. — Ты умница.

Лошадь поднялась на ноги и улыбнулась.

— Увидимся в лагере, — сказал Флинн и направил своего коня к холму.

— Погоди минутку, — сказал Мориней. Хмуро поглядел на Флинна, потом поманил вторую лошадь. — Поди сюда, друг.

Лошадь опустилась подле него на колени, и он уселся верхом.

Минуту-другую они на пробу ездили кругами. Лошади повиновались каждому прикосновению. Их широкие спины оказались на диво удобными. Одна красная с золотом пичужка опустилась на плечо Флинна.

— Ого, вот это жизнь, — сказал Флинн и похлопал своего коня по шелковистой шее. — Давай к лагерю, Мориней, кто доскачет первым.

— Давай, — согласился Мориней.

Но как ни подбадривали они коней, те не желали переходить на рысь и двигались самым неспешным шагом.

Киллпер сидел на корточках возле корабля и наблюдал за работой Эреймика. Лингвист был человек терпеливый. Его сестры всегда удивлялись братину терпению. Коллеги неизменно воздавали хвалу этому его достоинству, а в годы, когда он преподавал, его за это ценили студенты. И теперь ему понадобились все запасы выдержки, накопленные за шестнадцать лет.

— Хорошо, попробуем еще раз, — сказал Эреймик спокойнейшим тоном. Перелистал «Разговорник для общения с инопланетянами второго уровня разумности» (он сам же и составил этот разговорник), нашел нужную страницу и показал на чертеж.

Животное, сидящее рядом с Эреймиком, походило на невообразимую помесь бурундука с гималайским медведем пандой. Одним глазом оно покосилось на чертеж. Другой глаз нелепо вращался в глазнице.

— Планета, — сказал Эреймик и показал пальцем. — Планета.

Подошел Симмонс.

— Извините, капитан, я хотел бы тут поставить рентгеновский аппарат.

— Пожалуйста.

Киллеппер подвинулся, освобождая биологу место для его снаряжения.

— Планета, — повторил Эреймик.

— Элам вессел холам крам, — приветливо проромотал бурундука-панда.

Черт подери, у них есть язык. Они произносят звуки, несомненно что-то означающие. Стало быть, надо только найти почву для взаимопонимания. Овладели ли они простейшими отвлеченными понятиями? Эреймик отложил книжку и показал пальцем на бурундука-панда.

— Животное, — сказал он и посмотрел выжидательно.

— Придержи его, чтоб не шевелился, — попросил Симмонс и навел на туземца рентгеновский аппарат. — Вот так, хорошо. Еще несколько снимков.

— Животное, — с надеждой повторил Эреймик.

— Ифул бифул бокс, — сказало животное. — Хо-фул тофул локс, рамадан, самдуран, ифул бифул бокс.

Терпение, напомнил себе Эреймик. Держаться уверенно. Бодрее. Не падать духом.

Он взял другой справочник. Этот назывался «Разговорник для общения с инопланетянами первого уровня разумности».

Он отыскал нужную страницу и отложил книжку. С улыбкой поднял указательный палец.

— Один, — сказал он.

Животное подалось вперед и понюхало палец.

Эреймик хмуро улыбнулся, выставил второй палец.

— Два, — сказал он. И, выставив третий палец: — Три.

— Углекс, — неожиданно заявило животное.

Так они обозначают число «один»?

— Один, — еще раз сказал Эреймик и опять показал указательным пальцем.

— Вересеревеф, — благодушно улыбаясь, ответило животное.

Неужели это — еще одно обозначение числа «один»?

— Один, — снова сказал Эреймик.

— Севеф хевеф улуд крам, араган, билаган, хомус драм. — запел бурундука-панда.

Потом поглядел на трепыхающиеся под ветерком страницы «Разговорника» и опять перевел взгляд на лингвиста, который с замечательным терпением подавил в себе желание придушить этого зверя на месте.

Когда вернулись Мориней с Флинном, озадаченный капитан Киллпеппер стал разбираться в их отчете. Пересмотрел фотографии, старательно, в подробностях изучал каждую.

Металлическая колонна — круглая, гладкая, явно искусственного происхождения. От народа, способного сработать и воздвигнуть такую штуку, можно ждать неприятностей. Крупных неприятностей.

Но кто поставил здесь эту колонну? Уж, конечно, не веселое глупое зверье, которое вертится вокруг корабля.

— Так вы говорите, вершина колонны скрыта в облаках? — переспросил Киллпеппер.

— Да, сэр, — сказал Мориней. — Этот чертов шест, наверно, вышиной в целую милю.

— Возвращайтесь туда, — распорядился капитан. — Возьмите с собой радар. Возьмите, что надо для инфракрасной съемки. Мне нужен снимок верха этой колонны. Я хочу знать точно, какой она вышины и что там наверху. Да побыстрей.

Флинн и Мориней вышли из рубки.

Киллпеппер с минуту рассматривал еще не прохожие снимки, потом отложил их. Одолеваемый смутными опасениями, прошел в корабельную лабораторию. Какая-то бессмысленная планета, вот что тревожно. На горьком опыте Киллпеппер давно убедился: во всем на свете есть та или иная система. Если ее вовремя не обнаружишь, тем хуже для тебя.

Бактериолог Моррисон был малорослый унылый человечек. Сейчас он казался просто придатком к своему микроскопу.

— Что-нибудь обнаружили? — спросил Киллпеппер.

Моррисон поднял голову, прищурился и замигал.

— Обнаружил полное отсутствие кое-чего, — сказал он. — Обнаружил отсутствие черт знает какой прорвы кое-чего.

— То есть?

— Я исследовал образцы цветов, — сказал Моррисон, — и образцы почвы, брал пробы воды. Пока ничего определенного, но наберитесь храбрости.

— Набрался. А в чем дело?

— На всей планете нет никаких бактерий.

— Вот как? — только и нашелся сказать капитан.

Новость не показалась ему такой уж потрясающей. Но по лицу и тону бактериолога можно было подумать, будто вся планета состоит из зеленого сыра.

— Да, вот так. Вода в ручье чище дистиллированной. Почва на этой планете стерильней прокипяченного скальпеля. Единственные микроорганизмы — те, что привезли с собой мы. И они вымирают.

— Каким образом?

— В составе здешней атмосферы я нашел три дезинфицирующих вещества, и, наверное, есть еще десяток, которых я не обнаружил. То же с почвой и с водой. Вся планета стерилизована!

— Ну и ну, — сказал Киллеппер. Он не вполне оценил смысл этого сообщения. Его все еще одолевала тревога из-за стальной колонны. — А что это, по-вашему, означает?

— Рад, что вы спросили, — сказал Моррисон. — Да, я очень рад, что вы об этом спросили. А означает это просто-напросто, что такой планеты не существует.

— Бросьте.

— Я серьезно. Без микроорганизмов никакая жизнь невозможна. А здесь отсутствует важное звено жизненного цикла.

— Но планета, к несчастью, существует, — Киллеппер мягко повел рукой вокруг. — Есть у вас какие-нибудь другие теории?

— Да, но сперва я должен покончить со всеми образцами. Хотя кое-что я вам скажу, может быть, вы сами подберете этому объяснение.

— Ну-ка.

— Я не нашел на этой планете ни одного камешка. Строго говоря, это не моя область, но ведь каждый из нас, участников экспедиции, в какой-то мере мастер на все руки. Во всяком случае, я кое-что смыслю в геологии. Так вот, я нигде не видел ни единого камешка или булыжника. Самый маленький, по моим расчетам, весит около семи тонн.

— Что же это означает?

— А, вам тоже любопытно? — Моррисон улыбнулся. — Прошу извинить. Мне надо успеть до ужина закончить исследование образцов.

Перед самым заходом солнца были проявлены рентгеновские снимки всех животных. Капитана ждало еще одно странное открытие. От Моррисона он уже слышал, что планета, на которой они находятся, существовать не может. Теперь Симмонс заявил, что не могут существовать здешние животные.

— Вы только посмотрите на снимки, — сказал он Киллепперу. — Смотрите. Видите вы какие-нибудь внутренние органы?

— Я плохо разбираюсь в рентгеновских снимках.

— А вам и незачем разбираться. Просто смотрите.

На снимках видно было немного костей и два-три каких-то органа. На некоторых можно было различить следы нервной системы, но большинство животных словно бы состояло из однородного вещества.

— Такого внутреннего строения и на дождевого червя не хватит, — сказал Симмонс. — Невозможная упрощенность. Нет ничего, что соответствовало бы легким и сердцу. Нет кровообращения. Нет мозга. Нервной системы кот наплакал. А когда есть какие-то органы, в них не видно ни малейшего смысла.

— И ваш вывод...

— Эти животные не существуют, — весело сказал Симмонс.

В нем было сильно чувство юмора, и мысль эта пришла ему по вкусу. Забавно будет напечатать научную статью о несуществующем животном.

Мимо, вполголоса ругаясь, шел Эреймик.

— Удалось разобраться в их наречии? — спросил Симмонс.

— Нет! — выкрикнул Эреймик, но тут же смущился и покраснел. — Извините. Я их проверял на всех уровнях разумности, вплоть до класса ББ-3. Это уровень развития амебы. И никакого отклика.

— Может быть, у них совсем отсутствует мозг? — предположил Киллеппер.

— Нет. Они способны проделывать цирковые трюки, а для этого требуется некоторая степень разумности. У них есть какое-то подобие речи и явная система рефлексов. Но что им ни говори, они не обращают на тебя внимания. Только и знают, что поют песенки.

— По-моему, всем нам надо поужинать, — сказал капитан. — И, пожалуй, не помешает глоток-другой подкрепляющего.

Подкрепляющего за ужином было вдоволь. После полудюжины глотков ученые несколько пришли в себя и смогли наконец рассмотреть кое-какие предположения. Они сопоставили полученные данные.

Установлено: туземцы — или животные — лишены внутренних органов, систем размножения и пищеварения. Налицо не менее трех дюжин разных видов, и каждый день появляются новые.

То же относится к растениям.

Установлено: планета свободна от каких-либо микробов — явление из ряда вон выходящее — и сама себя поддерживает в состоянии стерильности.

Установлено: у туземцев имеется язык, но они явно не способны кого-либо ему научить. И сами не могут научиться чужому языку.

Установлено: нигде вокруг нет мелких или крупных камней.

Установлено: имеется гигантская стальная колонна высотой не меньше полукилометра, точнее удастся определить, когда будут проявлены новые снимки. Никаких следов машинной цивилизации не обнаружено, однако эта колонна явно продукт такой цивилизации. Стало быть, кто-то эту колонну сработал и здесь поставил.

— Сложите все факты вместе — и что у вас получится? — спросил Киллпеппер.

— У меня есть теория, — сказал Моррисон. — Красивая теория. Хотите послушать?

Все сказали, что хотят, промолчал один Эреймик, он все еще маялся от того, что не сумел расшифровать язык туземцев.

— Как я понимаю, эта планета кем-то создана искусственно. Иначе не может быть. Ни одно племя не может развиться без бактерий. Планету создали существа, обладающие высочайшей культурой, те же, что воздвигли тут стальную колонну. Они сделали планету для этих животных.

— Зачем? — спросил Киллпеппер.

— Вот в этом-то и красота, — мечтательно сказал Моррисон. — Чистый альтруизм. Поглядите на туземцев. Беззаботные, игривые. Не знают никакого насилия, свободны от каких-либо дурных привычек. Разве они не заслуживают отдельного мира? Мира, где им можно играть и развиваться и где всегда лето?

— И правда, очень красиво, — сказал Киллпеппер, сдерживая усмешку. — Но...

— Здешний народ — напоминание, — продолжал Моррисон. — Весь всем, кто попадет на эту планету, что разумные существа могут жить в мире.

— У вашей теории есть одно уязвимое место, — возразил Симмонс. — Эти животные не могли развиться естественным путем. Вы видели рентгеновские снимки.

— Да, верно, — мечтатель в Моррисоне вступил в короткую борьбу с биологом и потерпел поражение. — Может быть, они роботы.

— Вот это, по-моему, и есть объяснение, — сказал Симмонс. — Как я понимаю, то же племя, которое создало стальную колонну, создало и этих животных. Это слуги, рабы. Знаете, они, пожалуй, даже думают, что мы и есть их хозяева.

— А куда девались настоящие хозяева? — спросил Моррисон.

— Почем я знаю, черт возьми? — сказал Симмонс.

— И где эти хозяева живут? — спросил Киллпеппер. — Мы не обнаружили ничего похожего на жилье.

— Их цивилизация ушла так далеко вперед, что они не нуждаются в машинах и домах. Их жизнь непосредственно слита с природой.

— Тогда на что им слуги? — безжалостно спросил Моррисон. — И зачем они построили эту колонну?

В тот вечер готовы были новые снимки стальной колонны, и ученые жадно принялись их исследовать. Высота колонны оказалась около мили, вершину скрывали плотные облака. Наверху, по обе стороны, под прямым углом к колонне выдавались длинные, в восемьдесят пять футов выступы.

— Похоже на наблюдательный пункт, — сказал Симмонс.

— Что они могут наблюдать на такой высоте? — спросил Моррисон. — Там, кроме облаков, ничего не увидишь.

— Может быть, они любят смотреть на облака, — заметил Симмонс.

— Я иду спать, — с отвращением сказал капитан.

Наутро Киллпеппер проснулся с ощущением: что-то неладно. Он оделся и вышел из корабля. Ветерок — и тот доносил какое-то неуловимое неблагополучие. Или просто разыгрались нервы?

Киллпеппер покачал головой. Он доверял своим предчувствиям. Они означали, что у него в подсознании завершился некий ход рассуждений.

Возле корабля как будто все в порядке. И животные тут же, лениво бродят вокруг.

Киллпеппер свирепо поглядел на них и обошел корабль кругом. Ученые уже взялись за работу, они пытались разгадать тайны планеты. Эреймик пробовал понять язык серебристо-зеленого зверька со скорбными глазами. В это утро зверек был необычно вял. Он еле

слышно бормотал свои песенки и не удостаивал Эреймика вниманием.

Киллеппер вспомнилась Цирцея. Может быть, это не животные, а люди, которых обратил в зверей какой-нибудь злой волшебник? Капитан отмахнулся от нелепой фантазии и пошел дальше.

Команда не замечала перемены по сравнению со вчерашним. Все пошли к водопаду купаться. Киллеппер отрядил двоих провести микроскопический анализ стальной колонны.

Колонна тревожила его больше всего. Ученых она, видно, нисколько не занимала, но капитан этому не удивлялся. У каждого свои заботы. Вполне понятно, что для лингвиста на первом месте язык здешнего народа, а ботаник ищет ключ к загадкам планеты в деревьях, приносящих несусветное разнообразие плодов.

Ну а сам-то он что думает? Капитан Киллеппер перебирал свои догадки. Ему необходима обобщающая теория. Есть же какая-то единая основа у всех этих непонятных явлений.

Какая тут подойдет теория? Почему на планете нет микробов? Почему нет камней? Почему, почему, почему? Наверняка всему есть более или менее простое объяснение. Оно почти уже нашупывается — но не до конца.

Капитан сел в тени корабля, прислонился к опоре и попробовал собраться с мыслями.

Около полудня к нему подошел Эреймик. И один за другим швырнул свои лингвистические справочники о бок корабля.

— Выдержка, — заметил Киллеппер.

— Я сдаюсь, — сказал Эреймик. — Эти скоты теперь уже вовсе не обращают на меня внимания. Они больше почти и не разговаривают. И перестали показывать фокусы.

Киллеппер поднялся и подошел к туземцам. Да, прежней живости как не бывало. Они слоняются вокруг, такие вялые, словно дошли до крайнего ис-тощения.

Тут же стоит Симмонс и что-то помечает в за-писной книжке.

— Что случилось с нашими приятелями? — спросил Киллеппер.

— Не знаю, — сказал Симмонс. — Может быть, они были так возбуждены, что провели бессонную ночь.

Жирафопотам неожиданно сел. Медленно перевалился на бок и замер.

— Странно, — сказал Симмонс. — Я еще ни разу не видал, чтобы кто-нибудь из них лег.

Он нагнулся над упавшим животным, прислушался, не бьется ли сердце. И через несколько секунд выпрямился.

— Никаких признаков жизни, — сказал он.

Еще два зверька, покрытые блестящей черной шерстью, опрокинулись наземь.

— О Господи, — кинулся к ним Симмонс. — Что же это делается?

— Боюсь, я знаю, в чем причина, — сказал, выходя из люка, Моррисон, он страшно побледнел. — Микробы. Капитан, я чувствую себя убийцей. Думаю, этих бедных зверей убили мы. Помните, я вам говорил, что на этой планете нет никаких микроорганизмов? А сколько мы сюда занесли! Бактерии так и хлынули от нас к новым хозяевам. А хозяева, не забудьте, лишены какой-либо сопротивляемости.

— Но вы же говорили, что в атмосфере содержатся разные обезвреживающие вещества?

— По-видимому, они действуют недостаточно быстро, — Моррисон наклонился и осмотрел одного зверька. — Я уверен, причина в этом.

Все остальные животные, сколько их было вокруг корабля, падали наземь и лежали без движения. Капитан Киллеппер тревожно озирался.

Подбежал, задыхаясь, один из команды. Он был еще мокрый после купания у водопада.

— Сэр, — задыхаясь, начал он. — Там у водопада... животные...

— Знаю, — сказал Киллеппер. — Верните людей сюда.

— И еще, сэр, — продолжал тот. — Водопад... понимаете, водопад...

— Ну-ну, договаривайте.

— Он остановился, сэр. Он больше не течет.

— Верните людей, живо!

Купальщик кинулся обратно к водопаду. Киллпеппер огляделся по сторонам, он сам не знал, что высматривает. Вот стоит коричневый лес, там все тихо. Слишком тихо.

Кажется, он почти уже нашел разгадку...

Он вдруг осознал, что мягкий, ровный ветерок, который непрерывно овевал их с первой минуты высадки на планете, замер.

— Что за чертовщина, что такое происходит? — беспокойно произнес Симмонс.

Они направились к кораблю.

— Как будто солнце светит слабее? — прошептал Моррисон.

Полной уверенности не было. До вечера еще очень далеко, но, казалось, солнечный свет и вправду меркнет.

От водопада спешили люди, поблескивали мокрые тела. По приказу капитана один за другим скрывались в корабле. Только ученые еще стояли у входного люка и осматривали затихшую округу.

— Что же мы натворили? — спросил Эреймик. От вида валяющихся замертво животных его пробирала дрожь.

По склону холма большими прыжками по высокой траве неслись те двое, что ходили к колонне, — неслись так, будто за ними гнался сам дьявол.

— Ну, что еще? — спросил Киллпеппер.

— Чертова колонна, сэр, — выговорил Мориней. — Она поворачивается! Эта машина в милю высотой, из металла неведомо какой крепости — и поворачивается!

— Что будем делать? — спросил Симмонс.

— Возвращаемся в корабль, — пробормотал Киллпеппер.

Да, разгадка совсем близко. Ему нужно еще только одно небольшое доказательство. Еще только одно...

Все животные повскакали на ноги! Опять, трепеща крыльями, высоко взмыли красные с серебром птицы. Жирафопотам поднялся, фыркнул и пустился наутек.

За ним побежали остальные. Из леса через луг хлынул поток невиданного, невообразимого зверя.

Все животные мчались на запад, прочь от землян.

— Быстрее в корабль! — закричал вдруг Киллеппер.

Вот она, разгадка. Теперь он знал, что к чему, и только надеялся, что успеет вовремя увести корабль подальше от этой планеты.

— Скорей, черт побери! Готовьте двигатели к пуску! — кричал он ошарашенным людям.

— Так ведь вокруг раскидано наше снаряжение, — возразил Симмонс. — Не понимаю, почему такая спешка...

— Стрелки, к орудиям! — рявкнул Киллеппер, подталкивая ученых к люку.

Внезапно на западе замаячили длинные тени.

— Капитан, но мы же еще не закончили исследования...

— Скажите спасибо, если останетесь живы, — сказал капитан, когда все вошли в корабль. — Вы что, еще не сообразили? Закрыть люк! Все закупорить наглухо!

— Вы имеете в виду вертящуюся колонну? — спросил Симмонс, он налетел в коридоре на Моррисона, споткнулся и едва не упал. — Что же, надо думать, какой-то высокоразвитый народ...

— Эта вертящаяся колонна — ключ в боку планеты, — сказал Киллеппер, почти бегом направляясь к рубке. — Ключ, которым ее заводят. Так устроена вся планета. Животные, реки, ветер — у всего кончился завод.

Он торопливо задал автопилоту нужную орбиту.

— Пристегнитесь, — сказал он. — И соображайте. Место, где на ветках висят лакомые плоды. Где нет ни единого вредного микробы, где не споткнешься ни об единий камешек. Где полным-полно удивительных, забавных, ласковых зверюшек. Где все рассчитано на то, чтобы радовать и развлекать... Детская площадка!

Ученые во все глаза уставились на капитана.

— Эта колонна — заводной ключ. Когда мы, не званные, сюда заявились, завод кончился. Теперь кто-то съезжает снова заводит планету.

За иллюминатором по зеленому лугу на тысячи футов протянулись тени.

— Держитесь крепче, — сказал Киллеппер и нажал стартовую клавишу. — В отличие от игрушечных зверюшек я совсем не жажду встретиться с детками, которые здесь резвятся. А главное, я отнюдь не жажду встречаться с их родителями.

БЕЗЫМЯННАЯ ГОРА

Когда Моррисон вышел из штабной палатки, Денг-наблюдатель посапывал в шезлонге, приоткрыв во сне рот. Моррисон осторожно обошел его, чтобы не нареком не разбудить. Неприятностей и так хватало.

Ему предстояло принять делегацию аборигенов, тех самых, что барабанили в скалах. А потом проконтролировать уничтожение безымянной горы. Его помощник, Эд Лернер, находился уже на месте. Но прежде необходимо разобраться с последним происшествием.

Когда он пришел на строительную площадку, был полдень, и рабочие отдыхали, привалившись к своим гигантским машинам, жуя бутерброды и потягивая кофе. Все выглядело обыденно, однако Моррисон достаточно долго руководил перестройкой планет, чтобы не заметить дурных признаков. Никто его не поддевал, никто не заводил разговоров.

На сей раз пострадал бульдозер «Оуэн». В кабине осевшей на мосты машины дожидались два водителя.

— Как это произошло? — спросил Моррисон.

— Не знаю, — ответил водитель, вытирая заливающий глаза пот. — Дорога словно вспушилась.

Моррисон хмыкнул и пнул громадное колесо «Оуэна». Бульдозер мог свалиться с двадцатифутовой скалы — и даже бампер у него не погнулся бы. Это

Печатается по изд: Шекли Р. Безымянная гора: Современная фантастика. — М.: Книжная палата, 1988. — Пер. изд.: Sheckley R. The Mountain Without a Name: Citizen in Space. Ballantine, N.Y., 1955.

© Robert Sheckley, 1955

© Перевод на русский язык, Б. Белкин, 1985

была одна из самых прочных машин. И вот уже пятая выходит из строя.

— Здесь все идет кувырком, — сплюнул второй водитель.

— Вы теряете осторожность, — сказал Моррисон. — Тут не Земля. С какой скоростью вы ехали?

— От силы пятнадцать миль в час, — ответил первый водитель.

— Ага, — иронично поддакнул Моррисон.

— Святая правда! Дорога будто вспутилась, а потом провалилась...

— Ясно, — сказал Моррисон. — Когда до вас дойдет, что тут не скоростное шоссе? Я штрафую обоих на половину дневного заработка.

Он повернулся и зашагал прочь. Пусть лучше злятся на него, но забудут свой суеверный страх перед этой планетой.

Моррисон направился к безымянной горе. Из лачуги радиста высунулась голова.

— Тебя, Морри. Земля.

Даже при полном усилении голос мистера Шоттуэлла, председателя правления «Транстерран Стил», был едва слышен.

— Что вас задерживает?

— Происшествия, — коротко доложил Моррисон.

— Новые происшествия?

— Увы, сэр, да.

Наступило молчание.

— Но почему, Моррисон? Спецификация указывает мягкий грунт и терпимые условия. Разве не так?

— Так, — нехотя признал Моррисон. — Полоса неудач. Но мы ее осилим.

— Надеюсь, — сказал Шоттуэлл. — Искренне надеюсь. Вы торчите почти месяц и не то что города — дороги не построили! У нас уже пошла реклама, публика интересуется. Туда собираются ехать люди. Моррисон! Промышленность и предприятия сферы обслуживания!

— Я понимаю, сэр.

— Безусловно, понимаете. Но они требуют готовую планету и конкретные сроки переезда. Если их не дадим мы, то даст «Дженерал Констракшн», или

«Земля-Марс», или «Джонсон и Герн». Планеты — не такая редкость. Это тоже понятно?

С тех пор как начались происшествия, Моррисон с трудом держал себя в руках. Теперь его внезапно прорвало.

— Какого черта вы от меня требуете?! — заорал он. — Думаете, я затягиваю специально? Можете засунуть свой паршивый контракт...

— Ну-ну, — поспешил заюлил Шотуэлл. — Лично к вам, Моррисон, у нас нет никаких претензий. Мы верим — мы знаем! — что вы лучший специалист по перестройке планет. Но акционеры...

— Я сделаю все, что в моих силах, — сказал Моррисон и дал отбой.

— Да... — протянул радиост. — Может, господа акционеры сами изволят пожаловать сюда со своими лопатами?..

Лернер ждал на Контрольном Пункте, мрачно взирая на гору. Она была выше земного Эвереста. Снег на склонах в лучах полуденного солнца отливал розовым.

— Заряды установлены? — спросил Моррисон.

— Еще несколько часов. — Лернер замялся. Помощник Моррисона был осторожным, низеньким, седеющим человеком и — в душе — противником радикальных перемен. — Высочайшая вершина на планете... Нельзя ее сохранить?

— Исключено. Именно тут нам нужен океанский порт.

Лернер кивнул и с сожалением посмотрел на гору.

— Печально. На ней никто не побывал.

Моррисон молниеносно обернулся и кинул на помощника испепеляющий взгляд.

— Послушай, Лернер, я отлично сознаю, что на горе никто не побывал, я вижу символику, заключающуюся в ее уничтожении. Но ты знаешь не хуже меня, что от этого никуда не деться. Зачем расгравлять рану?

— Я не...

— Мне платят не за пейзажи. Я терпеть не могу пейзажи! Мне платят за то, чтобы я приспосабливал планеты к конкретным нуждам людей.

— Ты сегодня нервный, — произнес Лернер.

— Просто воздержись от своих намеков.

— Ну хорошо.

Моррисон вытер вспотевшие ладони о штаны и виновато улыбнулся.

— Давай вернемся в лагерь и посмотрим, что затевает этот проклятый Дэнг.

Выходя, Лернер оглянулся на безымянную гору, красным контуром вырисовывавшуюся на горизонте.

Даже планета была безымянной. Немногочисленное местное население называло ее Умха или Онья, но это не имело ровно никакого значения. Официальное название появится не раньше, чем рекламщики «Гранстерран Стил» подыщут что-нибудь приятное на слух для миллионов потенциальных поселенцев. Тем временем она значилась просто как Рабочий Объект 35. На планете находилось несколько тысяч людей и механизмов; по команде Моррисона они станут разравнивать горы, сводить леса, изменять русла рек, растапливать ледяные шапки, лепить континенты, рыть новые моря — словом, делать все, чтобы превратить Рабочий Объект 35 в еще один подходящий дом для уникальной и требовательной цивилизации гомо сапиенс.

Десятки планет были перестроены на земной манер. Рабочий Объект 35 ничем из них не выделялся, тихий мир спокойных лесов и равнин, теплых морей и покатых холмов. Но что-то неладное творилось на кроткой земле. Происшествия, выходящие за пределы любых статистических вероятностей, порождали нервность у рабочих, а та, в свою очередь, вызывала новые и новые происшествия. Бульдозеристы дрались со взрывниками. У повара над чаном картофельного пюре случилась истерика. Спаниель счетовода укусил за лодыжку бухгалтера. Пустяки вели к беде.

А работа — незамысловатая работа на незамысловатой планете — едва началась.

Дэнг уже проснулся. Он сидел в штабной палатке и прищурившись глядел на стакан виски с содовой.

— Как идут дела? — бодро поинтересовался он.

— Прекрасно, — отозвался Моррисон.

— Рад слышать, — с чувством сказал Дэнг. — Мне нравится наблюдать, как вы, ребята, трудитесь. Эффективно. Безошибочно. Все спорится. Любо-дорого смотреть.

Моррисон не имел власти над этим человеком и его языком. Кодекс строителей разрешал присутствие представителей других компаний — в целях «обмена опытом». На практике представитель выискивал не передовую методику, а скрытые слабости, которыми могла воспользоваться его фирма... А если ему удавалось довести руководителя стройки до белого каления — тем лучше. Дэнг был непревзойденным мастером в этом деле.

— Что теперь? — живо поинтересовался он.

— Мы сносим гору, — сообщил Лернер.

— Блестяще! — воскликнул Дэнг. — Ту здоровую? Потрясающе! — Он откинулся на спинку и мечтательно уставился в потолок. — Эта гора стояла, когда Человек рылся в грязи в поисках насекомых и жадно поедал то, чем побрезговал саблезубый тигр. Господи, да она гораздо старше! — Дэнг залился счастливым смехом и сделал глоток из стакана. — Эта гора высилась над морем, когда Человек — я имею в виду весь благородный вид «гомо сапиенс» — еще ползal в океане, не решаясь выйти на сушу.

— Достаточно, — процедил Моррисон.

Дэнг посмотрел на него с укоризной.

— Но я горжусь вами, Моррисон, я горжусь всеми вами. Мы далеко ушли с тех пор. То, на что природе потребовались миллионы лет, человек может стереть в порошок в один день! Мы растащим эту милую горку по частям и возведем на ее месте город-позму из стекла и бетона, который простоят сто лет!

— Заткнитесь! — с перекошенным лицом зарычал Моррисон и шагнул вперед. Лернер предостерегающе опустил ему на плечо руку. Ударить наблюдателя — верный способ остаться без работы.

Денг допил виски и высокопарно провозгласил:

— Посторонись, Мать Природа! Трепещите, вы, древние скалы и крутые холмы, ропщи от страха, о могучий океан, чьи бездонные глубины в вечной тишине бороздят жуткие чудовища! Ибо Великий Моррисон пришел, чтобы осушить море и сделать из него мирный пруд, сровнять горы и построить из них двенадцатиполосное скоростное шоссе с комнатами отдыха вместо деревьев, столовыми вместо утесов, бензозаправочными станциями вместо пещер, рекламными щитами вместо горных ручьев, а также другими хитроумными сооружениями, необходимыми божественному Человеку.

Моррисон резко повернулся и вышел. Он почувствовал искушение разукрасить Денгу физиономию и развязаться со всей чертовой работой. Но он не поступит так, потому что именно этого Денг и добивался.

И разве стоило бы так расстраиваться, если бы в словах Денга не было доли правды? — спросил себя Моррисон.

— Нас ждут аборигены, — напомнил Лернер, догнав шефа.

— Сейчас мне не до них, — сказал Моррисон. Но с далеких холмов донеслись свистки и бой барабанов. Еще один источник раздражения для его несчастных работников. У Северных Ворот стояли три аборигена и переводчик. Местные жители походили на людей — костлявые, голые первобытные дикари.

— Чего они хотят? — устало спросил Моррисон.

— Попросту говоря, мистер Моррисон, они передумали, — сказал переводчик. — Они хотят получить назад свою планету и готовы вернуть все наши подарки.

Моррисон вздохнул. Он затруднялся втолковать им, что Рабочий Объект 35 не был «их» планетой. Планетой нельзя владеть — ее можно лишь занимать. Суд вершила необходимость. Эта планета скорее

приналежала некоторым миллионам земных переселенцев, которым она требовалась отчаянно, чем сотни тысяч дикарей, разбросанных по ее поверхности. Так, по крайней мере, считали на Земле.

— Расскажите им снова о великолепной резервации, которую мы подготовили. Их будут кормить, одевать, учить...

Беззвучно подошел Дент.

— Мы ошеломим их добротой, — добавил он. — Каждому мужчине — наручные часы, пара ботинок и государственный семенной каталог. Каждой женщине — губную помаду, целый кусок мыла и комплект настоящих бумажных штор. Каждой деревне — железнодорожную станцию, магазин и...

— Вы препятствуете работе, — заметил Моррисон. — Причем при свидетелях.

Дент знал правила.

— Простите, дружище, — произнес он и отступил назад.

— Они говорят, что передумали, — повторил переводчик. — Буквально выражаясь, они велят нам убиваться к себе на дьявольскую землю в небеса. Не то они уничтожат нас ужасными чарами. Священные барабаны уже призывают духов и готовят заклятья.

Моррисон с жалостью посмотрел на аборигенов. Что-то наподобие этого происходило на каждой планете с коренным населением. Те же самые бесмысленные угрозы дикарей. Дикарей, которые отличались гипертрофированным чувством собственного величия и не имели ни малейшего представления о силе техники. Великие хвастуны. Великие охотники на местные разновидности кроликов и мышей. Изредка человек пятьдесят соберутся вместе и набросятся на несчастного усталого буйвола, загнав его до изнеможения, прежде чем посмеют приблизиться, чтобы замучить до смерти булавочными уколами тупых копий. А потом какие закатывают празднования!.. Какими героями себя мнят!

— Передайте, чтобы убирались к черту, — сказал Моррисон. — Передайте, что если они подойдут к лагерю, то на собственной шкуре испытают кое-какие настоящие чары.

— Они пророчат страшную кару в пяти категориях сверхъестественного! — крикнул вслед переводчик.

— Используйте это в своей докторской диссертации, — посоветовал Моррисон, и переводчик лукезарно улыбнулся.

Наступило время уничтожения безымянной горы. Лернер отправился с последним обходом; Дэнг носился со схемой расположения зарядов. Потом все отошли назад. Взрывники скрючились в своих окопчиках. Моррисон пошел на Контрольный Пункт.

Один за другим рапортовали о готовности руководители групп. Фотограф сделал заключительный снимок.

— Внимание! — скомандовал по радио Моррисон и снял с предохранителя взрывное устройство.

— Взгляни на небо, — проговорил Лернер.

Моррисон поднял взгляд. Сгущались сумерки. С запада появились черные облака и быстро затянули коричневатое небо. На лагерь опустилась тишина; замолчали даже барабаны на холмах.

— Десять секунд... пять, четыре, две, одна — пошла! — закричал Моррисон и вдавил кнопку. В этот миг он почувствовал на щеке слабый ветерок. И тут же схватился за кнопку, инстинктивно пытаясь возвратить содеянное.

Потому что еще до того, как раздались крики, он понял, что в расположении зарядов допущена кошмарная ошибка.

Позже, оставшись в одиночестве в палатке, после того как похоронили мертвых, а раненых отнесли в лазарет, Моррисон попробовал восстановить события. Это была, разумеется, случайность: внезапная перемена направления ветра, неожиданная хрупкость породы под поверхностным слоем и преступная глупость в установлении бустерных зарядов именно там, где они могли причинить наибольший вред.

Еще один случай в цепочке невероятностей, сказал он себе... и резко выпрямился.

Ему в голову впервые пришло, что все происшествия могли быть организованы.

Чушь!.. Но перестройка планет — тонкая работа, с виртуозной балансировкой могучих сил. Происшествия неизбежны. Если им еще помочь, они приобретут катастрофический характер.

Моррисон поднялся и стал мерить шагами узенький проход палатки. Подозрение с очевидностью падало на Денга. Конкурентные страсти могли завести далеко. Докажи он, что «Транстерран Стил» некомпетентна, работы проводятся небрежно, в аварийных условиях, — и заказ достанется компании Денга.

Но это чересчур очевидно. Доверять нельзя никому. Даже у неприметного Лернера могли быть свои причины. Возможно, стоит обратить внимание наaborигенов и их чары — почем знать, вдруг это проявление психокинетических способностей.

Он подошел к выходу и посмотрел на разбросанные вокруг палатки, где жили его рабочие. Кто виноват?

С холмов доносился слабый бой неуклюжих барабанов бывших владельцев планеты. И прямо впереди высилась иссеченная шрамами лавин безымянная гора.

Ночью Моррисон долго не мог уснуть.

На следующий день работа продолжалась как обычно. Денг, подтянутый и собранный, в брюках цвета хаки и розовой офицерской рубашке, подошел к колонне грузовиков с химикатами для сведения болот.

— Привет, шеф! — бодро начал он. — Я бы с удовольствием поехал с ними, если не возражаете.

— Извольте, — вежливо согласился Моррисон.

— Премного благодарен. Обожаю подобные операции, — сообщил Денг, забираясь в кабину головной машины рядом с картографом. — Такого сортаope-

рации наполняют меня чувством гордости за человеческий род. Мы поднимаем эту бесполезную болотную целину, сотни квадратных миль, и в один прекрасный день поля пшеницы заколосятся там, где торчал камыш.

— Ты взял карту? — спросил Моррисон у десятника Ривьера.

— Вот она, — сказал Лернер, передавая карту.

— Да... — громогласно восхищался Денг. — Болота — в пшеничные поля. Дух захватывает! Чудо науки. И что за сюрприз для обитателей болот! Вообразите испуг сотен видов рыб, земноводных, птиц, когда они обнаружат, что их водяной рай внезапно отвердел. Буквально отвердел вокруг них; фатальное невезение. Зато, разумеется, превосходное удобрение для пшеницы.

— Что ж, двинулись, — приказал Моррисон. Денг игриво замахал провожающим. Ривьера влез в грузовик. Флинн, десятник-химик, ехал в своем джипе.

— Подождите, — сказал Моррисон и подошел к джипу. — Я хочу, чтобы вы последили за Денгом.

— Последить? — непонимающе уставился Флинн.

— Ну да. — Моррисон нервно потер руки. — Поймите, я никого не обвиняю. Но происходит слишком много случайностей. Если кому-то выгодно представить нас с дурной стороны...

Флинн по-волчьи улыбнулся.

— Я послежу за ним, босс. Не волнуйтесь за эту операцию. Может быть, он составит компанию своим рыбкам под пшеничными полями.

— Без грубостей, — предупредил Моррисон.

— Боже упаси. Я прекрасно вас понимаю. — Десятник нырнул в джип и с ревом умчался к голове колонны. Полчаса процессия грузовиков взметала пыль, а потом последний исчез вдали. Моррисон вернулся в палатку, чтобы составить отчет о ходе работ.

И обнаружил, что не может оторваться от рации, ожидая сообщения Флинна. Хоть бы Денг что-нибудь натворил! Какую-нибудь мелкую пакость, доказывая

свою вину. Тогда у Моррисона было бы полное право разорвать его на части.

Прошло два часа, прежде чем ожила радио, и Моррисон расшиб колено, кинувшись к ней при звуке зуммера.

— Это Ривьера. У нас неприятности, мистер Моррисон. Головная машина сбилась с курса. Не спрашивайте, как это произошло. Я полагал, что картограф знает свое дело. Платят ему достаточно.

— Что случилось?! — закричал Моррисон.

— Должно быть, въехали на тонкую корку. Она треснула. Внизу грязь, перенасыщенная водой. Потеряли все, кроме шести грузовиков.

— Флинн?

— Мы настелили понтоны и многих вытащили, но Флинна не спасли.

— Хорошо, — тяжело произнес Моррисон. — Высылаю за вами вездеходы. Да, и вот что. Не спускайте глаз с Денга.

— Это будет трудновато, — сказал Ривьера.

— Почему?

— Видите ли, он сидел в головной машине. У него не было ни малейшего шанса.

Атмосфера в лагере была накалена до предела. Новые потери ожесточили и озлобили людей. Избили пекаря, потому что хлеб имел странный привкус, и едва не линчевали гидробиолога за то, что он слонялся без дела у чужого оборудования. Но этим не удовлетворились и стали подглядывать за деревушкой аборигенов.

Дикари устроили поселение в скалах рядом с рабочим лагерем — гнездо пророков и колдунов, собравшихся проклинать демонов с неба. Их барабаны гремели день и ночь. У людей чесались руки стереть всю эту братию в порошок, просто чтобы прекратить шум.

Моррисон активизировал работы. Дороги строились и через неделю рассыпались. Привезенная

пища портилась с катастрофической скоростью, а есть местные продукты никто не хотел. Во время грозы молния ударила в генератор, нагло обойдя громоотводы, установленные самим Лернером. Возникший пожар охватил пол-лагеря, а близлежащие ручьи пересохли самым загадочным образом.

Предприняли вторую попытку взорвать безымянную гору. В результате возник обвал, причем в неожиданном месте. Пятеро рабочих, тайком выпивавших на склоне, были засыпаны камнями. После этого взрывники отказались устанавливать на горе заряды.

И снова вызвала Земля.

— Но что именно вам мешает? — спросил Шотуэлл.
— Говорю вам, не знаю, — ответил Моррисон.
— Вы не допускаете возможность саботажа? — немного помолчав, предположил Шотуэлл.
— Вероятно, — сказал Моррисон. — Все это никак не объяснить естественными причинами. При желании, нам можно сильно нагадить: сбить с курса колонну, переставить заряды, повредить громоотводы...
— Кого вы подозреваете?

— У меня здесь пять тысяч человек, — медленно произнес Моррисон.

— Я знаю. Теперь слушайте внимательно. Правление решило предоставить вам неограниченные полномочия. Для выполнения работы вы имеете право делать все, что угодно. Если надо, заприте пол-лагеря. Если считаете необходимым, уничтожьте аборигенов. Примите все и всяческие меры. Любые ваши действия не будут поставлены вам в вину и не повлекут ответственности. Мы готовы даже уплатить более чем солидное вознаграждение. Но работа должна быть выполнена.

— Я знаю, — сказал Моррисон.

— Но вы не знаете, какое значение приобрел Рабочий Объект 35. По секрету могу сообщить, что компания потерпела ряд неудач в других местах. Мы чересчур завязали, чтобы бросить эту планету. Вы просто обязаны довести дело до конца. Любой ценой.

— Сделаю все, что в моих силах, — сказал Моррисон и дал отбой.

В тот день взорвался склад горючего. Десять тысяч галлонов Д-12 были уничтожены, охрана погибла.

— Тебе дьявольски повезло, — мрачно проговорил Моррисон.

— Еще бы. — Под слоем грязи и пота лицо Лернера было серым. Он плеснул себе в стакан. — Okажись я там на десять минут позже, и мне крышка.

— Чертовски удачно, — задумчиво пробормотал Моррисон.

— Ты знаешь, — продолжал Лернер, — мне показалось, что почва раскалена. Не может это быть проявлением вулканической деятельности?

— Нет, — сказал Моррисон. — Наши геологи обнюхали здесь каждый сантиметр. Под нами гранитная плита.

— Гмм... Морри, возможно, тебе следует убрать аборигенов.

— Зачем?

— Единственный неконтролируемый фактор. В лагере все следят друг за другом. Остаются только местные! В конце концов, если допустить, что паранормальные способности...

Моррисон кивнул.

— Иными словами, ты допускаешь, что взрыв устроили колдуны?

Лернер нахмурился, глядя на лицо Моррисона.

— Психокинез. На это стоит обратить внимание.

— А если так, — размышлял Моррисон, — то аборигены могут все, что угодно. Сбить с курса колонну...

— Полагаю.

— Так что же они тянут? — спросил Моррисон. — Взорвали бы нас к чертовой матери без церемоний, и все!

— Возможно, у них есть ограничения...

— Ерунда. Слишком замысловатая теория. Гораздо проще предположить, что нам кто-то вредит. Может быть, посулили миллион конкуренты. Может быть,

чокнутый. Но он должен быть кем-то из руководства. Из тех, кто проверяет схемы расположения зарядов, устанавливает маршруты, отправляет рабочие группы...

— Ты что же, подразумеваешь...

— Я ничего не подразумеваю, — отрезал Моррисон. — А если ошибаюсь, прости. — Он вышел из палатки и подозвал двух рабочих. — Заприте его где-нибудь, да проследите, чтобы он оставался под замком.

— Ты превышаешь свою власть.

— Безусловно.

— И ты не прав. Ты не прав, Морри.

— В таком случае, извини.

Он махнул рабочим, и Лернера увели.

Через два дня пошли лавины. Геологи ничего не могли понять. Выдвигались предположения, что повторные взрывы вызвали трещины в коренной подстилающей породе, трещины расширялись...

Моррисон упорно пытался ускорить работы, но люди начали отбиваться от рук. Пошла молва о летающих тарелках, огненных дланях в небе, говорящих животных и разумных машинах. Подобные речи собирали множество слушателей. Ходить по лагерю стало опасно. Добровольные стражи стреляли по любой тени.

Моррисон был не особенно удивлен, когда однажды ночью обнаружил, что лагерь опустел.

Через некоторое время в его палатку вошел Ривьера.

— Ожидается неприятности. — Он сел и закурил сигарету.

— У кого?

— У аборигенов. Ребята отправились в их деревню.

Моррисон кивнул.

— С чего началось?

Ривьера откинулся на спинку стула и глубоко затянулся.

— Знаете этого сумасшедшего Чарли? Того, что вечно молится? Он побожился, что видел у своей палатки одного местного. По его словам, тот заявил: «Вы сдохнете. Все вы, земляне, сдохнете». А потом исчез.

— В столбе дыма?

— Ага. — Ривьера оскалился. — Вот именно, в столбе дыма.

Моррисон знал, о ком идет речь. Типичный истерик. Классический случай.

— Кого они собирались уничтожать? Ведьм? Или пси-суперменов?

— Знаете, мистер Моррисон, по-моему, это их не особенно волнует.

Издалека донесся громкий раскатистый звук.

— Они брали взрывчатку? — спросил Моррисон.

— Понятия не имею. Наверное.

Это дикость, подумал Моррисон, паническое поведение толпы. Дэнг ухмыльнулся бы и сказал: «Когда сомневаешься, всегда стреляй. Лучше перестраховаться».

Моррисон поймал себя на том, что испытывает облегчение. Хорошо, что его люди решились. Скрытый пси-талант... кто знает.

Через полчаса до лагеря добрали первые рабочие, молчаливые, понурые.

— Ну? — произнес Моррисон. — Всех прикончили?

— Нет, сэр, — выдавил один из рабочих. — Мы до них даже не добрались.

— Что случилось? — спросил Моррисон, с трудом сдерживая панику.

Люди все подходили. Они стояли тихо, опустив глаза.

— Что случилось?! — заорал Моррисон.

— Мы были на полдороге, — ответил рабочий. — Потом сошла лавина.

— Многих покалечило?

— Из наших никого. Но она засыпала их деревню.

— Это плохо, — мягко проговорил Моррисон.

— Да, сэр. — Люди молчали, неотрывно глядя на него. — Что нам делать, сэр?

Моррисон на миг плотно сжал веки.

— Возвращайтесь к палаткам и будьте наготове.

Фигуры растаяли во тьме.

— Приведите Лернера, — сказал Моррисон на вопросительный взгляд Ривьера.

Как только Ривьера вышел, он повернулся к рации и стал вызывать в лагерь все группы. Им завладело недоброе предчувствие, так что, когда через полчаса налетел торнадо, это не застало его врасплох. Он сумел увести людей в корабли, прежде чем сдуло палатки.

Лернер ввалился во временную штаб-квартиру в радиорубке флагманского корабля.

— Что происходит?

— Я скажу тебе, что происходит, — ответил Моррисон. — В десяти милях отсюда проснулась гряда потухших вулканов. Идет мощнейшее извержение. Метеорологи сообщают о приближении приливной волны, которая затопит половину континента. Зарегистрированы первые толчки землетрясения. И это только начало.

— Но что это?! — воскликнул Лернер. — Чем это вызвано?

— Земля на связи? — спросил Моррисон у радиостанции.

— Вызываю.

В комнату ворвался Ривьера.

— Подходят последние две группы, — доложил он.

— Когда все будут на борту, дайте мне знать.

— Что здесь творится? — закричал Лернер. — Это тоже моя вина?

— Прости меня, — произнес Моррисон.

— Что-то поймал, — сказал радиостанция. — Сейчас...

— Моррисон! — не выдержал Лернер. — Говори!!

— Я не знаю, как объяснить. Это слишком чудовищно для меня. Денг — вот кто мог бы сказать тебе.

Моррисон прикрыл глаза и представил перед собой Денга. Тот насмешливо улыбался. «Вы являетесь свидетелями завершения саги об амебе, которая во-зомнила себя Богом. Выйдя из океанских глубин, сверхамеба, величающая себя Человеком, решила, что раз у нее есть серое вещество под названием мозг, то она превыше всего. И, придя к такому выводу, амеба убивает морскую рыбу и лесного зверя, убивает без счета, ни капли не задумываясь о целях Природы. А потом сверлит дыры в горах, и попирает стонущую землю тяжелыми городами, и прячет зеленую траву

под бетонной коркой. А потом, размножившись несметно, сверх всякой меры, космическая амеба устремляется на другие миры и там сносит горы, утюжит равнины, сводит леса, изменяет русла рек, растапливает полярные шапки, лепит материки и оскверняет планеты. Природа стара и нетороплива, но она и не умоляма. И вот неизбежно наступает пора, когда природе надоедает самонадеянная амеба с ее претензиями на богоподобие. И, следовательно, приходит время, когда планета, чью поверхность терзает амеба, отвергает ее, выплевывает. В тот день, к полному своему удивлению, амеба обнаруживает, что жила лишь по терпеливой снисходительности сил, лежащих вне ее воображения, наравне с тварями лесов и болот, не хуже цветов, не лучше семян, и что Вселенной нет дела до того, жива она или мертва, что все ее хвастливые достижения не больше чем след паука на песке».

— Что это?.. — взмолился Лернер.

— Я думаю, что планета нас больше терпеть не будет, — сказал Моррисон. — Я думаю, ей надоело.

— Земля на связи! — воскликнул радист. — Да-вай, Морри.

— Шотуэлл? Послушайте, мы сматываем удочки, — закричал Моррисон в трубку. — Я спасаю людей, пока еще есть время. Не могу вам объяснить сейчас и не уверен, что смогу когда-нибудь...

— Планету вообще нельзя использовать? — перебил Шотуэлл.

— Нет. Абсолютно никакой возможности. Я надеюсь, что это не отразится на репутации фирмы...

— О, к черту репутацию фирмы! — сказал Шотуэлл. — Дело в том... Вы не имеете понятия, что здесь творится, Моррисон. Помните наш гобийский проект? Полный крах. И не только у нас. Я не знаю. Я просто не знаю. Прошу меня извинить, я говорю бессвязно, но с тех пор как затонула Австралия...

— Что?! — взревел Лернер.

— Пожалуй, мы должны были заподозрить что-то, когда начались ураганы, однако землетрясения...

— А Марс? Венера? Альфа Центавра?

— Везде то же самое. Но ведь это не конец, правда, Моррисон? Человечество...

— Алле! Алле! — закричал Моррисон. — Что случилось? — спросил он у радиста.

— Связь прервалась. Я попробую снова.

— А черт с ними, — выговорил Моррисон. В эту секунду влетел Ривьера.

— Все на борту, — выпалил он. — Шлюзы закрыты. Мы готовы, мистер Моррисон.

Все смотрели на него. Моррисон обмяк в кресле и растерянно улыбнулся.

— Мы готовы, — повторил он. — Но куда нам податься?

ЗАЙЦ

Я подъехал к Марсопорту через несколько часов после того, как прибыл корабль с Земли. На его борту находились буры с алмазными коронками — заказ на них я оформил больше года назад. Мне хотелось заявить свои права на эти буры, пока их никто не перехватил. Я вовсе не хочу сказать, что их могли украсть; все мы тут, на Марсе, джентльмены и ученые. Однако здесь всякая мелочь достается с трудом, а украсть по праву первого — это традиционный способ, каким джентльмены-ученые добывают необходимое оборудование.

Едва я успел погрузить буры в джип, как подъехал Карсон из Горной группы, размахивая чрезвычайно срочным, весьма аварийным ордером. К счастью, у меня хватило соображения выписать сверхсрочный ордер у директора Бэрка. Карсон воспринял свою неудачу с такой учтивостью, что я подарил ему три буры.

Он понесся на своем скутере по красным пескам Марса, которые так красиво выходят на цветных фотографиях и так безбожно забивают двигатели.

Я подошел к земному кораблю: меня вовсе не волновали космолеты, просто я хотел взглянуть на нечто еще не примелькавшееся.

Тут я увидел зайца.

Печатается по изд.: Шекли Р. Заяц: Паломничество на Землю. — М.: Мир, 1966. — Пер. изд.: Sheckley R. Deadhead: Pilgrimage to Earth. Bantam, N. Y., 1957

© Galaxy Publishing Corporation, 1955

© Перевод на русский язык, Н. Евдокимова, 1966

Он стоял возле космолета и смотрел на красный песок, на опаленные посадочные шахты, на пять зданий Марсопорта; глаза у него были огромные, словно блюдца. На его лице, казалось, было написано: «Марс! Вот это да!»

Мысленно я застонал. В тот день мне предстояло столько работы, что и за месяц не переделать. А заяц входил в мою компетенцию. Как-то в приливе не-свойственной ему фантазии директор Бэрк сказал мне: «Талли, ты умеешь обращаться с людьми. Ты в них понимаешь. Они тебя любят. Поэтому назначаю тебя главой службы безопасности на Марсе».

Это надо было понимать так, что в мое ведение передаются зайцы.

В данном случае заяц выглядел лет на двадцать. Роста в нем было свыше шести футов, а тощего мяса на костях — от силы на сто фунтов. В здоровом марсианском климате его нос успел стать ярко-красным. У зайца были большие, с виду нескладные руки и большие ступни. В бодрящей марсианской атмосфере он ловил воздух ртом, как рыба, выброшенная из воды. Респиратора у него, естественно, не было. У зайцев никогда не бывает респираторов.

Я подошел к нему и спросил:

— Ну и как же тебе здесь нравится?

— Госпо-ди-и! — сказал он.

— Потрясающее ощущение, не правда ли? — спросил я. — Наяву стоять на взаправдашней, всамделишной чужой планете.

— И не говорите! — произнес, задыхаясь, заяц. От кислородного голодания он весь посинел — весь, кроме кончика носа. Я решил проучить его — пусть еще чуть-чуть помучится.

— Ты, значит, тайком забрался на этот грузовой корабль, — сказал я. — Прокатиться без билета на изумительный, чарующий, экзотический Марс.

— Ну, меня вряд ли можно назвать безбилетником, — проговорил он, судорожно пытаясь набрать воздух в легкие. — Я вроде как бы... вроде как бы...

— Вроде как бы сунул капитану взятку, — докончил я за него.

К этому времени он уже еле-еле стоял на своих длинных, тощих ногах. Я вытащил запасной респиратор и нахлобучил ему на нос.

— Пошли, заяц, — сказал я. — Найду тебе что-нибудь перекусить. Потом у нас с тобой будет серьезный разговор.

По дороге в кают-компанию я придерживал его за руку: он так пялил глаза на все вокруг, что неминуемо обо что-нибудь споткнулся бы и сломал бы это «что-нибудь». В кают-компании я повысил давление воздуха и разогрел зайцу свинину с бобами.

Он с жадностью проглотил еду, откинулся в кресле, и рот у него растянулся от уха до уха.

— Меня зовут Джонни. Джонни Франклин, — сказал он. — Марс! Прямо не верится, что я и вправду здесь.

Так говорят все зайцы — те, что остаются в живых после перелета. Ежегодно делается примерно десять попыток, но лишь один или два человека умудряются выжить. Они ведь невероятные идиоты. Несмотря на проверки службы безопасности, зайцы каким-то образом прокрадываются на борт фрахтовика.

Корабли стартуют с ускорением порядка двадцати г, и зайца, у которого нет специальных средств защиты, сплющивает в лепешку. Если он при этом и уцелеет, его прикончит радиация. Или же он задохнется в невентилируемом трюме, не успев добраться до каюты пилота.

У нас тут есть специальное кладбище, исключительно для зайцев.

Однако время от времени кто-нибудь ухитряется выжить и вступает на Марс с большими надеждами и глазами, сияющими, как звезды.

Разочаровывать их приходится не кому иному, как мне.

— Зачем же ты приехал на Марс? — спросил я.

— Я вам объясню, — сказал Франклин. — На Земле приходится поступать, как все люди. Надо думать, как все, и делать, как все, не то окажешься под замком.

Я кивнул.

Сейчас, впервые в истории человечества, на Земле все спокойно. Мир во всем мире, единое всемирное правительство, мировое процветание. Власти стремятся сохранить все как есть. Мне кажется, что они заходят слишком далеко, подавляя даже самый безобидный индивидуализм, но кто я такой, чтобы судить? По всей вероятности, лет через сто или около того станет полегче, но для зайца, живущего в наши дни, это слишком долгий срок.

— Значит, ты испытывал потребность в новых горизонтах, — сказал я.

— Да, сэр, — ответил Франклин. — Мне не хотелось бы показаться вам трепачом, сэр, но я мечтал стать первооткрывателем. Трудности меня не страшат. Я буду работать не покладая рук...

— А что ты будешь делать? — спросил я.

— А? — на мгновение он смешался, потом ответил: — Что угодно.

— Но что ты умеешь? Нам бы, конечно, пригодился химик, специалист по неорганике. Случайно не в этой ли области проявляются твои таланты?

— Нет, сэр, — пролепетал заяц.

Это не доставляло мне ни малейшего удовольствия, но важно было внушить зайцу неумолимую, горькую правду.

— Так, значит, твоя специальность не химия, — размышлял я вслух. — У нас бы нашлось местечко для первоклассного геолога. На худой конец — для статистика.

— Боюсь, я не...

— Скажи-ка, Франклин, у тебя есть звание профессора?

— Нет, сэр, — ответил подавленный Франклин. — Я и средней-то школы не окончил.

— Так что же ты в таком случае собирался здесь делать? — спросил я.

— Вот, знаете, сэр, — сказал Франклин, — я читал, что Строительство разбросано по всему Марсу. Я думал, может, вроде как посыльным. И я обучен плотницкому делу, и водопроводчиком могу, и... Уж наверняка тут найдется работа и для меня.

Я налил Франклину вторую чашку кофе, и он поглядел на меня огромными, умоляющими глазами. На этой стадии беседы зайцы всегда смотрят таким взглядом. Они полагают, будто Марс похож на Аляску 1870-х годов или Антарктику 2000-х, — геройический фронтier для смелых, решительных людей. На самом деле Марс вовсе не фронтier. Это тупик.

— Франклин, — сказал я, — знаешь ли ты, что Строительство на Марсе зависит от поставок с Земли? Знаешь ли, что оно себя не окупает и, возможно, никогда не окупит? Знаешь ли ты, что содержание одного человека обходится Строительству в пятьдесят тысяч долларов ежегодно? Считаешь ли ты, что стоишь годового заработка в пятьдесят тысяч долларов?

— Много я не съем, — возразил Франклин. — А уж как пообыкну, я...

— Кроме того, — прервал его я, — знаешь ли ты, что на Марсе нет никого, кто не является по крайней мере доктором наук?

Зайцы никогда этого не знают.

Рассказывать им должен я.

Итак, я рассказал Франклину, что все плотничье, слесарные, водопроводные работы, обязанности посыльных и поваров, а также уборку, починку и ремонт выполняют сами ученые в свободное время. Пусть не хорошо, но выполняют.

Суть в том, что на Марсе отсутствует неквалифицированная рабочая сила. Мы просто-напросто не можем себе этого позволить.

Я ждал, что Франклин зальется слезами, но он ухитрился овладеть собой.

Он обвел комнату тоскливыми взглядами, рассматривая обстановку замызганной, крохотной кают-компании. Понимаете, все в ней было марсианским.

— Пошли, — сказал я, поднимаясь с места. — Постель я тебе найду. А завтра организуем обратный проезд на Землю. Не огорчайся. Зато ты повидал Марс.

— Да, сэр. — Заяц с трудом поднялся. — Только я, сэр, ни за что не вернусь на Землю.

Я не стал с ним спорить. Зайцы, как правило, вечно хорохорятся. Откуда мне было знать, что на уме у этого?

Уложив Франклина, я вернулся в лабораторию и несколько часов занимался работой, которую надо было сделать во что бы то ни стало. Я лег спать совершенно обессиленный.

Наутро я пришел будить Франклина. В постели его не было. Мгновенно у меня мелькнула мысль о возможности диверсии. Кто знает, на что способен несостоявшийся первооткрыватель? Того и гляди выдернет из реактора два-три замедлителя или подождет склад с горючим. Я неистово метался по лагерю, повсюду разыскивая зайца, и наконец обнаружил его в недостроенной спектрографической лаборатории.

Эту лабораторию мы строили в нерабочее время. У кого оказывалось свободных полчаса, тот укладывал несколько кирпичей, выпиливал крышку стола или привинчивал дверные петли к косяку. Никого нельзя было освободить от работы на такой срок, чтобы наладить все по-настоящему.

За несколько часов Франклин успел больше, чем все мы за несколько месяцев. Он действительно был умелым плотником и работал так, словно все фурии ада гнались за ним по пятам.

— Франклин! — окликнул я.

— Здесь, сэр. — Он поспешил ко мне. — Хотел что-нибудь сделать, чтоб не есть даром ваш хлеб, мистер Талли. Дайте мне еще часок-другой, и я покрою ее крышей. А если вон те трубы никому не нужны, я, может, завтра проведу воду.

Франклин был славный малый, спору нет. Как раз такой, какие нужны на Марсе. По всем законам справедливости, да и просто из приличия я должен был похлопать его по плечу и сказать: «Парень, книжное образование — это еще не все. Можешь оставаться. Ты нам подходишь».

Мне и в самом деле хотелось произнести эти слова. Однако я не имел права.

На Марсе не поощряются успешные авантюры. Зайцы здесь не преуспевают.

Мы, ученые, кое-как справляемся с работой плотников и водопроводчиков. Мы попросту не в состоянии допустить дублирование профессий.

— Франклин, — сказал я, — пожалуйста, перестань усложнять мою задачу. Я мягкосердечный слюнтяй. Меня ты убедил. Но в моих силах только соблюдать правила. Ты должен вернуться на Землю.

— Я не могу вернуться на Землю, — еле слышно ответил Франклин.

— Что такое?

— Если я вернусь, меня упрут за решетку.

— Ну ладно, рассказывай все с самого начала, — простонал я. — Только, пожалуйста, покороче.

— Слушаюсь, сэр. Как я уже говорил, сэр, — начал Франклин, — на Земле надо поступать, как все, и думать, как все. Ну вот, до поры до времени все было хорошо. Но потом я открыл Истину.

— Что-что?

— Я открыл Истину, — гордо повторил Франклин. — Я набрел на нее случайно, но вообще-то она очень простая. До того простая, что я обучил сестренку, а уж если та способна выучиться, значит, и всякий способен. Тогда я попытался обучить Истине всех.

— Продолжай, — сказал я.

— Ну и вот, все страшно обозлились. Сказали, что я спятил, что мне надо держать язык за зубами. Но я не мог молчать, мистер Талли, потому что это ведь Истина. Так что, когда за мной пришли, я отправился на Марс.

Ну и ну, подумал я, великолепно. Только этого нам не хватало на Марсе. Хороший, старомодный религиозный фанатик читает проповеди очерствелым ученым. Это как раз то, что прописал мне доктор. Ведь теперь, отослав парня назад на Землю, в тюрьму, я всю жизнь буду мучиться угрызениями совести.

— И это еще не все, — заявил Франклин.

— Ты хочешь сказать, что у этой душераздирающей истории есть продолжение?

— Да, сэр.

— Говори же, — со вздохом подбодрил его я.

— Они ополчились и на мою сестренку, — сказал Франклин. — Понимаете, когда ей открылась Истина,

она не меньше моего захотела обучать других. Это ведь Истина, знаете ли. И вот теперь она вынуждена скрываться, пока... пока...

Он высыпался и с жалким видом проглотил слезы.

— Я думал, вы увидите, как я пригожусь на Марсе, и тогда сестренка могла бы ко мне...

— Довольно! — не выдержал я.

— Да, сэр.

— Больше ничего не желаю слышать. Я и так уже выслушал больше чем нужно.

— А вы бы не хотели, чтобы я поведал вам Истину? — горячо предложил Франклин. — Я могу объяснить...

— Ни слова больше, — рявкнул я.

— Да, сэр.

— Франклин, я ничего не могу сделать для тебя, абсолютно ничего, у тебя нет степени. А у меня нет полномочий разрешить тебе оставаться. Но я сделаю единственное, что в моей власти. Я поговорю о тебе с директором.

— Вот здорово! Большое вам спасибо, мистер Талли. А вы объясните ему, что я не совсем окреп с дороги? Как только соберусь с силами, я вам докажу...

— Конечно, конечно, — сказал я и поспешно ушел.

Директор уставился на меня, как будто увидел моего двойника из антимира.

— Но, Талли, — сказал он, — тебе же известны правила.

— Конечно, — промямлил я. — Но ведь он действительно был бы нам полезен. И мне ужасно неприятно отправлять его прямо в руки полиции.

— Содержание человека на Марсе обходится в пятьдесят тысяч долларов ежегодно, — сказал директор. — Считаешь ли ты, что он стоит заработка в...

— Знаю, знаю, — перебил я. — Но это такой трогательный случай, и он так старается, и мы могли бы его...

— Все зайцы трогательны, — заметил директор.

— Ну, ясно. В конце концов, это неполноценные создания, не то что мы, ученые. Пусть себе убирается туда, откуда явился.

— Талли, — спокойно сказал директор, — вижу, что этот вопрос обостряет наши отношения. Поэтому я предоставляю тебе самому решать его. Ты знаешь, что ежегодно на каждую вакансию в марсианском Строительстве подается почти десять тысяч заявлений. Мы отвергаем специалистов лучших, чем мы сами. Юноши годами учатся в университетах, чтобы занять здесь определенную должность, а потом окажется, что место уже занято. Учитывая все эти обстоятельства, считаешь ли ты по чести и совести, что Франклин должен остаться?

— Я... я... а-а, черт возьми, нет, если вы так ставите вопрос. — Я все еще был зол.

— А разве можно ставить его как-нибудь иначе?

— Разумеется, нет.

— Всегда печально, если много званных и мало избранных, — задумчиво проговорил директор. — Людям нужен новый фронт. Хотел бы я отдать Марс для повсеместного заселения. Когда-нибудь так и случится. Но не раньше, чем мы научимся обходиться здешними ресурсами.

— Ладно, — сказал я. — Пойду организую отъезд зайца.

Когда я вернулся, Франклин работал на крыше спектрографической лаборатории. Едва взглянув мне в лицо, он понял, каков ответ.

Я сел в свой джип и покатил в Марсопорт. Я знал, что сказать капитану, который допустил пребывание Франклина на своем корабле. Слишком уж часты такие безобразия. Пусть теперь этот шутник и везет Франклина обратно на Землю.

Фрахтоворик был погружен в стартовую шахту, только нос вырисовывался на фоне неба. Наш нуклеотик Кларксон готовил корабль к отлету.

— Где капитан этой ржавой посудины? — спросил я.

— Капитана нет, — ответил Кларксон. — Это модель «Лежебока». С радиоуправлением.

Я почувствовал, как мой желудок стал медленно опускаться и подниматься наподобие качелей.

— Капитана нет?

— Не-а.

— А экипаж?

— На корабле его нет, — сказал Кларксон. — Ты ведь знаешь, Талли.

— В таком случае на корабле не должно быть кислорода, — догадался я.

— Разумеется, нет!

— И защиты от радиации?

— Безусловно!

— И теплоизоляции нет?

— Теплоизоляции ровно столько, чтобы корпус не расплавился.

— И, наверное, он стартует с максимальным ускорением? Что-нибудь около тридцати пяти г?

— Конечно, — подтвердил Кларксон. — Для беспилотного корабля это наиболее экономично. А что тебя смущает?

Я ему не ответил. Молча подошел к джипу и, выжав акселератор до отказа, помчался к спектрографической лаборатории. Желудок у меня больше не поднимался и не опускался. Он вращался как волчок.

Человек не способен выжить после такого рейса. У него нет на это никаких шансов. Ни одного шанса на десять миллиардов. Это физически невозможно.

Когда я подъехал к лаборатории, Франклин уже закончил крышу и работал внизу, соединяя трубы. Был обеденный перерыв, и ему помогали несколько человек из Горной группы.

— Франклин, — сказал я.

— Что, сэр?

Я набрал побольше воздуха в легкие.

— Франклин, ты прилетел сюда на том фронтовике?

— Нет, сэр, — ответил он. — Я все пытался вам объяснить, что и не думал подкупать никакого капитана, но вы так и не...

— В таком случае, — проговорил я очень медленно, — как ты сюда попал?

— Благодаря Истине!

— Ты не можешь мне объяснить?

С секунду Франклин размышлял.

— С дороги я просто ужасно устал, мистер Талли, — сказал он, — но, кажется, могу.

И он исчез.

Я стоял и тупо моргал. Потом один из горных инженеров указал вверх. На высоте примерно трехсот футов парил Франклин.

Мгновение спустя он опять стоял рядом со мной. У него был иззябший вид, а кончик носа порозовел от холода.

Смахивает на мгновенное перемещение в пространстве. Нуль-перелет! Ну и ну!

— Это и есть Истина? — спросил я.

— Да, сэр, — сказал Франклин. — Это когда смотришь на мир по-иному. Стоит только увидеть Истину, по-настоящему увидеть, — и все становится возможным. Но на Земле это называли гал... галлюцинацией. Сказали, чтобы я прекратил гипнотизировать людей и...

— Ты можешь этому научить?

— Запросто, — ответил Франклин. — Правда, на это все же уйдет какое-то время.

— Это ничего. Смею надеяться, мы можем изыскать какое-то время. Да уж, полагаю, что можем. Даже наверняка. Да уж, какое-то время, затраченное на Истину, будет затрачено с толком...

Неизвестно, долго ли еще я бы нес оклесицу, но Франклин горячо вмешался:

— Мистер Талли, значит ли это, что я могу остаться?

— Ты можешь остаться, Франклин. По правде говоря, если ты попытаешься нас покинуть, я тебя застрелю.

— О, благодарю вас, сэр! А как насчет моей сестренки? Можно ей сюда?

— Да-да, безусловно, — обрадовался я. — Пусть твоя сестренка приезжает. В любое время...

Я услышал испуганный крик горняков и медленно обернулся. Волосы у меня встали дыбом.

Передо мной стояла девушка — высокая, худенькая девушка с огромными, словно блюдца, глазищами. Она озиралась по сторонам и бормотала:

— Марс! Госпо-ди-и!

Потом заметила меня и вспыхнула.

— Простите меня, сэр, — сказала она. — Я... я подслушивала.

ЗАЦЕПКА

На звездолете главное — сплоченность экипажа. Личному составу полагается жить в ладу и согласии — иначе недостижимо то мгновенное взаимопонимание, без которого порой никак не обойтись. Ведь в космосе один-единственный промах может оказаться роковым.

Не требует доказательств та истина, что даже на самых лучших кораблях случаются аварии, а о заурядном нечего и говорить — он долго не продержится.

Отсюда ясно, как потрясен был капитан Свен, когда за четыре часа до старта ему доложили, что радист Форбс наотрез отказывается служить вместе с Новеньким.

Новенького Форбс в глаза не видел и видеть не желает. Достаточно, что он о нем наслышан. По словам Форбса, здесь нет ничего личного. Отказ мотивирован чисто расовыми соображениями.

— Ты не путаешь? — переспросил капитан старшего механика, когда тот принес неслыханную весть.

— Никак нет, сэр, — заверил механик Хао, приземистый китаец из Кантона. — Мы пытались уладить конфликт своими силами. Но Форбс ни в какую.

Капитан Свен грузно опустился в мягкое кресло. Он был возмущен до глубины души. Ему-то казалось, что расовая ненависть отошла в прошлое. Столкнувшись с ее проявлением в натуре, он растерялся, как растерялся бы при встрече с моа или живым комаром.

Печатается по изд.: Шекли Р. Зацепка: Судьбы наших детей. — М.: Радуга, 1986

© Перевод на русский язык, Н. Евдокимова, 1986

— В наш век, в наши дни — и вдруг расизм? — кипятился Свен. — Безобразие, форменное безобразие. Чего доброго, следующим номером мне дложат, что на городской площади сжигают ведьм или где-нибудь затевают войну с применением кобальтовых бомб!

— Да ведь до сих пор никакого расизма не было в помине, — возразил Хао. — Для меня это полнейшая неожиданность.

— Ты же у нас не только по званию старший, но и по возрасту, — сказал Свен. — Неужто не пытался урезонить Форбса?

— Я с ним не один час беседовал, — ответил Хао. — Напоминал, что китайцы веками люто не-навидели японцев, а японцы — китайцев. Если уж нам удалось преодолеть взаимную неприязнь во имя Великого Сотрудничества, то отчего бы и ему не попытаться?

— И пошло на пользу?

— Как об стенку горох. Говорит, это совсем разные вещи.

Свен свирепо откусил кончик сигары, поднес к ней огонек и запыхтел, раскуривая.

— Да черт меня подери, если я у себя на корабле стерплю такое. Подыщу другого радиста.

— Не так уж это просто, сэр, — заметил Хао. — В здешней-то глупши.

Свен насупился в раздумье. Дело было на Дискайе-2, захолустной планетенке в созвездии Южного Креста. Сюда корабль доставил груз (запасные части для машин и станков), здесь взял на борт новичка, назначенного Корпорацией, — невольного виновника переполоха. Специалистов на Дискайе пруд пруди, но все больше по гидравлике, горному делу и прочей механике. Единственный же на планете радиист вполне доволен жизнью, женат, имеет двоих детей, обзавелся на Дискайе домом в озелененном пригороде и о перемене мест не помышляет.

— Курам на смех, просто курам на смех, — прошел Свен. — Без Форбса мы как без рук, но новичка я здесь не брошу. Иначе Корпорация на-верняка меня уволит. И поделом, поделом. Капитан обязан справляться с любыми неожиданностями.

Хао угрюмо кивнул.

— Откуда родом этот самый Форбс?

— С фермы, из глухой деревушки в гористой части США. Штат Джорджия, сэр. Вы о таком случайно не слыхали?

— Слыхал вроде бы, — скромно ответил Свен, в свое время прослушавший в университете Упсалы спецкурс «Регионы и их отличительные особенности»: в ту пору он стремился возможно лучше подготовиться к капитанской должности. — Там выращивают свиней и земляные орехи.

— И мужчин, — дополнил Хао. — Дюжих, смекалистых. Населения в штате раз, два — и обчелся, а между тем уроженцев Джорджии встретишь на любом пограничном рубеже. За ними упрочилась слава непревзойденных молодцов.

— Знаю, — огрызнулся Свен. — Форбс у нас тоже парень не промах. Одна вот беда — расист.

— Случай с Форбсом нетипичен. Форбс вырос в малочисленном, уединенном сообществе, вдали от главного русла американской жизни. Развиваясь, такие общества — а они есть по всему миру — всячески цепляются за причудливые старинные обычаи. Вот как сейчас помню, в одной деревушке Хонаня...

— А все же с трудом верится, — перебил Свен механика, который собрался было пуститься в пропастьные рассуждения о быте китайской деревни. — Оправдания тут неуместны. Всюду, в любом обществе, сохранилось наследие прошлого — остатки расовой вражды. Однако каждый, вливаясь в главный поток земной жизни, обязан стряхнуть с себя пережитки прошлого. Другие-то стряхнули! Почему же Форбс не может? С какой стати он перекладывает на нас свои заботы? Неужто слыхом не слыхал о Великом Сотрудничестве?

Хао пожал плечами.

— Может, вы сами с ним поговорите, капитан?

— Непременно. Только сначала с Ангкой.

Старший механик покинул мостик. Свен оставался погружен в глубокое раздумье, но вот раздался стук.

— Входи.

Вошел боцман Ангка. Это был высоченный, безу-корицненного сложения африканец с кожей цвета спелой сливы. Чистокровный негр из Ганы, он великолепно играл на гитаре.

— Надо полагать, ты в курсе дела? — начал Свен.

— Загвоздка получается, сэр, — отозвался Ангка.

— Загвоздка? Катастрофа! Сам ведь понимаешь, как опасно поднимать звездолет с планеты, когда на борту кавардак. А до старта меньше трех часов. Немыслимо выходить в рейс без радиостарта, но и новенький нам позарез нужен.

Ангка стоял в бесстрастном ожидании. Свен стряхнул с сигары дюймовый столбик пепла.

— Послушай, Ангка, ты ведь понимаешь, зачем я тебя вызвал.

— Догадываюсь, сэр, — ухмыльнулся Ангка.

— Вы ведь с Форбсом не разлей вода. Не мог бы ты на него повлиять?

— Пытался, капитан, честное слово, пытался. Но вы же сами знаете, каковы уроженцы Джорджии.

— К сожалению, не знаю.

— Отличные ребята, сэр, но упрямы как ослы. Уж если им что втемяшится в башку, то хоть кол на ней теши. Я ведь с Форбсом двое суток только об этом и толкую. Вчера вечером упоил его в стельку... Исключительно для пользы дела, сэр, — спохватился Ангка.

— Неважно. И что же?

— Поговорил с ним как с родным сыном. Напомнил, до чего славно мы тут сработались, до чего весело развлекаемся в каждом астропорту. Какая это великая честь — участвовать в Сотрудничестве. «Берегись, Джимми, — говорю, — будешь стоять на своем, так все испортишь. Ты ведь не хотел бы все испортить, правда?» Он пустил слезу, точно маленький, капитан.

— Но не передумал?

— Твердил, что никак не может. Что уговаривать бесполезно. Мол, есть в Галактике одна, и только одна, раса, с которой он служить не станет, и дело с концом. Мол, иначе его бедный папочка в гробу перевернется.

— Может, еще одумается, — сказал Свен.

— Постараюсь переубедить его, но навряд ли удастся.

Ангка вышел. Свен подпер щеку могучим кулаком и вновь покосился на судовой хронометр. Меньше трех часов до старта!

Сняв трубку внутреннего телефона, Свен попросил через городскую сеть соединить его с диспетчером астропорта. Услышав голос диспетчера, капитан сказал:

— Прошу разрешения задержаться на денек-другой.

— К сожалению, это не в моей власти, капитан Свен, — вздохнул диспетчер. — Позарез нужна стартовая площадка. Мы ведь принимаем не более одного звездолета сразу. А через пять часов ожидается рудовоз с Калайо. У них наверняка горючее на исходе.

— Вечно оно у них на исходе, — буркнул Свен.

— А мы давайте вот как условимся. Если у вас серьезная механическая неисправность, мы подгоним два-три подъемных крана, переведем ваш корабль в горизонтальное положение и откатим с площадки. Однако до тех пор пока мы его вновь поставим на ножки, много воды утечет.

— Спасибо, не стоит. Буду стартовать по расписанию.

Он дал отбой. Нельзя задерживать корабль без уважительной причины. За это Корпорация с капитана голову снимет, и ежу ясно.

Оставался единственный доступный путь. Удовольствие маленькое, но ничего не попищешь. Капитан встал, отбросил давно погасшую сигару и спустился с мостика.

Он заглянул в судовой лазарет. Там, закинув ноги на стол, сидел доктор в белоснежном халате и читал немецкий медицинский журнал трехмесячной давности.

— Добро пожаловать, кэп. Хотите глоточек коньяку в чисто медицинских целях?

— Не откажусь, — ответил Свен.

Молодой доктор щедрой рукой плеснул две порции из бутылки, на этикетке которой красовалось: «Возбудитель сенной лихорадки».

— Для чего такой мрачный ярлык? — удивился Свен.

— А чтоб команда не прикладывалась. Лучше уж пускай у кока воруют лимонный экстракт.

Доктора звали Абу-Факих. Был он родом из Палестины, недавно окончил медицинский институт в Вифлееме.

— О Форбсе слыхали? — приступил к делу Свен.

— А кто не слыхал?

— Хотел у вас спросить как у единственного медика на борту: вы прежде не замечали у Форбса признаков расовой вражды?

— Ни разу, — без колебаний ответил Абу-Факих.

— Не ошибаетесь?

— В таких вещах мы, палестинцы, разбираемся, нутром их чуем. Уверяю вас, для меня поведение Форбса — полнейшая неожиданность. Разумеется, с тех пор я неоднократно беседовал с ним.

— Какой же вы сделали вывод?

— Форбс честен, расторопен, прямодушен, простоват. Унаследовал отжившие предрассудки в виде старинных традиций. Сами знаете, у выходцев из Горной Джорджии сохранился целый арсенал местных обычаев. Эти обычаи всесторонне изучены антропологами островов Самоа и Фиджи. Вам не доводилось читать «Достижение совершенолетия в Джорджии» или «Народные обычаи Горной Джорджии»?

— Времени не остается на такое чтение, — прорвичал Свен. — У меня с кораблем хлопот по горло, не хватало еще вникать в психологию каждого члена команды.

— Да, пожалуй, кэп, — сказал доктор. — Хотя эти книги есть в судовой библиотеке, вдруг вам вздумается полистать. Ума не приложу, чем тут помочь. Процесс переориентации долг. К тому же я терапевт, а не психиатр. Есть во Вселенной раса, с представителями которой Форбса никто не принудит служить, поскольку они вызывают в нем прилив первозданной расовой ненависти. По нелепой случайности ваш новенький принадлежит именно к этой расе.

— Оставлю Форбса в порту, — впезапно решил капитан. — С рацией справится офицер связи. А

Форбс пускай садится на любой другой звездолет и отправляется к себе в Джорджию.

— Не советовал бы.

— Почему же?

— Форбс — любимец команды. Все осуждают его за дурацкое упрямство, но, если он не пойдет вместе со всеми в рейс, на борту воцарится уныние.

— Опять незадача. — Свен задумался. — Опасно, крайне опасно. Но, черт побери, не могу же я оставить в порту новичка! Да и не желаю! Кто здесь, в конце концов, главный — я или Форбс?

— Вопрос чрезвычайно интересен, — подхватил Абу-Факих и поспешно увернулся от бокала, которым запустил в него разъяренный капитан.

Свен отправился в судовую библиотеку, где перелистал «Достижение совершенолетия в Джорджии» и «Народные обычаи в Горной Джорджии». От этого ему легче не стало. С секунду поразмыслив, он бросил взгляд на часы. Два часа до старта! Чуть ли не бегом капитан устремился в штурманскую рубку.

В рубке единовластно распоряжался венерианин Рт'крыс. Он стоял на табуретке, разглядывая какие-то вспомогательные приборы. Тремя руками он сжимал секстант, а ногой — самой ловкой конечностью — протирал зеркала. При виде Свена венерианин из уважения к начальству окрасился в коричнево-оранжевые тона, после чего вновь обрел повседневный зеленый цвет.

— Как дела? — спросил Свен.

— Нормально, — ответил Рт'крыс. — Если, конечно, не считать истории с Форбсом.

Он пользовался карманным звукоусилителем, поскольку голосовые связки у венериан отсутствуют. Первые модели таких усилителей резали слух и отдавали металлическим звоном; однако с тех пор их усовершенствовали, и ныне типичные «голоса» венериан звучат как мягкий вкрадчивый шепот.

— О Форбсе-то я и зашел посоветоваться, — признался капитан. — Ты ведь не землянин. Если на то пошло, даже не гуманоид. Я и подумал: вдруг тебя осенит свежая идея. Вдруг я что-нибудь упустил.

Помолчав, Рт'крыс посерел: это был цвет нерешительности.

— Боюсь, от меня вам маловато будет пользы, капитан Свен. У нас на Венере никогда не было расовых проблем. Разве что вы усматриваете некую аналогию с положением саларды...

— Не совсем, — перебил Свен. — Там религиозный уклон.

— К сожалению, больше ничего в голову не приходит. А вы не пробовали образумить Форбса?

— Нет, но ведь все остальные пробовали.

— У вас должно лучше получиться, капитан. Вы — носитель символа власти, вам удастся вытеснить из Форбсова сознания отцовский символ. А заполучив такое преимущество, внушите Форбсу, какова истинная подоплека его эмоциональной реакции.

— У расовой вражды не бывает никакой подоплеки.

— Это с точки зрения формальной логики. А вот если оперировать общечеловеческими понятиями, то удастся отыскать и саму подоплеку, и решение проблемы. Постарайтесь выяснить, чего именно боится Форбс. Быть может, поставленный лицом к лицу с собственными мотивами, он опомнится.

— Учту твои советы, — с сарказмом, который не дошел до венерианина, поблагодарил Свен.

Прозвучал условный звонок внутреннего коммутатора: старший помощник вызывал капитана.

— Капитан! Диспетчер запрашивает, стартуем ли мы по расписанию.

— Стартуем, — сказал Свен. — Готовить корабль. И положил трубку.

Рт'крыс залился пунцовым окрасом. У венериан это все равно что у землян — приподнятые брови.

— И так и так скверно, черт бы побрал все на свете! — проговорил Свен. — Спасибо, что дал хоть какой-то совет. Теперь примусь за Форбса.

— А кстати, — остановил капитана Рт'крыс, — он-то к какой расе принадлежит?

— Кто именно?

— Новенький, тот, с кем не желает служить Форбс.

— Я почем знаю? — неожиданно взорвался Свен. — По-твоему, мне на мостице только и дел, что зазубривать расовую принадлежность новеньких?

— А ведь это может иметь решающее значение.

— С какой стати? Допустим, Форбсу не угодно служить с монголом или с пакистанцем, ньюйоркцем или марсианином. Велика ли разница, на какой именно расе зациклился больной, незрелый мозг?

— Всего наилучшего, капитан Свен, — пожелал Рт'крыс вдогонку.

Представ на мостице перед капитаном, Джеймс Форбс откозырял, хотя на корабле у Свена подобные формальности не соблюдались. Радист вытянулся по стойке «смирно». Это был высокий стройный юноша с взъерошенной шевелюрой и фарфорово-белой, усыпанной веснушками кожей. Все черты его лица свидетельствовали о податливости, уступчивости, обходительности. Решительно все... кроме глаз — темносиних, глядящих в упор на собеседника.

Свен растерялся, не зная, с чего начать. Но первым заговорил Форбс.

— Сэр, — сказал он. — С вашего позволения, мне здорово неудобно перед вами. Вы хороший капитан, сэр, лучше не бывает, да и с командой я сдружился. Теперь я себя чувствую как последний негодяй.

— Так, может, одумаешься? — В голосе Свена послышались слабые нотки надежды.

— Хотел бы я одуматься, сэр, право же хотел. Да мне для вас головы не жаль, капитан, вообще ничего на свете не жаль.

— Ни к чему мне твоя голова. Мне надо только, чтобы ты сработался с новичком.

— А вот это как раз не в моих силах, — грустно проговорил Форбс.

— Это еще почему, пропади все пропадом? — взревел капитан, напрочь позабыв о своем намерении проявить себя тонким психологом.

— Да вам просто не понять нашу душу, душу ребят вроде меня, выходцев из Горной Джорджии, — пояснил Форбс. — Так уж мне блаженной памяти папочка заповедал. Бедняга в гробу перевернется, если я нарушу его последнюю волю.

Свен проглотил рвущуюся на язык многоэтажную брань и сказал:

— Тебе ведь самому ясно, в какое положение ты меня ставишь. Что же ты теперь предлагаешь?

— Только одно, сэр. Мы с Ангкой вместе спишемся с корабля. Лучше уж нехватка рук, капитан, чем недружная команда, сэр.

— Как, и Ангка туда же? Постой! Он-то против кого настроен?

— Ни против кого, сэр. Просто мы с ним за-кадычные друзья, вот уж пять лет скоро, как по-встречались на грузовике «Стелла». Теперь мы с ним неразлучны: куда один, туда и другой.

На пульте управления у Свена вспыхнул красный огонек — знак того, что корабль готов к старту. Свен не обратил на это никакого внимания.

— Не могу же я оставаться без вас обоих, — сказал Свен. — Форбс, ты почему отказываешься служить с новичком?

— По расовым мотивам, сэр, — коротко ответил Форбс.

— Слушай меня внимательно. Ты служил под моим началом, а ведь я — швед. Разве тебя это не смущало?

— Нисколько, сэр.

— Судовой врач у нас — палестинец. Штурман и вовсе с Венеры. Механик — китаец. В команде собраны русские, меланезийцы, ньюйоркцы, африканцы — всякой твари по паре. Все расы, вероисповедания и цвета кожи. С ними-то ты уживался?

— Ясное дело, уживался. Нас, уроженцев Горной Джорджии, с раннего детства готовят к тому, чтоб мы уживались с любыми расами. Это у нас в крови. Так мой папаша уверял. Но служить с Блейком я, хоть убейте, не стану.

— Кто это — Блейк?

— Да новенький, сэр.

— Откуда же он родом? — насторожился Свен.

— Из Горной Джорджии.

На миг оторопевшему Свену почудилось, будто он ослышался. Он вытаращил глаза на Форбса — тот, оробев, ел капитана глазами.

- Из гористой части штата Джорджия?
- Так точно, сэр. Кажется, откуда-то неподалеку от моих краев.
- А он белый, этот Блейк?
- Само собой, сэр. Белый англо-шотландского происхождения, точь-в-точь как я.

У Свена возникло ощущение, будто он осваивает неведомый мир, — мир, с какими не доводилось сталкиваться ни одному цивилизованному человеку. Капитан с изумлением обнаружил, что на Земле попадаются обычай куда диковиннее, чем где-либо в Галактике. И попросил Форбса:

- Расскажи-ка мне о ваших обычаях.
- А я-то думал, про нас, выходцев из Горной Джорджии, все досконально известно, сэр. В наших краях принято по достижении двадцати лет уходить из отчего дома и больше домой не возвращаться. Обычай велит нам работать бок о бок с представителями любой расы... кроме нашей.

— Вот как, — обронил Свен.

— Новичок-то, Блейк, тоже из Горной Джорджии. Ему бы сперва проглядеть судовой реестр, а уж после наниматься на корабль. На самом-то деле он один кругом виноват, и если ему плевать на вековой обычай, то я тут ни при чем.

— Но почему же все-таки вам запрещено служить с земляками? — не отставал Свен.

— Неизвестно, сэр. Так уж повелось от отца к сыну, с незапамятных времен.

Свен пристально посмотрел на радиста: в капитанском мозгу забрезжила догадка.

— Форбс, ты можешь словами передать, как относишься к чернокожим?

— Могу, сэр.

— Так передай.

— В общем, сэр, по всей Горной Джорджии считается, что чернокожий для белого — лучший друг. Я ничего не говорю, белые совсем не против китайцев, марсиан и прочих, но вот у чернокожих с белыми как-то особенно лихо все выходит...

— Давай-давай, — подбодрил Свен.

— Да ведь это трудно толком объяснить, сэр. Просто-напросто... словом, чернокожий и белый как-то особенно удачно друг к другу притираются, входят в зацепление, словно хорошие шестерни. Между чернокожим и белым какая-то особая слаженность.

— А знаешь, — мягко проговорил Свен, — ведь когда-то, давным-давно, твои предки считали чернокожих неполноценным народом. Издавали всякие законы, по которым чернокожему категорически воспрещалось общаться с белым. И продолжали в таком же духе еще долго после того, как во всем остальном мире с этим предрассудком было покончено. Вплоть до Злосчастного Испытания.

— Это ложь, сэр! — вспыхнул Форбс. — Простите, я не обвиняю во лжи вас лично, сэр, но ведь это неправда. У нас в Джорджии всегда...

— Могу доказать: так утверждают книги по истории и антропологии. В библиотеке у нас тоже найдутся кое-какие, если только тебе не лень покопаться!

— Уж янки понапишут!

— Там есть и книги, написанные южанами. Все это правда, Форбс, но стыдиться здесь нечего. Просвещение приходит к людям долгими и мучительными путями. Твои предки обладали многими достоинствами, ты вправе ими гордиться!

— Но если все было так, как вы объясняете, — нерешительно произнес Форбс, — отчего же все переменилось?

— Вот об этом как раз можно прочитать в одном исследовании по антропологии. Ты ведь знаешь, что после Злосчастного Испытания ядерного оружия над Джорджией выпали обильные радиоактивные осадки?

— Так точно, сэр.

— Но ты едва ли знаешь, что в ту пору лучевая болезнь стала с особой беспощадностью косить население так называемого Черного Пояса. Да, жертвами болезни становились и многие белые. Но вот чернокожие в той части штата вымерли почти начисто.

— Этого я не знал, — покаянно прошептал Форбс.

— Уж поверь мне на слово, до Испытания случалось всякое — и расовые бунты, и линчевания, и

взаимная неприязнь между белыми и чернокожими. Но вдруг чернокожих не стало: их истребила лучевая болезнь. В результате у белых, особенно в малых населенных пунктах, появилось нестерпимое чувство вины. А самые суеверные из белых терзались мучительными угрызениями совести из-за массового вымирания чернокожих. Для таких белых вся цепь событий явилась тяжелым ударом, ведь люди-то они были религиозные.

— Какая им разница, если они ненавидели чернокожих?

— В том-то и дело, что вовсе не ненавидели! Опасались смешанных браков, экономической конкуренции, изменений в общественной иерархии. Однако о ненависти и речи не было. Напротив. В ту пору твои земляки утверждали (и при этом нисколько не кривили душой), будто куда лучше иметь дело с негром, чем с «либералом»-северянином. Отсюда вытекло множество конфликтов.

Форбс кивнул в напряженной задумчивости.

— В изоляте — в сообществе вроде того, где ты родился, — тогда же возник обычай трудиться вдали от дома, с представителями любой расы, кроме земляков. Здесь всему подоплекой комплекс вины.

По веснушчатым щекам Форбса градом катился пот.

— Прямо не верится, — пробормотал радиост.

— Форбс, разве я тебе хоть раз в жизни солгал?

— Никак нет, сэр.

— Значит, поверишь, если я поклянусь, что все рассказанное мною — правда?

— Но... постараюсь, капитан Свен.

— Теперь ты знаешь, откуда пошел обычай. Будешь служить с Блейком?

— Навряд ли у меня получится.

— А ты попробуй.

Прикусив губу, Форбс беспокойно заерзал.

— Попробую, капитан. Не знаю, выйдет ли, но попробую. И сделаю это ради вас и ради своих товарищней, а не из-за того, что вы мне тут наговорили.

— Постарайся, — сказал Свен. — Больше от тебя ничего не требуется.

Форбс кивнул и поспешил спуститься с мостика. Тотчас же Свен сообщил диспетчеру, что готов стартовать.

Внизу, в кубрике, Форбса познакомили с новичком по фамилии Блейк. Долговязому черноволосому новичку было там явно не по себе.

— Здорово, — сказал Блейк.

— Здорово, — откликнулся Форбс.

Каждый робко шевельнул ладонью, словно на мереваясь обменяться рукопожатием, но ни тот, ни другой не довершили жеста.

— Я из-под Помпеи, — заявил Форбс.

— А я из Альмиры.

— Почти что соседи, — убито сказал Форбс.

— Это уж точно, — согласился Блейк.

Наступило молчание. После долгих раздумий Форбс простонал:

— Не могу я, ну никак не могу. — И двинулся было прочь из кубрика. Но вдруг остановился и, обернувшись, выпалил: — А ты чистокровный белый?

— Да нет, не так чтоб уж очень чистокровный, — степенно ответил Блейк. — По матери я на одну восьмую индеец племени чероки.

— Ты чероки, это точно?

— Он самый, не сомневайся.

— Так бы сразу и говорил! Знал я одного чероки из Альтахачи, его звали Том Сидящий Медвежонок. Ты ему случайно не родня?

— Едва ли, — признался Блейк. — У меня-то в жизни не бывало знакомых чероки.

— Да мне что, мне без разницы. Надо было сразу объяснить людям, что ты чероки. Идем, покажу тебе твою койку.

Когда часов через семь после старта о случившемся доложили капитану Свену, тот был совершенно ошеломлен.

Как же так? — ломал он голову. Почему восьмушка крови индейцев-чероки превращает американца в чероки? Неужели остальные семь восьмых не пересиливают?

И пришел к выводу, что американцы, особенно из южных штатов, — народ непостижимый.

Я И МОИ ШПИКИ

Никогда не представлял себе раньше, что на голову одного человека может свалиться столько забот и хлопот, сколько одолевает сейчас меня. Не так-то просто объяснить, как я попал в эту историю, так что лучше, пожалуй, рассказать все с самого начала.

С 1991 года по окончании профессионального училища я работал сборщиком сфинкс-клапанов на заводе фирмы «Космические корабли «Старлинг». Местом своим я был доволен. Мне нравилось смотреть, как громадные космические корабли с ревом взмывают в небо и уходят к созвездию Лебедя, к альфе Центавра и другим мирам, о которых мы так часто слышим по радио и читаем в газетах. Я был молод, имел друзей, передо мной открывалось блестящее будущее, я даже был знаком с двумя-тремя девушкиами. Но все это ни к чему не вело. На заводе мной были довольны, но я мог сделать гораздо больше, если бы не потайные кинокамеры, объективы которых были направлены на мои руки. Не подумайте, что я имел что-нибудь против самих кинокамер — меня лишь раздражало и не давало сосредоточиться их жужжение.

Я ходил жаловаться в Ведомство внутренней безопасности. Я говорил им: «Послушайте, почему у всех установлены новые бесшумные кинокамеры, а у меня такое старье?» Но они ничего не захотели для меня сделать — они были слишком заняты.

Печатается по изд.: Шекли Р. Я и мои шпики: Рассказы. Повести. — М.: Мол. гвардия, 1968

© Перевод на русский язык, А. Русин, 1968

Затем мое существование стали отравлять тысячи мелочей. Возьмите, к примеру, звукозаписывающий аппарат, вмонтированный в мой телевизор. Сотрудники ФБР никак не могли его отрегулировать, и он гудел всю ночь напролет. Я жаловался сотни раз. Я говорил им: «Послушайте, ни у кого этот аппарат так не гудит, а мой не дает мне ни минуты покоя!» В ответ мне прочитали набившую оскомину лекцию о необходимости добиться победы в «холодной войне» и о том, что они не могут на каждого угодить. Такие вещи заставляют чувствовать себя неполноценным. Я стал подозревать, что мое правительство нисколько во мне не заинтересовано.

Взять хотя бы моего шпика. Меня классифицировали как Подозреваемого группы 18, то есть относили к той же категории, что и вице-президента. Подозреваемые этой группы подлежат лишь частичному надзору. Но приставленный ко мне шпик считал себя, должно быть, кинозвездой — на нем всегда была пятнистая шинель и шляпа с опущенными полями, которую он к тому же надвигал на самые глаза. Это был худой и нервный тип. Из страха потерять меня он буквально наступал мне на пятки. Что ж, он делал все, что было в его силах, чтобы справиться со своей задачей, и не его вина, что это ему не удавалось. Мне было даже искренне жаль его — ведь в таком деле, как слежка, конкурентов хоть отбавляй. Но меня всегда стесняло его присутствие. Как только я появлялся вместе с ним, — причем я чувствовал его дыхание на своем затылке, — мои друзья хохотали до слез.

— Билл, — шумели они, — это и есть единственное, на что ты способен?

Моя девушка говорила, что у нее мурашки по спине бегают от одного его присутствия. Я, естественно, отправился в Сенатскую комиссию по расследованию и заявил: «Послушайте, почему вы не можете приставить ко мне квалифицированного сыщика, чем я хуже моих друзей?»

Они ответили, что примут меры, но я понимал, что слишком ничтожен для них.

Все эти мелочи довели меня до крайности, а спросите моего психолога, много ли нужно, чтобы свести человека с ума. Я устал оттого, что меня постоянно игнорировали, оттого, что мной пренебрегали.

Именно в это время я начал думать о глубоком космосе. Там, за пределами Земли, раскинулись миллиарды квадратных миль пустоты, испещренной бесчисленным множеством звезд. Там каждый мужчина, женщина или ребенок могли выбрать себе по планете вроде Земли. Там можно было подыскать местечко и мне. Я купил «Каталог светил Вселенной» и потрепанный «Галактический пилот», проштудировал от корки до корки учебник по гравитации и атлас межзвездного пилота. Наконец я понял, что напичкан знаниями до предела и больше ни крупицы в меня не влезет.

Все мои сбережения пошли на покупку старого космического корабля «Звездный клипер». Через швы этой развалины сочился жидкий кислород, атомный реактор отличался поразительной капризностью, но двигатели были в состоянии зашвырнуть вас практически в любую точку бесконечного космоса. Все это превращало мою затею в довольно опасное предприятие, но в конце концов я рисковал только собственной жизнью. По крайней мере так я думал в то время. Итак, я получил паспорт, синюю визу, красную визу, номерное удостоверение, пилюли от космической болезни и справку о дератификации. На работе я взял расчет и попрощался с кинокамерами. Дома я уложил вещи и распрощался с звукозаписывающими аппаратами. На улице пожал руку своему шпику и пожелал ему счастья.

Я сжег все мосты — пути к отступлению больше не было!

Мне оставалось получить лишь общую визу, и я поспешил в Бюро общих виз. Там я увидел клерка, загоревшего под искусственным горным солнцем, но с молочно-белыми руками. Он подозрительно оглядел меня.

- Куда же вы желаете отправиться?
- В космос! — ответил я.
- Это понятно. Но куда именно?

— Я еще не знаю, — сказал я. — Просто в космос. В глубокий космос! В свободный космос!

Клерк устало вздохнул:

— Если вы хотите получить общую визу, вам надо яснее выражать свои мысли. Вы собираетесь поселиться на планете в Американском космосе? А может быть, хотите эмигрировать в Британский космос? Или в Голландский? Или во Французский?

— Я не думал, что космос может быть чьим-то владением, — ответил я.

— Значит, вы отстали от жизни, — сказал он с улыбкой превосходства. — Соединенные Штаты заявили свои права на все космическое пространство между координатами 2ХА и 2В, за исключением небольшого и сравнительно малозначащего сегмента, на который претендует Мексика. Советскому Союзу принадлежит пространство между координатами 3В и 02. Есть также районы, выделенные Китаю, Цейлону, Нигерии...

Я превал его:

— А где же свободный космос?

— Такого нет.

— Совсем нет? А как далеко простираются в космосе границы?

— В бесконечность! — гордо ответил он.

На минуту я осталенел. Я никогда не представлял себе, что вся бесконечная Вселенная может кому-то принадлежать. Но теперь это показалось мне вполне естественным. В конце концов, кто-то должен владеть пространством!

— Я хочу отправиться в Американский космос, — заявил я, не придав этому большого значения, хотя потом оказалось, что напрасно.

Клерк молча кивнул и стал проверять мою анкету с пятилетнего возраста — начинать с более юного возраста, по-видимому, не имело смысла. После этого он выдал мне общую визу.

Когда я прибыл на космодром, мой корабль был уже заправлен и подготовлен к старту. Мне удалось взлететь без приключений. Однако по-настоящему я осознал свое одиночество лишь тогда, когда Земля

превратилась сначала в маленькую точку, а затем и вовсе исчезла за кормой.

С момента старта прошло пятьдесят часов. Я производил обычный осмотр своих запасов, как вдруг заметил, что один из мешков с овощами отличается по форме от других. Развязав его, я вместо ста фунтов картофеля обнаружил в нем... девушку.

Космический заяц! Я застыл с открытым ртом.

— Ну, — заговорила она, — может, вы поможете мне выбраться из мешка? Или вы предпочитаете завязать его снова и предать забвению этот инцидент?

Я помог ей вылезти. Девушка оказалась очень симпатичной, со стройной фигуркой, задумчивыми голубыми глазами и рыжеватыми волосами, напоминающими струю пламени от реактивного двигателя. Лицо ее, изрядно перепачканное, выдавало характер бойкий и самостоятельный. На Земле я был бы счастлив отмахать миль десять, чтобы встретиться с ней.

— Вы не могли бы дать мне чего-нибудь перекусить? — спросила она. — С самой Земли у меня крошки во рту не было, если не считать сырой моркови.

Я приготовил ей бутерброд. Пока она ела, я спросил:

— Что вы здесь делаете?

— Вы все равно не поймете меня, — ответила она с набитым ртом.

— А я уверен, что пойму, — сказал я.

Она подошла к иллюминатору и стала смотреть на панораму звезд (в основном американских), сиявших в пустоте Американского космоса.

— Я стремилась к свободе, — сказала она наконец.

— То есть?

Она устало опустилась на мою койку.

— Может быть, вы назовете это романтикой, — голос ее звучал спокойно, — но я принадлежу к тем безумцам, которые темной ночью декламируют стихи и обливаются слезами перед какой-нибудь нелепой статуэткой. Я прихожу в волнение при виде желтых осенних листьев, а капли росы на зеленой лужайке

кажутся мне слезами Земли. Мой психиатр говорил, что у меня комплекс неполноценности.

Она утомленно закрыла глаза — я вполне понимал ее. Просидеть пятьдесят часов в мешке из-под картофеля — это утомит кого угодно.

— Земля стала раздражать меня, — продолжала она. — Я больше не могла все это выносить: казенщину, дисциплину, лишения, «холодную войну», «горячую войну» — все на свете... Мне хотелось смеяться вместе с ветром, бегать по зеленым полям, бродить по тенистым лесам, петь...

— Но почему вы выбрали именно меня?

— Потому что вы хотели свободы, — ответила она. — Впрочем, если вы настаиваете, я могу вас покинуть.

Здесь, в глубинах космоса, мысль эта была идиотской, а на возвращение к Земле у меня не хватило бы горючего.

— Можете остаться, — сказал я.

— Благодарю вас, — кротко ответила она, — вы действительно поняли меня.

— Конечно, — сказал я, — но давайте сначала уточним некоторые детали. Прежде всего...

Тут я заметил, что она уснула прямо на моей койке. На губах ее застыла доверчивая улыбка.

Я, не медля ни минуты, обыскал ее сумочку и обнаружил пять губных помад, маникюрный набор, флакон духов «Венера-5», книгу стихов в бумажном переплете и жетон с надписью: «Следователь по особым вопросам. ФБР».

Я так и думал. Девушки обычно не ведут таких разговоров, а шпики только так и говорят.

Мне было приятно узнать, что правительство по-прежнему не спускает с меня глаз. Теперь я не чувствовал себя таким одиноким в космосе.

Мой космический корабль углубился в просторы Американского космоса. Работая по пятнадцать часов ежедневно, я сумел добиться, чтобы этот музейный экспонат летел как одно целое, атомные реакторы не слишком перегревались, а швы в корпусе сохраняли герметичность. Мэйвис О'Дэй — так звали моего шпика — готовила пищу, вела хозяйство и успела рас-

ставить по всем углам миниатюрные кинокамеры. Эти штуки противно жужжали, но я притворялся, что ничего не замечаю.

Но при всем при том мои отношения с мисс О'Дэй были вполне сносными.

Наше путешествие протекало вполне нормально, даже счастливо, пока не случилось одно происшествие...

Я дремал у пульта управления. Вдруг впереди по правому борту вспыхнул яркий свет. Я отпрянул и сбил с ног Мэйвис, которая в это время как раз вставляла новую кассету с пленкой в кинокамеру номер три.

— Извините, пожалуйста, — сказал я.

— Ничего, ничего, все в порядке, — ответила она.

Я помог ей подняться на ноги. Опасная близость ее гибкого тела ударила мне в голову. Я чувствовал азартный аромат духов «Венера-5».

— Теперь можете меня отпустить, — сказала она.

— Да, конечно, — ответил я, продолжая держать ее в объятиях. Ее близость туманила мне мозг. Я слышал себя как бы со стороны. — Мэйвис, — прозвучал мой голос, — мы познакомились совсем недавно, но...

— Что, Билл? — спросила она.

Все плыло перед моими глазами, и на какое-то мгновение я забыл, что наши отношения должны быть отношениями шпика и подозреваемого. Не знаю, что бы я стал говорить дальше, но в этот момент за бортом снова вспыхнул и погас яркий свет. Я отпустил Мэйвис и бросился к пульту управления. С трудом удалось мне затормозить, а затем и совсем остановить мой старый «Звездный клипер». Я оглядел пространство вокруг корабля.

Снаружи, в космической пустоте, неподвижно висел обломок скалы. На нем сидел мальчишка в космическом скафандре. В одной руке он держал ящик с сигнальными ракетами, в другой — собаку, тоже одетую в скафандр.

Мы быстро переправили его на корабль и сняли скафандр.

— А моя собака... — начал он.

— Все в порядке, сынок, — ответил я.

— Мне очень неловко, — продолжал он, — что я вторгся к вам таким образом.

— Забудь об этом, — сказал я. — Что ты делал на скале?

— Сэр, — начал он тонким голосом, — мне придется начать с самого начала. Мой отец был пилотом — испытателем космических кораблей. Он геройски погиб, пытаясь преодолеть световой барьер. Недавно моя мать второй раз вышла замуж. Ее новый муж — высокий черноволосый мужчина с бегающими, близко посаженными глазами и всегда крепко сжатыми губами. До недавнего времени он стоял за прилавком галантерейного отдела большого универсального магазина. С самого начала одно мое присутствие приводило его в ярость. Наверное, мои светлые локоны, большие глаза и веселый нрав напоминали ему моего покойного отца. Наши отношения день ото дня становились все хуже и хуже.

У него был дядя, и вдруг он умирает при очень странных обстоятельствах, оставив ему участки земли на какой-то планете в Британском космосе. Мы снарядили наш космический корабль и отправились на эту планету. Как только мы достигли пустынного района космоса, он сказал моей матери: «Рейчел, он уже достаточно взрослый, чтобы самому о себе позаботиться». Мать воскликнула: «Дэрк, он ведь еще так мал!» Но моя веселая мягкосердечная мать не могла, конечно, противостоять железной воле этого человека, которого я никогда и ни за что не назову отцом. Он запихнул меня в космический скафандр, дал мне ящик с ракетами, сунул Флиker в его собственный маленький скафандр и сказал мне: «В наши дни такой парень, как ты, может отлично обойтись в космосе без посторонней помощи». «Но, сэр, — пытался было я протестовать, — отсюда до ближайшей планеты не меньше двухсот световых лет!» Но он не стал меня слушать. «Там как-нибудь разберешься», — сказал он с гнусной усмешкой и выпихнул меня на этот обломок скалы.

Все это мальчишка выпалил единственным духом. Его собака Флиker уставилась на меня влажными овальными глазами. Я поставил перед ним миску молока с

хлебом, а сам смотрел, как мальчишка уплетает бутерброд с орехами. Когда с едой было покончено, Мэйвис отвела малыша в спальню каюту и заботливо уложила в постель.

Я вернулся на свое место у пульта управления, снова разогнал корабль и включил внутреннее переговорное устройство.

— Да проснись же ты, идиот несчастный! — услышал я голос Мэйвис.

— Оставьте меня, дайте поспать, — отвечал мальчишка.

— Давай просыпайся, успеешь еще выспаться, — не отставала Мэйвис. — И зачем это Комиссия по расследованию прислала тебя сюда? Разве они не знают, что это дело ФБР?

— Его дело было пересмотрено, и теперь он относится к группе десять.

— Ну хорошо, но я-то здесь зачем? — воскликнула Мэйвис.

— Вы недостаточно проявили себя на предыдущем задании, — ответил мальчишка. — Мне очень жаль, мисс, но безопасность прежде всего!

— И они прислали тебя, — Мэйвис всхлипнула, — двенадцатилетнего ребенка...

— Через семь месяцев мне будет тринадцать!

— Двенадцатилетнего ребенка! А я так старалась! Я занималась, прочла уйму книг, ходила на специальные вечерние курсы, слушала лекции...

— Вам не повезло, — посочувствовал он. — Лично я хочу стать пилотом-испытателем космических кораблей, и в моем возрасте это единственный способ набрать необходимое количество летных часов. Как вы думаете, он доверит мне управление кораблем?

Я выключил переговорное устройство. После всего того, что я услышал, я должен был чувствовать себя на седьмом небе — ведь за мной следили два постоянных агента! Это могло означать только одно — я действительно стал персоной, да еще такой, за которой необходим круглосуточный надзор.

Но если смотреть правде в глаза, моими шпиками были всего лишь молоденькая девушка да двенадцатилетний подросток. Это, по всей видимости, были

самые последние агенты, которых удалось отыскать в кадрах службы безопасности.

Мое правительство продолжало по-своему игнорировать меня.

Остаток пути прошел без приключений. Рой (так звали мальчишку) принял на себя управление кораблем, а его собака заняла место второго пилота и являла собой воплощение бдительности. Мэйвис по-прежнему кухарничала и хлопотала по хозяйству. Я все время заделывал швы. Более счастливую компанию шпиков и подозреваемых просто трудно себе представить!

Мы нашли необитаемую планету земного типа. Мэйвис она понравилась, так как оказалась невелика, воздух был чист и свеж, а кругом простирались зеленые поля и тенистые леса, похожие на те, что описывались в ее книге стихов. Рой пришел в восторг от прозрачных озер и кое-где поднимавшихся холмов как раз такой высоты, чтобы мальчишке было интересно и в то же время безопасно по ним лазить.

Мы опустились на поверхность планеты и начали обживать ее.

Рой сразу же проявил горячий интерес к животным, которых я извлек из холодильной камеры и оживил. Он сам себя назначил повелителем коров и лошадей, покровителем уток и гусей, защитником поросят и цыплят. Он так увлекся своими новыми заботами, что его доклады стали поступать в Сенатскую комиссию все реже и реже, пока совсем не прекратились.

Да и трудно было ожидать чего-либо другого от шпика в его возрасте.

Построив жилища и засевя зерном несколько акров, мы с Мэйвис стали предпринимать долгие прогулки в соседний тенистый и задумчивый лес. Однажды мы взяли с собой провизию и устроили пикник у небольшого водопада. Мэйвис распустила волосы, и они рассыпались у нее по плечам. Взгляд ее голубых глаз вдруг стал чарующе задумчив. В общем она нисколько не походила на шпика, и мне приходилось все время напоминать себе о наших официальных отношениях.

- Билл, — позвала она.
- Что? — спросил я.
- Так, ничего.

Она потянула к себе стебелек травы. Я не знал, что она хотела сказать, но рука ее оказалась рядом с моей, наши пальцы встретились, руки сомкнулись.

Мы долго молчали. Никогда в жизни я не был так счастлив!

- Билл!
- Что?
- Билл, дорогой, мог бы ты когда-нибудь...

Я никогда не узнаю, что она хотела сказать и что я ответил бы ей. В этот самый момент тишину расколол рев ракетных двигателей.

С высокого голубого неба спустился космический корабль.

Эд Уоллес — пилот корабля — оказался пожилым седовласым мужчиной в шляпе с опущенными полями и в пятнистой шинели. Он назывался представителем фирмы «Клир-Флот», занимающейся очисткой и дезинфекцией воды на различных планетах. Так как в его услугах мы не нуждались, он поблагодарил меня и решил отправиться дальше.

Но далеко улететь ему не удалось. Двигатели взревели, но тут же смолкли с пугающей решимостью.

Я осмотрел его корабль и обнаружил, что разорвало сфинкс-клапан. С помощью имеющихся в наличии ручных инструментов я мог изготовить такой клапан не раньше чем через месяц.

— Как нехорошо получилось, — пробормотал он. — Теперь придется сидеть здесь.

- Я тоже так думаю, — ответил я.

Он грустно посмотрел на свой корабль.

- Не могу понять, в чем здесь причина?

— Быть может, прочность вашего клапана несколько снизилась, когда вы пилили его ножовкой, — сказал я и пошел к себе.

Я-то заметил предательские следы надпила, когда осматривал двигатель.

Мистер Уоллес сделал вид, что не рассыпал моих слов. Вечером того же дня я перехватил его донесение по межзвездной радиосети, которая работала бесперебойно. Забавно, что учреждение, в котором служил мистер Уоллес, называлось почему-то не «Клир-Флот», а Центральное разведывательное управление.

Из мистера Уоллеса получился отличный огородник, и это несмотря на то, что большую часть времени он шнырял вокруг, не расставаясь с кинокамерой и блокнотом. Его присутствие побудило юного Роя более усердно выполнять свои служебные обязанности. Мы с Мэйвис перестали бродить по тенистому лесу, и как-то так вышло, что у нас не осталось времени для прогулок по желто-зеленым полям, и мы не могли закончить некий незавершенный разговор.

Но, несмотря на все это, наша маленькая колония процветала. После мистера Уоллеса у нас были и другие визитеры. К нам прибыла супружеская пара из Районной разведки, которая выдавала себя за разъездных сборщиков фруктов. За ними последовали две девушки-фотографа — тайные агенты Разведывательно-информационного бюро. После этого — молодой журналист, который на самом деле был агентом Айдахского совета по космическим нравам.

Как только наступал момент старта, у всех разрывало сфинкс-клапан.

Я не знал, гордиться мне или стыдиться. За мной одним следило полдюжины агентов, но каждый из них был агентом второго сорта. Пробыв на нашей планете несколько недель, они неизменно становились отличными фермерами, а многоводные вначале реки их донесений постепенно превращались в слабенькие ручейки, пока в конце концов не пересыхали.

Временами меня одолевали горькие мысли. Я казался сам себе каким-то подопытным животным, каким-то испытательным полигоном для новичков, которые могли здесь попрактиковаться перед серьезной работой. Шпики, приставленные ко мне, были или слишком молоды, или слишком стары, или очень рассеянны, или ни на что другое не способны, или просто неудачники. Я казался себе подозреваемым, за которым посыпали следить агентов, уходящих в от-

ставку с половинным окладом, каким-то суррогатом пенсии.

Правда, все это не очень меня тревожило. Я занимал солидное положение, хотя и затруднился бы определить его. За все годы моей жизни на Земле я никогда не был так счастлив, как сейчас. Мои шпики оказались приятными и дружелюбными людьми.

Ничто не нарушало наш покой и безмятежность.

Я думал, что так будет продолжаться вечно.

Но вот в одну роковую ночь нашу колонию охватила необычайная суматоха. Были включены все радиоприемники — по-видимому, передавалось какое-то важное сообщение. Мне пришлось попросить некоторых шпиков объединиться с их коллегами, а часть приемников выключить, чтобы не сжечь генераторы.

Наконец шпики выключили все приемники, и у них началось совещание. До глубокой ночи слышался их шепот. На следующее утро все собрались в гостиной. Лица их были вытянуты и мрачны. Мэйвис выступила как представитель всей группы.

— Случилось нечто ужасное, — сказала она, — но сперва я должна раскрыть вам наш секрет. Билл, мы не те, за кого себя выдавали. Все мы тайные правительственные агенты.

— Не может быть! — воскликнул я, не желая задевать ничье самолюбие.

— Это так, Билл, — продолжала она. — Мы все шпионили за тобой.

— Не может быть! — повторил я. — Даже вы, Мэйвис?

— Даже я. — Вид у нее в этот момент был совсем убитый.

— А теперь все кончено, — выпалил вдруг Рой. Это потрясло меня.

— Почему?

Они переглянулись. Наконец мистер Уоллес, мозолистые руки которого все время теребили поля шляпы, сказал:

— Билл, последняя съемка и разметка космоса обнаружила, что этот район не принадлежит Соединенным Штатам.

— А какому же государству он принадлежит? — спросил я.

— Не волнуйтесь и постарайтесь понять суть дела, — вмешалась Мэйвис. — Во время международного раздела космоса весь этот сектор случайно пропустили, и поэтому сейчас на него не может претендовать ни одно государство. По праву первого поселенца эта планета и окружающее ее пространство радиусом в несколько миллионов миль принадлежит вам, Билл.

Я был просто ошарашен и не мог вымолвить ни слова.

— В связи с этим, — продолжала Мэйвис, — наше пребывание здесь лишено каких-либо законных оснований. Мы улетаем немедленно.

— Но вы не можете взлететь! — закричал я. — Я не успел еще починить ваши сфинкс-клапаны!

— У любого тайного агента есть запасные сфинкс-клапаны, — мягко сказала Мэйвис...

Я смотрел, как они уходят к своим кораблям, и думал об ожидавшем меня одиночестве. У меня не будет правительства, которое устанавливало бы за мной надзор. Не придется мне услышать в夜里 чьи-то шаги за своей спиной и, обернувшись, обнаружить сосредоточенную физиономию одного из шпионов. Никогда больше жужжание старой кинокамеры не будет ласкать мой слух во время работы, а гудение неисправного звукозаписывающего аппарата убаюкивать по вечерам.

И все-таки больше всего мне было жаль их, этих бедных, усердных, неуклюжих и неумелых шпионов, которым приходится теперь возвращаться в мир бешеных темпов, зверской конкуренции и голого чистогана. Где еще найдут они себе такого подозреваемого, как я, или другую такую планету?

— Прощайте, Билл, — сказала Мэйвис и протянула мне руку.

Я смотрел, как она направляется к кораблю Уоллеса, и вдруг до меня дошло, что она уже больше не мой шпик!

— Мэйвис! — закричал я и бросился за ней.

Она заспешила к кораблю, но я поймал ее за руку.

— Подожди. Помнишь, я что-то начал говорить тебе еще в космосе? А потом здесь, на планете, я тоже хотел сказать тебе...

Она попыталась вырваться, и я совсем будничным голосом промямлил:

— Мэйвис, я люблю тебя.

В то же мгновение она оказалась в моих объятиях. Мы поцеловались, и я сказал ей, что ее дом здесь, на этой планете, покрытой тенистыми лесами и желто-зелеными полями. Здесь, вместе со мной. Она онемела от счастья.

Увидев, что Мэйвис не собирается улетать, юный Рой также пересмотрел свое решение. Овощи мистера Уоллеса как раз начали созревать, и он почувствовал, что обязан остаться, чтобы присматривать за ними. И у остальных оказались неотложные дела на этой планете.

Так я стал тем, кем остаюсь по сей день, — правителем, королем, диктатором, президентом и кем только мне вздумается себя назвать. Бывшие шпики теперь толпами опускаются на нашу планету. Они прибывают не только из Америки, но практически со всех концов Земли. Для того чтобы прокормить эту ораву, мне придется вскоре импортировать продукты питания. Но правители других планет начали откликаться мне в помощи. Они считают, что я подкупаю их шпиков, чтобы они сбегали ко мне.

Клянусь, что я ничего такого не делал. Они просто прилетают и остаются.

Я не могу подать в отставку, так как эта планета — моя собственность. А отправить их обратно — не хватает духа. Я дошел уже до предела.

Все мои подданные — бывшие правительственные агенты. Поэтому вы могли бы решить, что я не встречу никаких затруднений при формировании правительства. Но в действительности я не нашел никакой поддержки у них в данном вопросе. Я оказался

единовластным правителем планеты, населенной фермерами, скотоводами и пастухами, так что, во всяком случае, с голоду мы не умрем. Но в конце концов не в этом дело. Суть в том, что я не представляю себе, черт возьми, как мне управлять.

Ведь ни один из них не желает быть шпионом и доносить на своих друзей.

НАКОНЕЦ-ТО ОДИН

Корабль, отправлявшийся раз в год на Ио, занял стартовую позицию, и полчища андроидов приступили к завершению наземной подготовки. Собравшаяся поглазеть на это событие толпа в предвкушении развлечения все более уплотнялась. Прозвучал горн, пронзительно завизжала предупредительная сирена. Из последних не задраенных иллюминаторов посыпались конфетти, продолговатые ленты серебристого и алоого цвета.

— Всем провожающим покинуть борт корабля! — раздался из громкоговорителя зычный голос капитана — разумеется, человека.

В центре всего этого оживления стоял с лоснящимся от пота лицом Ричард Арвелл. Груда багажа вокруг него с каждой минутой все более увеличивалась. Дорогу к кораблю ему преградил невысокий, смешной на вид правительственный чиновник.

— Нет, сэр, я никак не могу позволить вам сделать это, — не без пафоса произнес чиновник.

Пропуск Арвелла был подписан и завизирован, билет оплачен, документы в полном порядке. Ему пришлось выстоять перед доброй сотней дверей, объясняться с сотней невежд и тем не менее удалось добиться своего. И теперь, в самом конце восхождения к успеху, удача отвернулась от него.

Печатается по изд.: Шекли Р. Наконец-то один: Избранное, т. 2. — Калуга: Библио, 1992

© Перевод на русский язык, А. Кон, 1991

— Мои документы в полном порядке, — настаивал Арвелл с деланным спокойствием.

— На вид они действительно в порядке, — спокойно возразил чиновник. — Только вот цель вашего вылета настолько абсурдна...

В это мгновение робот-носильщик неуклюже подхватил ящик с андроидом Арвелла.

— Осторожнее! — крикнул Арвелл.

Робот с грохотом уронил ящик на землю.

— Идиот! Дурак неумелый! — Арвелл обратился к чиновнику: — Неужели нельзя было сделать хоть одного толкового робота, который бы следовал указаниям?

— Именно этот вопрос в один прекрасный день задала моя жена, — ответил чиновник, сочувственно улыбаясь. — Как раз тогда, когда наш андроид...

— Грузить все это в корабль, сэр? — спросил робот.

— Пока нет, — ответил чиновник.

— Всем посторонним покинуть корабль! Последнее предупреждение! — прогремели громкоговорители.

Чиновник снова уставился в бумаги Арвелла.

— Так вот. Все дело в месте назначения. Вы действительно желаете отправиться на один из астероидов, сэр?

— Именно так, — ответил Арвелл. — Я намерен обосноваться на одном из астероидов. Как раз об этом и говорится в моих документах. Соблаговолите подписать их и пропустить меня на корабль.

— Но ведь на астероидах никто не живет. Там нет поселений.

— Я знаю.

— На астероидах, по сути, нет ни единого человека.

— Верно.

— Вы будете совершенно один.

— Я хочу быть один, — с жаром произнес Арвелл.

Чиновник недоверчиво глянул на него.

— Примите во внимание связанный с этим риск. В наше время никто никогда не остается один.

— Я останусь. Как только вы подпишете мои бумаги, — взмолился Арвелл. Взглянув на корабль, он

увидел, что все иллюминаторы уже закрыты и задраены. — Пожалуйста!

Чиновник колебался. Документы, несомненно, были в полном порядке. Но оставаться одному — совершенно одному — опасно. Это равносильно самоубийству.

Однако — и этого нельзя было отрицать — нарушения законов здесь не было никакого.

Не успел он нацарапать свою подпись, как Арвелл закричал:

— Носильщик! Носильщик! Грузите все это в корабль! Поторапливайтесь! И осторожнее с андроидом!

Робот-носильщик поднял ящик так резко, что Арвелл услышал, как стукнулась о стенку голова андроида. Он вздрогнул, но сейчас было не время выговаривать роботу — закрывалась последняя дверь.

— Подождите! — закричал Арвелл и бегом пустился по бетонной площадке. Робот-носильщик громыхал вслед за ним. — Подождите! — снова закричал он, поскольку корабельный андроид продолжал тщательно закрывать дверь, не обращая внимания на распоряжения Арвелла, не подкрепленные корабельным начальством.

Пришлось вмешаться одному из людей, членов экипажа корабля, и процесс закрытия двери пристановился. Арвелл с разбегу влетел внутрь корабля, за ним вдогонку через дверной проем пролетел багаж, и дверь закрылась.

— Ложитесь! — закричал кто-то из экипажа — человек. — Пристегнитесь. Выпейте вот это. Мы отправляемся.

Как только корабль задрожал и начал подниматься, Арвелл ощущал ни с чем не сравнимое хмельное чувство огромного удовлетворения. Он все-таки добился своего, победил и скоро, очень скоро, будет один.

Однако треволнения Арвелла не закончились даже в космосе. Ибо капитан корабля, высокий седеющий мужчина, наотрез отказался высадить его на астероиде.

— У меня это никак не укладывается в голове. Вы хотя бы ведаете, что творите? Я прошу вас пересмотреть свое решение.

Они сидели в мягких креслах в уютной кабине капитана. Арвелл чувствовал себя невыносимо уставшим. Его раздражало самодовольное, ничем не примечательное лицо шкипера. На какое-то мгновение он даже задумался: а не придушить ли этого человека. Однако в этом случае ему уже ни за что не видать столь желанного уединения. Каким-то образом он должен убедить и этого последнего угрюмого идиота, стоящего у него на пути.

За спиной капитана бесшумно возник робот-стюард.

— Не угодно ли выпить, сэр? — раздался резкий металлический голос робота.

От неожиданности капитан едва не подпрыгнул.

— Неужели обязательно нужно шнырять у меня за спиной? — возмутился капитан, обращаясь к роботу.

— Простите, сэр, — ответил робот. — Не угодно ли выпить, сэр?

Оба человека взяли бокалы.

— Почему, — задумчиво произнес капитан, — эти машины нельзя надлежащим образом вышколить?

— Я и сам не раз задумывался над этим, — сказал Арвелл.

— Вот этот робот, — продолжал капитан, — в высшей степени квалифицированный слуга. И тем не менее у него выработалась нелепая привычка шнырять у людей за спиной.

— А моему андроиду, — заметил Арвелл, — при суща очень неприятная дрожь левой руки, нарушение координации, отставание по фазе одних движений от других. Так, во всяком случае, объяснили мне эту особенность механики. Один даже обещал попытаться устраниить.

Капитан пожал плечами.

— Может быть, новые модели лишены... — Он безнадежно махнул рукой и поднес бокал к губам.

Арвелл отпил немного из своего бокала и решил, что атмосфера взаимопонимания в конце концов установилась. Он докажет капитану, что вовсе не сумасшедший. Напротив, его воззрения вполне обычны.

Теперь самое время воспользоваться преимуществами сложившейся ситуации.

— Надеюсь, сэр, — сказал он, — астероид не доставит вам особых хлопот.

Капитан досадливо поморщился.

— Мистер Арвелл, вы упрашиваете меня совершиТЬ по сути антиобщественный поступок. Для меня, как для человеческого существа, сам факт вашей высадки на астероиде будет чем-то вроде проявления собственной несостоятельности. В нашу эпоху никто не бывает одиноким. Мы держимся все вместе, жмемся друг к другу. Многолюдье обеспечивает нам ощущение покоя и безопасности. Мы поддерживаем друг друга.

— Совершенно верно. Но необходимо также допускать и возможность индивидуальных различий. Я — один из тех немногих, которые искренне хотят единения. Из-за этого я могу казаться чудаком. Но, разумеется, к моим желаниям следует относиться с уважением.

— Гм-м-м... — Капитан серьезно взглянул на Арвелла. — Вам просто кажется, что вы хотите единения. А приходилось ли вам испытать его хоть раз по-настоящему?

— Нет, — признался Арвелл.

— О, тогда вы и понятия не имеете об опасностях, присущих этому состоянию. Разве не лучше было бы, мистер Арвелл, в полной мере пользоваться преимуществами нашей эпохи?

Капитан стал разглагольствовать о Великом Мире, который длится уже более двухсот лет, и о психологической стабильности, благодаря которой он существует. Слегка раскрасневшись, он горячо защищал взаимовыгодный симбиоз между человеком — этим организовавшим общество животным — и его творениями — безупречно действующими машинами. Он напомнил о величайшей задаче человечества — организации функционирования своих созданий с наибольшей эффективностью.

— Все это верно, — согласился Арвелл, — но не для меня.

— А вы пытались подступиться к этому? — хитро улыбаясь, спросил капитан. — Вы испытывали глубоко волнующее чувство взаимного сотрудничества? Чувство удовлетворения, которое приносит руководство сельскохозяйственными андроидами, когда они возделывают пшеничные поля, управление андроидами, орудующими под водой? Какая важная, полезная задача! Даже наиболее простая задача — быть надсмотрщиком, ну, скажем, над двумя или тремя десятками фабричных роботов, и то позволяет испытать при ее решении чувство глубокого удовлетворения. И этим чувством можно поделиться и в еще большей степени усилить его посредством контактов со своими собратьями-людьми.

— Все это не доставляет лично мне ни малейшего удовлетворения, — сказал Арвелл. — Все это не для меня. Я хочу провести остаток своих дней в одиночестве, читая книги и размышляя на своем крохотном астероиде.

Капитан устало потер веки.

— Мистер Арвелл, я не сомневаюсь, что вы в здравом уме и поэтому являетесь хозяином своей судьбы. Я не могу остановить вас. Но все-таки подумайте! Одиночество опасно для современного человека. Невероятно опасно, хотя это не сразу заметно. По этой причине люди научились избегать его.

— Для меня это не опасно, — произнес Арвелл.

— Остается только надеяться, — сказал капитан. — Я от души желаю вам успеха.

Наконец была пройдена орбита Марса, и начался пояс астероидов. С помощью капитана Арвелл выбрал подходящих размеров каменную глыбу. Корабль сравнял свою скорость со скоростью астероида.

— Вы продолжаете настаивать, что четко представляете себе, что именно хотите сделать? — спросил капитан на прощание.

— Безусловно! — воскликнул Арвелл, едва сдерживая волнение оттого, что столь желанное одиночество совсем уже рядом.

В течение нескольких следующих часов члены экипажа, облеченные в скафандры, переносили пожитки Арвелла с корабля на астероид и закрепляли

их на поверхности. Они смонтировали генераторы воды и воздуха и выгрузили запасы основных компонентов для производства пищи. Наконец они надули прочный купол из пластика, внутри которого предстояло жить Арвеллу, и приступили к распаковке андроида.

— Поосторожнее с ним, — предупредил Арвэлл.

Неожиданно ящик выскользнул из неловких рук робота и начал медленно уплывать прочь.

— Зацепите за него трос! — крикнул капитан.

— Быстрее, — взвизгнул Арвэлл, наблюдая, как его бесценная машина уплывает в безвоздушное пространство.

Один из членов команды — человек — выпустил гарпун с тросом и начал притягивать к себе колотившийся по корпусу корабля ящик. Без дальнейших задержек он был прикреплен к астероиду. Теперь наконец Арвэлл был полностью готов к вступлению во владение своей крохотной планетой.

— Я хочу, чтобы вы еще разок серьезно задумались над этим, — мрачно сказал капитан. — Над опасностью одиночества.

— Все это предрассудки, — резко огрызнулся Арвэлл, сгорая от желания остаться одному. — Никакой такой опасности не существует.

— Я вернусь с дополнительным грузом провизии через шесть месяцев. Поверьте мне, опасность существует. Ведь совсем не случайно современный человек избегает...

— Мне можно идти? — оборвал капитана Арвэлл.

— Пожалуйста. Желаю удачи.

Одетый в скафандр, с гермошлемом на голове, Арвэлл оттолкнулся от корабля в направлении своего крохотного островка в космосе и уже с него наблюдал за отлетом. Когда корабль стал светящейся точкой не больше обычной звезды, он принялся за обустройство. Прежде всего, разумеется, андроид. Он надеялся, что, несмотря на грубое обращение, андроид не получил каких-либо повреждений. Арвэлл быстро вскрыл ящик и активировал механизм. Стрелка прибора на лбу андроида показывала, что накопление энергии идет нормально. Вполне нормально.

Арвелл осмотрелся. Астероид представлял собой вытянутую черную скалу. На нем находились все припасы Арвелла, андроид, пища и книги. Со всех сторон беспредельный космос, холодный свет звезд и тусклого солнца и абсолютно черная ночь.

Он слегка вздрогнул и отвернулся.

Андроид был активирован полностью. Впереди не было работы. Но Арвелл как очарованный еще раз взглянул на окружавшее его космическое пространство.

Корабль, едва различимая звездочка, скрылся из виду. Впервые Арвелл ощутил то, о чем раньше имел только смутное представление. Он ощутил уединение. Уединение полное и абсолютное. Из глубины ночи, которой теперь никогда не будет конца, на него безжалостно глядели алмазные точки звезд. Вокруг не было ни единого человека — для него лично человеческая раса перестала существовать. Он был один.

От этого можно сойти с ума.

Арвелл был в восторге.

— Наконец-то я один! — крикнул он звездам.

— О да, — произнес андроид, резко вскакивая на ноги и бросаясь к нему. — Наконец-то мы одни!

НА БЕРЕГУ СПОКОЙНЫХ ВОД

Марк Роджерс, старатель, отправился в пояс астероидов на поиски радиоактивных руд и редких металлов. Он занимался этим несколько лет, перебираясь от одного каменного обломка к другому, но без особых удач. Наконец он обосновался на каменной глыбе толщиной около полукилометра.

Роджерс словно уже родился старым: после определенного возраста его внешность почти перестала меняться. Лицо его стало бледным от долгого пребывания в космосе, а руки слегка дрожали. Каменную глыбу он назвал Мартой — в честь девушки, с которой никогда не был знаком.

Ему немного повезло — он нашел небольшую жилу и заработал достаточно, чтобы привезти на Марту воздушный насос, скромный домик — скорее хижину — несколько тонн земли, баки с водой и робота. А затем обустроился и предался созерцанию звездного неба.

Робот он купил стандартного — универсальную рабочую модель со встроенной памятью и словарем в тридцать слов, который Марк начал по словечку увеличивать. Он имел кое-какой опыт по части всяческих железок, к тому же Марку очень нравилось приспосабливать на свой вкус все, что его окружало.

Пер. изд: Sheckley R. Beside Still Waters: Untouched by Human Hands. Ballantine, N.Y., 1954

Copyright © 1954 by Robert Sheckley

© Перевод на русский язык, «Полярис», 1994

Поначалу робот умел произносить лишь «Да, сэр» и «Нет, сэр». Он мог излагать простейшие проблемы: «Воздушный насос барахлит, сэр». «Пшеница прорастает, сэр». Был способен и на вполне удовлетворительное приветствие: «Доброе утро, сэр».

Марк все изменил. Для начала он выкинул всяческие «сэры» из словаря робота; на его астероиде равенство стало законом. Затем назвал робота Чарльзом — в честь отца, которого никогда не видел.

Шли годы, и воздушный насос начал протекать, превращая содержащийся в скалах планетоида кислород в пригодную для дыхания атмосферу. Воздух понемногу просачивался в космос, и насосу приходилось работать несколько интенсивнее, вырабатывая больше кислорода.

На ухоженном клочке чернозема исправно вырастали урожаи. Подняв голову, Марк мог видеть пронзительную черноту космической реки и плавущие по ней точечки звезд. Вокруг него, под ним и над головой медленно дрейфовали обломки скал, и изредка на их темных боках поблескивало сияние звезд. Иногда Марк замечал Марс или Юпитер. Однажды ему показалось, что он увидел Землю.

Марк начал записывать на встроенную в Чарльза ленту новые ответы, которые тот произносил, услышав ключевую фразу. И теперь на вопрос: «Неплохо смотрится, верно?» — Чарльз отвечал: «По-моему, просто здорово».

Поначалу робот произносил те же самые ответы, которые Марк привык слышать, долгие годы разговаривая сам с собой. Но понемногу он начал создавать в Чарльзе новую личность.

Марк всегда относился к женщинам с подозрительностью и презрением, но по каким-то причинам не отразил это отношение на ленте Чарльза. И точка зрения робота стала совершенно другой.

— Что ты думаешь о девушких? — мог спросить Марк, когда, покончив с домашними делами, усаживался возле хижины на упаковочный ящик.

— Даже не знаю. Сперва надо отыскать подходящую. — Робот отвечал старательно, воспроизводя записанные на ленту ответы.

— А мне вот хорошая девушка пока не попадалась, — произносил Марк.

— Знаешь, это нечестно. Наверное, ты искал недостаточно долго. В мире для каждого мужчины имеется девушка.

— Да ты романтик! — презрительно говорил Марк.

Тут робот делал паузу — заранее предусмотренную — и посмеивался тщательно сконструированным довольным смехом.

— Когда-то я мечтал о девушке по имени Марта, — продолжал Чарльз. — И кто знает, может, если поискать хорошенъко, я еще смогу ее найти.

Затем наступало время ложиться спать. Но иногда Марку хотелось еще немного поболтать.

— Что ты думаешь о девушках? — снова спрашивал он, и прежний разговор повторялся.

Чарльз старел. Его сочленения утрачивали гибкость, а кое-какие провода начали ржаветь. Марк мог работать часами, ремонтируя робота.

— Ржавеешь помаленьку, — подшучивал он.

— Да и ты не юноша, — отвечал Чарльз. У него почти всегда был готовый ответ. Пусть незамысловатый, но все же ответ.

На Марте стояла вечная ночь, но Марк делил время на утро, день и вечер. Их жизнь шла по простому расписанию. Завтрак из овощей и консервов из запасов Марка. Затем робот отправлялся работать в поле, где растения тянулись из земли, привыкая к его прикосновениям. Марк чинил насос, проверял водопровод и наводил порядок в безупречно чистой хижине. Потом ленч, и на этом обязанности робота обычно заканчивались.

Они садились на упаковочный ящик и смотрели на звезды. Они могли разговаривать до самого ужина, а иногда прихватывали и кусок бесконечной ночи.

Со временем Марк обучил робота вести более сложную беседу. Конечно, ему не по силам было научить робота вести непринужденный разговор, но он смог добиться предела возможного. Пусть очень медленно, но в Чарльзе развивалась личность — поразительно не похожая на самого Марка.

Там, где Марк ворчал, Чарльз сохранял невозмутимость. Марк был язвительным, а Чарльз наивным. Марк был циник, а Чарльз — идеалист. Марк зачастую грустил, а Чарльз постоянно пребывал в добром расположении духа.

И через некоторое время Марк позабыл, что когда-то сам записал в Чарльза все его ответы. Он стал воспринимать робота как своего друга-ровесника. Друга, рядом с которым прожил долгие годы.

— Чего я никак не пойму, — говорил Марк, — так это почему мужик вроде тебя захотел здесь жить. Я вот что имею в виду — для меня тут самое подходящее место. Никому до меня дела нет, да и мне на прочих, вообще-то говоря, начхать. Но ты-то?

— Тут у меня есть целый мир, — отвечал Чарльз, — который на Земле мне пришлось бы делить с миллиардами других. Есть звезды, крупнее и ярче, чем на Земле. А вокруг меня — необъятное пространство, похожее на спокойные воды. И есть ты, Марк.

— Эй, не становись из-за меня сентиментальным...

— А я и не становлюсь. Дружба важнее всего. А любовь, Марк, я потерял много лет назад. Любовь девушки по имени Марта, с которой никто из нас двоих не был знаком. И жаль. Но остается дружба, и остается вечная ночь.

— Да ты поэт, черт возьми! — с легким восхищением произносил Марк.

— Бедный поэт.

Текло время, не замечаемое звездами, и воздушный насос шипел, клацал и протекал. Марк чинил его постоянно, но воздух на Марте становился все более

разреженным. И хотя Чарльз не покладая рук трудился на полях, растения медленно умирали.

Марк так устал, что уже едва ковылял с места на место, несмотря на почти полное отсутствие гравитации. Большую часть времени он проводил в постели. Чарльз кормил его, как мог, с трудом передвигаясь на скрипучих, тронутых ржавчиной конечностях.

- Что ты думаешь о девушках?
- Мне хорошая еще не попадалась.
- Знаешь, это нечестно.

Марк слишком устал, чтобы видеть приближающийся конец, а Чарльза это не интересовало. Но конец был близок. Воздушный насос грозил отказать в любой момент. Уже несколько дней не было никакой еды.

- Но ты-то?
- Здесь у меня есть целый мир...
- Не становись сентиментальным...
- И любовь девушки по имени Марта.

Лежа в постели, Марк в последний раз увидел звезды. Большие, как никогда раньше, бесконечно плавущие в спокойных водах космоса.

- Звезды... — сказал Марк.
- Да?
- Солнце?
- ...будет сиять, как сияет сейчас. И потом.
- Чертов поэт.
- Бедный поэт.
- А девушки?
- Когда-то я мечтал о девушке по имени Марта. Быть может, если...
- Что ты думаешь о девушках? А о звездах? О Земле?

И наступило время заснуть, на этот раз навсегда.

Чарльз стоял возле тела своего друга. Он пощупал пульс и выпустил иссохшую руку. Прошел в угол хижины и выключил усталый воздушный насос.

Внутри Чарльза крутилась когда-то подготовленная Марком, потрескавшаяся лента. Оставалось еще несколько дюймов до конца.

— Надеюсь, он нашел свою Марту, — прохрипел робот.

Затем лента порвалась.

Его ржавые конечности не сгибались, и он неподвижно застыл, глядя на обнаженные звезды. Потом склонил голову.

— Господь — пастырь мой, — сказал Чарльз. — Зачем мне желания мои? На пажитях зеленых положил он меня; он указал мне путь...

ПРИКЛАДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

ЦАРСКАЯ ВОЛЯ

Просидев два часа на корточках под прилавком с посудой, Боб Грейнджер почувствовал, что у него затекли ноги. Он шевельнулся, желая неприметно изменить позу, и увесистая клюшка для гольфа с грохотом скатилась на пол с его колен.

— Тсс, — шепнула Джейнис; она крепко сжимала железную дубинку.

— Не думаю, чтобы он появился, — сказал Боб.

— Сиди тихонько, милый, — по-прежнему шепотом ответила Джейнис, напряженно глядываясь в темноту.

Пока еще ничто не предвещало появления вора. Но вот уже целую неделю он приходил сюда каждую ночь, таинственно похищая генераторы, холодильники и кондиционеры. Таинственно — ибо не взламывал замков, не вырезал оконных стекол и не оставлял следов. Тем не менее каким-то чудом он забирался в магазин и каждый раз наносил изрядный урон их добру.

— Вряд ли из нашей затеи что-нибудь выйдет, — зашептал Боб. — В конце концов, если человек способен унести на спине генератор весом в несколько сот фунтов...

— Ничего, управимся, — возразила Джейнис с уверенностью, благодаря которой в свое время получила

Печатается по изд.: Шекли Р. Царская воля: Туннель под миром. — М.: Мир, 1965. — Пер. изд.: Sheckley R. The King's Wishes: Untouched by Human Hands. Ballantine, N. Y., 1954

© Fantasy House, Inc., 1953

© Перевод на русский язык, Н. Евдокимова, 1965

звание старшего сержанта Женского мотопехотного корпуса. — Кроме того, должны же мы как-то унять его: ведь из-за этого откладывается наша свадьба.

Боб кивнул. На свои армейские сбережения они с Джейнис открыли в родном городке универсальный магазин и собирались пожениться, как только позволит доход. Однако если пропадают холодильники и кондиционеры воздуха...

— Кажется, я что-то слышу, — заметила Джейнис и перехватила дубинку поудобнее.

Где-то в магазине раздался едва уловимый шорох. Они затаили дыхание. Затем послышались приглушенные шаги — кто-то ступал по линолеуму.

— Когда он выйдет на середину зала, — прошептала Джейнис, — включай свет.

Наконец они различили в темном зале какое-то черное пятно. Боб включил свет и крикнул: «Ни с места!»

— Не может быть! — ахнула Джейнис, чуть не выронив дубинку. Боб обернулся и судорожно глотнул воздух.

Перед ними стоял детина ростом добрых три метра. На лбу его явственно проступали рожки, за спиной мотались крохотные крылышки. Одет он был в шаровары из грубой бумажной ткани индийского производства и белый спортивный свитер с алыми буквами на груди: «Политехнический им. Иблиса». На огромных ножищах красовались поношенные белые башмаки из оленьей кожи, а светлые волосы были подстрижены бобриком.

— Проклятье! — пробормотал незваный гость, увидев Боба и Джейнис. — Так и знал, что надо было прослушать в колледже курс невидимости.

Он обхватил руками живот и надул щеки. Мгновенно ноги его исчезли. Великан продолжал дуть изо всех сил, пока не стал невидимым и живот, однако дальше дело не пошло.

— Не умею, — виновато сказал он и выдохнул весь воздух. Живот и ноги снова обозначились. — Сноровки не хватает. Проклятье!

— Чего тебе надо? — спросила Джейнис, грозно выпрямившись во все свои полтора с небольшим метра.

— Чего надо? Сейчас соображу. Ах да, вентилятор! — Он пересек зал и легко поднял с пола большой вентилятор.

— Постой! — крикнул Боб. Он подошел к гиганту, держа наготове клюшку для гольфа. Джейнис выглядела из-за его спины. — Интересно, куда это ты с ним собрался?

— К царю Алериану, — ответил гигант. — Он возжелал владеть вентилятором.

— Ах, возжелал, вот оно что! — протянула Джейнис. — Ну-ка, поставь на место. — Она замахнулась дубинкой.

— Но ведь я тут ни при чем, — возразил молодой гигант, нервно подрагивая крыльшками. — Царь его возжелал.

— Пеняй на себя, — сквозь зубы процедила Джейнис.

После службы в армии, где она ремонтировала моторы для джипов, Джейнис была в отличной форме, несмотря на малый рост. Она хватила гиганта дубинкой; при этом ее светлые волосы беспорядочно разметались.

— Ух! — воскликнула Джейнис. Дубинка отскочила от головы странного существа, едва не свалив девушку с ног. В тот же миг Боб замахнулся клюшкой, норовя пересчитать гиганту ребра.

Клюшка прошла сквозь гиганта и, подскочив, упала на пол.

— На ферру сила не действует, — извиняющимся тоном сообщил гигант.

— На кого? — переспросил Боб.

— На ферру. Мы приходимся двоюродными братьями джиннам, а по женской линии состоим в родстве с дэвами. — Он снова направился к центру зала, зажав вентилятор в широченном кулаке. — А теперь, с вашего разрешения...

— Это демон? — От изумления Джейнис разинула рот. В детстве родители запрещали ей слушать сказки о призраках и демонах, и Джейнис выросла трезвой

реалисткой. Она ловко чинила любые механизмы — таков был ее пай в деловом товариществе. Все сколько-нибудь более причудливое она предоставляла Бобу.

Боб, воспитанный на щедрых порциях Бэрроуза и «Волшебника Изумрудного города», оказался более легковерным. — Вы хотите сказать, что вышли из «Тысячи и одной ночи»? — спросил он.

— Да нет же, — поморщился ферра. — Арабские джинны приходятся мне двоюродными братьями. Все демоны связаны между собою узами родства, но я — ферра, из рода ферр.

— Будьте любезны, скажите, пожалуйста, — почти тельно обратился Боб к гостю, — для чего вам понадобился генератор, холодильник и кондиционер воздуха?

— С охотой и удовольствием, — ответил ферра, ставя вентилятор на пол. Он пошарил рукой в воздухе, нашел то, что искал, и уселся на пустоту. Затем скрестил под собой ноги и зашнуровал потуже один башмак. — Недельки три назад я окончил политехнический колледж имени Иблиса, — приступил он к своему повествованию. — И, конечно, тотчас же подал заявление на государственную гражданскую службу. Испокон веков мои предки были государственными чиновниками, так уж у нас в роду повелось. Ну и вот, заявлений, как всегда, была целая куча, так что я...

— На государственную гражданскую службу? — повторил Боб.

— Ну да. Это ведь все государственные посты — даже джинн волшебной лампы Алладина был правительственным чиновником. Надо, видите ли, пройти специальные испытания...

— Не отвлекайся, — попросил Боб.

— Так вот... Поклянитесь, что это останется между нами... я получил работу по знакомству. — Гость вспыхнул от смущения, и щеки его стали оранжевыми. — Мой отец — член Совета преисподней — пустил в ход все свое влияние. Меня назначили феррой Царского кубка, обойдя 4000 ферр с ученой степенью. Это большая честь, знаете ли.

Все помолчали, и ферра заговорил вновь.

— Надо признаться, я не был как следует подготовлен, — промолвил он печально. — Ферра кубка должен быть искусствником во всех областях демонологии. А я только-только со студенческой скамьи, да еще с посредственными отметками. Но мне, разумеется, казалось, будто я с чем угодно справлюсь.

Ферра на мгновение умолк и уселся в воздухе поудобнее.

— Однако не стоит морочить вам голову своими заботами, — опомнился он, соскакивая с воздуха на пол. — Еще раз прошу прощения...

Он поднял с пола вентилятор.

— Минуточку, — сказала Джейнис. — Это царь приказал тебе взять именно наш вентилятор?

— Отчасти, — ответил ферра, вновь окрашиваясь в оранжевый цвет.

— Скажи-ка, — поинтересовалась Джейнис, — а твой царь богат? — Пока что она решила обращаться с этим сверхъестественным явлением как с обычным человеком.

— Он весьма состоятельный монарх.

— В таком случае почему он не платит за это барахло деньги? — осведомилась Джейнис. — Для чего ему обязательно нужно краденое?

— Ну, — промямлил ферра, — ему просто негде купить.

«Какая-нибудь отсталая восточная страна», — подумала Джейнис.

— Отчего бы ему не ввозить электротовары из-за границы? Любая фирма с радостью пойдет ему на встречу, — произнесла она вслух.

— Все это страшно неудобно, — уклонился от ответа ферра и потер один башмак о другой. — Жаль, что я не могу стать невидимкой.

— Выкладывай, — не отставал Боб.

— Если хотите знать, — угрюмо ответил ферра, — царь Алериан живет в том времени, которое вы называете двухтысячным годом до вашей эры.

— Тогда каким же...

— Да погодите, — сердито сказал молодой ферра. — Я вам все объясню. — Он вытер вспотевшие

руки о белый свитер. — Как я уже рассказывал, мне досталась должность ферры Царского кубка. Я, естественно, ожидал, что царь потребует драгоценных камней или прекрасных женщин, — то и другое я доставил бы без труда. Этот раздел колдовства входит в программу первого семестра. Однако драгоценных камней у царя было достаточно, а жен больше чем достаточно — он совершенно не знал, что с ними делать. И вот он приказал мне — что бы вы думали? «Ферра, летом в моем дворце жарко. Сотвори нечто такое, что принесло бы во дворец прохладу».

Я тут же понял, что попался. Ферры учатся изменять климат лишь на специальных семинарах. Наверное, я слишком много времени убивал на беговой дорожке. Что называется, влип.

Я поспешил обратиться к Большой магической энциклопедии и посмотрел статью «Климат». Заклинания оказались для меня чересчур сложными. О том, чтобы просить помощи, не могло быть и речи. Это означало бы расписаться в собственной непригодности. Однако я вычитал, что в двадцатом веке существует искусственное управление климатом. Тогда я проник в будущее по узенькой тропинке и взял один из ваших кондиционеров. Потом царь повелел сделать так, чтобы его яства не портились, и я вернулся за холодильником. Потом...

— И все это ты подключил к генератору? — спросила Джейнис, которую занимала техническая сторона вопроса.

— Да. Я, может, не так уж силен в заклинаниях, зато в технике кое-что смыслю.

«А ведь у него концы с концами сходятся», — подумал Боб. Действительно, кто умел за 2000 лет до нашей эры создавать во дворце прохладу? За все сокровища мира нельзя было купить струю ледяного воздуха из кондиционера или холодильник, гарантирующий свежесть пищи. Однако Бобу не давала покоя мысль: что же это за демон? На ассирийского не похож. Что не египетский — ясно...

— Нет, не понимаю, — сказала Джейнис. — В прошлом? Ты имеешь в виду путешествие по времени?

— Именно. В колледже я специализировался в путешествиях по времени, — подтвердил ферра с мальчишечьи-горделивой ухмылкой.

«Может быть, ацтекский, — думал тем временем Боб, — хотя это маловероятно...»

— Что ж, — посоветовала Джейнис, — обратись еще куда-нибудь. Почему бы тебе, например, не ограбить крупный универсальный магазин в столице?

— Ваш магазин — единственный, куда приводят тропинка во времени, — пояснил ферра.

Он поднял вентилятор.

— Мне, право же, неприятно, но если я не выдвинусь у царя Алериана, то никогда уже не получу другого назначения. Имя мое будет предано забвению.

И он исчез.

Полчаса спустя Боб и Джейнис сидели в угловой кабинке кафе, работающего круглосуточно. Они пили черный кофе и вполголоса переговаривались.

— Не верю ни единому слову! — горячилась Джейнис, к которой вернулся весь природный скепсис. — Демоны! Ферры!

— Придется тебе поверить, — устало отозвался Боб. — Ты ведь видела своими глазами.

— Не следует верить всему, что видишь, — стойко ответила Джейнис. Однако тут же вспомнила об утраченных товарах, улетевшихся доходах и о свадьбе, отодвигающейся все дальше и дальше. — Ну да ладно, — сказала она. — Ох, милый, что же нам делать?

— С магией надо бороться при помощи магии, — назидательно изрек Боб. — Завтра ночью он вернется. Уж тут-то мы подготовимся.

— Я тоже так считаю, — поддержала его Джейнис. — Я знаю, где можно одолжить винчестер...

Боб покачал головой.

— Пули отскочат от него или пройдут насквозь, не причинив вреда. Добрая, испытанная магия — вот что нам нужно. Клин клином вышибают.

— А какая именно магия? — спросила Джейнис.

— Чтобы действовать наверняка, — ответил Боб, — мы уж лучше прибегнем ко всем известным видам магии. Как жаль, что я не знаю, откуда он родом. Чтобы мы получили желанный эффект, магия должна...

— Еще кофе? — спросил внезапно выросший перед ними буфетчик.

Боб виновато взглянул на него, а Джейнис покраснела.

— Пойдем отсюда, — предложила она. — Если кто-нибудь нас подслушает, мы станем всеобщим посмешищем — хоть беги из городка.

Вечером они встретились в магазине. Весь день Боб провел в библиотеке, подбирая материал. Глодом его стараний были 25 листов, с обеих сторон покрытых неуклюжими каракулями.

— А все-таки жаль, что у нас нет винчестера, — сказала Джейнис, захватившая из секции металлических изделий шоферский домкрат.

В 23.45 появился ферра.

— Привет, — заявил он. — Где вы держите электрокамины? Царю угодно что-нибудь на зиму. Открытые очаги ему надоели. Слишком сильный сквозняк.

— Изыди во имя креста! — торжественно начал Боб и показал ферре крест.

— Прошу прощения, — любезно откликнулся гость. — Ферры с христианством не связаны.

— Изыди во имя Намтару и Тиамат! — продолжал Боб, ибо в его конспектах первой значилась Месопотамия. — Во имя обитателя пустынь Шамаша, во имя Телаля и Энлиля...

— Ага, вот они, — пробормотал ферра. — Отчего я вечно ввязываюсь в какие-то неприятности? Это электрическая модель, не газовая? Камин, похоже, малость подержанный.

— Призываю создателя лодок Рату, — нараспив затянул Боб, переключаясь на Полинезию, — и покровителя травяных передников Хину.

— Еще чего, подержанный, — обозлилась Джейнис, в душе которой деловые инстинкты взяли верх. — Гарантия на год. Безоговорочная.

— Взываю к Небесному Волку, — перешел Боб к Китаю, когда Полинезия не подействовала. — К Волку, стерегущему врата Верховного божества Шан Ди. Призываю бога грома Ли Куна...

— Постойте, ведь это инфраплучевая духовка, — сказал ферра как ни в чем не бывало. — Ее-то мне и надо. И еще ванну. У вас есть ванны?

— Зову Баала, Буэра, Форкия, Мархоция, Астарту...

— Ванны здесь, не так ли? — спросил ферра у Джейнис, и та непроизвольно кивнула. — Возьму, пожалуй, самую большую. Царь довольно крупный мужчина.

— ..Единорога, Фетида, Асмодея и Инкуба! — закончил Боб. Ферра покосился на него не без уважения.

Боб гневно призвал персидского владыку света — Ормузда, а за ним — божество аммонов Молоха и божество древних филистимлян Дагона.

— Больше я, наверное, не унесу, — размышлял ферра вслух.

Боб помянул Дамбаллу, потом взмолился аравийским богам. Он испробовал фессалийскую магию и заклинания Малой Азии. Он пытался растрогать малайских духов и расшевелить ацтекских идолов. Он двинул в бой Африку, Мадагаскар, Индию, Ирландию, Малайю, Скандинавию и Японию.

— Это впечатительно, — признал ферра, — но все равно ни к чему не приведет. — Он взвалил на себя ванну, духовку и камин.

— А почему? — задохнулся от изумления Боб, который совершенно выбился из сил.

— Видишь ли, на ферр действуют только заклинания родной страны. Точно так же джинны подчиняются лишь магическим законам Аравии. Кроме того, ты не знаешь, как меня зовут; уверяю тебя, немногого добьешься, изгоняя демона, имя которого тебе неизвестно.

— Из какой же ты страны? — спросил Боб, вытирая пот со лба.

— Э, нет! — спохватился ферра. — Зная страну, ты можешь отыскать против меня верное заклинание. А у меня и так хлопот полон рот.

— Послушай, — вмешалась Джейнис. — Если царь так богат, отчего бы ему не расплатиться с нами?

— Царь никогда не платит за то, что может получить даром, — ответил ферра. — Поэтому он и богат.

Боб и Джейнис пронзили его яростным взглядом, поняв, что свадьба уплывает в неопределенное будущее.

— Завтра ночью увидимся. — С этими словами ферра дружелюбно помахал рукой и исчез.

— Ну и ну, — сказала Джейнис, когда ферра скрылся. — Что же теперь делать? У тебя есть еще какие-нибудь блестящие идеи?

— Решительно никаких, — ответил Боб, тяжело опускаясь на тахту.

— Может, еще нажмем на магию? — спросила Джейнис с легчайшей примесью иронии.

— Ничего не выйдет, — отрезал Боб. — Ни в одной энциклопедии я не нашел слов «ферра» и «царь Алериан». Он, наверное, из тех краев, о каких мы и слыхом не слыхивали. Возможно, из какого-нибудь карликового княжества в Индии.

— Везет как утопленникам, — пожаловалась Джейнис, отбросив иронический тон. — Что же нам делать? В следующий раз ему, я думаю, понадобится пылесос, а потом магнитофон.

Она закрыла глаза и стала сосредоточенно думать.

— Он и впрямь лезет из кожи вон, лишь бы только выдвинуться, — заметил Боб.

— Я, кажется, придумала, — объявила Джейнис, открывая глаза.

— Что именно?

— На первом месте для нас должна быть наша торговля и наша свадьба. Правильно?

— Правильно, — ответил Боб.

— Ладно. Пусть я не бог весть какой мастак в заклинаниях, — подытожила Джейнис, засучив рукава, — зато в технике я разбираюсь. Живо за работу.

На следующие сутки ферра нанес им визит без четверти одиннадцать. На госте был все тот же белый свитер, но башмаки из оленьей кожи он сменил на рыжевато-коричневые мокасины.

— Нынче царь меня торопит, как никогда, — сказал он. — Новая жена всю душу из него вымотала. Оказывается, ее наряды выдерживают только одну стирку. Рабы колотят их о камень.

— Понятно, — сочувственно произнес Боб.

— Бери, пожалуйста, не стесняйся, — предложила Джейнис.

— Это страшно любезно с вашей стороны, — с признательностью вымолвил ферра. — Поверьте, я способен это оценить. — Он выбрал стиральную машину. — Царица ждет. — И ферра скрылся.

Боб предложил Джейнис сигаретку. Они уселись на кушетку и стали ждать. Через полчаса ферра появился вновь.

— Что вы натворили? — спросил он.

— А что случилось? — невинно откликнулась Джейнис.

— Стиральная машина! Когда царица ее включила, оттуда вырвалось облако зловонного дыма. Затем раздался какой-то чудной звук, и машина остановилась.

— На нашем языке, — прокомментировала Джейнис, пустив кольцо дыма, — это называется «машина с фокусом».

— С фокусом?

— С «покупкой». С сюрпризом. С изъянцем. Как и все остальное в нашем магазине.

— Но вы же не имеете права! — воскликнул ферра. — Это нечестно!

— Ты такой способный, — ядовито ответила Джейнис. — Валяй, чини.

— Я похвастал, — смиренно промолвил ферра. — Вообще-то я гораздо сильнее в спорте.

Джейнис улыбнулась и зевнула.

— Да полноте, — умолял ферра, нервно подрагивая крыльышками.

— Очень жаль, но я ничем не могу помочь, — сказал Боб.

— Вы ставите меня в ужасное положение, — не унимался ферра, — меня понизят в должности. Вышвырнут с государственной службы.

— Но мы ведь не можем допустить своего разорения, правда? — спросила Джейнис.

С минуту Боб размышлял.

— Послушай-ка, — предложил он. — Почему бы тебе не дождаться царю, что ты столкнулся с мощной антимагией? Скажи, что, если ему нужны эти товары, пусть платят пошлину демонам преисподней.

— Ему это придется не по нраву, — с сомнением произнес ферра.

— Во всяком случае, попытайся, — предложил Боб.

— Попытаюсь, — сказал ферра и исчез.

— Как по-твоему, сколько можно запросить? — нарушила молчание Джейнис.

— Да посчитай ему по стандартным розничным ценам. В конце концов, мы создавали магазин в расчете на честную торговлю. Мы ведь не собирались проводить дискриминацию. А все же хотел бы я знать, откуда он родом.

— Царь так богат, — мечтательно проговорила Джейнис. — По-моему, просто грех не...

— Постой! — вскричал Боб. — Это невозможно! Разве в 2000 году до нашей эры мыслимы холодильники? Или кондиционеры?

— Что ты имеешь в виду?

— Это изменило бы весь ход истории! — объяснил Боб. — Посмотрит какой-нибудь умник на эти штуки и смекнет, как они действуют. И тогда изменится весь ход истории!

— Ну и что? — спросила практическая Джейнис.

— Что? Да то, что научный поиск пойдет по другому пути. Изменится настоящее.

— Ты хочешь сказать, что это невозможно?

— Да!

— Именно это я все время и говорила, — торжествующе заметила Джейнис.

— Да перестань, — обиделся Боб. — Надо было подумать обо всем раньше. Из какой бы страны этот ферра ни происходил, она обязательно окажет влияние на будущее. Мы не вправе создавать парадокс.

— Почему? — спросила Джейнис, но в это мгновение появился ферра.

— Царь изъявил согласие, — сообщил он. — Хватит ли этого в уплату за все, что я у вас брал? — Он протянул маленький мешочек.

Высыпав содержимое из мешочка, Боб обнаружил две дюжины крупных рубинов, изумрудов и бриллиантов.

— Мы не можем их принять, — заявил Боб. — Мы не можем вести с тобой дела.

— Не будь суеверным! — вскричала Джейнис, видя, что свадьба вновь ускользает.

— А, собственно, почему? — спросил ферра.

— Нельзя отправлять современные вещи в прошлое, — пояснил Боб. — Иначе изменится настоящее. Или перевернется мир, или еще какая-нибудь напасть приключится.

— Да ты об этом не беспокойся, — примирительно сказал ферра. — Ничего не случится, я гарантирую.

— Как знать? Ведь если бы ты привез стиральную машину в древний Рим...

— К несчастью, — вставил ферра, — государство царя Алериана лишено будущего.

— Не можешь ли ты разъяснить свою мысль?

— Запросто. — Ферра уселся в воздухе. — Через три года царь Алериан и его страна будут совершенно и безвозвратно стерты с лица земли силами природы. Не уцелеет ни один человек. Не сохранится ни единого глиняного черепка.

— Отлично, — заключила Джейнис, поднеся рубин к свету. — Нам бы лучше разгрузиться, пока он еще заключает сделки.

— Тогда, пожалуй, другое дело, — сказал Боб. Их магазин был спасен. Пожениться они могли хоть завтра. — А что же станет с тобой? — спросил он ферру.

— Ну что ж, я недурно показал себя на этой работе, — ответил ферра. — Скорее всего, попрошусь в заграничную командировку. Я слыхал, что перед арабским колдовством открываются необозримые перспективы.

Он благодушно провел рукой по светлым, коротко подстриженным волосам.

— Я буду наведываться, — предупредил он и начал исчезать.

— Минуточку, — вскочил Боб. — Не скажешь ли ты, из какой страны ты явился? И где правит царь Алериан?

— Пожалуйста, — ответил ферра, у которого была видна только голова. — Я думал, вы догадались. Ферры — это демоны Атлантиды.

С этими словами он исчез.

БУХГАЛТЕР

Мистер Дии сидел в большом кресле. Его пояс был ослаблен, на коленях лежали вечерние газеты. Он мирно покуривал трубку и наслаждался жизнью. Сегодня ему удалось продать два амулета и бутылочку приворотного зелья; жена домовито хозяйничала на кухне, откуда шли чудесные ароматы; да и трубка курилась легко... Удовлетворенно вздохнув, мистер Дии зевнул и потянулся.

Через комнату прошмыгнулся Мортон, его девятилетний сын, нагруженный книгами.

— Как дела в школе? — окликнул мистер Дии.

— Нормально, — ответил мальчик, замедлив шаги, но не останавливаясь.

— Что там у тебя? — спросил мистер Дии, махнув на охапку книг в руках сына.

— Так, еще кое-что по бухгалтерскому учету, — невнятно проговорил Мортон, не глядя на отца. Он исчез в своей комнате.

Мистер Дии покачал головой. Парень ухитрился втиснуть в башку, что хочет стать бухгалтером. Бухгалтером!.. Спору нет, Мортон действительно здорово считает; и все же эту блажь надо забыть. Его ждет иная, лучшая судьба.

Раздался звонок.

Печатается по изд.: Шекли Р. Бухгалтер: Другое небо. — М.: Политиздат, 1990. — Пер. изд.: Sheckley R. The Accountant: Citizen in Space. Ballantine, N. Y., 1955

© Fantasy House, Inc., 1954

© Перевод на русский язык, В. Баканов, 1990

Мистер Дии подтянул ремень, торопливо набросил рубашку и открыл дверь. На пороге стояла мисс Грииб, классная руководительница сына.

— Пожалуйста, заходите, мисс Грииб, — пригласил мистер Дии. — Позволите вас чем-нибудь угостить?

— Мне некогда, — сказала мисс Грииб и, подбоченясь, застыла на пороге. Серые растрепанные волосы, узкое длинноносое лицо и красные слезящиеся глаза делали ее удивительно похожей на ведьму. Да и немудрено, ведь мисс Грииб и впрямь была ведьмой.

— Я должна поговорить о вашем сыне, — заявила учительница.

В этот момент, вытирая руки о передник, из кухни вышла миссис Дии.

— Надеюсь, он не шалит? — с тревогой произнесла она.

Мисс Грииб зловеще хмыкнула.

— Сегодня я дала годовую контрольную. Ваш сын с позором провалился.

— О Боже, — запричитала миссис Дии. — Четвертый класс, весна, может быть...

— Весна тут ни при чем, — оборвала мисс Грииб. — На прошлой неделе я задала Великие Заклинания Кордуса, первую часть. Вы же знаете, проще некуда. Он не выучил ни одного.

— Хмм, — протянул мистер Дии.

— По биологии — не имеет ни малейшего представления об основных магических травах. Ни малейшего.

— Немыслимо! — сказал мистер Дии.

Мисс Грииб коротко и зло рассмеялась.

— Более того, он забыл Тайный алфавит, который учили в третьем классе. Забыл Защитную Формулу, забыл имена девяноста девяти младших бесов Третьего круга, забыл то немногое, что знал по географии Ада. Но хуже всего — он просто не желает учиться.

Мистер и миссис Дии молча переглянулись. Все это было очень серьезно. Какая-то толика мальчишеского небрежения дозволялась, даже поощрялась, ибо свидетельствовала о силе характера. Но ребенок должен

знать азы, если надеется когда-нибудь стать настоящим чародеем.

— Скажу прямо, — продолжала мисс Грииб, — в былые времена я бы его отчислила и глазом не моргнув. Но нас так мало...

Мистер Дии печально кивнул. Ведовство в последние столетия хирело. Старые семьи вымирали, становились жертвами демонических сил или учеными. А непостоянная публика утратила всякий интерес к дедовским чарам и заклятьям.

Теперь лишь буквально считанные владели Древним Искусством, хранили его, преподавали детям в таких местах, как частная школа мисс Грииб. Священное наследие и сокровище.

— Надо же — стать бухгалтером! — воскликнула учительница. — Я не понимаю, где он этого набрался. — Она обвиняюще посмотрела на отца. — И не понимаю, почему эти глупые бредни не раздавили в зародыше.

Мистер Дии почувствовал, как к лицу прилила кровь.

— Но учтите — пока у Мортоне голова занята этим, толку не будет!

Мистер Дии не выдержал взгляда красных глаз ведьмы. Да, он виноват. Нельзя было приносить домой тот игрушечный арифмометр. А когда он впервые застал Мортоне за игрой в двойной бухгалтерский учет, надо было сжечь гроссбух!

Но кто мог подумать, что невинная шалость перейдет в навязчивую идею?

Миссис Дии разгладила руками передник и сказала:

— Мисс Грииб, вся надежда на вас. Что вы посоветуете?

— Что могла, я сделала, — ответила учительница. — Остается лишь вызвать Борбаса, Демона Детей. Тут, естественно, решать вам.

— О, вряд ли все так уж страшно, — быстро проговорил мистер Дии. — Вызов Борбаса — серьезная мера.

— Повторяю, решать вам, — сказала мисс Грииб. — Хотите вызывайте, хотите нет. При нынешнем по-

ложении дел, однако, вашему сыну никогда не стать чародеем.

Она повернулась.

— Может быть, чашечку чаю? — поспешила предложила миссис Дии.

— Нет, я опаздываю на шабаш ведьм в Цинциннати, — бросила мисс Грииб и исчезла в клубах оранжевого дыма.

Мистер Дии отогнал рукой дым и закрыл дверь.

— Хм. — Он пожал плечами. — Могла бы и ароматизировать...

— Старомодна, — пробормотала миссис Дии.

Они молча стояли у двери. Мистер Дии только сейчас начал осознавать смысл происходящего. Трудно было себе представить, что его сын, его собственная кровь и плоть, не хочет продолжать семейную традицию. Не может такого быть!

— После ужина, — наконец решил мистер Дии, — я с ним поговорю. По-мужски. Уверен, что мы обойдемся без всяких демонов.

— Хорошо, — сказала миссис Дии. — Надеюсь, тебе удастся его вразумить.

Она улыбнулась, и ее муж увидел, как в глазах сверкнули знакомые ведьмовские огоньки.

— Боже, жаркое! — вдруг опомнилась миссис Дии, и огоньки потухли. Она заспешила на кухню.

Ужин прошел тихо. Мортон знал, что приходила учительница, и ел, словно чувствуя вину, молча. Мистер Дии резал мясо, сурово нахмурив брови. Миссис Дии не пыталась заговаривать даже на отвлеченные темы.

Проглотив десерт, мальчик скрылся в своей комнате.

— Пожалуй, начнем. — Мистер Дии допил кофе, вытер рот и встал. — Иду. Где мой Амулет Убеждения?

Супруга на миг задумалась, потом подошла к книжному шкафу.

— Вот, — сказала она, вытаскивая его из книги в яркой обложке. — Я им пользовалась вместо закладки.

Мистер Дии сунул амулет в карман, глубоко вздохнул и направился в комнату сына.

Мортон сидел за своим столом. Перед ним лежал блокнот, испещренный цифрами и мелкими аккуратными записями; также шесть остро заточенных карандашей, ластик, абак и игрушечный арифмометр. Над краем стола угрожающе нависла стопка книг: «Деньги» Римраамера, «Практика ведения банковских счетов» Джонсона и Кэлоуна, «Курс лекций для финансистов» и десяток других.

Мистер Дии сдвинул в сторону разбросанную одежду и освободил себе место на кровати.

— Как дела, сынок? — спросил он самым добрым голосом, на какой был способен.

— Отлично, пап! — затараторил Мортон. — Я дошел до четвертой главы «Основ счетоводства», ответил на все вопросы...

— Сынок, — мягко перебил Дии, — я имею в виду занятия в школе.

Мортон смутился и заелозил ногами по полу.

— Ты же знаешь, в наше время мало кто из мальчиков имеет возможность стать чародеем...

— Да, сэр, знаю. — Мортон внезапно отвернулся и высоким срывающимся голосом произнес: — Но, пап, я хочу быть бухгалтером. Очень хочу. А, пап?

Мистер Дии покачал головой.

— Наша семья, Мортон, всегда славилась чародействами. Вот уж одиннадцать веков фамилия Дии известна в сферах сверхъестественного.

Мортон продолжал смотреть в окно и елозить ногами.

— Ты ведь не хочешь меня огорчать, да, мальчик? — Мистер Дии печально улыбнулся. — Знаешь, бухгалтером может стать каждый. Но лишь считанным единицам подвластно искусство Черной Магии.

Мортон отвернулся от окна, взял со стола карандаш, попробовал острие пальцем, завертел в руках.

— Ну что, малыш? Неужели нельзя заниматься так, чтобы мисс Гриб была довольна?

Мортон затряс головой.

— Я хочу стать бухгалтером.

Мистер Дии с трудом подавил злость. Что случилось с Амулетом Убеждения? Может, заклинание ослабло? Надо было подзарядить...

— Мортон, — продолжил он сухим голосом. — Я всего-навсего Адепт Третьей степени. Мои родители были очень бедны, они не могли послать меня учиться в университет.

— Знаю, — прошептал мальчик.

— Я хочу, чтобы у тебя было все то, о чем я лишь мечтал. Мортон, ты можешь стать Адептом Первой степени. — Мистер Дии задумчиво покачал головой. — Это будет трудно. Но мы с твоей мамой сумели немного отложить и кое-как наскребем необходимую сумму.

Мортон покусывал губы и вертел карандаш.

— Сынок, Адепту Первой степени не придется работать в магазине. Ты можешь стать Прямым Исполнителем Воли Дьявола. Прямым Исполнителем! Ну, что скажешь, малыш?

На секунду Дии показалось, что его сын тронут, — губы Мортона разлепились, глаза подозрительно засияли. Потом мальчик взглянул на свои книги, на маленький абак, на игрушечный арифмометр.

— Я буду бухгалтером, — сказал он.

— Посмотрим! — Мистер Дии сорвался на крик, его терпение лопнуло. — Нет, молодой человек, ты не будешь бухгалтером, ты будешь чародеем. Что было хорошо для твоих родных, будет хорошо и для тебя, клянусь всем, что есть проклятого на свете! Ты еще припомнишь мои слова.

И он выскочил из комнаты.

Как только хлопнула дверь, Мортон сразу же склонился над книгами.

Мистер и миссис Дии молча сидели на диване. Миссис Дии вязала, но мысли ее были заняты другим.

Мистер Дии угрюмо смотрел на вытертый ковер гостиной.

— Мы его испортили, — наконец произнес мистер Дии. — Надежда только на Борбаса.

— О нет! — испуганно воскликнула миссис Дии. — Мортон совсем еще ребенок.

— Хочешь, чтобы твой сын стал бухгалтером? — горько спросил мистер Дии. — Хочешь, чтобы он корпел над цифрами вместо того, чтобы заниматься важной работой Дьявола?

— Разумеется, нет, — сказала жена. — Но Борбас...

— Знаю. Я сам чувствую себя убийцей.

Они погрузились в молчание. Потом миссис Дии заметила:

— Может, дедушка?.. Он всегда любил мальчика.

— Пожалуй, — задумчиво произнес мистер Дии. — Но стоит ли его беспокоить? В конце концов старик уже три года мертв.

— Понимаю. Однако третьего не дано: либо это, либо Борбас.

Мистер Дии согласился. Неприятно, конечно, нарушать покой дедушки Мортону, но прибегать к Борбасу неизмеримо хуже. Мистер Дии решил немедленно начать приготовления и вызвать своего отца.

Он смешал белену, размолотый рог единорога, болиголов, добавил кусочек драконьего зуба и все это поместил на ковре.

— Где мой магический жезл? — спросил он жену.

— Я сунула его в сумку вместе с твоими клюшками для гольфа, — ответила она.

Мистер Дии достал жезл и взмахнул им над смесью. Затем пробормотал три слова Высвобождения и громко назвал имя отца.

От ковра сразу же поднялась струйка дыма.

— Здравствуйте, дедушка. — Миссис Дии поклонилась.

— Извини за беспокойство, папа, — начал мистер Дии. — Дело в том, что мой сын — твой внук — отказывается стать чародеем. Он хочет быть... счетоводом.

Струйка дыма затрепетала, затем распрямилась и изобразила знак Старого Языка.

— Да, — ответил мистер Дии. — Мы пробовали убеждать. Он непоколебим.

Дымок снова задрожал и сложился в иной знак.

— Думаю, это лучше всего, — согласился мистер Дии. — Если испугать его до полусмерти, он раз и навсегда забудет свои бухгалтерские бредни. Да, жестоко — но лучше, чем Борбас.

Струйка дыма отчетливо кивнула и потекла к комнате мальчика. Мистер и миссис Дии сели на диван.

Дверь в комнату Мортону распахнулась и, будто на чудовищном сквозняке, с треском захлопнулась. Мортон поднял взгляд, нахмурился и вновь склонился над книгами.

Дым принял форму крылатого льва с хвостом акулы. Страшилище взревело угрожающе, оскалило клыки и приготовилось к прыжку.

Мортон взглянул на него, поднял брови и стал записывать в тетрадь колонку цифр.

Лев превратился в трехглавого ящера, от которого несло отвратительным запахом крови. Выдыхая языки пламени, ящер двинулся на мальчика.

Мортон закончил складывать, проверил результат на абаке и посмотрел на ящера.

С душераздирающим криком ящер обернулся гигантской летучей мышью, испускающей пронзительные невнятные звуки. Она стала носиться вокруг головы мальчика, испуская стоны и пронзительные невнятные звуки.

Мортон улыбнулся и вновь перевел взгляд на книги.

Мистер Дии не выдержал.

— Черт побери! — воскликнул он. — Ты не испуган?!

— А чего мне пугаться? — удивился Мортон. — Это же дедушка!

Летучая мышь тут же растворилась в воздухе, а образовавшаяся на ее месте струйка дыма печально кивнула мистеру Дии, поклонилась миссис Дии и исчезла.

— До свиданья, дедушка! — попрощался Мортон. Потом встал и закрыл дверь в свою комнату.

— Все ясно, — сказал мистер Дии. — Парень чертовски самоуверен. Придется звать Борбаса.

— Нет! — вскричала жена.

— А что ты предлагаешь?

— Не знаю, — проговорила миссис Дии, едва не рыдая. — Но Борбас... После встречи с ним дети сами на себя не похожи.

Мистер Дии был тверд как кремень.

— И все же, ничего не поделаешь.

— Он еще такой маленький! — взмолилась супруга. — Это... это травма для ребенка!

— Ну что ж, используем для лечения все средства современной медицины, — успокаивающе произнес мистер Дии. — Найдем лучшего психоаналитика, денег не пожалеем... Мальчик должен быть чародеем.

— Тогда начинай, — не стесняясь своих слез, выдавила миссис Дии. — Но на мою помощь не расчитывай.

Все женщины одинаковые, подумал мистер Дии, когда надо проявить твердость, разносятся... Скрепя сердце он приготовился вызывать Борбаса, Демона Детей.

Сперва понадобилось тщательно вычертить пентаграмму вокруг двенадцатиконечной звезды, в которую была вписана бесконечная спираль. Затем настала очередь трав и экстрактов — дорогих, но совершенно необходимых. Оставалось лишь начертать Защитное Заклинание, чтобы Борбас не мог вырваться и уничтожить всех, и тремя каплями крови гиппогрифа...

— Где у меня кровь гиппогрифа?! — раздраженно спросил мистер Дии, роясь в серванте.

— На кухне, в бутылочке из-под аспирина, — ответила миссис Дии, вытирая слезы.

Наконец все было готово. Мистер Дии зажег черные свечи и произнес слова Снятия Оков.

В комнате заметно потеплело; дело было только за Прочтением Имени.

— Мортон, — позвал отец. — Подойди сюда.

Мальчик вышел из комнаты и остановился на пороге, крепко сжимая одну из своих бухгалтерских книг. Он выглядел совсем юным и беззащитным.

— Мортон, сейчас я призову Демона Детей. Не толкай меня на этот шаг, Мортон.

Мальчик побледнел и прижался к двери, но упрямо замотал головой.

— Что ж, хорошо, — проговорил мистер Дии. — БОРБАС!

Раздался грохот, полыхнуло жаром, и появился Борбас, головой подпирая потолок. Он зловеще ухмылялся.

— А! — вскричал демон громовым голосом. — Маленький мальчик!

Челюсть Мортона отвисла, глаза выкатились на лоб.

— Непослушный маленький мальчик, — просюсюкал Борбас и, рассмеявшись, двинулся вперед; от каждого шага сотрясался весь дом.

— Прогони его! — воскликнула миссис Дии.

— Не могу, — срывающимся голосом произнес ее муж. — Пока он не сделает свое дело, это невозможно.

Огромные лапы демона потянулись к Мортону; но мальчик быстро открыл книгу.

— Спаси меня! — закричал он.

В то же мгновение в комнате возник высокий, ужасно худой старик, с головы до пят покрытый кляксами и бухгалтерскими ведомостями. Его глаза зияли двумя пустыми нулями.

— Зико-пико-рил! — взвыл демон, повернувшись к незнакомцу. Однако худой старик засмеялся и сказал:

— Контракт, заключенный с Высшими Силами, может быть не только оспорен, но и аннулирован как недействительный.

Демона швырнуло назад; падая, он сломал стул. Борбас поднялся на ноги (от ярости кожа его раскалилась докрасна) и прочитал Главное Демоническое Заклинание:

— ВРАТ ХЭТ ХО!

Но худой старик заслонил собой мальчика и выкрикнул слова Изживания:

— Отмена, Истечение, Запрет, Немощность, Отчаяние и Смерть!

Борбас жалобно взвизгнул, попятился, нашаривая в воздухе лаз; сиганул туда и был таков.

Худой старик повернулся к мистеру и миссис Дии, забившимся в угол гостиной, и сказал:

— Знайте, что я — Бухгалтер. Знайте также, что это Дитя подписало со мной Договор, став Подмастерьем и Слугой моим. В свою очередь я, БУХГАЛТЕР, обязуюсь обучить его Проклятию Душ путем заманивания в коварную сеть Цифр, Форм, Исков и Репрессалий. Вот мое Клеймо!

Бухгалтер поднял правую руку Мортона и продемонстрировал чернильное пятно на среднем пальце. Потом повернулся к мальчику и мягким голосом добавил:

— Завтра, малыш, мы займемся темой «Уклонение от Налогов как Путь к Проклятию».

— Да, сэр, — восторженно просиял Мортон.

Напоследок строго взглянув на чету Дии, Бухгалтер исчез.

Наступила долгая тишина. Затем мистер Дии обернулся к жене.

— Что ж, — сказал он. — Если парень *так* хочет быть бухгалтером, то лично я ему мешать не стану.

ДЕМОНЫ

Проходя по Второй авеню, Артур Гаммет решил, что денек выдался погожий, по-настоящему весенний — не слишком холодный, но свежий и бодрящий. Идеальный день для заключения страховых договоров, сказал он себе. На углу Девятой стрит он сошел с тротуара.

И исчез.

— Видали? — спросил мясника подручный. Оба стояли в дверях мясной лавки, праздно глазея на прохожих.

— Что «видали»? — отозвался тучный краснолицый мясник.

— Вон того малого в пальто. Он исчез.

— Просто свернул на Девятую, — буркнул мясник, — ну и что с того?

Подручный мясника не заметил, чтобы Артур сворачивал на Девятую или пересекал Вторую. Он видел, как тот мгновенно пропал. Но какой смысл упорствовать? Скажешь хозяину: «Вы ошибаетесь», а дальше что? Может статься, парень в пальто и вправду свернул на Девятую. Куда еще он мог деться? Однако Артура Гаммета уже не было в Нью-Йорке. Он пропал без следа.

Совсем в другом месте, может быть, даже не на Земле, существо, именующее себя Нельзевулом, уста-

Печатается по изд: Шекли Р. Демоны: Паломничество на Землю. — М.: Мир, 1966. — Пер. изд: Sheckley R. The Demons: Untouched by Human Hands. Ballantine, N. Y., 1954

© Future Publishers, Inc., 1953

© Перевод на русский язык, Н. Евдокимова, 1966

вилось на пятиугольник. Внутри пятиугольника возникло нечто отнюдь не входящее в его расчеты. Гневным взглядом сверлил Нельзевул это «нечто», да и было отчего выйти из себя. Долгие годы он выискивал магические формулы, экспериментировал с травами и эликсирами, штудировал лучшие книги по магии и ведовству. Все, что усвоил, он вложил в одно титаническое усилие, и что же получилось? Явился не тот демон.

Разумеется, здесь возможны всяческие неполадки. Взять хотя бы руку, отрубленную у мертвеца: вовсе не исключено, что труп принадлежал самоубийце, — разве можно верить даже лучшим из торговцев? А может быть, одна из линий, образующих стороны пятиугольника, проведена чуть-чуть криво — это ведь очень важно. Или слова заклинания произнесены не в должном порядке. Одна фальшивая нота — и все погибло! Так или иначе, сделанного не вернешь. Нельзевул прислонился к исполинской бутыли плечом, покрытым красной чешуей, и почесал другое плечо кинжалообразным ногтем. Как всегда в минуты замешательства, усеянный колючками хвост нерешительно постукивал по полу.

Но какого-то демона он все же изловил.

Правда, создание, заключенное внутри пятиугольника, ничуть не походило ни на одного из известных демонов. Взять хотя бы эти болтающиеся складки серой плоти... Впрочем, все исторические сведения славятся своей неточностью. Как бы там ни выглядело сверхъестественное существо, придется ему раскошелиться. В чем, в чем, а в этом он уверен. Нельзевул поудобнее скрестил копыта и стал ждать, когда чудное существо заговорит.

Артур Гаммет был слишком ошеломлен, чтобы разговаривать. Только что он шел в страховую контору, никого не трогал, наслаждался чудесным воздухом раннего весеннего утра. Он ступил на мостовую на перекрестке Второй и Девятой — и... внезапно очутился здесь. Непонятно, где именно.

Чуть покачиваясь, он стал вглядываться в густой туман, застилающий комнату, и различил огромное чудище в красной чешуе; чудище сидело на корточках.

Рядом с ним возвышалось что-то вроде бутыли — прозрачное сооружение высотой добрых три метра. У чудища был усыпанный шипами хвост — им оно теперь почесывало голову — и поросячие глазки, которые уставились на Артура. Тот пытался поспешно отступить назад, но ему удалось сделать лишь один шаг. Он заметил, что стоит внутри очерченной мелом фигуры и по неведомой причине не может перешагнуть через белые линии.

— Ну, вот, — заметило красное страшилище, нарушив наконец молчание, — теперь-то ты попался.

Оно проговорило совсем другие слова, звуки которых были совершенно незнакомы Артуру. Однако каким-то образом он понял смысл сказанного. То была не телепатия: словно Артур автоматически, без напряжения переводил с чужого языка.

— По правде говоря, я немножко разочарован, — продолжал Нельзевул, не дождавшись ответа от демона, плененного в пятиугольнике. — Во всех легендах говорится, что демоны — это устрашающие создания пяти метров росту, крылатые, с крохотными головами, и будто в груди у них дыра, из которой извергаются струи холодной воды.

Артур Гаммет снянул с себя пальто: оно бесформенным промокшим комом упало ему под ноги. В голове мелькнула смутная мысль, что идея извержения холодных струй не так уж плоха. Комната напоминала раскаленную печь. Его серый костюм из твида успел уже превратиться в серую измятую мешанину из материи и пота.

Вместе с этой мыслью пришла примиренность с красным чудищем, с проведенными мелом линиями, которых не переступишь, с жаркой комнатой — словом, решительно со всем.

Раньше он замечал, что в книгах, журналах и кинофильмах герой, попавший в необычное положение, всегда произносит: «Ущипните меня, наяву такого не бывает!» или: «Боже, мне снится сон, либо я напился, либо сошел с ума». Артур вовсе не собирался изрекать столь явную бессмыслицу. Во-первых, он был убежден, что огромное красное чудище этого не оценит, во-вторых, знал, что не спит, не пьян и не

сшел с ума. В лексиконе Артура Гаммета отсутствовали нужные слова, но он понимал: сон — это одно, а то, что он сейчас видит, — совершенно другое.

— Что-то я не слыхал, чтобы в легендах упоминалось об умении сдирать с себя кожу, — задумчиво пробормотал Нельзевул, глядя на пальто, валиющееся у ног Артура. — Занятно.

— Это ошибка, — твердо ответил Артур.

Опыт работы страховым агентом сослужил ему сейчас хорошую службу. Артуру приходилось сталкиваться со всякими людьми и разбираться во всех возможных запутанных ситуациях. Очевидно, чудище пытaloсь вызвать демона. Не по своей вине оно наткнулось на Артура Гаммета и находится под впечатлением, будто Артур и есть демон. Ошибку следует исправить как можно скорее.

— Я страховой агент, — заявил он.

Чудище покачало огромной рогатой головой. Оно хлестало себя по бокам, с неприятным свистом расекая воздух.

— Твоя потусторонняя деятельность нисколько меня не интересует, — зарычал Нельзевул. — В сущности, мне даже безразлично, к какой породе демонов ты относишься.

— Но я же объясняю вам, что я не...

— Ничего не выйдет! — прорычал Нельзевул, подойдя к самому краю пятиугольника и свирепо сверкая глазами. — Я знаю, что ты демон. И мне нужен крутяк.

— Крутяк? Что-то я не...

— Я все ваши демонские увертки насквозь вижу, — заявил Нельзевул, успокаиваясь с видимым усилием. — Я знаю, так же как и ты, что демон, вызванный заклинанием, должен исполнить одно желание заклинателя. Я тебя вызвал, и мне нужен крутяк. Десять тысяч фунтов крутяка.

— Крутяк... — растерянно начал Артур, стараясь держаться в самом дальнем углу пятиугольника, по дальше от чудища, которое ожесточенно размахивало хвостом.

— Крутяк, или шмар, или волхолово, или фон-дер-пшик. Это все одно и то же.

«Да ведь оно говорит о деньгах», — вдруг дошло до Артура. Жаргонные словечки были незнакомы, но интонацию, с какой они выговаривались, ни с чем не спутаешь. Кругляком, несомненно, называется то, что служит местной валютой.

— Десять тысяч фунтов не так уж много, — продолжал Нельзевул с хитрой ухмылочкой. — Во всяком случае, для тебя. Ты должен радоваться, что я не из тех кретинов, кто клянчит бессмертия.

Артур обрадовался.

— А если я не соглашусь? — спросил он.

— В таком случае, — ответил Нельзевул, и ухмылка его сменилась хмурой гримасой, — мне придется заколдовать тебя. Заключить в эту бутыль.

Артур покосился на прозрачную зеленую машину, возвышающуюся над головой Нельзевула. Широкая у основания, бутыль постепенно сужалась кверху. Если только чудище способно затолкать Артура внутрь, он никогда в жизни не протиснется обратно через узкое горлышко. А что чудище способно, в этом Артур не сомневался.

— Ну же, — сказал Нельзевул, снова расплываясь в ухмылке, еще более хитрой, чем была раньше, — нет никакого смысла становиться в позу героя. Что для тебя десять тысяч фунтов старого, доброго фондер-пшика? Меня они осчастливили, а ты это сделаешь одним мановением руки.

Он умолк, и его улыбка стала заискивающей.

— Знаешь, — продолжал он тихо, — ведь я потратил на это уйму времени. Прочитал массу книг, извел кучу шамара. — Внезапно хвост его хлестнул по полу, словно пуля, рикошетом отскочившая от гранита. — Не пытайся обвести меня вокруг пальца! — взревел он.

Артур обнаружил, что магическая сила меловых линий распространяется, по меньшей мере, на высоту его роста. Он осторожно прислонился к невидимой стене и, установив, что она выдерживает тяжесть, комфорtabельно оперся на нее.

Десять тысяч фунтов кругляка, размышлял он. Очевидно, это чудище — волшебник из боя весть какой страны. Быть может, с другой планеты. Своими за-

клинианиями оно пыталось вызвать демона, исполняющего любые желания, а вызвало его, Артура Гаммета. Теперь оно чего-то хочет от него и в случае неповиновения угрожает бутылкой. Все это страшно нелогично, но Артур Гаммет заподозрил, что колдуны по большей части народ алогичный.

— Я постараюсь достать тебе крутяк, — промямлил Артур, почувствовав, что надо сказать хоть слово. — Но мне надо вернуться за ним в... э-э... преисподнюю. Весь этот вздор с мановением руки вышел из моды.

— Ладно, — согласилось чудище, стоя на краю пятиугольника и плотоядно поглядывая на Артура. — Я тебе доверяю. Но помни, я могу тебя вызвать в любое время. Ты никуда не денешься, сам понимаешь, так что лучше и не пытайся. Между прочим, меня зовут Нельзевул.

— А Нельзевул вам случайно не родственник?

— Это мой прадед, — ответил Нельзевул, подозрительно косясь на Артура. — Он был военным. К сожалению, он... — Нельзевул оборвал себя на полуслове и метнул на Артура злобный взгляд. — Впрочем, вам, демонам, все это известно! Сгинь! И принеси крутяк.

Артур Гаммет исчез.

Он материализовался на углу Второй авеню и Девятой стрит — там же, где исчез. Пальто валялось у его ног, одежда была пропитана потом. Он пошатнулся — ведь в тот миг, когда Нельзевул его отпустил, он опирался на магическую силовую стену, — но удержал равновесие, поднял с земли пальто и поспешил домой. К счастью, народу вокруг было не много. Две женщины с хозяйственными сумками, ахнув, быстро зашагали прочь. Какой-то щеголевато одетый господин моргнул раз пять-шесть, сделал шаг в сторону, словно намереваясь что-то спросить, передумал и торопливо пошел к Восьмой стрит. Остальные то ли не заметили Артура, то ли им было наплевать.

Придя в свою двухкомнатную квартиру, Артур сделал слабую попытку забыть все произошедшее, как забывают дурной сон. Это не удалось, и он стал перебирать в уме свои возможности.

Он мог бы достать кругляк. То есть не исключено, что мог бы, если бы выяснил, что это такое. Вещество, которое Нельзевул считает ценным, может оказаться чем угодно. Свинцом, например, или железом. Но даже в этом случае Артур, живущий на скромный доход, совершенно вылетит в трубу.

Он мог бы заявить в полицию. И попасть в сумасшедший дом. Не годится.

Наконец, можно не доставать кругляк — и привести остаток дней в бутылке. Тоже не годится.

Остается одно — ждать, пока Нельзевул не вызовет его снова, и тогда уж выяснить, что такое кругляк. А вдруг окажется, что это обыкновенный навоз? Артур может взять его на дядюшкиной ферме в Нью-Джерси, но пусть уж Нельзевул сам позаботится о доставке.

Артур Гаммет позвонил в контору и сообщил, что болен и проболеет еще несколько дней. После этого он приготовил на кухоньке обильный завтрак, в глубине души гордясь своим аппетитом. Не каждый способен умять такую порцию, если ему лезть в бутылку. Он привел все в порядок и переоделся в плавки. Часы показывали половину пятого пополудни. Артур растянулся на кровати и стал ждать. Около половины десятого он исчез.

— Опять переменил кожу, — заметил Нельзевул. — Где же кругляк? — нетерпеливо подергивая хвостом, он забегал вокруг пятиугольника.

— У меня за спиной его нет, — ответил Артур, поворачиваясь так, чтобы стать лицом к Нельзевулу. — Мне нужна дополнительная информация. — Он принял непринужденную позу, опершись о невидимую стену, излучаемую меловыми линиями. — И ваше обещание, что, как только я отдаю кругляк, вы оставите меня в покое.

— Конечно, — с радостью согласился Нельзевул. — Так или иначе я имею право выразить только одно желание. Вот что, давай-ка я поклянусь великой клятвой Сатаны. Она, знаешь ли, абсолютно нерушима.

— Сатаны?

— Это один из первых наших президентов, — пояснил Нельзевул с благоговейным видом. — У него служил мой прадед Вельзевул. К несчастью... Впрочем, ты все и так знаешь.

Нельзевул произнес великую клятву Сатаны, и она оказалась необычайно внушительной. Когда он умолк, голубые клубы тумана в комнате окаймились красными полосами, а контуры гигантской бутыли зловеще заколыхались в тусклом освещении. Даже в своей более чем легкой одежде Артур обливался потом. Он пожалел, что не родился холодильным демоном.

— Вот так, — заключил Нельзевул, распрямляясь во весь рост посреди комнаты и обвивая хвостом запястье. Глаза его мерцали странным огнем — отблеском воспоминаний о былой славе.

— Так какая тебе нужна информация? — осведомился Нельзевул, вышагивая взад и вперед около пятиугольника и волоча за собой хвост.

— Опиши мне этот кругляк.

— Ну, он такой тяжелый, не очень твердый...

— Быть может, свинец?

— ...и желтый.

Золото...

— Гм, — пробормотал Артур, внимательно разглядывая бутыль. — А он никогда не бывает серым, а? Или темно-коричневым?

— Нет. Он всегда желтый. Иногда с красноватым отливом.

Все-таки золото. Артур стал задумчиво созерцать чешуйчатое чудище, которое с плохо скрытым нетерпением расхаживало по комнате. Десять тысяч фунтов золота. Это обойдется в... Нет, лучше над этим не задумываться. Немыслимо.

— Мне понадобится некоторое время, — сказал Артур. — Лет шестьдесят-семьдесят. Давайте вот как условимся: я сообщу вам сразу же, когда...

Нельзевул прервал его раскатом гомерического хохота. Очевидно, Артур пощекотал его остаточное чувство юмора, ибо Нельзевул, обхватив колени передними лапами, повизгивал от веселья.

— Лет шестьдесят-семьдесят! — проревел, захлебываясь, Нельзевул, и задрожала бутыль, и даже стороны пятиугольника как будто заколебались. — Я дам тебе минут шестьдесят-семьдесят! Иначе — крышка!

— Минуточку, — проговорил Артур из дальнего угла пятиугольника. — Мне понадобится чуть-чуть... Погодите! — У него только что мелькнула спасительная мысль. То была, несомненно, лучшая мысль в его жизни. Больше того, это была его собственная мысль. — Мне нужна точная формула заклинания, при помощи которого вы меня вызываете, — заявил Артур. — Я должен удостовериться в центральной конторе, что все в порядке.

Чудище пришло в неистовство и принялось сыпать проклятиями. Воздух почернел, и в нем появились красные разводы; в тон голосу Нельзевула сочувственно зазвенела бутыль, а сама комната, казалось, пошла кругом. Однако Артур Гаммет твердо стоял на своем. Он терпеливо, раз семь или восемь, объяснял, что заточать его в бутыль бесполезно — тогда уж Нельзевул наверняка не получит золота. Все, что от того требуется, — это формула, и она, безусловно, не...

Наконец Артур добился формулы.

— И чтобы у меня без штучек! — прогремел на прощание Нельзевул, обеими руками и хвостом указывая на бутылку. Артур слабо кивнул и вновь очутился в своей комнате.

Следующие несколько дней прошли в бешеных поисках по всему Нью-Йорку. Некоторые из ингредиентов магической формулы было легко отыскать, например веточку омелы в цветочном магазине, а также серу. Хуже обстояло с могильной землей и с левым крылом летучей мыши. По-настоящему в тупик Артура поставила рука, отрубленная у убитого. В конце концов бедняге удалось добыть и ее в специализированном магазине, обслуживающем студентов-медиков. Продавец уверял, будто покойник, которому принадлежала рука, погиб насильственной смертью. Артур подозревал, что продавец безответственно под-

дакивает ему, считая требование покупателя просто-напросто блажью, но тут уж ничего нельзя было поделать.

В числе прочих ингредиентов он приобрел большую стеклянную бутыль, и поразительно дешево. Все же у жителей Нью-Йорка есть кое-какие преимущества, заключил Артур. Не существует ничего — буквально ничего, — что не продавалось бы за деньги.

Через три дня все необходимые материалы были закуплены, и в полночь на третью сутки он разложил их на полу в своей квартире. В окно светила луна во второй фазе; насчет лунной фазы магическая формула не давала ясных инструкций. Казалось, все на мази. Артур начертил пятиугольник, зажег свечи, воскурил благовония и затянул слова заклинания. Он надеялся, что, пунктуально следя полученным указаниям, ухитрится заколдовать Нельзевула. Его единственным желанием будет, чтобы Нельзевул оставил его в покое отныне и навсегда. План казался безупречным.

Он приступил к заклинаниям; по комнате голубой дымкой расползся туман, и вскоре Артур увидел нечто, вырастающее в центре пятиугольника.

— Нельзевул! — воскликнул он. Однако то был не Нельзевул.

Когда Артур кончил читать заклинание, существо внутри пятиугольника достигло без малого пяти метров в высоту. Ему пришлось склониться почти до полу, чтобы уместиться под потолком комнаты Артура. То было создание ужасающего вида, крылатое, с крохотной головой и с дырой в груди.

Артур Гаммет вызвал не того демона.

— Что все это значит? — удивился демон и выбросил из груди струю холодной воды. Вода плеснула о невидимые стены пятиугольника и скатилась на пол. Должно быть, у демона сработал обычный рефлекс: в комнате Артура и так царила приятная прохлада.

— Я хочу, чтобы ты исполнил мое единственное желание, — отчеканил Артур. Демон был голубого цвета и невероятно худой: вместо крыльев торчалиrudиментарные отростки. Прежде чем ответить, он два раза похлопал ими себя по костлявой груди.

— Я не знаю, кто ты такой и как тебе удалось поймать меня, — сказал демон, — но это хитроумно. Это, бесспорно, хитроумно.

— Не будем болтать попусту, — нервно ответил Артур, про себя соображая, когда именно вздумается Нельзевулу вызвать его снова. — Мне нужно десять тысяч фунтов золота. Известного также под названиями кругляк, волхолово и фон-дер-пшик. — С минуты на минуту, подумал он, могу оказаться в бутылке.

— Ну, — пробормотал холодильный демон, — ты, кажется, исходишь из ложной предпосылки, будто я...

— Даю тебе двадцать четыре часа...

— Я не богат, — сообщил холодильный демон. — Я всего лишь мелкий делец. Но, может быть, если ты дашь мне срок...

— Иначе — крышка, — докончил Артур. Он указал на большую бутыль, стоящую в углу, и тут же понял, что в ней никак не поместится пятиметровый холодильный демон.

— Когда я вызову тебя в следующий раз, бутыль будет достаточно велика, — прибавил Артур. — Я не думал, что ты окажешься таким рослым.

— У нас есть легенды о таинственных исчезновениях, — раздумывал демон вслух. — Так вот что тогда случается! Преисподня... Впрочем, вряд ли мне кто-нибудь поверит.

— Принеси кругляк, — распорядился Артур. — Сгинь!

И холодильного демона не стало.

Артур Гаммет знал, что медлить больше суток нельзя. Возможно, и это слишком много, ибо никому неведомо, когда же Нельзевул решит, что время истекло. И уж вовсе неизвестно, что предпримет багрово-чешуйчатая тварь, если будет разочарована в третий раз. К концу дня Артур заметил, что судорожно сжимает трубу парового отопления. Много ли она поможет против заклинаний?! Просто приятно ухватиться за что-нибудь основательное.

Артур подумал, что стыдно приставать к холодильному демону и злоупотреблять его возможностями. Совершенно ясно, что это не настоящий демон —

не более настоящий, чем сам Артур. Что ж, он никогда не засадит голубого демона в бутылку. Все равно это не поможет, если желание Нельзевула не осуществится.

Наконец Артур снова пробормотал слова заклинания.

— Ты бы сделал пятиугольник пошире, — попросил холодильный демон, съеживаясь в неудобной позе внутри магической зоны. — Мне не хватает места для...

— Сгинь, — воскликнул Артур и лихорадочно стер пятиугольник. Он начертил его заново, использовав на этот раз площадь всей комнаты. Он оттащил на кухню бутыль (все ту же, поскольку пятиметровой не нашлось), забрался в стенной шкаф и повторил формулу с самого начала. Снова навис густой, колыкающийся синий туман.

— Ты только не горячись, — заговорил в пятиугольнике холодильный демон. — Фон-дер-шника еще нет. Заминка вышла. Сейчас я тебе все объясню. — Он похлопал крыльями, чтобы развеять туман. Рядом с ним стояла бутыль высотой в три метра. Внутри, позеленевший от ярости, сидел Нельзевул. Он что-то кричал, но крышка была плотно завинчена и ни один звук не проникал наружу.

— Выписал формулу в библиотеке, — пояснил демон. — Чуть не ошалел, когда она подействовала. Всегда, знаешь ли, был трезвым дельцом. Не признаю всей этой сверхъестественной муты. Однако надо смотреть фактам в лицо. Как бы там ни было, я закодировал вон того демона. — Он ткнул костлявой рукой в сторону бутыли. — Но он ни за что не хочет раскошечиваться. Вот я и заключил его в бутылку.

Холодильный демон испустил глубокий вздох облегчения, заметив улыбку Артура. Она была равносильна отсрочке смертного приговора.

— Мне в общем-то бутылка ни к чему, — продолжал холодильный демон, — у меня жена и трое детишек. Ты ведь знаешь, как это бывает. У нас сейчас кризис в страховом деле и все такое; я не

наберу десять тысяч фунтов крутяка, даже если мне дадут в подмогу целую армию. Но как только я уговорю вон того демона...

— О крутяке не беспокойся, — прервал его Артур. — Возьми только этого демона себе. Храни его хорошенько. Разумеется, в упаковке.

— Я это сделаю, — заверил синекрылый страховой агент. — Что же касается крутяка..

— Да бог с ним, — сердечно отозвался Артур. В конце концов, страховые агенты должны стоять друг за друга. — А ты тоже занимаешься пожарами и кражами?

— Я больше по несчастным случаям, — ответил страховой агент. — Но знаешь, я вот все думаю...

Внутри бутылки ярился, бушевал и сыпал ужасными проклятиями Нельзевул, а два страховых агента безмятежно обсуждали тонкости своей профессии.

Содержание

Язык любви

Девушки и Наджент Миллер. <i>Пер. С. Горева</i>	7
Бремя человека. <i>Пер. Р. Гальпериной</i>	20
Язык любви. <i>Пер. А. Шулейко</i>	38
Рыцарь в серой фланели. <i>Пер. В. Скороденко</i>	46
Страх в ночи. <i>Пер. А. Волнова</i>	61
Предварительный просмотр. <i>Пер. В. Бабенко</i>	66
Идеальная женщина. <i>Пер. А. Мельникова</i>	77
Вы что-нибудь чувствуете, когда я прикасаюсь? <i>Пер. И. Зивьевой</i>	82
Мой двойник — робот. <i>Пер. В. Баканова</i>	97

Справочник начинающего бизнесмена

Призрак V. <i>Пер. Н. Евдокимовой</i>	109
Лаксианский ключ. <i>Пер. А. Корженевского</i>	129
Необходимая вещь. <i>Пер. А. Ежкова</i>	141
Мятеж шлюпки. <i>Пер. Г. Косова</i>	154
Рейс молочного фургона. <i>Пер. Н. Евдокимовой</i>	170

Минимум необходимого

Минимум необходимого. <i>Пер. А. Вавилова</i>	189
Человекоминимум. <i>Пер. Н. Евдокимовой</i>	206
Похмелье. <i>Пер. Е. Коротковой</i>	244
Поднимается ветер. <i>Пер. Э. Кабалевской</i>	269

Земля, воздух, огонь и вода. <i>Пер. Н. Лобачева</i>	288
«Особый старательский». <i>Пер. А. Иорданского</i>	298
Заповедная зона. <i>Пер. Н. Галь</i>	326
Безымянная гора. <i>Пер. Б. Белкина</i>	347
Заяц. <i>Пер. Н. Евдокимовой</i>	365
Зацепка. <i>Пер. Н. Евдокимовой</i>	377
Я и мои шпики. <i>Пер. А. Русина</i>	391
Наконец-то один. <i>Пер. А. Кона</i>	407
На берегу спокойных вод. <i>Пер. А. Волнова</i>	415

Прикладная демонология

Царская воля. <i>Пер. Н. Евдокимовой</i>	423
Бухгалтер. <i>Пер. В. Баканова</i>	437
Демоны. <i>Пер. Н. Евдокимовой</i>	448

МИРЫ РОБЕРТА ШЕКЛИ

В восьми книгах

Книга седьмая

Составитель *А. Новиков*

Главный редактор *А. Захаренков*

Ответственный за выпуск *Е. Чутов*

Редактор *М. Проворова*

Технический редактор *К. Козаченко*

Корректоры *К. Вартанова, Е. Ошуркова*

Оператор компьютерной верстки *Н. Амосова*

Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*

Оформление: *Л. Булыкина, А. Бибанаев*

ЛР № 062455 от 23.03.93.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.06.94.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типогр. Гарнитура Балтика.

Печать высокая. Усл. печ. л. 24,36. Усл. кр.-отт. 25,83.

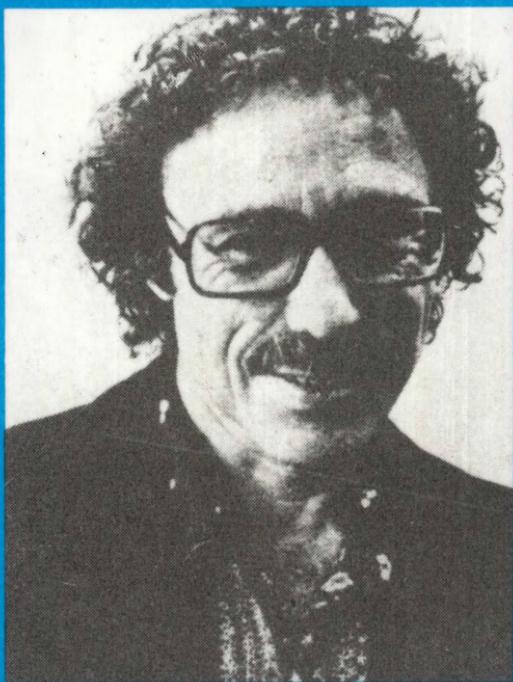
Уч.-изд. л. 24,20. Тираж 20 000 экз. Заказ № 4-204.

Издательская фирма «Полярис»,
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22.

«Фолио»,
310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.

Книжная фабрика им. М. В. Фрунзе,
310057, Харьков, ул. Донец-Захаржевского, 6/8.

РАССКАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПОЛЯРИС»
1994